

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
ЦЕНТР ЭТНОЛОГИЧЕСКИХ ИССЛЕДОВАНИЙ

И.В. АНТОНОВ

**ЭТНИЧЕСКАЯ
ИСТОРИЯ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА
В XIII – НАЧАЛЕ XV ВВ.**

(историко-археологическое исследование)

Уфа – 2006

РОССИЙСКАЯ АКАДЕМИЯ НАУК
УФИМСКИЙ НАУЧНЫЙ ЦЕНТР
Центр этнологических исследований

И. В. АНТОНОВ

ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В XIII – НАЧАЛЕ XV ВВ.
(историко-археологическое исследование)

Уфа – 2006

УДК 947(470.4+470.5)«12»/«14»:902(470.4+470.5)«12»/«14»

ББК 63.3(2)43(235.54/55):63.4(2)(235.54/55)

A72

Рецензенты

доктор исторических наук, профессор *В. А. Иванов*,
кандидат исторических наук, доцент *И. В. Кучумов*

Книга издана при финансовой поддержке
Фонда фундаментальных исследований
Академии наук Республики Башкортостан

Рекомендовано к печати Ученым советом ЦЭИ УНЦ РАН
(протокол № 3 от 26.05.2005 г.)

Антонов И. В.

A72 Этническая история Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. (историко-археологическое исследование) / И. В. Антонов; ЦЭИ УНЦ РАН. Уфа: РА «Информреклама», 2006. 238 с.: табл.; карт.

ISBN 5-902870-04-6

Монография посвящена истории Волго-Уральской историко-этнологической области в эпоху Золотой Орды. Этот период характеризуется тесным этнокультурным взаимодействием финно-угорского, тюркского и восточнославянского населения и формированием современных башкир, татар и чувашей. На основе анализа нарративных и археологических источников реконструируется этнический состав, этнокультурная карта и этнополитическая история региона в XIII – начале XV вв.

Для историков, археологов, этнологов, студентов и аспирантов, изучающих курс этнологии Волго-Уральского региона, всех, интересующихся средневековой историей нашего края.

УДК 947(470.4+470.5)«12»/«14»:902(470.4+470.5)«12»/«14»
ББК 63.3(2)43(235.54/55):63.4(2)(235.54/55)

ISBN 5-902870-04-6

© Антонов И. В., 2006

© РА «Информреклама», 2006

СОДЕРЖАНИЕ

ВВЕДЕНИЕ.....	5
ГЛАВА I. Этнический состав населения Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв.	
41 Население степной зоны Волго-Уральского региона.....	13
51 Население лесостепной зоны Волго-Уральского региона.....	50
ГЛАВА II. Динамика этнокультурной карты Волго-Уральского региона XIII – начала XV вв.....	84
ГЛАВА III. Этнополитическая история Волго-Уральского региона в эпоху Золотой Орды	
41 Волго-Уральский регион в эпоху монгольского нашествия и образования Золотой Орды (20 – 40-е годы XIII в.).....	140
51 Волго-Уральский регион в эпоху расцвета Золотой Орды (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.).....	163
61 Волго-Уральский регион в эпоху распада Золотой Орды (вторая половина XIV – начало XV вв.).....	178
ЗАКЛЮЧЕНИЕ.....	207
СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ.....	209
ПРИЛОЖЕНИЕ	
<u>Приложение 1</u>	
<i>Таблица 1.</i> Башкирская этнонимия в письменных источниках.....	210
<i>Таблица 2.</i> Хронология.....	211
<i>Таблица 3.</i> Известные факты военно-политической истории мордовского народа в XIII – первой половине XV вв.....	217
<u>Приложение 2</u>	
Подписи к картам.....	218
<i>Карта 1.</i> Волго-Уральский регион в конце XII – первой половине XIII вв.	227
<i>Карта 2.</i> Волго-Уральский регион во второй половине XIII – первой половине XIV вв.....	228
<i>Карта 3.</i> Волго-Уральский регион во второй половине XIV – начале XV вв.	229

<i>Карта 1А. Южный Урал</i> в конце XII – первой половине XIII вв.....	230
<i>Карта 2А. Южный Урал</i> во второй половине XIII – первой половине XIV вв.....	231
<i>Карта 3А. Южный Урал</i> во второй половине XIV – начале XV вв.....	232
<i>Карта 4. Этническая территория</i> мордовского народа в XIII-XV вв.....	233
<i>Карта 5. Булгарские памятники XIII-XIV вв.</i> в Западном Приуралье.....	234
<i>Карта 6. Археологические памятники</i> XIII–XIV вв., предположительно связываемые с древними башкирами.....	235
<i>Карта 7. Погребальные памятники</i> степных кочевников в волго-уральской лесостепи.....	236
<i>Карта 8. Пункты расселения</i> славянского населения в Волго-Уральском регионе.....	237

ВВЕДЕНИЕ

В современной науке уже стало традиционным объединять народы Среднего Поволжья и Южного Урала в единую историко-этнологическую (историко-этнографическую) область (ИЭО) под названием Урало-Поволжская¹ или Волго-Уральская².

В 1998 г. Р.Г. Кузеев предложил новый термин «Волго-Камско-Уральско-Зауральский (или Западно-Сибирский) регион»³, который, по его словам, занимает пространство «от Оки на западе до Тобола на востоке, от Перми и Вятки на севере до притоков Дона и Волго-Яицкого междуречья на юге»⁴.

В настоящее время приоритетным направлением в науке является выявление основных особенностей этнических процессов в различные периоды истории рассматриваемой ИЭО в целом. Одним из таких важных, но все еще недостаточно изученных периодов, является эпоха Золотой Орды, которая характеризуется тесным взаимодействием всех трех основных компонентов современного населения области – финно-угорского, тюркского и славянского.

Истоки финно-угорских народов региона восходят к гораздо более раннему времени. Так, «формирование этнического облика, основ и особенностей марийской культуры происходит в середине I тыс. н. э.»⁵. Культурные комплексы, которые непосредственно можно связать с эрзей и мокшей, складываются с V в. н. э.⁶. Эрзя до XVI в. занимала северные районы мордовской территории, ограниченные с запада Окаю, с севера Волгой, с востока Сурой, а с юга Алатырем и нижним течением Мокши, а мокша – юго-западные, ограниченные с запада Цной, с юга верховьями Вороны, Хопра и Медведицы, а с востока Инсаром и верхним течением Суры⁷ (карта 4). Из этого мы будем исходить при определении племенной

¹ Пименов В.В. Урало-Поволжская историко-этнографическая область (к проблеме изучения) // Проблемы типологии в этнографии. М., 1979. С. 40.

² Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 6.

³ Кузеев Р. Общества и народы: размышления о будущем // Истоки. Уфа, 1998. № 15. С. 2.

⁴ Кузеев Р.Г. Традиционное и современное в культуре народов // Ориенталика. Уфа, 1998. С. 111.

⁵ Никитина Т.Б. Основные итоги и перспективы археологического изучения средневековых мари // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 148.

⁶ Зеленев Ю.А. Грунтовые могильники волжских финнов и некоторые проблемы этнической истории // Этногенез и этническая история марийцев. Йошкар-Ола, 1988. С. 86.

⁷ Козлов В.И. Расселение мордвы. (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 8, рис. 1.

принадлежности мордвы, упоминаемой в письменных источниках (таблица 3). Коми-пермяков и коми-зырян относят к Северной или Ладожско-Печорской ИЭО¹. Исследователи отмечают близкое сходство материалов родановской и вымской культур, оставленных предками этих народов². В ходе исторического развития они были особенно близки между собой, являясь «ближайшими родственниками» по языку и происхождению. «До середины II тысячелетия н. э. оба эти народа говорили на общем языке»³. Удмурты в составе этноязыковой группы финно-пермяков занимают несколько обособленное положение, что позволяет считать их одним из народов Волго-Уральской ИЭО.

Пожалуй, наиболее сложной и противоречивой в историографии является проблема этногенеза поволжско-приуральских татар, так как здесь можно говорить о наличии принципиально разных, порой взаимоисключающих, концепций. По классификации Д.М. Исхакова, в современной исторической науке Татарстана сформировались два идейных течения, представители которых обозначены им терминами «булгаристы» и «татаристы». «Татаристы» по вопросу о роли булгарского наследия подразделяются на «умеренных» и «радикальных»; вторые, в отличие от первых, считают эту роль несущественной или вовсе отрицают ее. Радикальное крыло существует и у «булгаристов»⁴. Его представители создали общество «Булгар аль Джадид», которое преследует цель переименования татар в булгары, против чего выступают «татаристы», даже те из них, кто не отрицает в основном булгарскую теорию происхождения татар, т. е. умеренные⁵. В 1995 г. «булгаристы» издали сборник «Материалы по истории татарского народа», один из авторов которого утверждает: «В действительности, в XV в. никакая новая народность не образовалась, а продолжала свое существование и переживала следующий этап своего развития та же, но уже более развитая булгарская народность»⁶. «Татаристов» «булгаристы» обвиняют в идеализации Золотой Орды⁷.

В советской исторической науке почти безраздельно господствовал «булгаризм». Исключения были очень редки, но они все же имели место. Так, М.Г. Сафаргалиев в 1960 г. писал: «Участие же так называемых татар Золотой Орды при образовании казанских татар было несомненно». При

¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 40, примеч. 32.

² Жеребцов Л.Н. Формирование этнической территории коми (зырян). Сыктывкар. 1977. С. 10; Буров Г.М. Происхождение коми-зырян в свете новых археологических данных // Материалы VI Международного конгресса финно-угроведов. М., 1989. Т. 1. С. 21.

³ Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 42.

⁴ Исхаков Д.М. О концептуальных проблемах татарской исторической науки и задачах журнала «Tatarica» // Tatarica. Казань, 1997/98. № 1. С. 6, 12, примеч. 9.

⁵ Закиев М.З., Кузьмин-Юмануди Я.Ф. Волжские булгары и их потомки. М., 1993. С. 6-7.

⁶ Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 217.

Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань, 1997. С. 124.

этом автор ставил знак равенства между золотоордынскими татарами и половцами¹. Чувашский исследователь В.Д. Димитриев в образовании казанско-татарской народности видел результат ассимиляции кыпчаками-татарами, проникшими в Булгарию, местного населения². Но это лишь предварительный вывод, так как автор вынужден был признать, что кыпчакский компонент, как основной в этническом составе татар, их культуре и быте, ни этнографами, ни археологами пока еще не прослежен и не выделен³. Участие в этногенезе татар компонента, оправдывающего их название, таким образом, либо вообще умалчалось, либо сводилось целиком к кыпчакам, принявшим после монгольского завоевания наименование татар.

Р.Г. Фахрутдинов, в работах советского периода утверждавший, что «основу происхождения и формирования казанских татар составили волжские булгары»⁴, впоследствии несколько изменил свою позицию, отметив, что булгары явились лишь «одним из основных компонентов в сложении этноса казанских татар»⁵. М.А. Усманов полагает, что нет достаточного основания решать вопросы этногенеза казанских татар «лишь по принципу «или-или...», здесь более уместен принцип «и-и...»», имея в виду болгарский и кыпчакский компоненты⁶. З.З. Мифтахов в качестве ведущих этнических компонентов казанских татар выделяет поволжский – это волжские булгары и центральноазиатский – это древние татары⁷. В последнем случае более подходящим выражением представляется словосочетание «золотоордынские татары», употребляемое этим же автором⁸, ибо в Золотой Орде центральноазиатские татары, как традиционно считается, смешались с кыпчаками, которые тоже в какой-то мере явились предками казанских татар. Это и есть примеры умеренного «татаризма», который нам представляется наиболее объективным направлением в современной науке. Однако не следует упускать из внимания и финно-угорский компонент. Мы имеем в виду финно-угорскую подоснову тюркского населения Предкамья – основного района формирования этнической общности ка-

⁴ Сафаргалцев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996. С. 502.

⁵ Димитриев В.Д. Об основной аргументации теории чувашского этногенеза // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 29.

⁶ Там же. С. 33.

⁷ Фахрутдинов Р.Г. 1) Об анализе письменных источников по истории Волжской Булгарии (краткие выводы) // Исследования по источниковедению Татарии. Казань, 1980. С. 121; 2) Волжская Булгария и вопросы этногенеза татарского народа // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. С. 39-41.

⁸ Фахрутдинов Р.Г. Золотая Орда и ее роль в истории татарского народа // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 14.

⁹ Усманов М. О трагедии эпоса и трагедиях людских // Идегей: татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 250.

Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Казань, 1998. Ч. 1. С. 396.

Там же. С. 9.

занских татар. Участие в их этногенезе марийцев и удмуртов прослеживается по данным этнографии, антропологии, лингвистики и топонимии¹.

Чувашские исследователи в полемике с татарскими «булгаристами» делают выводы о том, что булгары были основным, то бишь преобладающим, компонентом чувашской народности², и что они заселяли территорию Чувашии уже с домонгольского времени³. Чувашским исследователям, которые «обличают» татарских «булгаристов», как видно, и самим не чуждо чрезмерное увлечение «булгаризмом».

Большой вклад в разработку темы внесли труды Р.Г. Кузеева по исторической этнологии. В книге «Происхождение башкирского народа» значительное место отводится этническим процессам золотоордынской эпохи на Южном Урале, определяются так: «Смешение и взаимодействие племен кыпчакской миграции с древнебашкирским этносом и расселение смешанных групп в пределах территории нынешней Башкирии привели к формированию этнокультурных признаков, которые лежат в основе современной этнической характеристики башкирского народа»⁴. «Кыпчакская миграция» – это условное понятие, которое не исчерпывается собственно кыпчаками. Имеется в виду, что мигранты пришли в наш край из Дешт-и-Кыпчака⁵. Кыпчакский этап в этнической истории башкир Р.Г. Кузеев в целом датировал XIII–XIV вв.⁶ Но XIII в. был «кульминацией кыпчакского наплыва в Башкирию»⁷. «Приток кочевников в Башкирию, постепенно ослабевая, продолжался до конца XIV в.»⁸. В книге «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» Р.Г. Кузеев дает несколько иную картину: «С усилением внутренних противоречий в Золотой Орде, с наступлением в этом государстве периода феодальной раздробленности, ускоренной и усугубленной борьбой Руси за независимость, развергивается миграция кыпчаков на периферии Золотоордынского государства – в Среднее Поволжье и на Южный Урал, Северный Кавказ, в Западную Сибирь, Казахстан, Двуречье, Крым, где один за другим на обломках некогда могущественной империи образуются новые государственные образования: Сибирское, Казахское, Узбекское ханства на востоке, Крымское, Казанское, Астраханское ханства, Ногайская Орда (Большая и Малая) на западе бывшей территории Золотой Орды»⁹. Здесь же Р.Г. Кузеев уточняет, что наиболее активные передвиже-

⁴ Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 58–60; Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 10.

⁵ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т. 1. С. 50; *Димитриев В.Д.* О последних этапах этногенеза чувашей // *Болгары и чувашы*. Чебоксары, 1984. С. 51.

⁶ *Каховский В.Ф.* Археология Волжской Болгарии и вопросы этногенеза чувашской народности // *Болгары и чувашы*. С. 71.

⁷ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 481.

⁸ Там же. С. 464.

⁹ Там же. С. 463.

Там же. С. 472.

Там же. С. 464.

¹⁰ *Кузеев Р.Г.* Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 314.

ния кыпчакских групп в Заволжье и на Южном Урале относятся ко второй половине XIV в.¹ Как раз во второй половине – конце XIV в. на юге современного Башкортостана появляется серия курганов кыпчакского типа (Бала-Чатырман, Аккулаево, Чулпан, Байгускарово, Юлдыбаево)², что свидетельствует о массовом передвижении тюркоязычных кочевников на север³. Для XIII в. столь представительного материала нет.

Р.Г. Кузеев убедительно показывает масштабность «кыпчакской» миграции на территорию Башкортостана: «Кыпчакский компонент (собственно кыпчакский, табынский, китайский, минский) охватил всю территорию расселения башкир, а кыпчакские родоплеменные названия стали составлять около 35% в общей родоплеменной этнонимии башкирского этноса»⁴. В настоящее время только одни башкиры-кыпсаки расселены в 242 населенных пунктах Урала и Юго-Западного Приуралья⁵. Кыпчаки оставили многочисленные следы в топонимии Башкирии⁶, что свидетельствует об их непосредственном пребывании здесь. Кроме того, одна из важнейших ролей в формировании современного башкирского этноса ныне отводится угорскому компоненту – потомкам чияликских и селеукских племен⁷.

А.М. Белавин указывает на недопустимость применения понятия «русские» к населению Древней Руси и Руси Московской, которое, по мнению некоторых исследователей, может заменить собой употребление названия древнерусской народности. Поскольку русские как этнос, имеющий это название, сложились лишь к XVII в., – считает А.М. Белавин, – «само такое название задает временной диапазон XVII-XX вв. и не ранее того»⁸. Это, конечно, резонное положение, но вряд ли стоит его абсолютизировать. Надо ли во всех случаях, относящихся к более раннему времени, вместо «русский» обязательно писать «древнерусский», ибо само собой разумеется, что речь здесь идет не о современном русском этносе как таковом? Тем более, что в источниках слово «древний» в отношении названий современных этносов никогда не употреблялось. Точно также, говоря, например, о древних башкирах, нет необходимости каждый раз подчерки-

¹ Там же. С. 75.

² Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Уфа, 1998. Гл. I. С. 5, 22.

³ Там же. Гл. III. С. 36.

⁴ Кузеев Р.Г. Кыпчакско-золотоордынский компонент в составе тюркских народов лесостепной Евразии // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 57.

⁵ Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа, 1994. С. 217.

⁶ Усманова М.Г. 1) Этнолингвистическая картина исторического Башкортостана по данным топонимии (этноним кыпсак и его вариации) // Язык, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. Казань, 1992. Т. I. С. 89-90; 2) Следы этнонима кыпсак в Сакмарском бассейне (юго-восточная территория исторического Башкортостана) // Урал-Алтай: через века в будущее. Уфа, 2005. С. 123.

Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. канд. дисс. Уфа, 1998. С. 24.

Белавин А.М. Об употреблении этнических имен и терминов в археологической литературе Урала // XIV УАС. Челябинск, 1999. С. 152.

вать, что это были именно древние, а не современные башкиры. Что же касается современного русского этноса, то его формирование началось, как известно, в XIV в.¹, т. е. в хронологических рамках рассматриваемого нами периода, так что термин «древнерусская народность» теперь уже не адекватен. Для настоящего исследования такие понятия, как «русские» и «славяне» являются синонимами и поэтому могут употребляться параллельно.

В историографии сложились два основных направления в определении понятия «колонизация». Одни исследователи рассматривают колонизацию как процесс миграции славянского населения на еще не освоенные земли, а другие акцентируют внимание на политическом аспекте данного процесса (имеется в виду подчинение этих земель древнерусской феодальной администрации). «Однако противопоставление двух основных точек зрения не является абсолютным. Для большинства работ, касающихся данной проблематики, характерно понимание того факта, что оба направления в реальной исторической ситуации сосуществовали»². Вместе с тем предлагается «разграничить понятия: «освоение» – как способ расселения на определенной территории пришлого населения, при котором эта территория и ее население (аборигенное и пришлое) остаются в социально-экономическом отношении независимыми от каких-либо социальных структур, базирующихся на других территориях (в нашем случае допускается подчинение этого населения золотоордынской администрации. – И.А.); и «колонизация» – как способ расселения, при котором данная территория и ее население попадают в социально-экономическую зависимость от социума, расположенного на другой территории, с которой и происходит приток населения»³. Кроме того, теоретически возможна и такая ситуация, при которой подчинение аборигенного населения не сопровождалось расселением среди него пришельцев.

Само понятие «колонизация» в данном случае имеет условный характер. Русскую колонизацию нельзя сравнивать с колонизацией европейцами Нового Света. Р.Г. Кузеев по этому поводу пишет: «В Северной Евразии нет «аборигенов» и «колонистов»; здесь субконтинент «коренных» народов. У всех народов Северной Евразии истоки происхождения языка и культуры там, где они и поныне живут»⁴.

В работах предшественников рассматриваемая тема исследовалась главным образом по данным археологии. Археологические памятники Волжской Булгарии всесторонне проанализированы Р.Г. Фахрутдиновым⁵, Южного Урала в целом – Н.А. Мажитовым⁶, В.А. Ивановым⁷ и А.Ф. Ями-

⁴ Русские. М., 1997. С. 16.

⁵ Археология Республики Коми. М., 1997. С. 651-652.

⁶ Там же. С. 652.

⁷ Кузеев Р.Г. Евразия: альтернативы теоретических подходов и перспективы изучения // Евразийство: проблемы осмысления. Уфа, 2002. С. 109.

⁸ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территории. Казань, 1975.

⁹ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977.

Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н. э.: автореф. докт. дисс. М., 1990.

новым¹, степной зоны Южного Урала – В.А. Ивановым и В.А. Кригером², а также В.П. Костюковым³, Нижнего Поволжья – Г.Н. Гарустовичем, А.И. Ракушиным и А.Ф. Яминовым⁴, волго-уральской лесостепи – Е.П. Казаковым⁵ и Г.Н. Гарустовичем⁶. Согласно Р.Г. Фахрутдинову, пришедший на смену домонгольскому золотоордынскому период делится на первую половину, которая датируется второй половиной XIII – первой половиной XIV вв., и вторую половину, которая датируется второй половиной XIV – первой половиной XV вв.⁷ В.А. Иванов и В.А. Кригер для кочевнических древностей Южного Урала позднего средневековья выделили домонгольский (XII – начало XIII вв.), золотоордынский языческий (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.) и золотоордынский мусульманский (середина XIV – начало XV вв.) периоды⁸. Эти же периоды были выделены на материалах кочевнических памятников Поволжья⁹. Единая периодизация (домонгольский, раннезолотоордынский и позднезолотоордынский периоды) дает нам возможность построения общей схемы этнической истории Волго-Уральского региона в целом, включая как его степную, так и лесостепную часть.

Осознавая всю важность археологических источников для нашей темы, мы не ставим перед собой задачи хронологизации и систематизации археологических памятников, ибо считаем, что такая работа уже была проделана предшественниками в объеме, вполне достаточном для написания обобщающего исследования по рассматриваемому региону в целом. Существует мнение, что «в деле изучения истории населения Южного Урала первой половины II тысячелетия анализ археологических источников имеет определяющее значение, поскольку сообщения нарративных источников малочисленны и фрагментарны»¹⁰. Если принимать во внимание лишь отдельные данные последних отрывочно друг от друга, как обычно и делалось до сих пор, то, действительно, может сложиться представление об их незначительной информационной емкости. Но мы считываем получить совершенно иную картину, поэтому придаем нарративным источникам не меньшее значение, чем археологическим. Цен-

¹ Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв.: канд. дисс. Уфа, 1995.

² Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988.

³ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. Уфа, 1997.

⁴ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998.

⁵ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978.

⁶ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс.

Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория.

Иванов В.А., Кригер В.А. Указ. соч. С. 27, 29-30, 39.

⁷ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 239-240, 242.

⁸ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. С. 7.

ность обоих видов этих источников при их сопоставлении значительно увеличивается.

Несмотря на большое количество введенных в научный оборот археологических памятников, их датировку и систематизацию, в археологии до сих пор остается множество проблем, не имеющих однозначного решения. Такие проблемы связаны, прежде всего, с определением этнической принадлежности носителей рассматриваемых памятников. Здесь археология не может обойтись без привлечения данных письменных источников. В то же время полагаться лишь на эти данные тоже нельзя. Так, на основании письменных источников констатируется «факт существования в XIII-XIV веках «страны башкир»», которая локализуется в лесостепных и горно-лесных районах Южного Урала¹. Однако до сих пор нет ясного представления о том, какие памятники, имеющиеся на этой обширной территории, можно считать принадлежащими башкирам золотоордынской эпохи.

Изучение проблем этнокультурной истории Волго-Уральского региона редко дополнялось изучением проблем его этнополитической истории. Единственными крупными обзорными работами в этом плане можно считать монографии Р.Г. Фахрутдинова², Н.А. Мажитова и А.Н. Султановой³.

Уже упоминавшаяся книга Р.Г. Кузеева «Народы Среднего Поволжья и Южного Урала» на сегодняшний день остается единственным обобщающим исследованием по этнической истории Волго-Уральского региона в целом и периода эпохи Золотой Орды в частности. Однако сам Р. Г. Кузеев отмечает, что данный период в этногенетическом и этнокультурном аспектах суммарно по отношению к нашему региону в литературе еще не рассматривался⁴. За истекшие более чем десять лет положение не изменилось. В попытке заполнить этот пробел и состоит научная новизна предлагаемой вниманию читателя монографии.

В процессе написания данной работы автору оказывали постоянную поддержку его коллеги из Центра этнологических исследований и Научной библиотеки УНЦ РАН, а также исторического факультета БГПУ. Хотелось бы выразить особую благодарность д. и. н., проф. А.Б. Юнусовой, д. и. н., проф. Г.Т. Обыденновой, д. и. н., проф. В.А. Иванову, д. г. н. А.В. Псянчину, к. и. н., доц. Н.Г. Рутто, к. и. н., доц. И.В. Кучумову.

¹ Яминов А.Ф. Южный Урал в системе географических представлений XIII-XIV вв. (по материалам письменных источников) // Наследие веков: охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995. Вып. I. С. 189.

² Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984.

³ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994.

⁴ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 313.

Глава I
**ЭТНИЧЕСКИЙ СОСТАВ НАСЕЛЕНИЯ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА В XIII – НАЧАЛЕ XV ВВ.**

1. Население степной зоны Волго-Уральского региона

Этническая неоднородность населения степной полосы Волго-Уральского региона явствует из типологической неоднородности известных там археологических памятников. В.А. Иванов и В.А. Кригер разделили погребальные памятники степной зоны Южного Урала XIII-XIV вв. на две локально-типологические группы: земляные курганы, представляющие собой простые земляные насыпи, и т. н. «каменные» курганы, представляющие собой насыпи, сооруженные с применением камня¹. Каменные курганы «локализируются в восточной предгорной части региона, от восточной излучины р. Урал до района устья рек Сакмары и Илека»², а земляные – «большой частью в районе западной излучины р. Урал»³.

В публикациях 1980-х гг. все эти курганы, несмотря на существовавшее уже тогда представление об их типологической неоднородности, трактовались как кыпчакские памятники. Наиболее показательна в этом отношении следующая цитата: «письменные и историко-этнографические источники вполне определенно изображают кыпчаков как ведущий субстрат, определявший этнокультурную ситуацию на Южном Урале и в Приуралье в XII-XVI вв.»⁴. Такое заключение строилось на следующих посылах. Во-первых, обращалось внимание на то, что элементы погребального обряда земляных и каменных курганов имеют многочисленные аналогии в погребальном обряде половцев-кыпчаков южнорусских степей, Казахстана, Средней Азии, Южной Сибири и Поволжья⁵. Во-вторых, исходя из этого, южноуральские курганы назывались памятниками кыпчакского типа или просто кыпчакскими⁶. В-третьих, в 1984 г. отмечалось, что «ни один из курганов XIII-XIV вв., известных на сегодняшний день в степях Южного Приуралья (или даже «на всем огромном пространстве Волго-Уральских степей». – И.А.), по своим типологическим признакам не выходит за рамки кыпчакского

¹ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XIII-XIV вв.). М., 1988. С. 43.

² Там же. С. 47.

³ Там же. С. 49.

⁴ Там же. С. 58-59.

⁵ Иванов В.А. Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал // Памятники кочевников Южного Урала. Уфа, 1984. С. 93; Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Дискуссионные проблемы этнической истории населения Южного Урала и Приуралья в эпоху средневековья // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 15

⁶ Иванов В.А., Кригер В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала // Вопросы древней и средневековой истории Южного Урала. Уфа, 1987. С. 113.

(половецкого) погребального обряда..., что, естественно, не оставляет сомнений относительно этнической принадлежности оставивших их кочевников»¹. В-четвертых, на основании вышеперечисленных пунктов подчеркивалось, что степную часть Южного Урала и Приуралья в золотоордынский период в этническом плане следует рассматривать как составную часть Дешт-и Кыпчака².

Иное мнение высказал Н.А. Мажитов, который появление курганов золотоордынского времени на Южном Урале связал «с одной из волн миграции населения из районов Южной Сибири или монгольских степей»³. Но впоследствии Н.А. Мажитов примкнул к традиционной точке зрения: эти курганы были условно названы им «памятниками кыпчакского типа»⁴. Г.А. Кушаев все эти памятники тоже приписывает кыпчакам⁵.

Однако для публикаций 1990-х гг. в целом столь однозначная трактовка уже не была характерна. Установленный коэффициент парного типологического сходства земляных и каменных курганов, который оказался равным 0,44, показал, «что объединение их в одну этнокультурную группу (кыпчакскую) было преждевременным»⁶. Поэтому рассматриваемые группы памятников были выделены в самостоятельные этнокультурные ареалы (ЭКА). Земляные курганы Южного Приуралья составляют один ЭКА вместе с царевской (Астраханской и южной части Волгоградской областей) и быковской (северной части Волгоградской, Саратовской и Самарской областей) группами курганов в Заволжье, а также курганами Волго-Донского междуречья⁷, в то время как, по данным позднейших полевых исследований в Актюбинской, Кустанайской и Тургайской областях, «восточные пределы ареала каменных курганов уходят далеко на восток от Мугоджар и южных отрогов Уральского хребта»⁸. Этническая принадлежность населения ЭКА земляных курганов Волго-Уралья В.А. Ивановым определяется как кыпчакская⁹. С кыпча-

¹ Иванов В.А. 1) Погребения кыпчаков в бассейне р. Урал. С. 96; 2) Путиами степных кочевий. Уфа, 1984. С. 99.

² Иванов В.А. Путиами степных кочевий. С. 99; Иванов В.А., Кригер В.А. Проблемы изучения средневековых кочевников Южного Урала. С. 113.

³ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. С. 114.

⁴ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 257.

⁵ Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. Уральск, 1993. С. 106.

⁶ Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика) // Кочевники урало-казахстанских степей. Екатеринбург, 1993. С. 160.

⁷ Яминов А.Ф. Формирование этнокультурной карты Южного Урала в XIII-XIV вв. // XIII УАС. Уфа, 1996. Ч. II. С. 125.

⁸ Иванов В.А., Яминов А.Ф. Погребальный обряд золотоордынского времени в Южном Приуралье (сравнительно-типологическая характеристика). С. 155.

⁹ Иванов В.А. 1) Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н. э.: автореф. докт. дисс. М., 1990. С. 40; 2) Три ста-

ками в таком случае не могут быть отождествлены носители каменных курганов¹. Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин и А.Ф. Яминов с кыпчаками из числа погребений Нижнего Поволжья связывают лишь относящиеся к типу VI (костяк человека, обращенного головой на восток, без костей коня, в простой яме), таких погребений там всего 12 из 174², что составляет 6,89%. Кыпчакам, таким образом, отводится более чем скромная роль. Наконец, по мнению В.П. Костюкова, интерпретация сколько-нибудь крупной группы погребений степной зоны Южного Урала как кыпчакской «будет находиться в очевидном противоречии с данными письменных источников»³. Поскольку культура кыпчаков как таковая в археологии не выделена, а разные авторы связывают с ними различные памятники, выявленные на обширном пространстве Дешт-и Кыпчака, вряд ли у кыпчаков вообще была единая в пространственном и временном отношении археологическая культура. Поэтому проблема их места в этническом составе населения Волго-Уральского региона, как и в целом улуса Джучи, должна решаться на материале прежде всего нарративных источников, причем их необходимо рассматривать не выборочно, так как их сведения слишком разнятся, а во всем объеме, введенном в научный оборот, что мы и попытались сделать в этом параграфе. Вначале считаем нужным проследить общую ситуацию в Золотой Орде, так как в Волго-Уральском регионе она не могла быть принципиально иной.

Данные нарративных источников об исторической судьбе кыпчаков после монгольского нашествия можно разбить на три группы. К первой группе относятся те сведения, согласно которым Дешт-и Кыпчак был полностью очищен от своего прежнего населения, т. е. кыпчаков. Одни из них были физически уничтожены, а остальным удалось спастись бегством. Сведения второй группы, наоборот, указывают на преемственность населения домонгольского и золотоордынского периодов. Из них мы узнаем, например, что кыпчаки служили в войсках ханов-Джучидов. В третьей группе совмещено и то и другое. Это наиболее полная и объективная информация.

Из источников первой группы сошлемся прежде всего на Ибн ал-Асира, согласно которому Субздай и Джэбэ перебили всех сопротивлявшихся им кыпчаков, другие укрылись в неприступных местах, а третьи ушли в страну русских⁴. Сходным образом пишет Рашид ад-Дин, который, видимо, пользовался сочинением Ибн ал-Асира⁵. Но эти сообще-

дии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 97.

¹ Иванов В. Три стадии кочевания в истории средневековых племен Урало-Волжских степей. С. 98.

² Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998. С. 277.

³ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. Уфа, 1997. С. 141-142.

⁴ Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. I. С. 12, 26.

⁵ См.: Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 229.

ния, конечно, не могут свидетельствовать в пользу мнения о полном оставлении Дешт-и Кыпчака прежним населением и заселении его пришельцами, так как ниже Ибн ал-Асир пишет, что татары, потерпев поражение от булгар, вернулись к своему царю Чингис-хану, «и освободилась от них земля кипчаков; кто из них спасся, тот вернулся в свою землю»¹.

Конечно, можно думать, что во второй половине 30-х гг. XIII в. повторилась та же самая картина, но кыпчакам теперь, однако, некуда было возвращаться, так как монголы остались в их степях. Некоторые другие источники как будто свидетельствуют в пользу этого предположения. Некто Альберт Кампензе писал, что монголы «заняли все земли выше Меотийских болот и Танаиса лежащие, вытеснив из них и почти совершенно истребив прежних обитателей», т. е. половцев². Абу-л-Гази в «Родословной туркмен» пишет, что кыпчаки, обитавшие к западу от Итиля, «расселись на [все] четыре стороны. Большинство из них ушло в юрт Черкесов и Туманов (? – И.А.)»³.

Но ведь завоеватели нуждались в достаточном количестве людей для непосредственной эксплуатации, помимо получения дани из лесостепных областей, где были оставлены прежние правители. А для последних разрешение кыпчакам, к которым они и так не были предрасположены, поселиться в своих владениях не сулило ничего хорошего со стороны завоевателей. В этой связи надо вспомнить, что монгольские послы, присланные к русским князьям в 1223 г., половцев называли конюхами и холопами своими и сказали: «И если прибегут половцы к вам, вы не принимайте их и прогоняйте от себя, а добро их берите себе. Ведь мы слышали, что и вам они много зла приносят, поэтому мы их также бьем»⁴. Бесспорно, что на новых местах кыпчаков ждали отнюдь не тепличные условия. Так, Ибн Тагрибирди рассказывает, что кыпчаки, узнав о намерении татар напасть на их земли, переселились в Валахию по соглашению с тамошним правителем, но «он нарушил свое обязательство в отношении к ним, сделал на них набег и избил да забрал в плен многих из них»⁵. В Венгрии, как известно, с кыпчаками обошлись не лучше. Кстати, ведь именно их принятием в королевское подданство Батый мотивировал свое вторжение в Венгрию. Накануне он писал королю Беле IV: «Узнал я..., что рабов моих куманов ты держишь под своим покровительством; почему приказываю тебе впредь не держать их у себя, чтобы

¹ Золотая Орда в источниках. С. 27.

² Матвей Меховский. Трактат о двух Сарматиях. М.; Л., 1936. С. 47, 68, 207, примеч. 10.

³ Кононов А.Н. Родословная туркмен: сочинение Абу-л-Гази, хана Хивинского. М.; Л., 1958. С. 44.

⁴ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. М., 1980. С. 36.

⁵ Золотая Орда в источниках. С. 241.

из-за них я не стал против тебя»¹. Жестокое обращение с ними в других странах и заставляло кыпчаков возвращаться назад, не оставляя им никакой другой перспективы. Убежав от монгольского гнета, они попадали под гнет местных правителей, что было несколько не лучше. А монголы в XIII в., по крайней мере, не принуждали их к переходу к оседлому образу жизни и обращению в чуждую для них религию, что было непременным условием поселения в какой-либо из европейских стран.

По-видимому, бежавшие кыпчаки попытались вернуться на родину уже после ухода основных монгольских сил в Венгрию и Польшу, о чем сообщает Рашид ад-Дин, согласно которому в 639 г. х. [12. VII. 1241 – 30. VI. 1242] «кыпчаки в большом числе пошли войною на Кутана (сына Угедея. – И.А.) и на Сонкура, сына Джучи, [которые] (очевидно, будучи оставлены для охраны тыла. – И.А.), дав сражение, разбили кыпчаков. Осенью [монголы] опять направились обратно, прошли через пределы Тимур-кахалка и местные горы и, дав войско Илавдуру, отправили его в поход. Он двинулся и захватил кыпчаков, которые, бежав, ушли в ту сторону»². Под «Железными воротами» в данном случае надо понимать название переправы через Дунай, которая «являлась для кочевников ключом к Юго-Восточной Европе»³. Цитата из источника указывает на то, что монголы не были заинтересованы в переселении прежних обитателей восточноевропейской степи куда-либо в другое место (в данном случае оно не совсем ясно, но дело не в этом). Масштабы кыпчакской миграции в XIII в., таким образом, не следует преувеличивать.

Надо обратить внимание на еще одно обстоятельство, нашедшее отражение в сведениях источников рассматриваемой группы. Ан-Нувеири рассказывает о нападении Джучи (по смыслу рассказа следует, что на самом деле это был Батый) на кыпчакское племя Дурут. При этом Джучи «большую часть их избил и захватил в плен. В это-то время купили их купцы и повезли их в разные города и земли»⁴. Разумеется, так монголы могли поступить не только с дурутами. Известно, что египетские султаны Бейбарс и Калавун были тюрками из кыпчакского племени Бурджоглы⁵. Из рассказа Ибн Халдуна следует, «что тюрки, находящиеся в Египетских землях, из кыпчаков»⁶.

Из сведений второй группы обратим внимание прежде всего на летопись Лубсан Данзана «Алтан тобчи» (XVII в.), где сказано, что Чингисхан «отделил своего сына Джочи, назначив его главным правителем

¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III. С. 88-89.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. II. С. 45-46.

³ Добролюбовский А.О., Руссев Н.Д. Новые аспекты изучения кочевнических древностей на западе Золотой Орды // Археологические исследования средневековых памятников в Днестровско-Прутском междуречье. Кишинев, 1985. С. 62

⁴ Золотая Орда в источниках. С. 240.

⁵ Там же. С. 235, примеч. 3.

⁶ Там же. С. 241.

кыпчаков»¹. Итак, Чингис-хан приказал своему старшему сыну управлять кыпчаками, а их истребление или вытеснение за пределы степной полосы, как выходит, отнюдь не входило в задачи Джучи. Надо полагать, что истреблялись лишь те, кто оказывал сопротивление, а из степи бежали те, кто не желал подчиниться монголам, но не имел средств для борьбы с ними.

В башкирском предании «Бурзяне во времена ханов» сказано: «После Чингиса и Батяя кыпчаки опять размножились и превратились в воинственный народ»². В другом варианте этого предания уточняется, что «после смерти Батяя кыпсаки *значительно* (курсив мой. – И.А.) размножились»³. В башкирском предании «Бошман-Кыпсак-батыр», приуроченном к эпохе монгольского нашествия, отмечается: «Кыпсаков было много, и они оказались живучими»⁴.

Рашид ад-Дин сообщает о приведении кыпчаков в покорность и подданство⁵. Из него известно и то, что кыпчаки находились в войсках Токтая и Баяна, т. е. как правого, так и левого крыла улуса Джучи⁶. Из кыпчаков в 1281 г. были созданы гвардейские формирования в империи Юань. «В 1322 г. их поделили на левый (восточный) и правый (западный) караулы». В 1328 г. в одном лишь левом карауле было десять тысяч семей кыпчаков⁷. Но кыпчаков использовали и в непривileгированных частях монгольской армии, что не сулило им ничего хорошего. Так, очевидец вторжения монголов в Венгрию писал о них: «С собой ведут много пленных, в особенности много вооруженных куманов (половцев), гонят их перед собой в бой и убивают, как только видят, что они не идут слепо в бой. Сами монголы не охотно идут в бой»⁸.

Теперь переходим к сведениям третьей группы. Марко Поло пишет, что «команы потеряли свои земли и были разогнаны по свету; а те, что остались на месте, были в рабстве у этого царя Саина (Батяя. – И.А.)»⁹. Более полная информация содержится у Плано Карпини: «Этих команов перебили татары. Некоторые даже убежали от их лица, а другие обращены ими в рабство; однако весьма многие из бежавших возвращаются к ним»¹⁰. С учетом последнего обстоятельства той частью кыпча-

¹ Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. С. 229.

² БПЛ. Уфа, 1985. С. 94.

³ БНТ. Уфа, 1987. Т. 2. С. 166.

⁴ БПЛ. С. 96.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 129.

⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 275.

⁷ Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани: 1223-1556. Казань, 2001. С. 42.

⁸ Хара-Даван Э. Чингис-хан как полководец и его наследие: культурно-исторический очерк Монгольской империи XII-XIV века // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996. С. 233.

⁹ Книга Марко Поло. М., 1955. С. 227-228.

¹⁰ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 50.

ков, что убежали, вернее, попытались спастись бегством, можно пренебречь. Продажа кыпчаков в другие страны – вот еще одно обстоятельство, пожалуй, единственное, не учтенное у Плано Карпини.

Английский летописец Матфей Парижский (XIII в.) в своей «Великой хронике» под 1241 г. приводит текст письма германского императора Фридриха II Гогенштауфена английскому королю Генриху III под заглавием «Послание императора о нашествии татар», где сообщается, что «они (татары. – И.А.) наголову разбили [куманов]. А тех, кого не спасло бегство, сразил их кровавый меч»¹. А ниже, под 1242 г., Матфей Парижский приводит текст «Послания доминиканского и францисканского монахов о татарах», где сказано, что в их войске много команов². Вот так в одном сочинении, хотя и скомпонованном из различных источников, нашли отражение оба подхода. Цитировать источники, отнесенные к первой и второй группам, в дальнейшем не рекомендуется, так как там содержится неполная информация.

Теперь немного о судьбе кыпчакской знати. Рашид ад-Дин сообщает, что Менгу-каан, бывший одним из руководителей монгольского похода на Европу, приказал доставить знатных кыпчаков в ставку великого хана³. Но он пишет и вот еще что. «Главою кыпчаков во времена Чингиз-хана был эмир из племени кыпчак по имени Кунджек, бывший старейшиной зонтикодержателей Чингиз-хана». Его сын Кумурбиш-Кунджи тоже находился на службе у монголов. «[Оба] они, [отец и сын], принадлежат к роду государей кыпчаков»⁴. Таким образом, часть кыпчакской знати перешла на службу к монголам, а другая, оказав сопротивление, была захвачена в плен.

Гильом де Рубрук уже в 50-х гг. XIII в. пишет о кыпчаках в прошедшем времени. Говоря о стране от Данубия до Танаида, он замечает: «В ней прежде пасли свои стада Команы, именуемые Капчат...». И далее: «Она вся заселена была Команами Капчат, равно как и дальше, от Танаида до Этилии...»⁵. Так было, поясняет ниже Рубрук, до занятия этих земель татарами⁶. Руи Гонсалес де Клавихо, посол испанского короля Генриха III ко двору Тимура, Тохтамыш⁷ и Едигея⁸ называет императорами Тарталии, а их подданных – татарами⁹. Но в улусе Джучи Клавихо не был, а о Тохтамыше и Едигее он пишет только в связи с их отношениями с Тимуром. Венецианский купец Иосафат Барбаро в рассказе о

¹ Матфей Парижский. Великая Хроника // «Русский разлив». М., 1996. Т. 1. С. 274.

² Там же. С. 292.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 1. С. 96.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 85.

⁶ Там же. С. 89.

⁷ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990. С. 72, 76, 115, 143, 144.

⁸ Там же. С. 151.

⁹ Там же. С. 144.

своем путешествии в Тану, где он жил с 1436 по 1452 г., употребляет названия «Татария» и «Кумания» параллельно. Однако оба они в данном случае относятся лишь к степи к западу от Волги¹. Барбаро пишет: «Если плыть по этой реке и направляться на северо-восток и на восток, следуя пути в Москву, то в продолжение пятнадцати дней (судя по предыдущему тексту, от Астрахани. – И.А.) вдоль берегов будут встречаться бесчисленные племена Тартарии». Далее «достигают пределов России»². Здесь все население Нижнего и Среднего Поволжья причислено к татарам.

В арабо-персидских источниках к вопросу об этническом взаимодействии кыпчаков с монголами имеет отношение прежде всего всем известная цитата из арабского автора XIV в. Ибн Фадлаллаха ал-Омари, лично не бывшего в Золотой Орде³. Из него напрашивается вывод, что пришельцы-татары были ассимилированы аборигенами-кыпчаками⁴, которые изображены, если можно так выразиться, победителями⁵. Однако этот постулат о довольно быстром смешении монголов и кыпчаков не находит подтверждения в других арабских же источниках. Так, Абу Абдаллах Мухаммед Ибн Баттута, путешествовавший во второй четверти XIV в. и побывавший в столице Золотой Орды – Сарае, пишет: «В нем [живут] разные народы, как то монголы – это [настоящие] жители страны и владыки [ее]; некоторые из них мусульмане; асы, которые мусульмане; кипчаки; черкесы; русские и византийцы, которые христиане. Каждый народ живет в своем участке отдельно; там и базары их»⁶. Получается, что кыпчаки отличались от монголов, равно как асы, черкесы, русские и византийцы. Монголы и кипчаки являлись разными народами, которые даже в крупнейшем городе государства (а условия городской жизни, как известно, особенно благоприятны для этнического смешения) жили обособленно друг от друга, что ограничивало контакты между ними даже в экономическом отношении (и у тех и у других свои базары), не говоря уже об этническом, что не просто не способствовало их смешению, но даже делало его по сути невозможным. Неудивительно поэтому, что на Южном Урале есть значительная часть погребений с северной ориентировкой (признак монгольской культурной традиции) в группе комплексов, надежно датированных серединой – второй половиной XIV в.⁷ Из сочинения ал-Мухибби известно, что египетские султаны называли хана Узбека в своей переписке с ним султаном монголов, кып-

¹ Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 137.

² Там же. С. 57.

³ См.: Золотая Орда в источниках. С. 105.

⁴ Кычанов Е.И. О некоторых обстоятельствах похода монголов на запад (по материалам «Юань ши») // ТС. М., 2002. С. 82.

⁵ Усманов М.А. Об особенностях раннего этапа этнической истории улуса Джучи // Там же. С. 103.

⁶ Золотая Орда в источниках. С. 143.

⁷ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 64.

чаков и (прочих?) тюрков¹. К сочинению ал-Омари примыкает летопись более позднего автора Ибн Хаджара ал-Аскалани, который Тохтамышпа называет властителем Сарая и Кыпчака, а его подданных – кыпчаками и сарайцами². Напротив, Ибн Арабшах, лично побывавший в Золотой Орде где-то в начале XV в., пишет об этой области как исключительно татарской, населенной разными тюркскими племенами³. Отсюда можно сделать вывод, что монголы, хотя и были в языковом отношении ассимилированы местными тюрками⁴, но применительно ко всей массе кочевого населения государства утвердился этноним «татары». В этом отношении показательна судьба мангытов, которых источники XV в. застали в междуречье Яика и Эмбы полностью тюркизированными⁵. У персидского летописца Шереф ад-Дина Йезди кыпчаки упоминаются еще под 1388 г.⁶

Возвращаясь к ал-Омари, надо обратить внимание на его такие показательные выражения, употребляемые относительно правителей Джучиева улуса, как султан кыпчакский, царь кыпчаков, хан царства Кыпчакского⁷. В этой связи интересно заметить, что египетский султан Руки ад-Дин Бейбарс, который сам по происхождению был кыпчаком, в своей летописи золотоордынских ханов всегда называет только татарскими царями, но ни в коем случае не кыпчакскими⁸. И это, конечно, не случайно, ибо как государственный деятель он был принужден считаться с современной ему этнополитической обстановкой. Отмеченное обстоятельство характерно и для многих более поздних арабских авторов – ан-Нувейри⁹, ал-Муфаддаля¹⁰, неизвестного автора биографии султана Эльмелик-Эннасыра¹¹, Ибн ал-Фората¹², Ибн Халдуна¹³, Шемседина Мухаммеда Ибн Аяса¹⁴, Ибн Арабшаха¹⁵. В то же время такие арабские авторы, как Ибн Шохба ал-Асади¹⁶ и Ибн Хаджар ал-Аскалани¹⁷, называют золотоордынских ханов кыпчакскими, но не татарскими царями.

¹ Золотая Орда в источниках. С. 158.

² Там же. С. 204.

³ Там же. С. 207.

⁴ См.: Султанов Т.И. Род Шибана, сына Джучи: место династии в политической истории Евразии // ТС. С. 16-17.

⁵ Трепавлов В.В. Мангут-Мангыт-Ногай: трансформация этноса и его имени // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. М., 1997. Т. III. С. 25.

⁶ Золотая Орда в источниках. С. 338.

⁷ Там же. С. 106.

⁸ Там же. С. 52, 55, 57, 59, 60, 65-66, 67, 68.

⁹ Там же. С. 82.

¹⁰ Там же. С. 94.

¹¹ Там же. С. 118.

¹² Там же. С. 165.

¹³ Там же. С. 169.

¹⁴ Там же. С. 204, примеч. 5.

¹⁵ Там же. С. 205.

¹⁶ Там же. С. 200.

¹⁷ Там же. С. 203.

Причем, оба они жили уже относительно поздно – в конце XIV – первой половине XV в.¹ У целого ряда других арабских авторов – ад-Дзехеби², Ибн Дукмака³, ал-Макризи⁴, Бадр ад-Дина ал-Айни⁵ – золотоордынские ханы называются параллельно как кыпчакскими – по-старому, так и татарскими – по-новому, царями. Некоторые арабские авторы – ал-Бирзали⁶, ал-Омари⁷ – ставят знак равенства между государством Джучидов и Дешт-и Кыпчаком (в написании В.Г. Тизенгаузена – Дешт-Кипчак) – понятием, заимствованным из сочинений персидских авторов. Многие арабские авторы – ал-Муфаддаль⁸, Ибн Касир⁹, Ибн ал-Форат¹⁰, ал-Калкашанди¹¹, Ибн Шохба ал-Асади¹², Ибн Арабшах¹³ – Золотую Орду называют царством Кыпчакским. Ал-Макризи Золотую Орду называет одновременно и кыпчакским¹⁴, и татарским¹⁵ царством. Хронист второй половины XIV – первой половины XV вв. Бадр ад-Дин ал-Айни упоминает «царство Татарское в странах Северных, Тюркских и Кипчацких»¹⁶. Здесь можно усмотреть намек на разграничение: царство Татарское – понятие политическое, а страны Кыпчакские – географическое.

Некоторые персидские авторы – неизвестный сочинитель «Истории Шейха Увейса» (третья четверть XIV в.), Низам ад-Дин Абд-ал-васи Шами (рубеж XIV-XV вв.), Муин ад-Дин Натанзи – автор «Анонима Искендера» (начало XV в.), Шереф ад-Дин Али Йезди (20-е гг. XV в.), анонимный автор «Родословия тюрков» (не ранее середины XV в.)¹⁷ – называют государство потомков Джучи Дешт-и Кыпчаком. К этому же ряду авторов можно причислить и Рашид ад-Дина, который пишет, что от потомков Джучи «происходят все государи и царевичи Дешт-и Кипчака»¹⁸. Токтая он называет «государем Кипчакского улуса»¹⁹. Наряду с этим в персидской исторической литературе все еще сохраняется наименование Дешт-и Хазар – у Хамдаллаха ибн Абу-Бекра Мустауфи Казвини (первая

¹ Там же. С. 200, 203.

² Там же. С. 98, 100 и примеч. 10.

³ Там же. С. 150, 154.

⁴ Там же. С. 190, 193, 194, 195, 197, 198, примеч. 8.

⁵ Там же. С. 221, 222, 223, 226, 231, 232.

⁶ Там же. С. 88.

⁷ Там же. С. 102.

⁸ Там же. С. 94.

⁹ Там же. С. 124.

¹⁰ Там же. С. 165.

¹¹ Там же. С. 188.

¹² Там же. С. 201.

¹³ Там же. С. 206.

¹⁴ Там же. С. 193.

¹⁵ Там же. С. 194.

¹⁶ Там же. С. 221.

¹⁷ Там же. С. 284, 288, 310, 328, 386.

¹⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 68.

¹⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1946. Т. III. С. 169.

половина XIV в.), у неизвестного автора «Продолжения Сборника летописей» (первая половина XV в.) и у Шереф ад-Дина Али Йезди оно употребляется параллельно с Дешт-и Кыпчаком¹. Примыкает к персидской традиции и Абу-л-Гази, согласно которому потомки Джучи-хана царствовали в Дешт-и Кыпчаке².

Обращаясь к русским летописям, надо отметить, что для них характерен учет этнополитической конъюнктуры. Так, Золотая Орда там, в выгодном отличии от арабо-персидских источников, никогда не называется Кыпчакскою (Половецкою) землею, а золотоордынские ханы – кыпчакскими (половецкими) царями. Этноним половцы после монгольского нашествия выходит из употребления за редкими исключениями. Так, во Владимирском летописце под 1252 г. сообщается, что Неврюй пришел на Русь с половцами³. При рассказе о битве на р. Воже в 1378 г. воины Бегича, пришедшие из Мамаевой Орды, располагавшейся, как известно, на правом берегу Волги, называются одновременно и татарами, и половцами⁴. В «Летописной повести о Мамаевом побоище» сказано, что Мамай в 1380 г. пошел на Русь «со всей силой татарской и половецкой»⁵. Термин «Орда» как синоним западноевропейской Тартарии и арабо-персидского Дешт-и Кыпчака, надо признать, очень точен. Он адекватно отражает процесс разложения родоплеменной структуры половецкого общества и образования государства в кыпчакской степи. Возможно, прежний термин «половцы» именно потому и перестал употребляться, ибо он ассоциировался со старым социально-политическим порядком и не отвечал новым реалиям.

Приведенные выше свидетельства письменных источников об исторической судьбе кыпчаков после монгольского нашествия не имеют непосредственного отношения к Волго-Уральскому региону. Они с разной степенью полноты освещают лишь ситуацию, которая имела место в южнорусских степях, к западу от Волги. Относительно же нашего региона интерес представляют прежде всего материалы башкирских шежере.

В «Шежере башкир племени Кыпсак» рассказывается о родоначальнике кыпчаков – Кыпчаке, который присоединил к себе «народы, обитавшие по Дону, Яику и Итилю», и «создал одно большое ханство». «Эта страна позднее стала называться страной Кипчак, а государство – государством Кипчак». Причем, «кипчаки в этих местах жили несколько столетий»⁶. Что же касается неких народов, обитавших там до кыпчаков,

¹ Золотая Орда в источниках. С. 274-275, 324-326, 328, 363.

² Родословное древо тюрков: сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906. С. 148.

³ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 92.

⁴ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 118; На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 127-128.

⁵ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 133.

⁶ БШ. Уфа, 1960. С. 95.

то речь, видимо, идет о местном субстрате, ассимилированном последними.

Аналогичная картина дается и в «Шежере башкир рода Кары-Кыпсак племени Кыпсак»: «Огуз-хан, предоставив Кычак-хану (т. е. Кыпчак-хану. – И.А.) многочисленные войска, отправил его ханом [в страны] по долинам рек Кик (или Тик, вероятно, Дон. – И.А.), Итиль и Яик... Все кипчакские роды состоят из потомков Кычак-хана. Поэтому [долины] этих великих рек называются кипчакскими землями»¹.

В «Огуз-наме» Фазлаллаха Рашид ад-Дина сказано, что Огуз приказал кыпчакам «достигнуть берегов Атиля и Йаман-Су и поселиться там, превратив тамошние края в свои *юрты*». И далее: «С этой поры кыпчаки расположились там *юртом* и эта страна была закреплена за ними»². Под р. Йаман-Су предполагается Урал (Яик)³. Поскольку цитируемая здесь «История огузов» «основана не на письменных источниках, а представляет собой произведение устного народного предания», вполне естественно, что в ней «переплетаются легенда и реальность»⁴. Здесь нашло отражение пространство, занятое кыпчаками, но в хронологическом плане ничего определенного не сказано. Когда кыпчаки поселились здесь – остается вопросом.

Абу-л-Гази в «Родословной туркмен», своем первом сочинении, пишет: «Со времен Огуз-хана и вплоть до времен Чингиз-хана на Тине, Итиле и Яике, на берегах этих трех рек, других илей, кроме кыпчакского, не было. Они жили в тех местах в течение четырех тысяч лет. Поэтому те места и называются *Дешт-и кыпчак* – Кыпчакская степь»⁵. Этот же отрывок автор повторяет и в своем втором сочинении – «Родословное древо тюрков»⁶. Здесь же дается и такое краткое резюме: «Кипчаки жили между реками Доном, Волгою и Яиком»⁷. Сходство данных башкирских шежере и сочинений Абу-л-Гази не должно удивлять, ибо последний «прекрасно знал народные предания, родословные племен, широко распространенные среди туркмен»⁸. Стало быть, в шежере как башкир, так и туркмен, имеются одни и те же сведения о территории расселения кыпчаков.

Вернемся к шежере башкир-кыпсаков: «Чингиз-хан в период своего нашествия... убийством и грабежом совсем уничтожил кипчакские племена.

Оставшиеся в живых разбрелись в разные стороны. Некоторые спасли свою жизнь, присоединившись в качестве воинов к орде татарского хана. [Те, которые] остались под властью татарских ханов и долгое

¹ Там же. С. 104.

² Фазлаллах Рашид ад-Дин. Огуз-наме. Баку, 1987. С. 62-63.

³ Там же. С. 107, примеч. 96.

⁴ Там же. С. 4-5.

⁵ Кононов А.Н. Указ. соч. С. 44.

⁶ См.: Родословное древо тюрков. С. 18.

⁷ Там же. С. 34.

⁸ Кононов А.Н. Указ. соч. С. 22.

время служили под властью мурзы Нугая, стали называться ногайским племенем. Все ногайцы живут в стране Кипчак»¹. «Шежере башкир племени Кыпсак», таким образом, наглядно подтверждает установившееся в историографии положение о том, что Ногайская Орда, по существу, «и состояла в основном из потомков половецкого населения, включенного в середине XIII в. в состав Золотой Орды»². В.В. Трепавлов констатирует, что «ни малейшего следа присутствия монголов среди предков ногаев не зафиксировано какими-либо источниками». Часть мангутов, получившая пастбища в восточном Деште, «была численно ничтожна по сравнению с массой аборигенов-кипчаков; и мангыты – это те кипчаки, которые оказались на землях, выделенных мангутам, а вовсе не сами мангуты или их тюркизировавшиеся потомки»³.

В «Родословной туркмен» Абу-л-Гази пишет, что после взятия хорезмской столицы «Джучи с приданными ему нукерами из Ургенча пошел в Дешт-и кыпчак. Кыпчакский народ собрался, и произошла битва. Джучи-хан победил и перебил [всех] попавших [ему] в руки кыпчаков; те из них, которые спаслись, ушли к иштыкам (башкирам. – И.А.). Большая часть иштыков теперь является потомками тех кыпчаков». И далее: «Джучи-хан, взяв в плен [всю] кыпчакскую молодежь, поселился в кыпчакском юрте»⁴. Значит, он перебил все-таки не всех попавших ему в руки кыпчаков. Пленные, очевидно, впоследствии использовались в армии. Так что здесь нет противоречия тому, что сказано об исторической судьбе кыпчаков в «Шежере башкир племени Кыпсак»: одни из них были уничтожены, другие вытеснены, а третьи, должно быть, зачислены во вспомогательное войско. Именно эта цитата обычно и принимается во внимание. Она даже послужила основанием для следующего вывода: «Земля иштыков или башкир в XIII в. действительно наводняется племенами с Дешт-и-Кипчака»⁵. То же самое место в «Родословном древе тюрков», которое почему-то никто не цитирует, звучит так: «Джучи-хан... отправился в Дешт-кипчак, подчинил себе *всех* (курсив мой. – И.А.) жителей этой степи»⁶, о бегстве которых к иштыкам здесь не говорится. Источником для Абу-л-Гази в данном случае, очевидно, послужили «Насирывы разряды» Джузджани, где сказано: «Тупи (Джучи. – И.А.) и Чагатай, управившись с делами хорезмские, обратились на Кипчак и Туркестан, покорили и заплотонили одно за другим войска и племена кипчакские и подчинили все [эти] племена своей власти»⁷. Здесь тоже ничего нет про иштыков. Джузджани, окончивший свое со-

¹ БШ. С. 95.

² Плетнева С.А. Кочевники Средневековья: поиски исторических закономерностей. М., 1982. С. 140.

³ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 487.

⁴ Кононов А.Н. Указ. соч. С. 44.

⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 464.

⁶ Родословное древо тюрков. С. 116.

⁷ Золотая Орда в источниках. С. 250.

чинение около 1260 г.¹, мог и не знать о кыпчакской миграции в Башкирию, если ее основной поток пришелся на более позднее время. Но Абул-Гази, живший в XVII в., очевидно, знал об этой миграции, но не знал, когда именно она имела место. Поэтому в «Родословной туркмен» и получилось совмещение двух событий, в чем автор, похоже, сам не очень-то был уверен, так что во втором сочинении упоминание об иштяках было опущено.

На каких же кыпчаков напал Джучи после завоевания Хорезма? Наверняка это было то кыпчакское владение, которое накануне монгольского нашествия занимало степи Западного Казахстана и Северного Приаралья². Эти кыпчаки имели свою правящую династию. Из биографии кыпчакского полководца армии Хубилая Тутуха, помещенной в китайской официальной истории «Юаньши», известно, что их предводитель по имени Инасы принял под свое покровительство бежавших от монголов меркитов. Монголы же, которым было отказано в выдаче беглецов, двинулись против кыпчаков. «Инасы в то время уже был очень стар, и в его владениях произошли большие беспорядки. Сын Инасы Хулусумань послал послов к Чингисхану, желая подчиниться, но Сянь Дзун (Джучи), получив ранее приказ, стал во главе армии и уже насадил на границы владений»³. Хулусумань отождествляется с Бачманом⁴. Абул-Фида повторяет Ибн Саида в том, что татары в войне с кыпчаками убедились в их храбрости и взяли их с собой в поход на Саксин⁵. Этот поход состоялся в 1229 г. и обернулся провалом (см. ниже). Союзниками монголов тогда, вероятно, являлись кыпчаки, подчинившиеся Бачману-Хулусуманю. Но потом этот Бачман, как известно, восстал против монголов и трагически погиб в жестокой борьбе с ними в 1237 г.

В «Шежере башкир племени Кыпсак» сказано, что потомок Кыпчака, прадед башкирских кыпсаков «Буга-бий умер во время господства татарских ханов, у него осталось двое сыновей. Первый Ямгурчы-бий, второй Кушкар-бий. Кушкар-бий после смерти отца взял с собой 60 шатров с людьми [и], перейдя через [реку] Итиль», обосновался на Яике и Сакмаре. «Позднее присоединился к нему Ямгурчы-бий; оба стали здесь биями. Потомки Кушкар-бия назывались кипчаками, потомки Ямгурчы-бия назывались ямгурчы-кипчаками [или] ногай-кипчаками. Кипчакский народ, расселившийся при впадении нашей Сакмары в Яик и по мелким речкам, впадающим в эти реки [т.е. в Яик и Сакмару], являются потомками Илэк-бия (единственного. – И.А.) сына Кушкар-бия»⁶. Таким образом, указание этого же шежере, уже приведенное выше, о том, что кыпчаки, оставшиеся в живых, разбрелись в разные сто-

¹ Там же. С. 255.

² *Ахинжанов С.М.* Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 206.

³ Там же. С. 226-227.

⁴ Там же. С. 231.

⁵ *Бартольд В.В.* География Ибн Саида // Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 111.

⁶ БШ. С. 95.

роны, не следует понимать в том смысле, что они обязательно должны были покинуть степную зону, т. е. Дешт-и Кыпчак.

Основной массив башкир-кыпсаков размещается в районе, ограниченном истоками Нугуша, Сакмары, Б. Ика и излучиной Белой¹, который находится как раз в непосредственной близости и несколько к северо-востоку от района расселения кыпчаков на Южном Урале в золотоордынское время – там, где Сакмара впадает в Урал. Кстати, в Южной Башкирии еще в недавнее время были распространены легенды и предания «о приходе кыпчаков из-за Волги в период установления монгольского владычества», в общем совпадающие со сведениям шежере башкир-кыпсаков². Надо полагать, что именно из Южной Башкирии кыпсаки проникли в другие места их современного обитания, прежде всего на северо-запад Башкортостана, двигаясь вниз по Белой.

«Шежере башкир племени Кыпсак» довольно четко обрисовывает историческую обстановку. Кыпчаки, обитавшие в степях Южного Урала, разделились на две части: ямгурчы-кыпчаки или ногай-кыпчаки там и остались, а кушкар-кыпчаки мигрировали на север и стали башкир-кыпсаками. «Казанский летописец» кочевые улусы мангатов (ногайцев) размещает как раз на Яике³. Сигизмунд Герберштейн тоже пишет, что ногаи живут «по реке Яику»⁴. В башкирском эпосе «Идукай и Мурадым» Туктамыш-хан обращается к Кыпсак-бию, «кто начало свое ведет от багыров Урала, Яика»⁵. Если полностью отрицать присутствие кыпчаков в составе населения степной зоны Южного Урала золотоордынского времени, то в таком случае невозможно объяснить наличие кыпчакского компонента современного башкирского этноса.

Сочинение испанского географа Ибн Саида (1212-1274) интересно для нас в данном случае тем, что оно помещает земли печенегов, команов (половцев) и кыпчаков к востоку от Волги. «Абу-л-Фида здесь буквально, почти без пропусков, выписывает слова Ибн Саида». Пространство между Каспийским и Аральским морями, по словам того же Ибн Саида, было населено гузами. В.В. Бартольд видит ошибку автора в одновременном упоминании команов и кыпчаков, которые в действительности якобы являлись одним и тем же народом⁶. А С.М. Ахинжанов кыпчаков и половцев рассматривает в качестве двух различных этносов, хотя и родственных друг другу⁷. Поэтому неудивительно, что в составе ногайцев имелись родоплеменные образования с названием не только

¹ Кузеев Р.Г. 1) Происхождение башкирского народа. С. 528, карта 18; 2) Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 172, рис. 15; Камалов А.А. Башкирская топонимия. Уфа, 1994. С. 218-219.

² БШ. С. 203.

³ ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 14, 211.

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 179.

⁵ БНТ. Уфа, 1999. Т. 10. С. 96.

⁶ Бартольд В.В. География Ибн Саида. С. 111.

⁷ Ахинжанов С.М. Указ. соч. С. 271.

«куман», но и «кыпшак»¹. В таком случае, исходя из данных Ибн Саида, надо предполагать перемещение команов в XIII в. из Причерноморья за Волгу. Ареал их обитания теперь действительно расширился именно в том направлении, так как в сочинении сицилийского географа ал-Идриси (1100–1165) восточная граница Кумании была проведена между Нижней Волгой и низовьями Дона². А указания Ибн Саида относительно печенегов и гузов очень интересны с точки зрения поиска огузо-печенежских реликтов в среде населения степей Заволжья и Западного Казахстана золотоордынского времени. Египетский ученый ал-Калкашанди (1355–1418) пишет, что граница Хорезма «связана с землями огузов с севера и запада»³.

В письменных источниках нашли отражение неблагоприятные природно-климатические условия южноуральских степей. Плано Карпини пишет, что «в земле кангитов» (канглов), находящейся восточнее Яика, «в очень многих местах, ощущается сильная скудость в воде, даже и население ее немногочисленно из-за недостатка в воде. Поэтому люди князя русского, Ярослава, ехавшие к нему в Татарскую землю, в большом количестве умерли в этой пустыне»⁴. У Ибн Баттуты имеется описание его пути из Сарая в Хорезм. «У этого города (Сарайчика. – И.А.) кончилась наша езда на лошадях, везущих арбы». «Для возки арб мы наняли верблюдов». Ибо дальше «не ездят на лошадях вследствие недостатка корма, арбы возят там только верблюды». «У едущих по этой степи в обычае быстрота [езды] вследствие недостатка свежей травы. Верблюды, которые пересекают ее [степь], большею частью погибают; теми из них, которые остаются [в живых], пользуются только на другой год, после того, как они потучнеют. Вода в этой степи [встречается] в известных водопоях через два-три дня; это вода дождевая и скопляющаяся в песчаной почве»⁵. А в степи севернее Танаидского моря, как заметил Рубрук, «трава отличная»⁶. Таким образом, куманы, покинув южнорусские степи, которые получают «дополнительное увлажнение от меридиональных токов черноморского воздуха»⁷, и переправившись через Волгу, оказались в гораздо более худших условиях обитания, чем раньше. Поэтому следует согласиться с высказанным в научно-популярной литературе положением, что это перемещение было произведено в административно-принудительном порядке, так как новые хозяева Дешт-и

¹ Сикалиев А. Древнетюркские письменные памятники и ногайцы // СТ. Баку, 1970. № 4. С. 132.

² Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. М., 1999. С. 181.

³ Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // ТС. С. 281.

⁴ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 50.

⁵ Золотая Орда в источниках. С. 144; ср.: Ибрагимов Н. Ибн Баттута и его путешествия по Средней Азии. М., 1988. С. 72.

⁶ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 85.

⁷ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 108.

Кыпчака сами нуждались в «жизненном пространстве» и не собирались терпеть никаких конкурентов¹.

Согласно среднеазиатским авторам XVII в. Абу-л-Гази и Махмуду ибн Вали, Шибан получил право на управление племенами буйрак, карлык, кушчи (кошчи), найман (мы их перечисляем просто в алфавитном порядке, так как последовательность ни о чем не говорит)². Этноним буйрак (буйрек) «не находит аналогов в тюркской этнонимике»³. Тем не менее, он сопоставим с названием одного из кыпчакских племен, упоминаемого в общем их перечне у арабских авторов ан-Нувейри в транскрипции «бурлы» и Ибн Халдуна в транскрипции «эльбули»⁴. Это племя известно нам «под именем ильбари в степях Западного Казахстана»⁵. Его представителем был Бачман⁶, которого Рашид ад-Дин называет эмиром «из народа кыпчаков, из племени олбурлик»⁷. Найманы в башкирском предании «Семиродцы» названы среди народов, живших южнее башкир в давние-предавние времена⁸. Из Абу-л-Гази известно, что в улусе Шибана были еще и уйгуры⁹.

Согласно Масуду ибн Усмону Кухистани, в состав улуса кочевых узбеков, т. е. государства Абу-л-Хайр-хана, «входили следующие племена: буркут (буйрак + «ут» – суффикс множественного числа в монгольском языке. – И.А.), кият, кошчи, ийджан, кунграт, ушун (усун?), утаджи, найман, джат, чимбай, карлук, кенегес (печенеги, возможно, имеются в виду канглы. – И.А.), дурман, курлаут, тубаи (табын? – И.А.), мангыт, кукуз, тангут, уйгур, хитай, таймас, эчки, туман-минг (мин. – И.А.)». «По словам Махмуда ибн Вали, в войске Абу-л-Хайр-хана были ополчения племен уйратов (ойратов. – И.А.), маджаров и кыпчаков»¹⁰. Странно, конечно, какие маджары могли обитать за Волгой в XV в.? Буйрак (ильбари) – одно из кыпчакских племен, которое главенствовало в их союзе на территории современного Западного Казахстана в домонгольскую эпоху и поэтому в улусе Шибана могло подменять собой понятие «кыпчак». Список Масуда ибн Усмана Кухистани с дополнениями Махмуда ибн Вали можно рассматривать как полный перечень племен улуса Шибана. Правда, не исключено, что Абу-л-Хайр-хан мог подчинить себе и

¹ Иванов В.А. Путиами степных кочевий. С. 128; Археология Южного Урала: курс лекций. Стерлитамак, 1992. С. 224-225.

² Родословное древо тюрков. С. 160; Ахмедов Б.А. Государство кочевых узбеков. М., 1965. С. 163.

³ Зуев Ю.А. Историческая протекция казахских генеалогических преданий. (К вопросу о сущности и пережитках триальной организации у кочевых народов Центральной Азии) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 78.

⁴ Золотая Орда в источниках. С. 240.

⁵ Ахинжанов С.М. Указ. соч. С. 262.

⁶ Там же. С. 231.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

⁸ БНТ. Т. 2. С. 112.

⁹ См.: Родословное древо тюрков. С. 163.

¹⁰ Ахмедов Б.А. Указ. соч. С. 16.

некоторые другие племена, которые не подчинялись прежним Шибанидам. Не все этнонимы в этом перечне известны науке, но, судя по тем, которые нам знакомы, в улусе Шибана преобладали племена центральноазиатского происхождения (кият, кошчи, кунграт, ушун, найман, карлук, дурман, тубан, мангыт, тангут, уйгур, хитай). Причем, некоторые из них – карлуки, уйгуры – могли поселиться на территории современного Западного Казахстана уже в домонгольское время¹. Но и кыпчаков, как видно, тоже не следует сбрасывать со счетов. Можно утверждать, что кыпчакский компонент в составе населения южноуральских степей после монгольского нашествия даже увеличился за счет миграции куманов из Причерноморья. Стоит прислушаться к мнению о том, что «кипчаки практически утратили домонгольское племенное деление и стали обозначаться посредством этнонимов тех монгольских племен, в нутагах (юртах) которых им довелось оказаться. Кочевавшие в нутаге мангутов стали мангытами, в зоне хонкиратов – кунгратами, найманов – найманами, керейтов – керейтами, или керейами»².

Предком башкирских табынцев считается Уйшин Майки-бий³, который, как сказано в «Шежере башкир рода Кара-Табын племени Табын», во времена Чингис-хана, «живя в местности Миадак в Уральских горах, кочевал в долине реки Миасс»⁴. К названию этой местности из современных населенных пунктов могут иметь отношение деревня Мидьяк недалеко от г. Миасса и рабочий поселок Миндяк Учалинского района Башкортостана⁵. Абу-л-Гази пишет о потомках Шибана в шестом поколении – братьях Ибрагиме и Араб-шахе, которые «вместе в одной земле и кочевали и имели свои станы; лето проживая при вершине Яика, а зиму при устье Сыра, они с приятностию провели свой век»⁶. Очевидно, в этих же местах в свое время кочевал и Уйшин Майки-бий, который у Рашид ад-Дина фигурирует как старший эмир из племени хушин, «по имени Хушидай-Байку. Чингиз-хан отдал его Джочи вместе с войском; он командовал правым крылом войска Бату»⁷. Согласно Махмуду ибн Вали, правым крылом войска Бату-хана командовал Шибан⁸, улус которого, очевидно, входил в состав правого крыла улуса Джучи. В улусе Шибана жили предки башкирских табынцев, изначально размещавшихся в Зауралье, в верховьях р. Уй⁹.

¹ См.: Кумеков Б.Е. Расселение карлуков по карте ал-Идриси (XII в.) // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). С. 11; Ахиянжанов С.М. Указ. соч. С. 195-196.

² Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. С. 490-491.

³ БШ. С. 165, 215.

⁴ Там же. С. 165.

⁵ Там же. С. 216-217.

⁶ Родословное древо тюрков. С. 162.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 172.

⁸ Асмедов Б.А. Указ. соч. С. 163.

⁹ БПЛ. С. 82.

Исследователями неоднократно обращалось внимание на совпадение признаков погребального обряда памятников Южного Зауралья (XIII-XIV вв.) с курганами кимаков Верхнего и Среднего Прииртышья (IX-XI вв.)¹. В последнее время наметилась тенденция к поиску аналогий каменным выкладкам зауральских захоронений «среди погребальных памятников Прибайкалья и Забайкалья, принадлежащих собственно монголоязычным этническим группам (Саянтуй, Ильмова падь и др.)»². Названные в качестве примера памятники составляют основную часть группы погребений Западного Забайкалья, которую Г.П. Сосновский назвал саянтуйской и датировал XIII-XIV вв., считая ее монгольской³. Сюда же надо отнести и могильник у д. Сибирь в Бурятии⁴. Поскольку данная группа синхронна зауральским каменным курганам, можно говорить лишь об общих генетических истоках этих двух сравниваемых групп памятников. Древности Бурятии X-XIII вв. объединяются в тапхарский тип⁵, основными памятниками которого являются могильники с сопки Тапхар и Телятниковский могильник⁶. Это культура курыкан⁷. Монголы на территории современной Бурятии расселились к XI в., хотя первое время они находились под влиянием более развитого в культурном отношении местного населения, т. е. тюрков, чем и объясняется «смешение тюркских и монгольских погребальных обрядов... в могильниках сопки Тапхар»⁸. Надо полагать, что со временем монгольский погребальный обряд одержал верх, что соответствует утверждению об ассимиляции курыкан монгольскими переселенцами⁹. В Восточном Забайкалье монгольскими памятниками XII-XIII вв. являются могильники в пунктах Чиндант и Будулан на р. Ононе¹⁰, причем погребения Чиндантского могильника по обряду и инвентарю идентичны захоронениям Тункинского могильника, введенного в научный оборот А.П. Окладни-

¹ Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области // Памятники кочевников Южного Урала. С. 115; Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н. э. С. 42; Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв.: канд. дисс. Уфа, 1995. С. 143.

² Яминов А.Ф., Гарустович Г.Н. Азнаевский погребальный комплекс как хронологический показатель и этнокультурный репер XIII в. // XIV УАС. Челябинск, 1999. С. 188.

³ Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). Улан-Удэ, 1970. С. 10-12.

⁴ Хамзина Е.А. Археологические памятники Бурятии. Новосибирск, 1982. С. 96-97.

⁵ Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). С. 82.

⁶ Там же. С. 103.

⁷ Там же. С. 123.

⁸ Там же. С. 124-125.

⁹ История Бурят-Монгольской АССР. Улан-Удэ, 1954. Т. I. С. 55.

¹⁰ Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). Новосибирск, 1984. С. 45-59, 112-113, таблица 3, с. 129-130.

ковым¹ и отнесенного Е.А. Хамзиной к тапхарскому типу памятников². В Прибайкалье к этому же времени относятся погребения Ангинского комплекса (в долине р. Анги)³, однотипные захоронениям Тункинского и Чиндантаского могильников⁴. Ангинский комплекс считается памятником монголоязычных предков бурят⁵.

Таким образом, памятники южносибирских кочевников домонгольского и имперского периодов (X-XIV вв.) были достаточно хорошо изучены в советской археологии. Можно выделить общие черты их погребального обряда. Это погребения под плоскими, как в саянградской группе, курганного типа, как в Чинданте и Будулане, и кольцевыми, как в Ангинском комплексе, каменными кладками преимущественно из плитняка в основном округлыми и овальными по форме. Захоронения часто совершались в гробовищах, преимущественно в колодах в основном из лиственницы. Для погребенных характерно положение вытянуто на спине, головой на север, северо-восток и восток, т. е. наблюдается ориентировка в северо-восточный сектор круга. Характерно также наличие разнообразного инвентаря (предметы вооружения, конской упряжи, быта, одежда и ее принадлежности, украшения) и костей животных (преимущественно баранов) в виде заупокойной пищи. Так было, в частности, во всех тапхарских погребениях, где рядом с человеком были положены косточки ног барана⁶.

У тюркских племен Забайкалья I тыс. н. э. существовал культ Востока, о чем «можно судить по ориентации большинства покойников головой на запад – соответственно лицом к востоку. Подобным образом поступали позднее монголы XII-XIV вв., которые, исходя из господствовавшего в их среде культа Юга, хоронили своих умерших головой на север – соответственно лицом к югу». Так стали хоронить всех покойников с начала II тыс. н. э. Для кимаков, которые тоже имели монгольское происхождение⁸, была характерна ориентировка на восток-северо-восток, восток и северо-восток. Иные случаи встречаются лишь в виде исключения, а ориентировка строго на север вообще не наблюдается⁹. В

¹ *Окладников А.П.* Очерки из истории западных бурят-монголов (XVII-XVIII вв.). Л., 1937. С. 284.

² *Хамзина Е.А.* Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). С. 103-104.

³ *Асеев И.В.* Прибайкалье в средние века (по археологическим данным). Новосибирск, 1980. С. 74-78, 135.

⁴ Там же. С. 68-71, 136.

⁵ Там же. С. 136, 142, 143.

⁶ *Хамзина Е.А.* Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). С. 118.

⁷ *Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В.* Указ. соч. С. 65-66.

⁸ *Ахинжанов С.М.* Указ. соч. С. 146.

⁹ *Ахсанова Ф.Х.* Погребения тюркского времени в Восточном Казахстане // Культура древних скотоводов и земледельцев Казахстана. Алма-Ата, 1969. С. 47-48; Археологические памятники в зоне затопления Шульбинской ГЭС. Алма-Ата, 1987. С. 115-243.

захоронениях под сооруженными с применением камня курганами Южного Зауралья XIII–XIV вв. имеют место случаи северной (10,7%), северо-восточной (10,7%), восточной (1,4%) и юго-восточной (0,7%) ориентации погребенных, но преобладает западная (47,9%), северо-западная (16,4%) и юго-западная (12,1%) ориентировка¹. Существует точка зрения, что «традиция ориентировок покойников является одной из устойчивых черт, слагающих систему этнокультурных ареалов»². Получается противоречие, но оно не является непреодолимым препятствием, так как из него легко выйти, сославшись на переход восточных пришельцев, оказавшихся после монгольского нашествия в Южном Зауралье, к исламской религии³.

Признаками, сближающими зауральские «каменные» курганы с памятниками южносибирских кочевников, являются каменные выкладки и оградки над могилами. Но остальные разновидности «каменных» курганов – беспорядочные наброски камня вперемежку с землей и «панцири»⁴ – аналогий в Южной Сибири не имеют. Но «панцири», как, впрочем, и оградки, характерны для погребального обряда кимаков⁵. Такой весьма важный для памятников Южного Зауралья XIII–XIV вв. признак, как сопровождение погребенного захоронением целого остова взнузданного и оседланного коня, положенного параллельно человеку, на востоке имеет аналогии только в курганах кимаков Верхнего Прииртышья IX–XI вв. В то же время значительное количество погребений как там, так и в Южном Зауралье, не имеет сопроводительных конских захоронений⁶. Для кочевников Южной Сибири этот обычай был скорее не правилом, а исключением. «Конь приносился в жертву, по-видимому, только в том случае, если умерший занимал особое положение в обществе». Ритуальное погребение коня на сопке Тапхар всего одно. Предполагается, что человек, с которым похоронили этого коня, был шаманом⁷. Напрашивается вывод, что приписывать памятники Южного Зауралья лишь одним выходцам из Южной Сибири вряд ли возможно, кимакский компонент тоже не следует сбрасывать со счетов.

Непреодолимым препятствием к отождествлению носителей каменных курганов с самими кимаками является хронологический разрыв

¹ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): автореф. канд. дисс. Уфа, 1997. С. 11.

² Боталов С.Г. Эпоха средневековья Урало-Ишимского междуречья /середина II – середина XIV вв./: канд. дисс. Уфа, 1994. С. 117.

³ См.: Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 60.

⁴ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). С. 43.

⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 43.

⁶ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). С. 45; Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 44.

⁷ Хамзина Е.А. Археологические памятники Западного Забайкалья (поздние кочевники). С. 120.

между ними, охватывающий по меньшей мере целое столетие. В письменных источниках кимаки позднее середины XI в. не упоминаются¹. Поэтому делается вывод, что носители каменных курганов по своему происхождению могли быть прямыми потомками кимаков². Под каким же этнонимом они скрывались в XIII-XIV вв.? В.П. Костюков присоединяется к мнению К.И. Петрова, который, «указывая на полное исчезновение из источников имени кимаков при появлении имени найманов, допускал вероятность смены одного названия другим»³. Но здесь было и еще одно, посредствующее звено, которое тоже не надо упускать из внимания. В первой половине XII в. кидани, разбитые чжурчжэнями и бежавшие от них на запад, среди потомков кимаков обрели пополнение для своей потрепанной и усталой армии, благодаря чему они усилились и создали кара-киданьское ханство в Семиречье⁴. Найманы в самом конце XII в. были разбиты Чингис-ханом и бежали на запад к кара-китаям. Здесь они одержали над последними верх и стали господствовать в их стране⁵. Сын найманского Таян-хана Кучлук в 1213 г. был единогласно признан гур-ханом кара-киданьской империи⁶. Смена политической обстановки сделала неактуальным дальнейшее употребление имени кимаков. Потомков его носителей вначале называли кара-китаями, а потом стали называть найманами. А затем монгольское нашествие смело государство Кучлука, бывшие подданные которого устремились на запад и в конечном итоге оказались в Южном Зауралье.

Есть и более дробная классификация южноуральских курганов XIII-XIV вв. по материалу, использованному в надмогильных сооружениях, «на 3 крупные группы: каменные – 38,3%, земляные – 32,1% и каменно-земляные – 26,4%»⁷. Каменные надмогильные сооружения были характерны для южносибирских кочевников, а каменно-земляные – для кимаков. В таком случае получается, что последним, несмотря на подчинение пришельцам, удалось избежать активного этнического смешения с ними и тем самым сохранить свой традиционный погребальный обряд. Однако в родоплеменной структуре современных тюркских народов не было зафиксировано подразделение с названием «кимак». Это говорит о том, что кимаки и сами утратили свой этноним, т. е. исчезли как этнос. Найманы не обитали в районе оз. Байкал, но их погребальный

¹ Кумеков Б.Е. Государство кимаков IX-XI вв. по арабским источникам. Алмата, 1972. С. 86-87.

² Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала.) СПб., 1994. С. 98.

³ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 143, примеч. 28.

⁴ Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. С. 211.

⁵ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 226.

⁶ Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства: легенда о «государстве пресвитера Иоанна» // Соч. М., 1994. Т. 1. С. 234.

⁷ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): автореф. канд. дисс. С. 6.

обряд, по-видимому, существенно не отличался от обрядов других монгольских племен, в том числе и тех, которые обитали в Прибайкалье и Забайкалье. Кроме того, надо иметь в виду, что бегством на запад пытались спастись не только найманы, но и многие другие монгольские племена, враждебные Чингис-хану.

Дж. де Плано Карпини пишет, что он проехал через «всю страну Команов», «имеющую четыре большие реки»: Днепр, Дон, Волгу и Яик¹. После этого он въехал «в землю Кангитов», о которых пишет, что их, также как и команов, истребили татары, поселившиеся в их земле, а те из кангитов, кто остались в живых, обращены татарами в рабов². «Из земли Кангитов мы въехали в землю Бисерминов (Хорезм. – И.А.)», – пишет далее Плано Карпини. – К этой земле с севера прилегает «часть земли черных Китаев и Океан. Там пребывает Сыбан (Шибан. – И.А.), брат Батыя». Затем путешественник въехал в самую «землю черных Китаев», которая принадлежит императору³. Шибан, стало быть, пребывал к северу от Аральского моря, т. е. в предгорьях Южного Урала, где и находятся каменные курганы. Земля кангитов находилась западнее этого района, но восточнее Яика, а это ареал земляных курганов.

Носителей каменных курганов можно считать предками башкирских катаяцев и табынцев, во-первых, потому, что эти племена имеют центральноазиатское происхождение: катаяцы этнически восходят к кара-китайам⁴, а родиной табынцев, как известно из их предания, был Алтай⁵, а во-вторых, потому, что башкирские катаяцы и табынцы расселились главным образом в Зауралье⁶, т. е. в непосредственной близости от ареала распространения каменных курганов.

Г. де Рубрук пишет, что к северу от Каспийского моря «находится та пустыня, в которой ныне живут татары. Прежде же там были некие команы, называвшиеся Кангле»⁷. В другом месте Рубрук указывает, что по всей земле к востоку от Волги «и еще дальше жили канглы, какие-то родственники команов»⁸. Кангле у Рубрука и кангиты у Плано Карпини, несомненно, один и тот же народ⁹.

Этноним канглы рассматривается «как переоформление имени кангар (кенгерес) в результате ассимиляции части печенежских племен кыпчакской конфедерацией»¹⁰. Согласно арабским авторам ан-Нувейри

¹ *Иоанн де Плано Карпини*. Указ. соч. С. 48.

² Там же. С. 50.

³ Там же. С. 51.

⁴ *Кузеев Р.Г.* Происхождение башкирского народа. С. 225.

⁵ БПД. С. 83.

⁶ *Кузеев Р.Г.* 1) Происхождение башкирского народа. С. 528, карта 18; 2) Историческая этнография башкирского народа. С. 172, рис. 15.

⁷ *Вильгельм де Рубрук*. Указ. соч. С. 95.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Там же. С. 194.

¹⁰ *Кляшторный С.Г.* Древнетюркские рунические памятники как источник по истории Средней Азии. М., 1964. С. 179.

и Ибн Халдуна, канглы (кангуоглы (или кангароглы) у первого и канааралы у второго) являлись одним из кыпчакских племен¹. С ними солидарен и Рубрук, называющий канглов команамы. Башкирские канглы входят в родоплеменную группу кыпсаков². У каракалпаков род канглы тоже входил в состав кыпчаков³.

Исходя из данных Плано Карпини и Рубрука, канглов, наряду с кыпчаками-ильбари, а также карлуками и уйгурами, надо признать автохтонным (с хронологической позиции XIII в.) компонентом кочевого населения южноуральских степей золотоордынской эпохи, который, по видимому, был достаточно представительным. Всплодствие этнимом канглы нашел место в родоплеменной структуре ногайцев⁴. Значит, в степи он бытовал и в рассматриваемый нами период. В таком случае Плано Карпини, в отличие от Рубрука, более точен. Вообще для этих двух авторов характерен совершенно разный подход к освещаемой ими проблеме: Рубрук, как выше отмечалось, и о команамы пишет в прошедшем времени, а Плано Карпини сообщает об обращении их татарами в рабство, причем его информация является более полной. В.П. Костюков относительно канглов, не исключая вообще их пребывания в улусе Шибана⁵, считает, что они не могли составлять там более или менее заметное этническое подразделение⁶. Однако Плано Карпини оно было замечено.

Г.А. Кушаев⁷ и В.П. Костюков⁸ указывают на наличие остатков огузо-печенежского населения среди носителей земляных курганов Южного Приуралья, а В.А. Иванов⁹ и А.Ф. Яминов¹⁰ – среди населения ЭКА земляных курганов Волго-Уралья в целом. Погребальный обряд этих памятников, действительно, очень близок огузо-печенежскому, что отнюдь не противоречит мнению об их принадлежности кыпчакам. Независимо от того, какой погребальный обряд они практиковали на своей исторической родине, придя в южнорусские степи, кыпчаки приобрели там такие его признаки, как захоронения под земляными насыпями, головой на запад и в сопровождении чучела коня, которые были характер-

¹ Золотая Орда в источниках. С. 240.

² Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 169.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 358.

⁴ Сикалиев А. Указ. соч. С. 132; Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 216; Калмыков И.Х., Керейтов Р.Х., Сикалиев А. И.-М. Ногайцы: историко-этнографический очерк. Черкесск, 1988. С. 21.

⁵ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 141.

⁶ Там же. С. 154.

⁷ Кушаев Г.А. Этюды древней истории Степного Приуралья. С. 106.

⁸ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 151.

⁹ Иванов В.А. Этнические процессы в степной и лесостепной полосе Южного Урала и Приуралья в VII-XIV вв. н. э. С. 40.

¹⁰ Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв. С. 136, 151.

ны для предшествовавшего огузо-печенежского населения¹, включенного теперь в состав кыпчакских орд². По данным лингвистики, язык кыпчаков XI-XIV вв., сохраняя в своей основе традиционные черты, в то же время приобрел некоторые общие черты с огузскими языками³. «Кипчаки были только организующей политической основой новой общности». «Новое объединение получило тюркское название «куманы», в переводе на славянский язык – «половцы»... По-видимому, разница между кипчаками и куманами-половцами была так велика, что переложение старого наименования на совершенно иную общность было невозможно для современников»⁴. Сложение нового этноса привело, естественно, и к сложению нового погребального обряда. Основная масса кочевнических погребений южнорусских степей половецкого периода (середина XI – середина XII в.) «имеет смешанный характер: печенего-торко-половецкий». «Однако наиболее устойчивым оказался печенежский обряд»⁵. В золотоордынское время в Поволжье вновь появляются характерные для печенежско-торкского мира погребения, что «свидетельствует о массовых переселениях кочевников в Поволжье с территории Поросья, Нижнего Дона, Приазовья»⁶.

Данные археологии, таким образом, не противоречат приведенным выше сведениям нарративных источников о переселении куманов (Ибн Саид их так и называет) в XIII в. на восток, за Волгу. В шежере же речь идет о кыпчаках. Так продолжали называть себя сами куманы, такое же название сохранилось и в памяти их потомков – кыпсаков. В рамки кыпчакской миграции на восток вписывается переселение части черноклобуцких племен в Поволжье, где в золотоордынский период появляются типы погребений БI – БIII (косяк человека, обращенного головой на запад, с костями коня над косяком человека, к северу от человека и к северу от человека на ступеньке) и БXII – БXIV (косяк человека, обращенного головой на запад, с остовом коня над косяком человека, к северу от человека и к северу от человека на ступеньке) – всего пять погребений, а также серьги IV (проволочные несомкнутые кольца с бичонической бусиной, с витками проволоки у бусины) и V (такие же, но с лучеобразными отростками на напускной бусине) типов, которые в домонгольское время были распространены только в Поросье и на Киевщине⁷. В курганах Южного Урала серьги таких типов не встречаются¹.

¹ Плетнева С.А. Половцы. М., 1990. С. 39.

² Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. С. 61.

³ Курьшжанов А.К. Махмуд Кашгари о кыпчакском языке // СТ. Баку, 1972. № 1. С. 59-60.

⁴ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. С. 61.

⁵ Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 218-219.

⁶ Шнайдитейн Е.В. Нашествие монголов и кочевники Нижнего Поволжья в XIII-XIV вв. // Археологические исследования Калмыкии. Элиста, 1987. С. 78-79.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М., 1966. С. 150, 152-153.

Так что черные клобуки в золотоордынский период на восток дальше Заволжья, очевидно, не продвинулись. Хотя среди погребений в земляных курганах Южного Приуралья имеются относящиеся к типам Б1, БII и БXIV², их совсем не обязательно приписывать черным клобукам. Скорее всего, они принадлежали либо канглам, либо куманам.

У ан-Нувейри одно из кыпчакских племен названо «Карабиркли»³. Это и есть те самые «черные шапки»⁴, которых Рашид ад-Дин под 1240 г. помещает рядом с Киевской землей⁵. У Ибн Халдуна искаженное «Кадкабиркли» тоже фигурирует в качестве одного из кыпчакских племен⁶. Типы погребений БXII – БXIV являются поздними вариантами поросских захоронений (конца XII–XIV вв.), им со временем уступают место погребения типов Б1 – БIII⁷. Известно, что в черноклобуцкий союз входили и половцы. Хотя они были там немногочисленны, проявляется их влияние на печенегов, которое выражалось в распространении погребений с целым остовом коня⁸. Самым многочисленным из племен каракалпаков в XIX – начале XX в. было племя кипчак⁹. Каракалпакский язык относится к кыпчакско-ногайской подгруппе кыпчакской группы тюркских языков¹⁰. Таким образом, данные письменных источников, археологии, этнографии и лингвистики указывают на то, что черных клобуков золотоордынского времени не следует противопоставлять кыпчакам.

Для земляных курганов можно подыскать аналогии и на востоке. В особую группу выделяются памятники Павлодарского Прииртышья, исследованные Ф.Х. Арслановой¹¹. Это земляные курганы Качирского II, Леонтьевского и частично Ждановского могильников. Погребенные не сопровождалась захоронениями коня, за исключением отдельных частей последнего – голень, ребро, а также остатков сбруи в некоторых могилах. Преобладает ориентировка костяков головой на запад с отклонениями, есть также случаи северной и южной ориентировки. Эти памятники принадлежат кыпчакам и датируются XI–XII вв.¹². Надо иметь в виду, что кыпчаки в XI в. «не все переселились на запад. Основные их поселения остались в Сибири и Казахстане, до берегов озер Зайсан и

¹ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). С. 17.

² Там же. С. 52, таблица 5.

³ Золотая Орда в источниках. С. 240.

⁴ История Каракалпакской АССР. Ташкент, 1974. Т. I. С. 91.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 45.

⁶ Золотая Орда в источниках. С. 240.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 150, 152.

⁸ Плетнева С.А. Древности Черных Клобуков. М., 1973. С. 21–22.

⁹ История Каракалпакской АССР. С. 91.

¹⁰ Там же. С. 100.

¹¹ Арсланова Ф.Х. Памятники Павлодарского Прииртышья (VII–XII вв.) // Новое в археологии Казахстана. Алма-Ата, 1968. С. 110–111.

¹² Степи Евразии в эпоху средневековья. С. 192–193.

Тенгиз»¹. Кыпчаки оставались на территории современной Павлодарской области и в золотоордынское время, о чем свидетельствует могильник Тасмола IV у г. Экибастуза².

Пришельцам из Павлодарского Прииртышья среди земляных курганов Волго-Уралья XIII-XIV вв. по классификации Г.А. Федорова-Давыдова могла принадлежать часть захоронений прежде всего отдела А (кость человека, обращенного головой на запад, без костей коня), а возможно, и отдела Д (кость человека, обращенного головой на север, без костей коня). Г.Н. Гарустович, А.И. Ракушин и А.Ф. Яминов отмечают, что более трети погребений наиболее представительного в Волго-Уральском регионе этого времени типа А1 (в простой яме) относится к числу памятников мусульманского золотоордынского периода, т. е. причины их распространения надо искать не в этническом, а в социальном плане (исламизация кочевников)³. Однако значительное количество погребений типа А1 относится и к языческому золотоордынскому периоду: среди южноуральских погребений и в этом периоде тип А1 является преобладающим⁴. Его ранние погребения, действительно, могли принадлежать пришедшим с востока кыпчакам, а впоследствии их количество увеличилось за счет исламизации кочевников. В.А. Иванов и В.А. Кригер не нашли в классификации Г.А. Федорова-Давыдова места для тех погребений, которые характеризуются простой могильной ямой, западной ориентировкой, наличием сбури и костей лошади. Они выделили четыре таких погребения, которые были совершены под земляными курганами⁵, и отнесли их к домонгольскому периоду⁶. Отдельные кости лошади, по-видимому, помещались в могилу в качестве заупокойной пищи, поэтому эти погребения можно рассматривать в рамках типа А1. Такие признаки погребального обряда, как наличие в могиле отдельных костей лошади или полной сбури, имеют место во всех четырех локально-типологических группах земляных курганов – волго-донской, быковской, царевской и приуральской⁷, но ни для одной из них не являются представительными⁸. Для земляных курганов Южного Приуралья отмечается наличие южной ориентировки (2,5% погребений, в восточной группе таковые отсутствуют)⁹. Такой признак, пожалуй, больше нигде,

¹ Гумилев Л.Н. Древняя Русь и Великая степь. М., 1993. С. 301, примеч. 1.

² Кадьрбаев М.К., Бурнашева Р.З. Погребение кыпчака первой половины XIV века из могильника Тасмола // По следам древних культур Казахстана. Алма-Ата, 1970. С. 42-44.

³ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 276-277.

⁴ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). С. 53, таблица 6.

⁵ Там же. С. 52, таблица 5.

⁶ Там же. С. 53, таблица 6.

⁷ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 293, 294.

⁸ Там же. С. 296, 297.

⁹ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 45.

кроме как в кыпчакских памятниках иртышского левобережья, соответствия не находит. Там он тоже является редким.

Аналогии погребальному обряду приуральских земляных курганов в кыпчакских курганах Павлодарской области уже отмечались В.А. Кригером¹. А.Ф. Яминов не отрицает возможности присутствия в массе земляных курганов Волго-Уралья и захоронений, оставленных выходцами с иртышского левобережья². В.П. Костюков пишет, что погребения в земляных курганах Южного Приуралья «практически по всем признакам идентичны погребениям Павлодарского Прииртышья»³. Полностью согласиться с таким выводом нельзя: как же в таком случае объяснить наличие в Южном Приуралье погребений отделов Б (косяк человека, обращенного головой на запад, с костями или остовом коня) и Г (косяк человека, обращенного головой на восток, с костями или остовом коня)?

Шибан и его наследный сын Бахадур в восточных источниках именуется ханами Дешт-и Кыпчака с пояснением, что они «ханы земель Арала»⁴. Но было бы неверным называть всех их подданных – кочевников урало-казахстанских степей – кыпчаками. Но это не значит, конечно, что для них нельзя подыскать никакого общего названия. Марко Поло рассказывает, что братья Николай (отец Марка) и Матвей Поло, выйдя из г. Увека, переправились через р. Волгу «и семнадцать дней шли пустыню. Не было тут ни городов, ни крепостей, одни татары со своими шатрами да стадами». «Перейдя через пустыню, пришли они в Бухару»⁵.

Имя «татары» стало общим названием для всех кыпчакских племен, которые, будучи стянуты, по образному выражению И.Л. Измайлова, «железными обручами монгольской этнополитической системы», претерпели «процессы этнической консолидации»⁶. Но называть золотоордынских кочевников татарами в отечественной исторической науке до недавнего прошлого не было принято, по отношению к ним использовался этноним кыпчаки, но он более характерен для домонгольского времени. Р.Г. Кузеев предложил термин «золотоордыно-кыпчакская народность», «основу которой составляла кыпчакская народность племенной эпохи»⁷, хотя предпочтительнее было бы говорить о татарско-золотоордынской народности, в формировании которой приняли уча-

¹ Кригер В.А. Погребения кыпчакского времени в могильниках у пос. Лебедевка Уральской области. С. 115.

² Яминов А.Ф. Огузо-печенежские реликты в среде золотоордынского населения Волго-Уральских степей XIII-XV вв. // С.И. Руденко и башкиры. Уфа, 1998. С. 184.

³ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 150.

⁴ Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). С. 84.

⁵ Книга Марко Поло. С. 45.

⁶ Измайлов И.Л. Некоторые аспекты становления и развития этнополитического самосознания населения Золотой Орды в XIII-XV вв. // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 23.

⁷ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 314.

стие два основных компонента: автохтонный – кыпчакский и пришлый – татарско-центральноазиатский. В Поволжье фиксируется и еще один весьма значительный компонент.

Вопреки утверждению А.А. Арслановой¹, персидские источники, как, впрочем, и арабские, не знают этноса с названием саксины. Сам термин «Саксин» и в тех и в других употребляется довольно часто, что можно проследить по двухтомной сводной работе В.Г. Тизенгаузена, но не как этноним, а как географическое название – это либо город, либо область (что именно определить зачастую невозможно). Арабский энциклопедист Закарийя ал-Казвини в середине 70-х гг. XIII в. писал о городе Саксин: «Там есть большая река, больше, чем Тигр... Сейчас вода затопила город, и от него не осталось и следа»². Так что в более поздних сообщениях под названием Саксин следует подразумевать область, если, разумеется, не иметь в виду анахронизмы. Факт распространения названия города Саксин «на всю область Нижнего Поволжья» в персидской исторической литературе XIII-XIV вв., что, кстати, можно проследить и по некоторым арабским авторам – ан-Нувейри³ и ад-Дзехеби⁴, Г.А. Федоров-Давыдов увязывает со сложением там в то время локального варианта «половецкой кочевнической культуры»⁵.

Под 1229 г. в Лаврентьевской летописи сообщается, что «Саксини и Половци възбегоша из низу к Болгаром перед Татары»⁶. Но Плано Карпини называет народ саксы в перечне земель, «оказавших им (татарам. – И.А.) мужественное сопротивление и доселе еще не подчиненных им». Далее дается такой рассказ. Татары «осадили один город вышеназванных Саксов и пытались завоевать их, но те сделали машины против их машин и сломали все машины Татар, так что те, из-за машин и баллист, не могли приблизиться к городу для сражения; наконец, они сделали дорогу под землю и вскочили в город; и одни пытались зажечь город, а другие сражались. Жители же города назначили одну часть населения для тушения огня, а другая часть храбро сразилась с теми, которые вошли в город, и многих из них убила, а других ранила, заставляя их вернуться к своим; а сами Татары, видя, что не могут ничего сделать, и что многие из них умирают, удалились от них»⁷. Конечно, речь идет о

¹ Арсланова А.А. Этнонимия Поволжья в персидских нарративных источниках монгольского периода // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. Вып. 1. С. 118.

² Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Китаб Талхис ал-асар ва аджаиб ал-малик ал-каххар («Сокращение [книги о] «Памятниках» и чудеса царя могучего»). М., 1971. С. 107.

³ Золотая Орда в источниках. С. 86, примеч. 2.

⁴ Там же. С. 99.

⁵ Федоров-Давыдов Г.А. 1) Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 150; 2) Город и область Саксин в XII-XIV вв. // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 256, 260; 3) Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 60.

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 2. Стб. 453.

⁷ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 36.

городе Саксине, в котором жили саксы, т. е. саксины¹. Но это не этноним, ибо, как можно судить по сообщению арабского путешественника Абу Хамида ал-Гарнати, побывавшего в 1131 г. в городе Саджсине (Саксине) на Волге, население последнего состояло из гузов и хазар-мусульман², в то время как Плано Карпини пишет о подчинении монголами хазар³. С учетом сообщения Абу Хамида ал-Гарнати о городе Саксин можно не согласиться с положением о том, что «монголы в XIII в. хазар уже не застали»⁴. Событие, о котором рассказывает Плано Карпини, произошло в 1229 г., когда, как пишет Джувейни, Угетай-каан послал Куктая и Субатай-бахадур с тридцатитысячным войском в поход, одним из объектов которого был Саксин⁵. Об этом же пишут Рашид ад-Дин⁶ и Вассаф, хотя последний указывает 626 г. х. [30. XI. 1225 – 19. XI. 1226]⁷, что неверно, так как Угедей-каан вступил на престол только в 1229 г. Указание русской летописи о том, что саксины в этом году бежали вверх по Волге, спасаясь от татар, не подтверждается сообщением Плано Карпини, согласно которому монголы наткнулись на упорное сопротивление и так и не достигли цели. Рубрук пишет, что при среднем рукаве Итилии находится город Суммеркент, «не имеющий стен; но, когда река разливается, город окружается водой. Раньше, чем взять его, татары стояли под ним 8 лет. А жили в нем аланы и саррацины». Рубрук сам побывал в этом городе⁸. Шмидт и Ф. Риш отождествляли Суммеркент Рубрука с Саксином⁹. Значит, в 50-х гг. XIII в. этот город еще существовал. Его стены были снесены, очевидно, по приказанию монгольских властей, опасавшихся восстания. В таком случае монголам удалось завладеть им только в 1237 г., когда они, как сказано в «Юань ши», «дошли до Каспийского моря»¹⁰. Некоторые авторы ошибочно указывают 1236 г.¹¹.

¹ Черепнин А.В. Монголо-татары на Руси (XIII в.) // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 191; Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 11; Халиуллин И.Х. Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 124.

² Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971. С. 27.

³ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 36.

⁴ Бартольд В.В. Двенадцать лекций по истории турецких народов Средней Азии // Соч. М., 1968. Т. V. С. 66.

⁵ Золотая Орда в источниках. С. 257.

⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 20-21.

⁷ Золотая Орда в источниках. С. 267.

⁸ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 168.

⁹ Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв. С. 261.

¹⁰ Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде. С. 36.

¹¹ Халиков И.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию. С. 11; Халиуллин И.Х. 1) О монгольском походе 1232 г. на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. С. 24; 2) Среднее Поволжье и Нижнее Прикамье в XIII в. С. 124.

В XIII в. как раз направление циклонов перемещается из аридной зоны в гумидную, что вызвало значительное поднятие уровня Каспийского моря, питаемого главным образом за счет Волги¹. Этот природный катаклизм и погубил город.

По мнению Г.А. Федорова-Давыдова, в саксинах не следует усматривать «какое-то племя, отличное от половцев-кыпчаков»². А С.А. Плетнева, указывая на сообщение Лаврентьевской летописи под 1229 г., замечает, «что летописец очень четко отделяет половцев от саксинов. Последние были жителями города Саксина», а поблизости от него «действительно жили половцы»³. В данном случае саксинов и в самом деле нельзя считать кыпчаками. По всей видимости, термин «саксины» первоначально являлся общим названием реликтов этнически разнородного докыпчакского населения Нижней Волги, сосредоточенного в городе Саксине. Это были гузы, хазары и аланы. Но в XIII в. они были вынуждены покинуть свой город, который был затоплен. Гузы могли вернуться к кочевому образу жизни, расселившись в открытой степи. Повидимому, то же самое произошло хотя бы с какой-то частью алан, несмотря на то, что последние к золотоордынскому периоду давно уже имели достаточно прочные традиции оседло-земледельческого образа жизни. Памятниками остаточного сармато-аланского населения Нижнего Поволжья являются два основных погребения из Верхне-Погромного и Молчановки в виде катакомбы с дромосом, которые по набору вещей датируются золотоордынским временем⁴. «Астраханские» татары казанского и мишарского происхождения, ставшие на Нижней Волге преобладающей группой, по отношению к более древнему населению Астраханского ханства применяли наименование алан⁵. А потомки хазар, никогда не бывших кочевниками, когда под водой оказались остатки их поселений (надо заметить, что г. Саксин, очевидно, был самым крупным, но не единственным из них), «нашли прибежище в столице полумира, Сарае, и растворились в этническом конгломерате Золотой Орды», ибо «мусульманская вера позволила им механически стать татарами»⁶. Таким образом, термин «саксины» теперь сменил свое значение. Если раньше так называли только жителей одноименного города, то теперь этого города не стало, а его бывшие жители распространили свое назва-

¹ Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. (Ландшафт и этнос: V) // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 287, 292.

² Федоров-Давыдов Г.А. Город и область Саксин в XII-XIV вв. С. 260.

³ Плетнева С.А. Половецкие каменные изваяния. М., 1974. С. 23.

⁴ Шнайдитейн Е.В. Формирование локального варианта позднекочевнической культуры в Нижнем Поволжье и Калмыцкой степи // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ № 9. СИ. Элиста, 1974. С. 156-157.

⁵ Арсланов Л.Ш., Викторин В.М. Астраханские татары // Материалы по истории татарского народа. С. 341.

⁶ Гумилев Л.Н. Хазария и Каспий. (Ландшафт и этнос: I) // Соч. М., 1996. Т. 6. С. 223.

ние на все как кочевое, так и городское население Нижневолжского региона, т. е. прежде всего на кыпчаков, если исходить из традиционной точки зрения об их доминировании в улусе Джучи. Но в 20-х гг. XIII в. кыпчаки, даже те из них, что тогда уже жили на Нижней Волге, саксами еще не назывались.

По данным археологии, нижневолжские степи в XII – начале XIII вв. имели «очень редкое даже для кочевой степи население»¹. Зато Саксин, согласно Закарийа ал-Казвини, был большим и многолюдным городом². Об этом же свидетельствует тот факт, что его жители оказали длительное и упорное сопротивление монголам. Надо обратить внимание и на то утверждение Закарийа ал-Казвини, что большинство населения этого города составляли мусульмане³. Абу Хамид ал-Гарнати засвидетельствовал наличие там соборных мечетей⁴. Это не могло не повлиять на кочевников, кочевавших в окрестностях города. Здесь получается ситуация, имеющая аналогию на востоке. Из письменных источников известно, что в XI – начале XIII в. у северных границ Хорезма и Мавераннахра жили многочисленные кочевые племена, а мизерное число погребений в северных пределах степи может быть объяснено, например, тем, что там они скрываются среди погребений, датируемых золотоордынским мусульманским периодом⁵. Да и в XIII–XIV вв. у кочевников Южного Зауралья погребальный обряд на зимниках регламентировался знатоками шарията, чего не было на летовках, где и находятся многочисленные подкурганые погребения⁶. Исследователи, хотя и констатируют «присутствие половцев домонгольского времени на берегах Волги», но отмечают, что «это присутствие было больше похоже на символическое, нежели реальное», так как археологические памятники здесь практически отсутствуют⁷. Кыпчакские каменные бабы и редкие захоронения домонгольского периода (XI – начало XIII в.) концентрируются в основном в степной части Саратовской области⁸. В такой ситуации консервативно настроенные кочевники стремились хоронить своих покойников по возможности именно в местах летних кочевий, что было несколько необычным явлением. Городская культура Золотой Орды как целостное явление сложилась только около 30-х гг. XIV в., так как на главных памятниках степной зоны более ранние слои неизвестны. А письменные источники свидетельствуют о возникновении городов уже с

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 11.

² Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Указ. соч. С. 107.

³ Там же.

⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). С. 27.

⁵ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 134–136.

⁶ Там же. С. 130.

⁷ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 256–257.

⁸ Там же. С. 254.

середины XIII в.¹. Очевидно, монголы довольно быстро основали свои города, но прошло почти целое столетие, прежде чем эти города настолько окрепли экономически и культурно, что сделались новыми центрами притяжения для кочевников, которые теперь переходят (или возвращаются?) к раннемусульманскому погребальному обряду.

В I (печенежско-торческом) периоде конца IX–XI вв. тип захоронения А I «имел довольно широкое распространение (особенно часто эти погребения встречаются в Поволжье, где составляют больше четверти всех погребений этого периода)»². А в IV (золотоордынском) периоде погребений этого типа насчитывается здесь 91 из 174 определенных³ (52,2%). В конце XI – начале XIII вв. в нижневолжских степях кочевали половцы, которые под влиянием оставшегося здесь огузо-печенежского населения, сконцентрированного теперь в городе Саксине, могли практиковать те же погребения типа А I, скрывающиеся среди датируемых более поздним временем.

Ареал земляных курганов бассейнов Дона, Волги и Яика удивительно точно совпадает с областью расселения кыпчаков, обрисованной в целом ряде нарративных источников. В «Шежере башкир племени Кыпсак» упоминаются некие «народы, обитавшие по Дону, Яику и Итилю», которые вошли в состав кыпчакского государства. В Приуралье таковыми можно считать канглов, а в Поволжье – саксинов, имевших пестрый этнический состав. Одни только гузы, обитавшие в городе Саксине, по свидетельству Абу Хамида ал-Гарнати, состояли из сорока племен⁴. Указание этого же шежере о том, что после монгольского нашествия оставшиеся в живых кыпчаки «разбрелись в разные стороны», подкреплено лишь рассказом об их переселении на восток. Сообщение Абул-Гази об уходе кыпчаков к иштякам в действительности, как мы выяснили, отражает ситуацию более позднего времени. Известие Лаврентьевской летописи о бегстве саксинов и половцев к булгарам в 1229 г. тоже является сомнительным, ибо оно не подтверждается рассказом Плано Карпини о неудачном нападении монголов на город Саксин в том же году. Как бы то ни было, в летописи нет указания на то, что беглецы так и остались на новом месте, после отхода монголов они, скорее всего, вернулись назад. В любом случае основная масса саксинов осталась в Нижневолжском регионе, который вскоре стал называться по имени этой общины. Тамошние кыпчаки в 1229 г., скорее всего, просто передвинулись вверх по Волге в район своих летних кочевий, а осенью, как всегда, вернулись обратно. Таким образом, в нарративных источниках нет ни-

¹ Волков И.В. Предпосылки возникновения золотоордынских городов (Азак и округа) // XIII УАС. С. 90.

² Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 134.

³ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 273, таблица 3.

⁴ Путешествие Абу Хамида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131–1153 гг.). С. 27.

каких достоверных данных о хотя бы частичном уходе обитателей волгоуральских степей куда-либо отсюда после монгольского нашествия.

В «Шежере башкир племени Кыпсак» бросается в глаза несообразность повествования: вначале кыпчаки якобы неизвестно куда ушли из традиционных мест своего обитания, а потом они же, двигаясь на восток, переправились через Волгу и обосновались в южноуральских степях. Получается, что они туда пришли, откуда и ушли. Надо отметить, что встречаемые в шежере сведения о кыпчаках страдают двумя серьезными недостатками: во-первых, там не было представления о размерах Дешт-и Кыпчака в целом, а территория обитания кыпчаков ограничивалась лишь рамками Волго-Уральского региона, который был местом существования и самих башкир, а во-вторых, расселение кыпчаков там обыкновенно бывает отнесено к мифическим временам, но из «Шежере башкир племени Кыпсак» известно и то, что это произошло «во время господства татарских ханов». Но там же утверждается, что кыпчаки обитали здесь лишь до времен Чингис-хана. Такое утверждение можно согласовать только с мифологической версией о времени их расселения, но она может представлять интерес лишь для филологов, но не для историков. Корреляция данных шежере с показаниями письменных источников побуждает сделать вывод о том, что указание о бегстве кыпчаков в разные стороны логично было бы отнести к причерноморским половцам, а не к кыпчакам Волго-Уралья, так как составители шежере приписывали последним все известные им сведения о кыпчаках в целом. А В.П. Костюков понимает это указание буквально¹. Но в Волго-Уральском регионе ситуация была совершенно иной: кыпчаки не выселялись отсюда, а, наоборот, поселялись здесь.

Кыпчаков, таким образом, можно считать основным компонентом населения ареала земляных курганов Волго-Уралья XIII-XIV вв. Из письменных источников наиболее показательным в этом отношении является сочинение Ибн Саида. У него население района, находящегося к востоку от Волги, состоит из трех компонентов: печенегов, вернее было бы сказать – потомков печенегов, в которых можно видеть канглов, являвшихся частью кыпчаков; команов (половцев), переселившихся сюда, согласно «Шежере башкир племени Кыпсак», с правого берега Волги, в составе этих команов, вероятно, находились и черные клобуки; и, наконец, собственно кыпчаков, среди которых, возможно, были не только обитавшие здесь еще в домонгольское время представители племени ильбари и ему подчиненных племен, но и переселенцы с иртышского левобережья.

В принципе нет необходимости подвергать сомнению утвердившийся в историографии тезис о том, что массовое заселение кочевника-

¹ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 142.

ми как нижневолжских¹, так и южноуральских степей произошло «не ранее середины XIII в.»². Хотя этот вывод был сделан на археологическом материале, он подтверждается и сведениями письменных источников о переселении, с одной стороны, куманов за Волгу, а с другой стороны, целого ряда центральноазиатских племен в Южное Зауралье. Такое переселение, действительно, могло быть достаточно массовым. В то же время следует, по-видимому, воздержаться от слишком неосторожных высказываний о незначительности, а тем более об отсутствии, автохтонного (такое понятие употребляется, конечно, в условном смысле, т. е. с хронологической позиции XIII в.) компонента, тоже принимавшего участие в сложении общности волго-уральских кочевников золотоордынского времени.

При рассмотрении вопроса о степени участия этого компонента в формировании данной общности надо иметь в виду следующее. Во-первых, здесь недостаточно всего лишь сослаться на малочисленность археологических памятников предшествующего периода. Во-вторых, огузо-печенежский погребальный обряд, характерность которого отмечается для земляных курганов, частично может быть отнесен за счет местного домонгольского населения, о проживании которого здесь известно по письменным источникам. Это были канглы в Приуралье и гузы (в составе саксинов) в Поволжье, но вероятной представляется также и миграция носителей этой обрядности с иной территории. Часть памятников ареала каменных курганов тоже может быть датирована домонгольским периодом³, хотя такое мнение не является бесспорным⁴. И, наконец, в-третьих, у нас нет оснований предполагать наличие каких-либо массовых выселений прежнего населения из волго-уральских степей в эпоху монгольского нашествия.

Погребения Нижнего Поволжья XIII-XIV вв. на 1998 г. представлены отделами А (113), Б (19), В (16), Г (1), Д (25)⁵, Южного Приуралья и Зауралья XII-XIV вв. на 1988 г. – соответственно отделами А (103), Б (9), Г (2), Д (16) и А (43), Б (13), В (2), Д (14)⁶. Погребения таких отделов территориально распространены очень широко. Монгольские погребения Южной Сибири вписываются в рамки отделов В (кость человека, обращенного головой на восток, без костей коня) и Д, что касается случаев северо-восточной ориентировки, то их можно отнести к любому из этих

¹ Шнайдитейн Е.В. Археологические памятники поздних кочевников Нижнего Поволжья IX-XV вв. как источник по проблеме этногенеза астраханских татар: автореф. канд. дисс. Л., 1975. С. 8.

² Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). С. 70.

³ Боталов С.Г. Указ. соч. С. 104-106.

⁴ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 134.

⁵ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 273, таблица 3.

⁶ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). С. 52, таблица 5.

отделов. Кимакские погребения дают отделы В и Г, а погребения прииртышских кыпчаков – А, Д и Ж (косяк человека, обращенного головой на юг, без костей коня). На пространстве к западу от Волги (включая Поросье) в домонгольский период погребения кочевников представлены отделами А, Б и Г¹, а в золотоордынский – А, Б, В и Д². Таким образом, на западе имеются погребения тех же отделов, что и на востоке, хотя и в разных количественных соотношениях. На западе есть еще и погребения отдела Б, которые не характерны для восточных кочевников, а такие погребения имеются и в Южном Зауралье под каменными курганами, причем в достаточно значительном количестве³.

Согласно В.П. Костюкову, в целом все основные черты фонда погребений степной зоны Южного Урала XIII–XIV вв. «находят аналогии в памятниках домонгольского времени, располагающихся от левобережья Иртыша до Забайкалья»⁴. Проследить такие аналогии действительно можно, так как есть достаточно много публикаций материалов этих памятников, но по кочевническим памятникам южнорусских степей таких публикаций нет. В такой ситуации аналогии южноуральским погребениям, и в самом деле, остается искать только на востоке. Но вывод об исключительно восточном происхождении их носителей в какой-то мере является, конечно, и субъективным. К сожалению, мы не имеем возможности подкрепить вывод о переселении куманов за Волгу в XIII в., сделанный нами на основании нарративных источников, какими-либо конкретными археологическими параллелями, но это не наша вина. В то же время нет и никаких данных, противоречащих этому выводу.

Погребения кочевников степной зоны Волго-Уральского региона, относящиеся к наиболее распространенному отделу А, могут принадлежать носителям и местного, и западного, и восточного происхождения, относящиеся к отделу Б – носителям западного происхождения и (или) местным реликтам огузо-печенежского населения (канглы в Приуралье, гузы в Поволжье), относящиеся к отделу В – носителям как западного, так и восточного происхождения, то же самое можно сказать и относительно погребений отдела Г, который отмечается для черных клубуков (группы 6 и 7 по С.А. Плетневой)⁵. Среди их захоронений есть и относящиеся к отделу Д (тип а группы 9 по С.А. Плетневой)⁶. Но погребения этого отдела, вторые по численности в Волго-Уральском регионе, в большей своей части принадлежали, очевидно, все-таки монголам, причем такие погребения под земляными курганами совершались, по край-

¹ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов. С. 147, таблица 16.

² Там же. С. 151, таблица 17.

³ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII–XIV вв.). С. 52, таблица 5.

⁴ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII–XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 153.

⁵ Плетнева С.А. Древности Черных Клубуков. С. 14.

⁶ Там же.

ней мере, не реже, чем под каменными. Трудно судить о том, насколько традиция сооружения каменных курганов была распространена в южно-русских степях в домонгольское время, поэтому не представляется возможным дать однозначное объяснение тому факту, что погребения отдела Б совершались на Южном Урале и под каменными курганами. Можно сделать вывод, что рубеж, разделяющий массивы земляных и каменных курганов, очевидно, не сдерживал продвижение носителей традиции сооружения каменных курганов дальше на запад, а носителей традиции сооружения земляных курганов дальше на восток. Может быть, в равнинном Приуралье, в отличие от предгорного Зауралья, зачастую просто не было возможности для сооружения надмогильных конструкций из камня, тех же выкладок, которыми характеризуется монгольский погребальный ритуал, как можно судить по памятникам Прибайкалья и Забайкалья. Эти выкладки сооружались обычно, как, например, в Будуланском могильнике, из плитняка, который в тех местах встречается в изобилии¹. Так что этот признак можно считать местным, поэтому он и не должен был обязательно соблюдаться монголами, переселившимися в другие места.

Компоненты населения, образовавшего региональную общность волго-уральских кочевников, не выделяются, очевидно, не только и не столько потому, что они на новых местах своего обитания очень быстро смешались между собой², но еще и потому, что эти компоненты сами были смешаны из различных компонентов и поэтому имели много общих черт погребального обряда. Значит, какой-либо «чистой» погребальной практики у них не было и до переселения в Волго-Уральский регион. Это особенно относится к переселенцам с запада. Памятников золотоордынского времени, этническая принадлежность носителей которых определяется точно, в южноуральских степях очень мало. Это три кыргызских (аскизских) памятника, выделенные в Урало-Ишимском междуречье: комплекс Ак-Полак в верховьях Ишима, курган 1 Симбирского могильника на юге Челябинской области и курган Кула-Айгыр в Карагандинской области³. К вопросу о киданьском следе в Южном Зауралье имеет отношение погребение земляного кургана 3 могильника Сарбулат-2⁴, а к вопросу об уйгурском следе – погребение в одиночном земляном кургане Третий Плес⁵. Такие памятники западнее Южного Зауралья уже не встречаются.

Подводя итоги, надо сказать, что аналогии памятникам данного региона прослеживаются в Северо-Восточном Казахстане и Южной Си-

¹ Асеев И.В., Кириллов И.И., Ковычев Е.В. Кочевники Забайкалья в эпоху средневековья (по материалам погребений). С. 45-46.

² См.: Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): автореф. канд. дисс. С. 16-17.

³ Боталов С.Г. Указ. соч. С. 114-119.

⁴ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 146-147.

⁵ Там же. С. 148.

бири при том, что из письменных источников можно сделать вывод о преобладании в улусе Шибана племен центральноазиатского происхождения. Другим выводом, сделанным на основании тех же источников, является тезис о переселении в XIII в. куманов, называемых в шежере кыпчаками, на восток, за Волгу, что не противоречит данным археологии, согласно которым погребальный обряд как причерноморских половцев, так и носителей земляных курганов Заволжья и Приуралья, был наиболее близок огузо-печенежскому обряду. Но в Волго-Уралье была и местная огузо-печенежская подоснова, причем в Нижневолжском регионе ее роль оказалась настолько велика, что название «саксины» распространилось на все тамошнее население золотоордынского периода.

2. Население лесостепной зоны Волго-Уральского региона

Упоминания башкир не были редкостью для арабо-персидских источников XIII-XIV вв. К сожалению, теми сведениями о башкирах, которые там содержатся, воспользоваться можно далеко не всегда. Прежде всего необходимо получить определенные ответы на два элементарных вопроса: 1) к каким башкирам относятся эти сведения – к уральским или западноевропейским? (таблица 1); 2) к какому времени эти сведения относятся – к тому, когда они были записаны, или к более раннему, если авторы золотоордынской эпохи повторяли сведения, сообщаемые их предшественниками? Конечно, это важно не только относительно самих башкир, но и всех других народов Волго-Уральского региона, упоминаемых в арабо-персидских источниках рассматриваемого периода. В.В. Бартольд отмечал, что золотым веком мусульманской географической литературы был X в., когда географы «большую часть были в то же время путешественниками и имели возможность непосредственно наблюдать нравы отдаленных народов». Что же касается ученых последующих столетий, то их главной заботой «было собирание и приведение в систему накопившегося научного материала». Географы теперь «работали почти исключительно в тиши библиотек»¹. Арабские авторы, причисляемые к кабинетным работникам, переписывали слова своих предшественников и при этом они, как все средневековые компиляторы, «не считали нужным ссылаться на источники и даже не указывали, что то или другое, взятое ими из другого автора, относится к иному времени». «Такие факты встречаются постоянно, и поэтому к арабским известиям с этой стороны приходится относиться осторожно»². О компилятивном характере арабской географической литературы после X в. писал и И.Ю. Крачковский³. Вот на эти поставленные вопросы мы и должны ответить в данном параграфе. К числу компиляций относится большинство гео-

¹ Бартольд В.В. География Ибн Саида. С. 103.

² Бартольд В.В. Место прикаспийских областей в истории мусульманского мира // «Каспийский транзит». М., 1996. Т. 1. С. 287.

³ Крачковский И.Ю. Арабская географическая литература // Избранные соч. М.; Л., 1957. Т. IV. С. 22-23.

графических сочинений арабских авторов XIII–XIV вв., в которых есть упоминания о башкирах. Остановимся подробно на одном из них, текст которого (правда, в более поздней передаче) опубликован на русском языке.

В сочинении Закарийа ал-Казвини «Памятники стран и сообщения о рабах [Аллаха]», которое было составлено в 1275–1276 гг. и является географической энциклопедией, фигурирует «Башкырт – большой народ из тюрок, между Кустантинией и булгарами». Далее в сокращении повторяется этнографическая характеристика, данная башкирам Ибн Фадланом¹, с поправочным добавлением, что «это большой народ. Но большинство их христиане. – Продолжает Закарийа ал-Казвини. – Среди них есть группа мусульман, последователей толка имама Абу Ханифы ан-Нумана», которые «платят джизью христианам». И наконец: «У них есть царь с громадным войском. Население живет в шатрах. У них нет крепостей»². Сведения Закарийа ал-Казвини о народе башкырт являются неудачной компиляцией различных сообщений предшествующих авторов о башкирах и венграх. И тех и других он объединяет в один народ, указывая при этом, что это «большой народ». К башкирам относится первая часть рассказа, ибо венгры не помещались «между Кустантинией и булгарами», так как дунайские болгары к Константинополю были ближе. А Ибн Фадлан встретил башкир на пути к булгарам. Затем вдруг оказывается, что среди языческого народа большинство составляют христиане, а меньшинство – мусульмане-ханифиты. Вторая часть рассказа может быть отнесена только к венграм, хотя сама она в свою очередь подразделяется на две части, имеющие разнородное происхождение. Башкир, которые «исповедывают ислам и следуют учению Абу-Ханифа», встретил в Алеппо Якут. Они ему сказали, что являются подданными короля Венгрии и пришли в Алеппо для усовершенствования знания ислама³. Из Якута, таким образом, была заимствована первая часть той части рассказа о народе башкырт, которая относится к венграм. Концовка рассказа, представляющая на первый взгляд интерес, никак не может быть отнесена к башкирам и вообще к XIII в., ибо она заимствована из Ибн Русте, который писал, что мадыарский король «совершает походы с всадниками числом 10 000», а у мадыар «есть палатки, крытые кожей»⁴. Таким образом, исследователей, обративших внимание на рассказ Закарийа ал-Казвини о народе башкырт, ждет неизбежное разочарование, ибо там не содержится никаких сведений, которые можно было бы отнести к башкирам XIII столетия.

¹ Ср.: Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921–922 гг. Харьков, 1956. С. 130–131.

² Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Указ. соч. С. 111.

³ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, бургасах, болгарях, мадыарах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даства // ЖМНП. СПб., 1868 г., декабрь. Ч. 140. С. 711.

⁴ Macartney C.A. The Oldest Report on the Countries of the North // Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. P. 206.

Сирийский автор Якут ал-Хамави (начало XIII в.), согласно Д.А. Хвольсону, знал башкир, как уральских, так и мадьярских, и называл их обоих следующими этнонимами: «Башгирд», «Баш-Джерд», «Башджерд» и «Баш-Керд»¹. Впрочем, транскрипция Д.А. Хвольсона весьма несовершенна, так как Ибн Саиду он тоже приписывает форму «Башкерд»², но В.В. Бартольд читает «Башкурд»³. Таким образом, имеем такие этнонимы: башгирд, башджерд, башкурд.

Испанский географ Ибн Саид (1214-1274) жителей Венгрии разделяет на два народа, на собственно венгров и на башкурдов, причем первые были христианами, а вторые от одного туркменского факиха приняли ислам⁴. Об уральских башкирах этот автор ничего не пишет.

Ад-Димашки (начало XIV в.) называет восточных башкир басхартами и знает европейских под именем «Башкерд» наряду с этнонимами «Маджар» и «Хонкар», т. е. Унгар⁵, относящимися к венграм. Получается, что источником его сведений о западных башкирах был Ибн Саид.

Еще один сирийский автор Абу-л-Фида (около 1310 г.) употреблял имена «Басджерт», «Башкерд», «Хонкар» и «эль-Моджгария» и думал, что они обозначают разные народы⁶. Известно, что «труд самого Ибн Саида был едва ли не главным источником Абу-л-Фиды»⁷. Из этого труда последний заимствовал ту же часть, что и ад-Димашки. Но Ибн Саид не знает этнонима «Басджерт». Так называет уральских башкир ал-Идриси (1154 г.)⁸. Современное чтение – басджерт⁹. Абу-л-Фида пишет о земле Басджерт (башкир), которые неверные и убивают всякого, пришедшего к ним. Эта земля «находится налево от земли (восточных) Печенегов»¹⁰. Очевидно, имеется в виду левое направление при движении на восток. Вот это известие об уральских башкирах, хотя нам оно ничего не дает, кроме, может быть, указания на обитание башкир в лесостепи, к северу от заволжских печенегов, которых в то время, когда жил и писал Абу-л-Фида, как таковых давно уже не было.

Тексты Якута, Ибн Саида, ад-Димашки и Абу-л-Фиды, в отличие от Закарийа ал-Казвини, на русском языке не опубликованы и известны главным образом в передаче Д.А. Хвольсона. Ни одно из их сочинений не вошло даже в первый том сборного труда В.Г. Тизенгаузена, который посвящен арабским источникам по истории Золотой Орды. И это, конечно, не случайно, так как в переводе их на русский язык нет потребно-

¹ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 715.

² Там же.

³ Бартольд В.В. География Ибн Саида. С. 106.

⁴ Там же.

⁵ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 715-716.

⁶ Там же. С. 716.

⁷ Бартольд В.В. География Ибн Саида. С. 104.

⁸ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 715.

⁹ Коновалова И.Г. Восточная Европа в сочинении ал-Идриси. С. 192.

¹⁰ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 714.

сти, ибо там нет никакой информации об уральских башкирах золотоордынского времени.

Ал-Омари (1301-1348) пишет об одном неназванном народе, которым могли быть только башкиры. «В числе тех, которые пришли под защиту этого (золотоордынского. – И.А.) султана, [находится и] тюркский народ, на крайнем севере, у пределов его; он в нищете вследствие бедственного существования, ибо это не оседлые люди, у которых есть посевы, и сильная стужа губит их скотину»¹. «Страны сибирские и чулымские, – пишет цитируемый автор со слов некого Хасана Эрруми, – ...прилегают к башкырмам»². Описывая границы золотоордынского государства, ал-Омари называет «области Сибирь и Ибиль, Башкырды и Чулыман»³. Здесь совершенно ясно, что автор говорит не о венграх и о Венгрии, а именно о башкирах и о Башкирии. Ибн Халдун (около 1332 – 1406) о Золотой Орде пишет, что это государство простирается, в частности, до «Булгара, Башгирда и Джулымана»⁴. А.Н. Поляк читает: Башкирд⁵. В данном случае дается сокращенный пересказ описания золотоордынских границ у ал-Омари. Последний, кроме того, пишет, что «пределы всего царства Узбекова [простираются] в длину от Держана (Гурганджа. – И.А.) Хорезмского на востоке до Башгырда (на западе. – И.А.), а в ширину от Хорезма до крайних пределов земли Сибирской»⁶. Вот здесь речь идет как раз о Венгрии. Ал-Калкашанди (1355-1418) знает «башкардов» – понятие, общее для Венгрии и Башкирии⁷.

Рашид ад-Дин, сообщив, что осенью 1236 г. монгольские царевичи, назначенные Угедей-кааном на завоевание Запада, соединились «в пределах Булгара», сразу после этого пишет: «Оттуда Бату с Шейбаном, Буралдаем и с войском выступил в поход против буларов и башкирдов и в короткое время, без больших усилий, захватил их». Далее следует подробное описание этого мероприятия, где, однако, в качестве врагов монголов фигурируют только одни булары, царь которых здесь назван келаром, т. е. королем. Затем сказано, что, хотя страны Булар и Башкирд были завоеваны, жители их «снова восстали»⁸. Было высказано нетрадиционное мнение, что название «Булар» у Рашид ад-Дина может относиться только к волжским булгарам⁹. Но как это соотносить с утвержде-

¹ Золотая Орда в источниках. С. 103; ср.: Григорьев А.П., Фролова О.Б. Указ. соч. С. 285.

² Золотая Орда в источниках. С. 107.

³ Там же. С. 106.

⁴ Там же. С. 169.

⁵ Поляк А.Н. Новые арабские материалы позднего средневековья о Восточной и Центральной Европе // Восточные источники по истории народов Юго-Восточной и Центральной Европы. М., 1964. С. 30, примеч. 5.

⁶ Золотая Орда в источниках. С. 110; ср.: Григорьев А.П., Фролова О.Б. Указ. соч. С. 281.

⁷ Поляк А.Н. Указ. соч. С. 37.

⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37.

⁹ Istvan Zimonyi. The first Mongol Raid Against the Volga-Bulgars // Altaistic studies. Stockholm, 1985. P. 200.

нием самого Рашид ад-Дина, что «булары были многочисленный народ христианского исповедания; границы их области соприкасаются с франками»¹. А франками в представлении Рашид ад-Дина были западноевропейские народы². К тому же наряду с названием «Булар» у него есть и «Булгар»³. Но традиционное мнение, отождествляющее буларов с поляками, а башгирдов с венграми, явно не соответствует логике изложения Рашид ад-Дина, ибо поход против венгров и поляков не мог состояться сразу после завоевания Волжской Булгарии, той же осенью 1236 г., так как зимой царевичи занимались уже другими делами⁴. Все-таки предпочтения заслуживает версия более раннего автора – Джувейни, труд которого под названием «Тарих-и джехан гушай» – «История миропокорителя», написанный около 1260 г., находится в числе использованных Рашид ад-Дином источников⁵. Джувейни пишет, что «Бату решил истребить келаров и башгирдов», бывших христианами и живших рядом с франками, когда Русь, кыпчаки и аланы уже «были уничтожены»⁶. Здесь все на своем месте. Цитируемый рассказ Джувейни «О войне с келарами и башгирдами» и был заимствован Рашид ад-Дином, но у него оказалась нарушенной последовательность событий. Кроме того, Джувейни не сообщает о последующем восстании этих двух народов. Это, очевидно, конъюнктура самого Рашид ад-Дина, который рассказывает и о вторичном завоевании буларов и башгирдов⁷. Под башгирдами у этих авторов имелись в виду не только башкиры, поселившиеся в стране мадьяр, но и сами мадьяры. Мусульманские писатели, как заметил Д.А. Хвольсон, хотя и знали название «мадьяр» в форме «моджгар», но обыкновенно называли их, т. е. мадьяр, башкирами⁸. Джувейни и Рашид ад-Дин, как видно, здесь не исключение. В данном случае надо принять к сведению и тот факт, что, по латинским источникам, венгерские башкиры приняли активное участие в вооруженном сопротивлении монголам в 1241 г.⁹ Рашид ад-Дин, видимо, располагал двумя различными источниками, по-разному описывающими тогдашнее вторжение в Венгрию и Польшу. Одним из этих источников было сочинение Джувейни, второй же нам неизвестен. Вот почему из одного вторжения получилось два. Но в надлежащем месте можно было поместить только одно из них. Другое же оказалось в том месте, где у Джувейни находилось сообщение

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37.

² Петрушевский И.П. Рашид ад-Дин и его исторический труд // Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 24.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37.

⁴ Там же.

⁵ Петрушевский И.П. Указ. соч. С. 25.

⁶ Золотая Орда в источниках. С. 259.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 45.

⁸ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 709.

⁹ Насыров И. Древние «башгирды» в Венгрии (Сообщения арабских историков и путешественников о башкирах) // Ватандаш. Уфа, 2000. № 5. С. 152.

о взятии города Булгара¹, которое Рашид ад-Дин заменил описанием сражения с буларами. Значит, он действительно подразумевал в данном случае под буларами волжских булгар, что было ошибкой. Страну башкир Рашид ад-Дин называет в числе покоренных Чингисидами государств², в то время как о стране Башкирд он пишет, что «она еще не вполне покорена»³. Значит, под башкирами Рашид ад-Дина нужно видеть настоящих башкир. Он знал, что они были тюрками⁴.

Согласно Шихаб ад-Дину Абдаллаху ибн Фазлаллаху, который писал в первой половине XIV в. и был известен под прозвищем «Вассаф-и-хазрет», поход против келаров и башкирдов, исповедывавших христианство, состоялся после того, как монгольское войско прошло через пределы Булгарские и земли Русские⁵. Известно, что источниками для Вассафа явились сочинения как Джувейни, так и Рашид ад-Дина, причем под покровительством последнего находился сам Вассаф⁶, но в этом случае в отношении последовательности событий он воздержался от следования авторитету своего покровителя.

В «Книге побед» (законченной в 1424/25 гг.) Шереф ад-Дина Али Йезди рассказ о походе монгольских царевичей против келаров и башкирдов передан в таком же виде, как и у Джувейни⁷. Но с сочинением Рашид ад-Дина Шереф ад-Дин тоже был знаком⁸. Землю башкирдов он упоминает в числе северных стран и областей Дешт-и Хазара, т. е. поновому Дешт-и Кыпчака, входящих в состав улуса Джучиева⁹. Значит, под башкирдами надо понимать венгров, а под башкирдами – башкир.

Хамдаллах ибн Абу-Бекр Мустауфи Казвини в своей «Избранной истории», составленной в 1329/30 гг., пишет: «По приказанию отца ему (Джучи. – И.А.) вверены были область Хорезм, Дешт-и-Хазар, Булгар, Саксин, аланы, асы, русские, Микес, башкирды и те пределы»¹⁰. У Джувейни, а также Шихаб ад-Дина Абдаллаха ибн Фазлаллаха и Шереф ад-Дина Али Йезди, рассказ о взятии монголами города Микеса – аланской столицы¹¹ – предшествует описанию похода против келаров и башкирдов. Таким образом, в перечне областей и народов у Хамдаллаха Казвини обнаруживается строго определенный порядок по мере их завоевания. Башкирды, помещенные в самом конце, это, конечно, венгры.

¹ См.: Золотая Орда в источниках. С. 258-259.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 66.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 1. С. 73.

⁵ Золотая Орда в источниках. С. 268.

⁶ Там же. С. 272.

⁷ Там же. С. 328.

⁸ Там же. С. 367.

⁹ Там же. С. 363.

¹⁰ Там же. С. 274.

¹¹ См.: История народов Северного Кавказа с древнейших времен до конца XVIII в. М., 1988. С. 194.

Название «Башгирд» упомянуто в «Анониме Искендера» (начало XV в.) после названия «Булгар» в числе земель и городов улуса Джучи¹. Здесь, очевидно, имеется в виду Башкирия.

«Башкиры» упоминаются в «Родословии тюрков», сочинении, составленном не ранее середины XV в., в числе народов, страны которых, как можно судить по смыслу источника, непосредственно прилегают к Дешт-и Кыпчаку². Это могли быть как сами башкиры, так и венгры.

Согласно Абу-л-Гази, одним из объектов захватнических планов монголов при организации похода царевичей во главе с Бату-ханом на Европу являлся народ под названием башкурды³. Бату-хан их завоевал⁴, хотя сделать это намеревался еще Джучи-хан⁵. Но из контекста неясно, какие это были башкиры.

Некоторые этнонимы, имеющие отношение к Волго-Уральскому региону, приводятся в «Тайной истории монголов» (или «Сокровенном сказании о поколении монголов»), хотя этот источник является весьма запутанным в отношении списка завоеванных народов⁶. «Параграф 262. А Субетай-Баатура он (Чингис-хан в 1220 г. – И.А.) отправил в поход на север, повелевая дойти до одиннадцати стран и народов, как-то: Канлин, Кибчаут, Бачжигит, Оросут, Мачжарат, Асут, Сасут, Серкесут, Кешимир, Болар, Парал (Лалат)»⁷. По созвучию можно предложить следующую идентификацию девяти из этих этнонимов: Канлин – канглы, Кибчаут – кыпчаки, Бачжигит – башкиры, Оросут – русы, Мачжарат – мадьяры, Асут – асы, Сасут – саксины, Серкесут – черкесы, Болар – булары (поляки)⁸. Какого-либо географического порядка в их расположении не наблюдается. В параграфе 270 перечисляются те же одиннадцать этнонимов (если «Келет» соответствует «Парал (Лалат)»), хотя и в несколько иной последовательности, которая и здесь ни о чем не говорит⁹. Поэтому цитировать этот параграф не представляется целесообразным, также как и параграф 274¹⁰, который небрежно копирует параграф 270¹¹. В параграфе 275 говорится о подчинении монголам одиннадцати стран и народов¹², очевидно, тех самых, хотя здесь они не перечисляются.

В летописи Лубсан Данзана «Алтан тобчи» (XVII в.) Чингис-хан отправляет «Субэгэтэй-баатура против народов канглы, кипчак, оросат,

¹ Золотая Орда в источниках. С. 310.

² Там же. С. 387-388.

³ Родословное древо тюрков. С. 122.

⁴ Там же. С. 151.

⁵ Там же. С. 158.

⁶ *Istvan Zimonyi*. Op. cit. P. 200.

⁷ *Козин С.А.* Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 188-189.

⁸ Ср.: *Мифтахов З.З.* Курс лекций по истории татарского народа. Казань, 1998. Ч. 1. С. 466-468.

⁹ *Козин С.А.* Указ. соч. С. 191-192.

¹⁰ Там же. С. 194.

¹¹ *Istvan Zimonyi*. P. 200.

¹² *Козин С.А.* Указ. соч. С. 194.

сангут, асут, хасут, сэркэсут, башмир, булар, кэрэл – против этих чужих народов одиннадцати стран»¹, хотя названы только десять. В комментарии предлагаются такие отождествления: *ogosat* – Русь, *asut* – ясы, *serkesut* – черкесы, *basmir* – башкиры, *bulag* – волжские булгары; *kerel* – титул «король»². Здесь Лубсан Данзан допускает некоторые отклонения от «Сокровенного сказания». Так, этноним «Бачжигит» у него пропущен, а вместо «Мачжарат» стоит «сангут»(?). «Башмир» Лубсана Данзана соответствует «Кешмиру» «Тайной истории». Очевидно, он потому и пропустил этноним «Бачжигит», что башкиры в «Сокровенном сказании», по его мнению, упомянуты два раза. Наверное, это были в одном случае западные, а в другом – восточные башкиры. Этноним «Бачжигит» близок названию «башгирд» у Рашид ад-Дина, а «башмир» – «башкир» с разницей лишь в одну фонему.

Из письменных источников особенно важны отчеты венгерского монаха-доминиканца Юлиана о двух его путешествиях в «Великую Венгрию» в 1235-1237 и 1237-1238 гг. Во второй раз он до пункта назначения не добрался, а лишь дошел «до крайних пределов Руси»³, т. е. до Владимиро-Суздальского княжества, откуда, узнав, что «Великая Венгрия» уже «занята татарами... и успеха делу не предвидится», вынужден был вернуться назад⁴. Вернувшись из первого путешествия, Юлиан весной 1237 г. побывал в Риме, где его доклад папе был записан другим монахом Рихардом. Отчет Юлиана о втором путешествии представляет собой его письмо к епископу Перуджи⁵. Для краткости мы будем использовать обозначения, употребляемые в зарубежной науке: для первого документа под заглавием «О существовании Великой Венгрии, обнаруженном братом Рихардом во время господина папы Григория Девятого» – сообщение Рихарда, а для второго – «Письмо брата Юлиана о монгольской войне» – письмо Юлиана⁶.

Рихард сообщает, что в одном большом городе Великой Булгарии, который, к сожалению, не назван, «брат (Юлиан. – И.А.) нашел одну венгерскую женщину, которая выдана была замуж в те края из страны, которую он искал.

Она указала брату пути, по которым ему надо идти, утверждая, что через две дневки он, без сомнения, может найти тех венгров, которых ищет. Так и случилось. Ибо нашел он их близ большой реки Этиль»⁷. Очевидно, это была река Белая⁸. Оказалось, что «язык у них совершенно

¹ Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 228.

² Там же. С. 368, примеч. 41.

³ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 83.

⁴ Там же. С. 89-90.

⁵ Там же. С. 74.

⁶ Немет Ю.Ф. Венгерские племенные названия у башкир // АЭБ. Уфа, 1971. IV. С. 250.

⁷ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 81.

⁸ Там же. С. 73, 81, примеч. 1.

венгерский: и они его понимали и он их. Они – язычники, не имеют никакого понятия о Боге, но не почитают и идолов, и живут, как звери»¹.

По мнению Е.П. Казакова, Юлиан встретил «венгерку», указавшую ему дорогу на свою родину, в г. Биляре, а его встреча с «венграми» произошла в двух днях пути от этого города, «на берегу р. Камы, скорее всего в низовьях р. Зай»². Однако в источнике речь идет не о двух днях, а о двух дневках. «Дневка» – это старое русское понятие суточного отдыха коней и людей после двух-трех дней пути³. Стало быть, Юлиан находился в пути в течение 6–9 дней, т. е. ему пришлось преодолеть расстояние в 200–300 км. Значит, он продвинулся значительно дальше на восток, чем представляется Е.П. Казакову. Юлиан оказался «где-то в районе низовьев р. Белой»⁴ и отнюдь не ошибся. «В башкирском песенном фольклоре, как и в народной речи, Агидель нередко называется Идель»⁵.

Юлиановских венгров можно считать носителями чияликской культуры XII–XIV вв., границы распространения которой «очерчиваются поселениями и могильниками Камско-Бельско-Икского междуречья, а восточная граница этой территории проходит по левобережью нижнего течения р. Белой». Кроме того, носителями этой культуры были заселены окрестности современного города Уфы и низовья р. Демы⁶. Угры, таким образом, обитали на восточных и северных склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности⁷, которая считается основным районом расселения древнебашкирских племен⁸. С точки зрения археологии, это мнение пока не подкреплено соответствующими материалами, «но оно не должно безоговорочно отменяться», поскольку 59% территории Бугульминско-Белебеевской возвышенности «составляет пашня, по видимому, уничтожившая значительное количество памятников археологии»⁹. Многие известные там памятники не исследовались¹⁰.

¹ Там же. С. 81.

² Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // ФУ. Казань, 1997. № 1. С. 41, 53, рис. 10.

³ Рыбаков Б.А. Путь из Булгара в Киев // Древности Восточной Европы. М., 1969. С. 190.

⁴ Гарустович Г.Н. Об этнической принадлежности раннемусульманских памятников Западной и Центральной Башкирии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 135.

⁵ БНТ. Т. 10. С. 343.

⁶ Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 25–27.

⁷ Иванов В.А. Бугульминско-Белебеевская возвышенность как культурно-ландшафтная зона и проблемы ее археологического изучения // Ядьяр. Уфа, 1995. № 2. С. 88.

⁸ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 438.

⁹ Иванов В.А. Бугульминско-Белебеевская возвышенность как культурно-ландшафтная зона и проблемы ее археологического изучения. С. 81.

¹⁰ Там же. С. 88.

В письме Юлиана сообщается, что, завладев Великой Венгрией «и обратившись к западу, [татары] в течение одного года или немного большего [срока] завладели пятью величайшими языческими царствами: Сасцией, Фулгарией, взяли также 60 весьма укрепленных замков, столь людных, что из одного могло выйти пятьдесят тысяч вооруженных воинов (точно также в сообщении Рихарда сказано о том городе, в котором Юлиан встретил венгерскую женщину. – И.А.). Кроме того, они напали на Ведин, Меровию, Пойдовию, царство морданов (или «мордванов». – И.А.)»¹.

Единственный способ расшифровки названий этих пяти царств – это путь этнонимических сопоставлений «по созвучию», предлагаемый К.И. Козловой². Сам Юлиан эти названия услышал, скорее всего, от русских, но передал их в несколько искаженном виде. Слово «Пойдовия» искажено до неузнаваемости, а в названиях «Сасция» и «Фулгария» легко угадываются Саксин и Булгария³.

К.И. Козлова, М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин ставят знак равенства между Ведином и вядой – удмуртами «Слова о погибели Русской земли»⁴. В этом знаменитом литературном памятнике XIII в. в частности сказано: «Буртасы, черемисы, вяда и мордва бортничали на великого князя Владимира»⁵, т. е. платили дань медом Владимиру Мономаху. Упоминание вяды наряду с тремя народами Среднего Поволжья заставляет и ее отнести к тому же региону. Р.Л. Розенфельдт полагает: «Термин «вотяк», «отяк», как и более ранние Ведин, Вядин, Вята, Вяда произведены от названия р. Вятки», которая «еще болгарами называлась Ватка». По мнению цитируемого автора, этнонимы ватка, вяда и ведин обозначали группу удмуртов, жившую «на Чепце и частично на р. Вятке, на участке, примыкавшем к Чепце»⁶. Но М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин названия ведин и вяда рассматривают как варианты этнонима, обозначающего удмуртов в целом, хотя и «возникшего на основе названия одного из удмуртских племен – Ватка»⁷. Предпочтения заслуживает второй подход, так как маловероятно, что монгольское нашествие, относительно которого применительно к территории современной Удмуртии вообще ничего определенного сказать нельзя, затронуло и северную группу удмуртов, наиболее удаленную от Волжской Булгарии. Считается, что этноним удмурт, появившийся где-то на рубеже I и II тыс. н. э., «генетически восходит к болгарскому названию р. Вятки – Ваты («ват-

¹ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 85.

² Козлова К.И. Очерки этнической истории марийского народа. М., 1978. С. 76.

³ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 191.

⁴ Козлова К.И. Указ. соч. С. 76; Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Письменные источники по истории удмуртов IX-XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 11.

⁵ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 93.

⁶ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 144.

⁷ Гришкина М.В., Владыкин В.Е. Указ. соч. С. 11.

мурт», видоизм. «уд-мурт»: человек с Вятки)»¹. Значит, названия вяда, ведин и удмурт не только обозначают одну и ту же этническую общность, но и совпадают по смыслу.

Но есть и другая точка зрения, отождествляющая вяду с чувашами, которые были издавна известны мордве под этнонимом ветьке, якобы воспринятым русскими². Но существовал ли чувашский этнос уже в 30-е гг. XIII столетия? А.Х. Халиков и И.Х. Халиуллин страну Ведин связывают с предками чувашей³. Но основными их предками, как известно, были марийцы и булгары, страны которых (Меровия и Фулгария) упомянуты у Юлиана поимено Ведиана. В «Слове о погубели Русской земли» тоже упоминаются болгары и черемисы⁴. Поэтому мнение об идентификации названий вяда и ведин с удмуртами заслуживает предпочтения. А мордовский экзоэтноним чувашей – ветьке, который бытует и в настоящее время, очевидно, свидетельствует о том, что «какая-то часть удмуртов-ватка вошла в состав булгар – предков чувашей»⁵.

По поводу идентификации юлиановской Меровии тоже были высказаны две точки зрения. К.И. Козлова, А.Х. Халиков и И.Х. Халиуллин ставят знак равенства между Меровией и землей марийцев⁶, а Р.Л. Розенфельдт и Л. Клима – между Меровией и землей мерян (мери)⁷. Л. Клима при этом пишет, что уже «к началу XII в. меря в основном распустилась среди пришедших (т. е. славянских. – И.А.) племен»⁸, а этот аргумент свидетельствует явно не в пользу отстаиваемой им точки зрения. Могла ли земля мерян, находящаяся в составе Владимиро-Суздальского княжества, фигурировать у Юлиана в качестве самостоятельного величайшего языческого царства? Конечно, нет. Тем более в летописях меря в последний раз упоминается под 907 г.⁹ Не мог же этот этноним возродиться в источниках после более чем трехсотлетнего перерыва. Обратимся непосредственно к Юлиану. Сообщив о завоевании татарами пяти величайших языческих царств, среди которых упомянута Меровия, и их нападении на «царство морданов», он пишет о локализации татар у границ Руси с целью вторжения в эту страну¹⁰. Земля марийцев к тому времени уже была завоевана, а земля мерян еще не подвер-

¹ Владыкин В.Е. Удмурты // ВИ. 1969. № 11. С. 215.

² Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 40-41.

³ Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Указ. соч. С. 16.

⁴ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 93.

⁵ Удмурты: историко-этнографические очерки. Ижевск, 1993. С. 29-30.

⁶ Козлова К.И. Указ. соч. С. 76; Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Указ. соч. С. 16.

⁷ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 144; Клима Л. Поволжские финно-угры в письменных источниках I-II тыс. н. э. // Советское финно-угроведение. Таллин, 1989. Т. XXV. № 1. С. 48.

⁸ Клима Л. Указ. соч. С. 49.

⁹ Мифы древней Волги: мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней. Саратов, 1996. С. 40, 271.

¹⁰ См.: Аннинский С.А. Указ. соч. С. 86.

глась нападению. Стало быть, отождествление последней с Меровией противоречит смыслу рассказа самого Юлиана. Удачной следует признать точку зрения, отождествляющую Меровию с землей марийцев.

Джованни де Плано Карпини в числе народов Волго-Уральского региона, побежденных монголами, называет мордванов, билеров, отождествляемых с великой Булгарией, баскарт, отождествляемых с великой Венгрией, и живших «дальше к северу» от нее паросситов¹. Ниже дается перечисление земель, подчиненных монголами. Из названий, которые могут быть отнесены к Волго-Уральскому региону, там имеются следующие: «Баскарт, то есть великая Венгрия», «Билеры, то есть великая Булгария», «Паросситы», «Кангиты», «Команы», «Мордвы», «Хозары»². И, наконец, очень важна такая цитата: «С севера же к Комании, непосредственно за Руссией, Мордвинами и Билерами, то есть великой Булгарией, прилегают Баскарты, то есть великая Венгрия; за Баскартами Паросситы»³. Последние соотносятся с этнонимом пор⁴. Угорское население фратрии пор преобладало в Удмуртском Прикамье, где находятся святилище Чумайтло и другие памятники⁵.

Бенедикт Полоний, спутник Плано Карпини, пишет о стране Баскурд, также отождествляя ее с Великой Венгрией⁶.

Гильом де Рубрук в числе стран северной стороны, которые повинуются татарам, называет Моксель, великую Булгарию и Паскатири, то есть великую Венгрию. Он отмечает, что эти страны «полны лесов» и оттуда татарам «привозят дорогие меха разного рода»⁷. Ниже Рубрук пишет: «Язык паскатири и венгров – один и тот же; это – пастухи, не имеющие никакого города; страна их соприкасается с запада с Великой Булгарией»⁸. «То, что я сказал о земле Паскатири, я знаю через братьев проповедников, которые ходили туда до прибытия татар», – пишет также Рубрук⁹. Но ходил туда лишь один Юлиан, который ничего не сообщает о башкирах. Рубрук указывает, что некие бедные народы, живущие в северной стороне, соприкасаются на западе «с землею Паскатири, а это – Великая Венгрия»¹⁰.

Матфей Парижский (XIII в.) в своей «Великой хронике» под 1238 г. сообщает об опустошении татарами Великой Венгрии¹¹. В 1241 г. они уже «обе Венгрии», т. е. Великую и Малую, «неслыханной жестокостью

¹ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 25.

² Там же. С. 35-36.

³ Там же. С. 50.

⁴ Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир. С. 43.

⁵ Там же. С. 39-40.

⁶ Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. «Башкиро-мадьярская» проблема. (Краткий обзор основных источников.) // АЭБ. Уфа, 1962. I. С. 337.

⁷ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 76.

⁸ Там же. С. 101.

⁹ Там же.

¹⁰ Там же. С. 134.

¹¹ Матфей Парижский. Великая Хроника. С. 267.

как бы в пустыню превратили»¹. Примечательно, что Матфей Парижский не отождествляет Великую Венгрию с Башкирией, что и отличает его сочинение от путевых записок трех вышеназванных путешественников. В этом отношении хронист близок к Юлиану. Очевидно, Матфей ознакомился, по крайней мере, со вторым сообщением последнего.

Пропаганда католичества восточным венграм продолжалась и после Юлиана. Так, римский папа Иннокентий IV в 1253 г. включил «Ungari Maioris Ungarie» в состав языческих народов, среди которых было дозволено работать монахам-проповедникам. Папа Михаил IV отправлял миссии миноритов и доминиканцев к самым удаленным народам, включая самих монголов и тех же «Ungari Maioris Ungarie». Джон XII в 1329 г. сказал, что вера «Ungari Asiatici» не портится. Даже в 1369 г. была отправлена миссия к «Scythians of Greater Hungary»². Отчеты этих миссий, видимо, не сохранились. Самое главное здесь то, что «венгры Старшей Венгрии», они же «венгры азиатские», они же «скифы Большой Венгрии», нигде не отождествляются с башкирами. Значит, угры еще жили на Урале и в XIV в.

Таким образом, в западноевропейских источниках налицо две тенденции. Проводники первой тенденции (Плано Карпини, Бенедикт Полоний и Рубрук), лично не бывшие в приуральской лесостепи, отождествляют башкир с восточными венграми. Проводниками второй тенденции были Юлиан и брат Иоганка венгр из ордена миноритов, который в своем письме, написанном в 1320 г.³, сообщает о Баскардии, большом народе, подчиненном татарам. Но это название скорее страны, нежели народа, хотя ниже упоминаются ее жители – баскарды, среди которых миссионер прожил «6 лет непрерывно»⁴. Таким образом, эти авторы пишут либо только про «венгров», либо только про «баскардов», в среде которых они лично побывали, хотя последователем Юлиана был Матфей Парижский, который сам не путешествовал. В этой связи показательным, что арабо-персидские авторы X-XIV вв. причисляли башкир к тюркам⁵. Для нас особенно важны указания ал-Омари и Рашид ад-Дина.

Какой же представляется территория Башкирии по нарративным источникам? Якут, ал-Казвини и ад-Димашки пишут о горном хребте башкир, под которым подразумеваются Уральские горы⁶. У Идриси восточная ветвь р. Волги описана как начинающаяся «среди басджиртов»⁷. Здесь имеется в виду, конечно же, р. Белая⁸. Г. де Рубрук пишет о реке Ягак (Яик), что «она течет с севера из земли

¹ Там же. С. 271.

² Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. P. 171.

³ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 94.

⁴ Там же. С. 92.

⁵ Гарипов Т.М., Кузеев Р.Г. Указ. соч. С. 336.

⁶ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 713; Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // АЭБ. IV. С. 325.

⁷ Macartney C.A. The Oldest Report on the Countries of the North. P. 222, note 2.

⁸ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 136.

Паскатиер»¹. А.М. Курбский писал: «те живут башкирцы вверх великие реки Камы (очевидно, автору Белая представлялась продолжением Камы. – И.А.) в лесах»². Стало быть, земля башкир на протяжении XII–XVI вв. (т. е. в течение всего рассматриваемого нами хронологического отрезка) локализовалась в верховьях Белой и Яика, т. е. в горно-лесной зоне Южного Урала. В одном башкирском предании, пересказанном П. Назаровым, говорится, что предки башкир, находившиеся в язычестве, жили на Уральских горах³. Урал-тау назван гнездовьем башкир в их эпосе «Идукай и Мурадым», в котором действие происходит в золотоордынскую эпоху⁴. В то же время на карте Идриси, составленной в 1154 г. и приложенной к его книге, «земля башкир («ард басджирт») помещена к востоку от Волжской Болгарии («ард болгар») и к западу от Уральских гор («джебел Оскаска»)». Получается, что «башкиры в это время занимали западные и юго-западные территории современного Башкортостана, по долине р. Белой гранича с приуральскими уграми»⁵. А на карте 1367 г., составленной итальянскими купцами Франциско и Доменико Пицигани, название «пашерти», т. е. башкиры, помещено на месте Приуралья⁶. В предании о бурзянах сказано, что они обитали в юго-западном краю Башкирии «еще во времена ханов-каганов»⁷. Но из другого предания известно, что, когда на них напали враги, то «мужчины спрятали женщин в скалах, а сами ушли воевать»⁸. Это уже не юго-западный, а, скорее, южный край Башкирии. Таким образом, нарративные источники дают нам две версии пространственной локализации башкир золотоордынского времени: с одной стороны – Южный Урал, а с другой – Юго-Западное Приуралье, т. е. Бугульминско-Белебеевская возвышенность. Очевидно, эти две версии не следует противопоставлять. Надо обратить внимание на предание «Акман-Токман». «Но однажды с востока, со стороны Алтая, пришла страшная черная рать. Было это летом. Весь народ, вся скотина были на яйляу, в лесах и горах, в долинах рек»⁹. Здесь легко угадывается ситуация 1236 г. Это типичная картина второй стадии кочевания. Получается, что летом башкиры содержали скот в горах Южного Урала, а на Бугульминско-Белебеевской

¹ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 101.

² Курбский А. История о великом князе Московском // Памятники литературы Древней Руси: вторая половина XVI века. М., 1986. С. 260.

³ Башкиры. (Из статьи Назарова.) // Отечествоведение: Россия по рассказам путешественников и ученым исследованиям. СПб., 1866. Т. III. С. 173.

⁴ БНТ. Т. 10. С. 47–48.

⁵ Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? С. 91–92.

⁶ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII–XIV вв. М., 1985. С. 131–132.

⁷ БНТ. Т. 2. С. 164.

⁸ Там же. С. 52.

⁹ БПЛ. С. 97.

возвышенности они, очевидно, проводили зиму. Только так можно примирить противоречивые показания источников, не только преданий самих башкир, но и того же Идриси, у которого тоже совмещены обе версии. Может быть, башкиры начали осваивать горнолесной Урал уже в домонгольское время. А в 20-х гг. XIII в. путь в степь для них был отрезан, и сокращение ареала обитания надо было чем-то восполнить. Теперь мы знаем, где надо искать памятники башкир (карта 6).

Археологи связывают с башкирами погребения Сынтыштамакского могильника золотоордынского времени¹. Могильник находится в Благоварском районе Башкортостана, т. е. на Бугульминско-Белебеевской возвышенности. Там же расположены и другие однотипные могильники: Куштиряжский (Бакалинский район), Резяповский (Чекмагушевский район) и Аверьяновский (Самарская область). Все они датируются XIV в.² Всего имеется 20 погребений в 18 курганах. Все курганные насыпи земляные (18 – 100%). В одной курганной насыпи (5,55%) были найдены кости лошади, барана и угли. Погребения – основные – 15 (75%) и впускные – 5 (25%). Преобладают простые прямоугольные могильные ямы с отвесными стенками (17 – 85%), в двух случаях (10%) с левой стороны от костяка вдоль длинной стенки были сделаны широкие ступеньки, в одном (5%) – контуры могильной ямы не прослежены. Большинство костяков захоронено в положении вытянуто на спине (18 – 90%), в одном случае (5%) скелет был склонен на левый бок, в одном случае (5%) положение костяка не выяснено. В четырех случаях (20%) черепа были развернуты в правую сторону. Ориентировка распределяется следующим образом: ЮЗ – 10 случаев (50%), З – 6 (30%), СЗ – 3 (15%) и С – 1 (5%). В четырех погребениях (20%) имелись кости лошади, в одном (5%) – кости барана и жеребенка. Восемь погребений (40%) без вещей, двенадцать погребений (60%) с вещами. По всем основным признакам эти земляные курганы лесостепного Приуралья не выходят за рамки земляных курганов степного Приуралья, в то время как краниологический материал Сынтыштамакского могильника «показывает довольно резкие расхождения» с синхронными черепами бассейна р. Урал³, но обнаруживает сходство с современными башкирами, «что предполагает генетическую преемственность»⁴.

¹ Васюткин С.М. К этнической истории Южного Приуралья в XIII-XIV вв. // Материалы по археологии Южного Урала. Уфа, 1992. С. 129; Иванов В.А. Бугульминско-Белебеевская возвышенность как культурно-ландшафтная зона и проблемы ее археологического изучения. С. 87.

² Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Уфа, 1998. Гл. III. С. 31-34.

³ Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир: препринт. Уфа, 1991. С. 15.

⁴ Там же. С. 20.

Согласно С.А. Плетневой, на второй стадии кочевания, «как правило, могильники находились у зимников», что «подтверждается как будто фактом характерных именно для зимы сезонных отклонений от принятой по обряду ориентировки покойника»¹. А в данном случае мы имеем факт преобладания юго-западной ориентировки! Известно, что с установлением монгольского господства башкиры лишились возможности практиковать привычные зимние кочевые маршруты в степь², что было связано с изменением не столько демографической, сколько политической обстановки. Но если теперь башкиры стали зимовать на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, то куда же они могли перегонять скот на лето? Еще во второй половине XVIII в. башкиры для летнего содержания своих стад предпочитали горные и предгорные местности³. Таким образом, меридиональный цикл кочевания в XIII в. сменился на яйлажный. Поскольку трава на склонах Бугульминско-Белебеевской возвышенности к сентябрю почти полностью выгорает⁴, не говоря уже о высоком и длительном снежном покрове⁵, что осложняет тебеневку, башкирам теперь, очевидно, приходилось в какой-то мере прибегать к заготовке кормов на зиму. Для этого на зимниках и на летний период должна была оставаться часть работоспособного населения, что было предпосылкой для перехода к третьей стадии кочевания.

Интерес представляет также захоронение 7 кургана 1 Сыртлановского могильника в Мелеузовском районе, которое располагалось близко к поверхности (впукное?). Костяк лежал вытянуто на спине головой на запад. Вещевой материал отсутствует. М.Ф. Обыденнов отнес это захоронение примерно к середине II тыс. н. э. и отметил влияние мусульманского погребального обряда⁶. Очевидно, человек, захороненный здесь, был представителем той группы населения, которая оставила целый ряд поселенческих памятников, расположенных поблизости. Это прежде всего селища Канькаево II, Береговское III, Иткучуково II, Хлебодаровка IV, Смаково, Красноярское I и II, первое из которых находится недалеко от г. Стерлитамака, в Ишимбайском районе, а все остальные – у южной излучины Белой, в Мелеузовском районе. Эти поселения, культурный слой которых очень беден находками, В.Д. Викторова отнесла к памятникам так называемого ишкуловского типа, отметив их синхрон-

¹ Плетнева С.А. Кочевники Средневековья. С. 42.

² Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. С. 175; Халфин А.С. Культура жизнеобеспечения юго-западных башкир (историко-экологический аспект): канд. дисс. Уфа, 1997. С. 36, 50.

³ Акбулатов И.М. Экономика ранних кочевников Южного Урала (VII в. до н. э. – IV в. н. э.). Уфа, 1999. С. 29.

⁴ Иванов В.А. Путиами степных кочевий. С. 65-66.

⁵ Иванов В.А. Бугульминско-Белебеевская возвышенность как культурно-ландшафтная зона и проблемы ее археологического изучения. С. 81.

⁶ Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. Уфа, 1997. С. 47, 110.

ность селищу Береково¹. Последнее находится тоже в Мелеузовском районе и по поливной керамике желтого цвета датируется XIII-XIV вв.². Особняком стоит и селище Аптраково ныне того же Мелеузовского района, отнесенное к первой половине II тыс. н. э. Само Ишкуловское селище, находящееся в Абзелиловском районе, определяется как место башкирской кочевки XIV-XV вв.³ На трех последних селищах заметны округлые впадины глубиной 10-30 см и диаметром 3-6 м. Это следы легких жилищ типа юрт⁴. М.Ф. Обыденнов из поселенческих памятников Мелеузовского района называет еще Басурмановское, Бельское II и III, Хасановское I, Апасевское селища и относят их, как и те, что были известны раньше, к периоду XIII-XV вв.⁵ Вот эти селища и надо рассматривать в качестве летних стоянок башкир в предгорных и горных районах Южного Урала. Однако в своем большинстве они еще не раскапывались, так что выводы об их датировке и культурной принадлежности являются сугубо предварительными.

В предании «Булгары и башкиры» сообщается, что уже во время существования булгарского государства, посредством деятельности посланных отсюда миссионеров «ислам распространился среди башкир, живущих в долинах Агидели, Ика, Демы, Таныпа»⁶. Из предания «Биксура» известно, что до нашествия монголов башкирские роды байляр и буляр кочевали в долинах рек Агидель, Ик, Мэлле и Минзели⁷. В преданиях «Семиродцы» и «Бурзянцы» кыпсаки размещаются соответственно в долине Ика⁸ и в низовьях Агидели⁹. Это, видимо, явление более позднего времени.

Именно фольклорный материал и дал основание Н.А. Мажитову и А.Н. Султановой рассматривать чияликские древности как памятники буляр-байлярской группы башкир¹⁰. Но мнение большинства исследователей о принадлежности чияликской культуры уграм основывается на анализе археологического материала, который к настоящему времени изучен достаточно полно. Примирить эти два подхода можно только таким образом: носители чияликской культуры были угорскими предками буляр-байлярских башкир. Угорское население низовьев Агидели и долины Ика впоследствии было тюркизировано под воздействием поселившихся там кыпчаков, что, по-видимому, обошлось без значительного смешения с последними.

¹ Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Вып. 4. Свердловск, 1962. С. 172.

² Там же. С. 163, 166.

³ Там же. С. 172.

⁴ Там же. С. 163, 170, 172; АКБ. М., 1976. С. 200.

⁵ Обыденнов М.Ф. Археологические памятники верховьев Агидели. С. 108.

⁶ БПЛ. С. 93.

⁷ Там же. С. 95.

⁸ БНТ. Т. 2. С. 112.

⁹ Там же. С. 118.

¹⁰ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. Указ. соч. С. 264-265.

В западной части Волго-Уральского региона, помимо мордовских памятников, этнокультурная идентификация которых ни у кого не вызывает сомнений, на их южной периферии – «к западу от Самарской Луки в бассейне верхнего течения рек Свияга, Сура, Мокша, Вад, Выша и др., т. е. в районе между Волгой и Окой» – в результате археологических исследований второй половины XX в. была выделена особая группа, насчитывающая «до 70 памятников (городищ и селищ), датированных преимущественно домонгольским временем и содержащих близкую к болгарской керамику и другие предметы»¹. Эти средневековые памятники «с однотипным устройством и одинаковым комплексом находок»² находятся «преимущественно в северных районах Пензенской области»³. Наиболее известный исследователь рассматриваемых памятников – М.Р. Полесских – в своих публикациях объединял их под следующими условными названиями: «городища (из которых наиболее известны Золотаревское и Юловское. – И.А.) и селища с красной круговой керамикой»⁴ или «памятники типа Золотаревского городища»⁵. В настоящее время используются такие обозначения, как «памятники с красногончарной посудой (КГП)»⁶ или «памятники с коричнево-красной гончарной посудой (ККГП)»⁷. На начало 1990-х гг. насчитывалось 30 городищ и 39 селищ⁸.

М.Р. Полесских связывал носителей этих памятников с бургасами⁹, которые были близки «культурно, а, может быть, и этнически волжским булгарам». Но, вместе с тем, «полностью отождествлять пензенские и сопредельные с ними городища с булгарскими» не допустимо¹⁰. Ибо памятники с КГП содержат в своей культуре «явные булгарские особенности, но с достаточно определенным своеобразием», о чем свидетельству-

¹ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 88.

² Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 202.

³ Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обугаризированных бургас // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 56.

⁴ Полесских М.Р. В недрах времен: археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956. С. 81.

⁵ Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища. С. 202-216.

⁶ Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Историография древней истории Пензенского края: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Пенза, 1995. С. 29.

⁷ Там же. С. 30.

⁸ Белорыбкин Г.Н. Бургасы – посопные татары // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. М., 1997. Т. III. С. 35.

⁹ Полесских М.Р. 1) К вопросу об этнической принадлежности некоторых городищ позднего Средневековья // Аннотированный перечень докладов и сообщений, поступивших на учредительный съезд историко-археологического общества. Казань, 1962. С. 64; 2) Исследование памятников типа Золотаревского городища. С. 215.

¹⁰ Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища. С. 214-215.

ет, например, мысовое расположение городищ, что крайне редко наблюдается в самой Булгарии¹. Е.П. Казаков об этих памятниках пишет, что «связывать появление их с волжскими болгарскими мешает полное отсутствие в них урало-прикамского компонента (шумящих подвесок, круглодонной посуды с веревочным орнаментом и т. д.), органически присущего культуре болгар»².

А.Х. Халиков пензенские городища и селища с ККГП причислял «к болгарскому кругу памятников»³, так как они были оставлены обугларизированными (обуларизованными) буртасами⁴, земли которых находились в составе болгарского государства⁵. Буртасы в таких условиях «в значительной мере были обугларизированы, хотя и сохраняли свои особенности в культуре и языке»⁶. А.В. Расторопов пензенские поселения характеризует термином «памятники болгарского типа»⁷. По мнению Г.Н. Белорыбкина, в археологическом плане эти памятники «составляют один из вариантов культуры Волжской Булгарии», а в этническом плане они оставлены буртасами⁸.

В «Насировых разрядах» ал-Джуджани земля буртасов названа в числе попавших под власть Бату-хана⁹. Рашид ад-Дин сообщает о завоевании буртасов монголами¹⁰. В «Истории» Хайдера Рази, сочинении начала XVII в., «фуртасы» фигурируют в качестве подданных потомков Джучи, царей Ак-Орды¹¹. Что же касается восточных источников XIII-XV вв., то среди них есть и такие, «данные» которых о буртасах не представляют для исторической науки никакого интереса. К числу таких источников относится сочинение Ибн Абд ал-Мунима ал-Химйари (XV в.) «Китаб ар-Рауд ал-митар», где све-

¹ Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обугларизированных буртас. С. 56.

² Казаков Е.П. Этапы взаимодействия волжских болгар с финнами Поволжья // Средневековые древности Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1992. С. 48.

³ Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // *Tatarica. Vammalan*, 1987. С. 343.

⁴ Халиков А.Х. 1) Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 63; 2) Татарский народ и его предки. С. 88-89.

⁵ Халиков А.Х. Венгры, болгары и буртасы в Среднем Поволжье и Приуралье // Урало-алтаистика. (Археология. Этнография. Язык). Новосибирск, 1985. С. 28, 30.

⁶ Халиков А.Х., Валиуллина С.И. Проблемы изучения археологии Среднего Поволжья и Приуралья в Казанском университете // Страницы истории Поволжья и Приуралья. Казань, 1984. С. 174; Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар. С. 345.

⁷ Расторопов А.В. Проблема этноса в археологических исследованиях Верхнего Посурья и Примокшанья эпохи средневековья (IX-XIV вв.) // Вопросы этнической истории Волго-Донья. Пенза, 1992. С. 71.

⁸ Белорыбкин Г.Н. Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995. С. 42.

⁹ Золотая Орда в источниках. С. 251.

¹⁰ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

¹¹ Золотая Орда в источниках. С. 397.

дения о буртасах относятся ко времени не позже X в.¹ Такой же оценки заслуживает Закарийа ал-Казвини, у которого сказано: «Буртас – обширная область у хазар» и т. д. повторяются хрестоматийные сведения арабо-персидских авторов IX-X вв.² К этому же кругу источников следует отнести Якута (XII-XIII вв.)³, Ибн Саида ал-Магриби (XIII в.)⁴, Исмаила ибн Али ал-Аййуби Абу-л-Фида (XIV в.)⁵, Мирхонда (XV в.)⁶. Все они пишут о буртасах без всякой привязки к событиям золотоордынской эпохи, т. е. ко времени, когда они сами жили. Тем не менее, нельзя считать, что в X в. буртасы уже исчезли без следа⁷. Неправомомерность такого мнения давно уже отмечалась в историографии⁸. Оно основано, очевидно, исключительно на арабских источниках, но не учитывает сведения персидских авторов, которые были приведены выше. Именно эти сведения позволили сделать вывод о том, что термин «буртасы» был одним из этнонимов, которые определяли «этническую картину Поволжского региона в золотоордынский период»⁹.

Рихард сообщает, что Юлиан, двигаясь из Алании, в течение 37 дней шел по безлюдной пустыне и, наконец, прибыл «в страну сарацинов, что зовется Вела». Побывав в двух городах этой страны, Юлиан «сделался слугой одного сарацинского священника с женой, который собирался в Великую Булгарию. Туда они вместе и добрались». О расстоянии от страны Вела до Булгарии в источнике не сообщается¹⁰. Г.Н. Белорыбкин и С.А. Кишинская поместили отрывок из сообщения Рихарда, где рассказывается о пребывании Юлиана в стране Вела, в один из разделов приложения своей книги, который озаглавлен «Письменные сообщения арабо-персидских и русских источников о буртасах»¹¹. С такой позицией исследователей можно согласиться, учитывая, во-первых, то обстоятельство, что юлиановская Вела была мусульманской страной. Надо обратить внимание на отсутствие в остеологическом материале по-

¹ Левицкий Т. «Китаб ар-Рауд ал-ми тар» Ибн Абд ал-Мунима ал-Химйари (XV в.) как источник сведений о Восточной, Центральной и Северной Европе // Проблемы востоковедения. 1960. № 3. С. 135.

² Абд ар-Рашид ал-Бакуви. Указ. соч. С. 102.

³ См.: Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 94; Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Указ. соч. С. 86-87.

⁴ См.: Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Указ. соч. С. 87-88.

⁵ См.: Там же. С. 90.

⁶ См.: Там же. С. 92.

⁷ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. I. С. 240.

⁸ Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища. С. 215.

⁹ Арсланова А.А. Указ. соч. С. 118.

¹⁰ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 80.

¹¹ Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Указ. соч. С. 88-89.

селенческих памятников с ККГП костей свиньи¹. Исламское вероисповедание обулгаризированных буртасов, очевидно, и явилось причиной того, что их погребальные памятники на сегодняшний день почти неизвестны. Исключение составляют шесть раннемусульманских погребений XIV в. на Наровчатском городище², вещевой материал которых содержит, в частности, красную круговую керамику³. К XV-XVI вв. относится так называемый «Буртаский могильник» у с. Николаевка (быв. Буртас) в Мордовии, где были исследованы мусульманские захоронения⁴. Вторых, надо иметь в виду, что арабо-персидские авторы IX-X вв. помещают буртасов на пути от хазар к булгарам, на расстоянии в 15 дней пути от первых, на реке Итиль⁵, точнее, на правом берегу этой реки⁶. «Между буртасами и булгарами три дня пути»⁷. Согласно А.Х. Халикову, территория бассейнов рек Цны, Мокши и верхнего течения Суры уже в IX-X вв. была основной зоной расселения буртасов⁸.

Считаю необходимым заметить, что мы не собираемся здесь решать проблему буртасов как таковую. Нас интересует лишь проблема их локализации в рассматриваемый период. По вопросу об их этнической территории в раннем средневековье начиная с середины 1980-х гг. ведется горячий спор⁹. Г.Е. Афанасьев связывает с буртасами лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры¹⁰. Но, по его мнению, в начале X в. «какая-то часть буртасов продвинулась на территорию мордвы и мещеры на Средней Волге, где их упоминают источники вплоть до XVII в.»¹¹. По вопросу же о локализации буртасов в позднем средневековье другого мнения нет. Весь спор, таким образом, можно свести к вопросу о времени их появления в Средневожском регионе, что для нашей темы значения не имеет.

Рашид ад-Дин называет мокшу, буртасов и арджанов, которые одновременно были завоеваны монголами¹². Арджаны идентифицируются

¹ Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища. С. 207; Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар. С. 344; Петренко А.Г. К истории хозяйственной деятельности населения Юловского городища // Страницы истории Волго-Донья. С. 62.

² Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища. С. 212-213.

³ Полесских М. В недрах времен. С. 97.

⁴ Белорыбкин Г.Н. Буртасы – поспонные татары. С. 34.

⁵ Заходер Б.Н. Указ. соч. С. 27.

⁶ Там же. С. 28.

⁷ Там же. С. 26.

⁸ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 165.

⁹ См.: Халиков А.Х. К вопросу об этнической территории буртасов во второй половине VIII – начале X в. // СЭ. 1985. № 5; Афанасьев Г.Е. Буртасы и лесостепной вариант салтово-маяцкой культуры (ответ А.Х. Халикову) // Там же.

¹⁰ Афанасьев Г.Е. Население лесостепной зоны бассейна Среднего Дона в VIII-X вв. (аланский вариант салтово-маяцкой культуры). М., 1987. С. 167.

¹¹ Афанасьев Г.Е. Буртасы // Исчезнувшие народы. М., 1988. С. 96.

¹² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

с эрзянами (эрзей)¹. Интересующие нас восточные авторы не упоминают о мордовском народе, а данное упоминание о мокше и эрзе является единственным. Особый интерес представляют буртасы. Уже отсюда можно сделать вывод, с одной стороны, об их территориальной близости с мордвой, а с другой, о том, что, в то же время, не допустимо отождествлять их как с мордвой-мокшей, так и с мордвой в целом. Мордовская гипотеза буртасской проблемы² была долгое время популярна в исторической науке³. Из археологов ее особенно поддерживал А.П. Смирнов⁴. Однако впоследствии он был вынужден отказаться от данной точки зрения. «По-видимому, многие из нас делали ошибку, сопоставляя мордву мокшу с буртасами. — Писал А.П. Смирнов в одной из своих более поздних работ, ссылаясь при этом на самого себя. — Живя смешанно..., буртасы и мокша получали нередко одну и ту же характеристику. Однако в ряде документов буртасы упоминаются наряду с мокшей, что не позволяет их смешивать»⁵. Стало быть, «буртасы являлись особым племенем, близким мордве»⁶. Из контекста первой цитаты видно, что речь идет о территориальной близости буртасов и мордвы-мокши, но отнюдь не об их этническом родстве. А.П. Смирнов поддержал мнение М.Р. Полесских о принадлежности поздним буртасам памятников с КГП⁷. Мордовская гипотеза буртасской проблемы давно уже безнадежно устарела. Она не соответствует современному уровню развития исторической науки. Правда, в поддержку данной гипотезы сравнительно недавно выступил А.П. Новосельцев, который, однако, не добавил к аргументации этой «старой точки зрения» ничего нового⁸. П.Н. Милюков правильно отмечал, что мордва и буртасы – это народы различные. «Но так же несомненна и тесная связь между ними»⁹.

Проблема соотношения буртасов и мордвы освещается и в некоторых западноевропейских источниках XIII в. В сообщении Рихарда, кроме страны Вела, упоминается «царство мордванов», через которое про-

¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 191; Пашуто В.Т. Монгольский поход в глубь Европы // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 214; Клима Л. Указ. соч. С. 45; Арсланова А.А. Указ. соч. С. 119.

² См.: Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 180.

³ См. напр.: Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. I. С. 29; ср.: ВИ. 1956. № 12. С. 149.

⁴ Смирнов А.П. 1) Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). Чебоксары, 1948. С. 29, 30; 2) Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. С. 157, 16б.

⁵ Смирнов А.П. Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. Казань, 1957. С. 21.

⁶ Там же. С. 24-25.

⁷ Полесских М.Р. О культуре и некоторых ремеслах обулгаризированных буртас. С. 56.

⁸ Новосельцев А.П. Хазарское государство и его роль в истории Восточной Европы и Кавказа. М., 1990. С. 112.

⁹ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 476.

шел по реке (очевидно, это Волга) Юлиан, «возвращаясь из вышесказанной Венгрии»¹. В письме самого Юлиана названо «царство морданов»², а ниже упомянуты «мордуканы»³. У Матфея Парижского в «Великой Хронике» фигурируют «некие племена, именуемые морданами»⁴.

Гильом де Рубрук сообщает, что к северу от страны Сартаха, что расположена за Танаидом, «находятся огромные леса, в которых живут два рода людей, именно: Моксель, не имеющие никакого закона, чистые язычники. Города у них нет, а живут они в маленьких хижинах в лесах... Сзади них живут другие, именуемые Мердас, которых латины называют Мердинси, и они – Саррацины. За ними находится Этилия»⁵. Термин «Моксель» практически всеми исследователями интерпретируется как мокша, с чем нельзя не согласиться⁶. Что же касается народа мердас, то П.Д. Шестаков, Х. Паасонен, С.К. Кузнецов отождествляли его с буртасами, а В.Ф. Минорский – с мордвой-эрзей⁷. Б.А. Васильев насчет последней точки зрения высказался так: «Нет никакой возможности приписать сведения о мусульманстве мордве (мокше или эрзе – безразлично) и поэтому попытки видеть в «мердас» мордву-эрзю лишены фактических оснований»⁸. Цитируемый автор обратил внимание, что, «согласно прямому смыслу текста Рубрука, народ Merdas... жил не к северу от мокши, а к востоку». «Обычный перевод этого места Рубрука на русский язык: «сзади них живут другие», – отмечает Б.А. Васильев, – не точен. Надо: «за ними живут другие», т. е. к востоку, по направлению пути Рубрука. В таком же смысле Рубрук ниже пишет: «за ними (т. е. дальше к востоку от мердас) находится река Волга-Этилия»⁹. В «Худуд ал-алам» (сочинение среднеазиатского анонимного географа X в.) тоже сказано, что к востоку от области буртасов находится р. Итиль¹⁰. Неудивительно, что Рубрук знает лишь об одной отрасли мордовского народа. Его информировали «люди, знавшие южные территории мордвы»¹¹. Другое мнение, согласно которому этноним мердас употреблялся Рубруком для обозначения всей мордвы, т. е. мокши и эрзи, было высказано В.А. Юр-

¹ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 82.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 89.

⁴ Юрченков В.А. Взгляд со стороны: очерки. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI-XVIII столетий. Саранск, 1995. С. 53.

⁵ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 88.

⁶ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. М., 1991. Т. IV. С. 37; Милюков П.Н. Указ. соч. С. 476; Козлов В.И. Расселение мордвы. (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. С. 10; Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 108; Юрченков В.А. Указ. соч. С. 58.

⁷ Васильев Б.А. Указ. соч. С. 190.

⁸ Там же. С. 192.

⁹ Там же. С. 191.

¹⁰ Заходер Б.Н. Указ. соч. С. 238.

¹¹ Клима Л. Указ. соч. С. 46-47.

ченковым¹. По поводу употребления термина «саррацины», «под которыми в средние века понимались мусульмане», он пишет: «В данном случае Г. де Рубрук явно ошибается»². Однако сам Рубрук пишет, что есть «два рода людей»: моксель и мердас³, т. е. не дает основания полагать, что первые есть часть вторых. Значит, ошибается не он.

Английский ученый XIII в. Роджер Бэкон в своем «Великом сочинении», написанном в 1267-1268 гг. и содержащем в себе характеристику обитаемой части мира⁴, писал, что есть «народ, живущий сразу за рекой Танаис и называемый моксель, подчиненный тартарам. И они – язычники, живущие совершенно без закона, города у них нет, но хижины в лесах... За ними к востоку живет некий народ, называемый мердуим, зависимый от тартар. Но они – сарацины, живущие по законам Магомета. За ними находится... река Этилия»⁵. «Р. Бэкон, по его собственному признанию, «прилежно просмотрел книгу» Г. де Рубрука»⁶. Цитированный из Р. Бэкона отрывок, действительно, имеет очень близкие соответствия у Г. де Рубрука. Но у Бэкона яснее указано географическое расположение буртасов, живущих к востоку от мокши. Ценным является его указание о том, что народ мердуим зависим от татар, чего Рубрук не пишет о народе мердас.

Восточным пределом расселения основного массива мордовских племен в XIII в. являлась р. Сура⁷. Значит, судя по сообщениям Г. де Рубрука и Р. Бэкона, этническая территория буртасов находилась в Волжско-Сурском междуречье. В «Слове о погибели Русской земли» этот народ помещен между болгарами и черемисами⁸, что вполне согласуется с указаниями этих авторов. Но такая локализация не совпадает с ареалом распространения памятников с ККГП, хотя противопоставлять эти две версии друг другу не представляется целесообразным. В пределах Средневолжского региона можно выделить два района распространения топонимов, производных от этнонима буртас: юго-западный – в основном в Мордовии и Пензенской области, и северо-восточный – в основном в Чувашии и правобережной Татарии⁹. Таким образом, первый рай-

¹ Юрченков В.А. Указ. соч. С. 58.

² Там же. С. 59.

³ Вильгельм де Рубрук. Указ. соч. С. 88.

⁴ См.: Юрченков В.А. Указ. соч. С. 65-66.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Там же.

⁷ Козлов В.И. Указ. соч. С. 5, 7.

⁸ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 93.

⁹ См.: Попов А.И. Буртасы и мордва // УЗ ЛГУ № 105. Серия востоковедческих наук. Л., 1948. Вып. 2. С. 201-203; Калинин Н.Ф., Халиков А.Х. Итоги археологических работ за 1945-1952 гг. Казань, 1954. С. 59; Васильев Б.А. Указ. соч. Карта-вклейка; Никонов В.А. Введение в топонимику. М., 1965. С. 41, рис. 1; Расторопов А.В. К вопросу о локализации буртасов по письменным и археологическим источникам // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 76.

он совпадает с археологической локализацией буртасов позднего средневековья (М.Р. Полесских, А.Х. Халиков, Г.Н. Белорыбкин), а второй – с показаниями Г. де Рубрука и Р. Бэкона. Поэтому не исключено, что «буртасы в какой-то мере участвовали в образовании современных чуваш и татар»¹. А.П. Смирнов в свое время писал, что появление буртасов в пределах Казанского и Чувашского течений Волги было следствием монгольского нашествия². Археологически такое перемещение до сих пор не прослеживается. Но в недавнем прошлом в Цивильском районе Чувашии «существовала группа селений, жители которых именовались у соседей буртасами»³. Надо полагать, что буртасский компонент в составе современных чувашей и казанских татар как археологически, так и этнографически очень близок болгарскому компоненту и поэтому не вычлняется из него.

Иосафат Барбаро знает область Мордовию, которой «владели татары», и народ «мордовцы»⁴. Таков перевод Е.Ч. Скржинской. В подлиннике же фигурируют область «Мохіа» и народ «Мохіі»⁵. По мнению целого ряда других исследователей, эти термины более точно было бы переводить как «мокша»⁶. И с этим нельзя не согласиться. Таким образом, в Западной Европе была известна только мокша, т. е. южная часть мордвы. О ней Барбаро, как и его предшественники, только слышал⁷.

По утверждению «булгаристов», волжские булгары, войдя в состав Золотой Орды, сохранились как этнос со своим прежним названием. Х.Г. Гимади даже видел пассивную борьбу против золотоордынского ига в отказе жителей Булгарии именовать себя в подражание завоевателям татарами⁸. Но мы не знаем, как называли себя сами жители бывшего болгарского государства в то время. В русских летописях при описании событий второй половины золотоордынского периода вплоть до 1431 г.⁹ применительно к Средневолжскому региону употребляется название Болгары. А.Х. Халиков видит здесь имя страны и народа. Для доказательства этого тезиса он совсем некстати констатирует факт, что летописи пишут о городе

¹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). С. 303.

² Смирнов А.П. 1) Археологические памятники Чувашии и проблема этногенеза чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 19; 2) Некоторые вопросы средневековой истории Поволжья. С. 25.

³ Смирнов А.П. Древняя история чувашского народа (до монгольского завоевания). С. 29.

⁴ Барбаро и Контарини о России. С. 159.

⁵ Там же. С. 133.

⁶ Юрченков В.А. Указ. соч. С. 81.

⁷ Барбаро и Контарини о России. С. 99.

⁸ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. I. С. 97.

⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. 12. С. 9.

Болгаре и далее приводит многочисленные примеры¹. Действительно, из летописных сообщений в большинстве случаев неясно в каком значении употребляется там слово «Болгары». Но в его сохранении нет ничего удивительного. Оно объясняется существованием города Булгара и его административно-политической ролью в регионе Среднего Поволжья. От его названия и было производным название страны и населения. Подобным же образом и на Руси название столицы экстраполировалось на население княжества (тверичи, рязанцы и т. д.). Позднее появился новый термин, употребившийся в аналогичном, т. е. не в этническом значении – «казанцы». Разницу между этими двумя терминами надо видеть в хронологическом плане, поэтому Никоновская летопись неоднократно проводит параллель между ними. Там уже при описании событий золотоордынской эпохи употребляются такие выражения, как «Болгоры, глаголемыя Казанцы»², или, что точнее, «еже ныне глаголются Казанцы»³. Под 1236 г. сказано, что завоеватели «поплениша всю землю Болгарскую, глаголемую Казанскую»⁴. А как в этом отношении обстоит дело с восточными источниками? Булгары как этнос у арабских авторов применительно к золотоордынскому периоду вообще не упоминаются. Там речь идет о городе Булгаре, о болгарской земле, но не о самих булгарах. В персидских же источниках этот этнос упоминается, правда весьма редко. Так, Шереф ад-Дин Йезди числит булгар в войске Тохтамыша в 1388 г.⁵, а в «Родословии тюрок» сказано, что Батый овладел страной булгар⁶. Таким образом, имеются лишь два примера. В западноевропейских источниках волжские булгары позже XIII в. не упоминаются.

Начиная с 60-х гг. XIV в. в русских летописях прослеживается употребление термина «татары» применительно к населению Болгарской земли. Для примера возьмем Никоновскую летопись. В сообщении под 1360 г. сказано, что ушкуйники побили в Жукотине множество татар, а в отместку «христиане пограблены быша въ Болгарехъ от Татар»⁷. Под 1367 г. воины Булат-Темира, который, «сбравъ силу многу», напал на владения нижегородских князей, названы татарами⁸. Очевидно, захват города Булгара этим ордынским князем в 1361 г. положил начало массовому наплыву степных кочевников – золотоордынских татар в Закамье. Под 1396 г. упомянуты «Татарове», которые напали на Нижний Новгород «и возвратишася въ свою землю, въ Казань»⁹. Под 1409 г. рас-

¹ Халиков А.Х. О происхождении, этимологии и распространении имени «татары» в Среднем Поволжье и Приуралье // К вопросу этнической истории татарского народа. Казань, 1985. С. 20.

² ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 20.

³ Там же. С. 12.

⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 104.

⁵ Золотая Орда в источниках. С. 338.

⁶ Там же. С. 388.

⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 232.

⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 9.

⁹ Там же. С. 163.

сказывается о новгородском посаднике Анфале, который «ходил на Болгары ратью», но потерпел поражение от тамошних татар и попал к ним в плен¹. В Софийской первой летописи под 1395 г. упоминается земля Татарская, где Кама впадает в Волгу и находятся города Болгары, Жукотин, Казань и Кременчук².

Этноним мокша в русских источниках появляется только начиная с XVII, а эрзя – с XVIII в.з. Поэтому было бы тщетно искать в летописях каких-либо упоминаний об отдельных подразделениях мордовского народа. Там фигурирует лишь мордва в целом.

Буртасы в «Слове о погибели Русской земли» упомянуты дважды и оба раза наряду с мордвой⁴, что опять-таки свидетельствует не в пользу мордовской гипотезы буртасской проблемы. Буртасы отличаются от мордвы и в актовых документах XVI-XVII вв., хотя они жили рядом. Они в этих источниках причисляются к татарам, а их мужские имена имели ярко выраженный тюркский характер⁵. Из русских же источников известно об участии буртасов в Куликовской битве на стороне Мамаю в качестве наемников последнего⁶. Упоминание здесь буртасов наряду с черкесами, осетинами, армянами, генуэзцами, по мнению А.В. Расторопова, «дает основание размещать их вблизи районов Северного Кавказа – у Восточного Причерноморья и Приазовья»⁷. Здесь, кстати, названы еще и басурманы. Но что могло помешать Мамаю завербовать буртасов в свое войско, если бы те жили не там, а где-либо еще, тоже в непосредственной близости от его владений?

Первое упоминание о вотяках и башкирах, вернее, о Вотяцкой и Башкирской землях, в русских летописях относится лишь к 1469 г.⁸, который уже не входит в хронологические рамки нашего исследования. Первое появление русских на башкирской земле имело место в 1468 г.⁹. И лишь тогда существование башкирского народа должно было стать для летописцев установленным фактом. Замечание В.С. Юматова о том, что «Башкирия до покорения ее совсем не обращала внимания наших летописцев и была в стороне от обыкновенного театра деятельности русских»¹⁰, верно если не в целом, то, по крайней мере, до третьей четверти

¹ Там же. С. 211.

² ПСРЛ. Т. 39. С. 134.

³ *Клима Л.* Указ. соч. С. 45, 46.

⁴ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 93.

⁵ *Милуков П.Н.* Указ. соч. С. 476; *Васильев Б.А.* Указ. соч. С. 185, 201.

⁶ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 133; ПСРЛ. Т. 39. С. 118.

⁷ *Расторопов А.В.* Загадочные буртасы // Краеведение. Пенза, 1998. № 1-2. С. 28.

⁸ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 282.

⁹ *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 77-78.

¹⁰ *Юматов В.С.* Древние предания у башкирцев Чубиминской волости // Башкирия в русской литературе. Уфа, 1989. Т. 1. С. 404.

XV столетия, т. е. в пределах рассматриваемого нами периода. Но вот относительно удмуртов дело обстоит очень странно. Уже с конца XII в. они находились в непосредственных этнических контактах со славянским населением, но в самих летописях, тем не менее, до 60-х гг. XV в. не упоминаются. Правда, под 1379 г. упоминается Арская земля¹. Ары – это болгарское по происхождению, но употребляемое также и в русских летописях, название южных удмуртов, находившихся в непосредственном взаимодействии с волжскими булгарами, а впоследствии и казанскими татарами². Т. е. это была весьма далекая от русских группа удмуртов. Что же касается северных удмуртов – обитателей Вятской земли, то они, видимо, наравне с поселившимися там славянами скрываются под названием вятчане. «Вятская земля сложилась как феодальная республика в течение XIII-XIV вв. на основе консолидации пришлого славяно-русского и местного удмуртского населения»³.

Еще более пеструю картину дает археологический материал. На территории Прикамья в пределах Южной Удмуртии выделяется чумойтинская культура X-XV вв., на р. Вятке – кочергинская X-XIII вв., в бассейне р. Чепцы – чепецкая X-XV вв., «в междуречье нижней Вятки и Волги предположительно локализовались арские удмурты, но археологические материалы по ним крайне ограничены»⁴. «По-видимому, при наличии определенного этнокультурного единства локальных групп удмуртов интеграции их в общность типа народности не произошло»⁵.

Начальную стадию процесса формирования чувашского этноса можно проследить по данным археологии. Керамический комплекс Большеянгильдинского, Янмурзинского, Таутовского, Челкаского селищ и Чебоксарского городища (нижний слой), датировемых XIII-XIV вв.⁶ (карта 2), состоит из трех групп находок. Первая группа представлена весьма небольшим количеством болгарской гончарной посуды, составляющей от 2 до 13,5% от общей массы материала. Вторая группа представлена лепной керамикой, составляющей в общей сложности до 30% и связываемой с финно-угорским населением. И, наконец, третья группа представлена остальной (большей) частью гончарной посуды, в которой «следует видеть смешение керамических традиций, свойственных как местному, так и пришлому болгарскому населению». Этот керамический комплекс «правильнее называть не болгарским, так как бол-

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 45.

Кельмаков В.В. Происхождение и первые упоминания этнонима *ар* // Этнонимы. М., 1970. С. 189-191.

² Макаров Л.Д. Вятская земля и Арское княжество: проблемы взаимоотношений // Заказанье: проблемы истории и культуры. С. 105.

⁴ Иванова М.Г. Удмурты в эпоху средневековья: расселение и некоторые аспекты социально-экономических отношений // ФУ. Казань, 1997. № 1. С. 56.

⁵ Там же. С. 66.

⁶ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 38; Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3. С. 120.

гарские элементы здесь не преобладают, а древнечувашским»¹. Выделенные памятники по своему материалу имеют близкое сходство с синхронными марийскими памятниками пограничного с Чувашией Горномарийского района Республики Марий Эл, наиболее известным из которых является Мало-Сундырское городище, что свидетельствует, очевидно, об их культурном единстве². Значит, надо признать, что на территории современной Чувашии до появления булгар обитало марийское население³, которое, как отмечал еще П.Н. Третьяков, в процессе слияния этих двух элементов численно преобладало⁴. Этот вывод подтверждается данными этнографии⁵ и антропологии⁶, согласно которым чуваша близки финно-уграм, особенно горным марийцам. По мнению Ю.А. Краснова, нельзя говорить как «ни о полной ассимиляции пришельцами-болгарами местного финно-угорского населения», так и «ни о растворении пришельцев среди местных племен. Здесь, очевидно, имел место органический синтез этнического субстрата (финно-угорское население) и суперстрата (тюркоязычные болгары), в результате которого сложился новый этнос – чуваша со своей достаточно своеобразной культурой». Их тюркоязычие можно объяснить культурным и социальным (но не количественным) превосходством суперстрата над субстратом⁷. В то же время в лексике и фонетике чувашского языка обнаруживаются финно-угорские, прежде всего марийские элементы⁸.

Наиболее раннее упоминание чувашей относится к 1521 г.⁹. Поэтому можно считать, что «формирование чувашского этноса завершилось в основном к XVI в.»¹⁰. Однако процесс этнического синтеза марийского субстрата и болгарского суперстрата растянулся на слишком долгое время и в XVI в. еще не завершился полностью, что явствует из факта упоминания в русских документах вплоть до XVIII в. черемисов среди населения Северной Чувашии¹¹. Сторонние наблюдатели очень долго при-

¹ Краснов Ю.А. Указ. соч. С. 119.

² Архипов Г.А., Патрушев В.С., Халиков А.Х. и др. МАЭ (1964-1966 гг.) // В УАС. Сыктывкар, 1967. С. 110.

³ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т. 1. С. 50; Димитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваша. Чебоксары, 1984. С. 48.

⁴ Третьяков П.Н. Памятники древнейшей истории Чувашского Поволжья. Чебоксары, 1948. С. 63.

⁵ См.: Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чуваша. С. 16-17; Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 69, 87, 230.

⁶ См.: Народы Поволжья и Приуралья. С. 176.

⁷ Краснов Ю.А. Указ. соч. С. 123-124.

⁸ История Марийской АССР. Йошкар-Ола, 1986. Т. I. С. 45.

⁹ См.: Айплатов Г.Н. Расселение марийцев во второй половине XVI – начале XVIII вв. // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 143.

¹⁰ Краснов Ю.А. Указ. соч. С. 123.

¹¹ Шикаева Т.Б. Памятники XVI-XVII веков Марийско-Чувашского Поволжья (к вопросу о культурно-этническом единстве) // Древние этнические процессы Волго-Камья. Йошкар-Ола, 1985. С. 112.

числяли чувашей к горным мари́йцам или просто ставили между ними знак равенства. Так, Андрей Курбский в «Истории о великом князе Московском» пишет: «черемиса горняя, а по их чуваша зовомые, языкъ особливый»¹. Однако при перечислении «языков», подвластных Казанскому ханству, чуваша и черемисы у А.М. Курбского фигурируют как различные народы². Значит, луговых черемисов он называл просто черемисами, а горных отождествлял с чувашами. Но в Казанском ханстве были и настоящие горные мари́йцы, значительная часть которых жила в волжском правобережье, в соседстве с чувашами³. Это нагорная часть горных мари́йцев, а их ветлужская часть расселяется в Ветлужско-Руткинском междуречье на луговой стороне Волги⁴. В летописях XVI в. под собирательным названием «горная черемиса» «имеются в виду чуваша и горные мари́йцы»⁵, но ни те и ни другие в отдельности⁶. Иностранные путешественники территорию Чувашии вплоть до XVI-XVII вв. называли «черемисской». На европейских картах имя чувашей появляется лишь в конце XVIII в.⁷ Сами мари́йцы и сейчас называют чувашей «суасла мари», т. е. «зареченские мари»⁸.

Черемисы фигурируют уже в «Повести временных лет» в числе языков, «иже дань дают Роуси»⁹. Этот народ был известен и автору «Слова о погибели Русской земли»¹⁰. Но в целом же применительно к нашему периоду упоминания этого народа в русской письменности крайне редки. Можно еще указать на Устюжскую летопись, где черемисы упомянуты под 1380 г.¹¹, чего, однако, не наблюдается в других летописях. История мари́йского народа, который, конечно, был известен образованным людям на Руси хотя бы по той же «Повести временных лет», в золотоордынскую эпоху, очевидно, не то, что была бедна военно-политическими событиями, просто эти события в большинстве случаев не имели какого-либо отношения к русским делам. Надо заметить, что соседняя мордва упоминается в летописях только в таких случаях. В

¹ Курбский А. Указ. соч. С. 232.

² Там же. С. 260.

³ Дубровина Л.А. Социально-экономическое и политическое развитие Мари́йского края в XV-XVI вв. (на материалах Казанского летописца) // Вопросы дореволюционной истории Мари́йского края. Йошкар-Ола, 1978. С. 7.

⁴ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 230.

⁵ Айплатов Г.Н. Расселение мари́йцев во второй половине XVI-XVII вв. // Научная сессия по этногенезу мари́йского народа. Йошкар-Ола, 1965. С. 20.

⁶ Сануков К.Н. Первые сведения письменных исторических источников о древних мари́йцах // Там же. С. 39.

⁷ Шикаева Т.Б. Указ. соч. С. 112.

⁸ Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. С. 220.

⁹ ПСРЛ. Т. 39. С. 7.

¹⁰ На поле Куликовом: рассказы русских летописей и воинские повести XIII-XV веков. С. 93.

¹¹ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 34, 76.

иноязычных источниках единственным примером в этом отношении является юлиановская Мерофия. Марийцы, будучи самым северным этносом Поволжского региона, остались вне поля зрения как восточных авторов, так и последовавших за Юлианом западноевропейских путешественников, побывавших лишь в степной зоне этого региона.

Характеризуя этнический состав населения Волго-Уральского региона золотоордынского периода, нельзя не обратить внимание на еще один его компонент. М.Д. Полубояринова выделяет на территории Волжской Булгарии 13 поселенческих памятников второй половины XIII – начала XV вв., содержащих находки, связанные с пребыванием там русских¹, а на остальной территории Среднего и Нижнего Поволжья – 17 золотоордынских памятников с находками русских вещей².

А.Е. Алиховой в начале 1950-х гг. были исследованы Березовское I, у с. Печерские Выселки и у оз. Рубленое селища второй половины XIII–XIV вв. на р. Усе, правом притоке Волги на подступах к Самарской Луке, где совместно проживали русские и болгары³. Количество таких памятников можно было бы значительно дополнить в случае дальнейшего исследования поселений, которых на р. Усе известно достаточно много⁴. В составе их населения отмечается и мордовский компонент⁵. На Самарской Луке надо отметить и Междуреченское городище, где наряду с булгарами и мордвой проживали славяне, о чем свидетельствуют находки сосудов, имеющих аналогии среди русской керамики XIII–XIV вв.⁶. Население Березовского селища связывается с выходцами из северных поволжских областей Руси⁷, т. е. с непосредственными предками современного русского этноса, что вполне допускает употребление в данном случае понятия «русские». Русская керамика с Водянского городища наибольшую близость обнаруживает «с районами Среднего Поволжья (русский поселок Березовка, русский квартал в Болгарах, Городец на Волге)»⁸. Можно говорить, таким образом, о движении славянского населения вниз по Волге (карта 8).

К периоду XIII–XV вв. относится ряд памятников Горномарийского района Республики Марий Эл – Носельские II и III и Сиухинское селища, Отарское селище и местонахождение и Мало-Сундырское городище. Керамика этих памятников «состоит из местной гончарной и лепной, а

¹ Полубояринова М.Д. Русь и Волжская Болгария в X–XV вв. М., 1993. С. 90, рис. 36.

² Полубояринова М.Д. Русские люди в Золотой Орде. М., 1978. С. 50, рис. 1.

³ Там же. С. 103, 114, 116.

⁴ См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 322, таблица 1.

⁵ Фахрутдинов Р.Г. Указ. соч. С. 68.

⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. С. 259.

⁷ Алихова А.Е. Русский поселок XIII–XIV веков у села Березовка // ТКАЭ. М., 1960. Т. III. С. 208.

⁸ Полубояринова М.Д. Русская керамика с Водянского городища // Средневековые древности Восточной Европы. М., 1972. С. 95.

также гончарной славянской и болгарской»¹. Количество славянской керамики достигает 15-18%. Кроме того, есть славяноидная керамика – местной фактуры, но не местной формы, которая несет на себе характерные черты славянской керамики Северо-Восточной Руси и составляет около половины общего количества гончарной посуды, и вещи, имеющие немало славянских аналогий, так что русский компонент в культуре этих памятников является весьма заметным, особенно по сравнению с болгарским². К этой же группе надо отнести и Юльяльское селище³, а также некоторые другие синхронные памятники указанного района⁴. На противоположном берегу р. Суры, у ее впадения в Волгу, находится Петровское селище XIV-XV вв. (Воротынский район Нижегородской области), где тоже была найдена болгарская и русская керамика⁵ (карта 8). Русское население в XIV в. проникает в Чувашское Присурье, о чем свидетельствует обнаружение характерной для него керамики вместе с болгарской⁶.

Вятка заселялась славянским населением из Новгородской и Ростово-Суздальской земель⁷, но здесь во второй половине XIII в. отмечается появление и южнорусского населения⁸. Одним из славянских поселений там был городок Никульчин (городище в с. Никульчино), возникший на рубеже XII-XIII вв. (карта 1). Время его расцвета падает на XIII-XV вв.⁹ (карты 2, 3). Заселение кремлевского мыса г. Орлова относится к XII в. «В XIV в. на мысу создаются мощные земляные укрепления и он становится центром, вокруг которого группируются посады с ремесленным и земледельческим населением»¹⁰ (карты 1-3). Надо, конечно, упомянуть и г. Вятку (Хлыновское городище), возникший в середине-конце

¹ Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII-XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. С. 88.

² Там же. С. 89-90.

³ См.: Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. С. 70-71, № 35.

⁴ См.: Иванов А.Г. «Торгоца» - страница средневековой ярмарочной торговли Марийского Поволжья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. С. 221; Большой С.В., Ильин М.Е., Свечников Д.Г. Работы археологической экспедиции Марийского музея в 1990-1992 гг. // АО Урала и Поволжья. Йошкар-Ола, 1994. С. 16.

⁵ Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным МАЭ 1956-59 гг.). Йошкар-Ола, 1960. С. 98, № 281.

⁶ Краснов С.А. Этническая карта Чувашии периода Золотой Орды (XIII-XV вв.) (по археологическим данным) // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 55.

⁷ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 339.

⁸ Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв.: учебное пособие. Ижевск, 2001. С. 17.

⁹ Гуссаковский Л.П. Археологические исследования в с. Никульчино Кировской области // ИУАС. Свердловск, 1962. С. 121.

¹⁰ Гуссаковский Л.П. Древнерусский город Орлов // Славяно-русские древности. М., 1967. С. 105.

XIII в. (карты 2, 3). Исследованиями Л.П. Гуссаковского, И.И. Стефановой, Л.Д. Макарова, Н.А. Лещинской, охватившими почти весь бассейн р. Вятки, было выявлено значительное количество городищ, селищ и могильников, древнейшие из которых относятся к XII-XIV вв.¹ Целый ряд древнерусских памятников XII-XV вв. выявлен в среднем течении р. Пижмы² (карта 8).

Во второй половине или в конце XIII в., если не раньше, началось освоение бассейна р. Сылвы русскими переселенцами, приток которых продолжался и в XIV в.³ Здесь известно 18 памятников с русским материалом XII-XVI вв.⁴ (карта 8). Три селища с русским материалом золотоордынского времени выявлены в Среднем Прикамье⁵. Русское поселение там в XIV-XV вв. существовало и на Зуево-Ключевском I городище⁶.

Находки русских предметов этого времени были выявлены и на территории Башкортостана: железный замок XIII-XIV вв. на Уфимском (Чертовом) городище, посуда XIV-XVI вв. на пяти поселениях на р. Ай (Усть-Айское, Метелинское II, Большеустышкинское, Юнусовское селища, Абдуллинское городище)⁷. Но, поскольку эти памятники являются недостаточно исследованными, говорить о проживании на них русского населения пока, видимо, преждевременно. На современном уровне наших знаний трудно оспорить тезис о том, что «проникновение русского населения в Башкирию до середины XVI в. было, скорее всего, эпизодическим явлением, не затрагивающем ее внутренние районы»⁸.

В русских летописях не получило отражение славянское проникновение в Волго-Уральский регион в первой половине золотоордынского периода, так как оно, по-видимому, не сопровождалось какими-либо яркими событиями военно-политической истории. Арабские авторы Ибн абд-аз-Захыр и ал-Муфаддаль применительно ко времени хана Бер-

¹ Макаров Л.Д. Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. С. 46-47.

² Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов.

³ Пастушенко И.Ю. История населения бассейна р. Сылвы в первой половине второго тысячелетия н. э.: автореф. канд. дисс. Ижевск, 1995. С. 17.

⁴ Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995. С. 11, рис. 1.

⁵ Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X-XV вв. С. 32, 42-43, рис. 2.

⁶ Макаров Л.Д. Русское население Юго-Восточного Прикамья (по данным археологии) // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа, 2003. С. 240-241.

⁷ Макаров Л.Д. Славяне в Прикамье: этапы заселения // Историческая демография русских Башкортостана. Уфа, 2002. С. 12.

⁸ Кучумов И.В. Факторы и характер заселения русскими территории Башкортостана // Там же. С. 23.

ке о реке Итиль пишут, что по ней плавают суда русских¹. Такая ситуация сохранялась, видимо, и позднее. «В XIV – начале XV в. не татары, а русские были хозяевами и водителями судов на Волге»².

Археологические памятники булгар, мордвы и марийцев не объединяются в какие-либо культуры, так как в этнической принадлежности их носителей ни у кого нет никаких сомнений. Здесь можно вести речь разве что о культуре булгар и т. п. Письменные источники свидетельствуют о существовании этих этносов в золотоордынский период, но не вносят каких-либо корректив к их локализации по данным археологии. Культура булгар была воспринята казанскими татарами, поэтому тот рубеж, где кончается история булгар и начинается история татар, может быть прослежен только по данным письменных источников. Таким рубежом является середина XIV в., оснований для его отнесения к более раннему времени нет. Таким образом, получается, что основная территория расселения булгар (Западное Закамье) не совпадала с основной территорией формирования казанских татар (Заказанье). По письменным источникам достаточно четко выделяются башкиры, жившие на Урале и бывшие тюрками, т. е. отличающиеся от венгров. С башкирами можно связать некоторые памятники, но ставить вопрос об их выделении в особую археологическую культуру или даже в особый тип археологических памятников пока рано. Носителей чияликской культуры можно считать «венграми», как их умышленно называли сами венгры. Однако угры, встреченные Юлианом, венграми себя «не признавали, а потому и страну свою «Великой Венгрией» конечно же не называли»³.

¹ Золотая Орда в источниках. С. 45, 92.

² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 389.

³ Иванов В.А. Древние угры-мадьяры в Восточной Европе. Уфа, 1999. С. 84.

Глава II
**ДИНАМИКА ЭТНОКУЛЬТУРНОЙ КАРТЫ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА XIII – НАЧАЛА XV ВВ.**

Данная глава написана на основании картографирования археологических памятников Волго-Уральского региона. Карты подготовлены в соответствии с периодизацией, обоснованной во Введении. Карта 1 посвящена домонгольскому периоду XII-XIII вв., т. е. отражает ситуацию, сложившуюся к монгольскому нашествию и не выходит за хронологические рамки середины XIII в. Карта 2 посвящена раннезолотоордынскому периоду второй половины XIII – первой половины XIV вв., иначе говоря – первой половине золотоордынского периода. Она отражает ситуацию со времени установления монгольского господства в регионе и до наступления в Золотой Орде эпохи «великой замятни» (1359 г.). Карта 3 посвящена позднезолотоордынскому периоду XIV-XV вв., иначе говоря – второй половине золотоордынского периода. Она отражает ситуацию эпохи распада улуса Джучи. Нумерация врезных карт соответствует нумерации основных карт (1-1А, 2-2А, 3-3А). На врезках изображена территория Башкирии. Увеличенный масштаб этих карт дает возможность получить более наглядное представление о локализации археологических объектов на этой территории. Остальные карты подготовлены без учета периодизации. Там локализованы памятники определенного этнокультурного круга.

Особый интерес для нашей темы представляет проблема динамики «кочевой степи» в Урало-Волжском регионе, под которой имеются в виду «территориальные масштабы расселения кочевников в регионе и их изменения во времени, главным образом, в северном направлении»¹. Применительно к золотоордынскому периоду выражение «кочевая степь» является уже не вполне точным, так как в степи возникает и оседлость, т. е. нарушается былая экономико-географическая монолитность, но в этнокультурном плане «степь» по-прежнему сохраняет свою особенность.

В приуральской части территории Республики Башкортостан надо отметить два погребения Азнаевского могильника с достаточно богатым сопровождающим инвентарем под каменными выкладками, определяемые «как захоронения представителей монгольского воинского контингента» и датируемые узким хронологическим отрезком между 1221-1236 гг.². А три погребения на Охлебнинском городище с небогатым вещевым инвентарем, одно из которых, возможно, было кенотафом (погре-

¹ Иванов В.А. Динамика «кочевой степи» в Урало-Волжском регионе в эпоху древности и средневековья // Курганы кочевников Южного Урала. Уфа, 1995. С. 20.

² Яминов А.Ф., Гарустович Г.Н. Азнаевский погребальный комплекс как хронологический показатель и этнокультурный репер XIII в. // XIV УАС. Челябинск, 1999. С. 188.

бение 3)¹, можно определить как захоронения представителей вспомогательного воинского контингента Джучиева улуса. Они датируются концом XII – началом XIII вв.² и образуют единый хронологический ряд наряду с немногочисленными (очевидно, кыпчакскими) погребениями в приуральских и заволжских степях домонгольского периода³. К вопросу о культурной принадлежности охлебининских захоронений, который остается открытым⁴, может иметь отношение утверждение Абу-л-Гази о том, что Джучи-хан взял в плен всю кыпчакскую молодежь, из которой и был, видимо, составлен вспомогательный воинский контингент (гл. I). Эта кыпчакская молодежь, должно быть, использовалась в последующих походах на территорию современной Башкирии. К стати, костяк погребения 1 на Охлебининском городище принадлежал, по-видимому, подростку⁵. Захоронения здесь не имели никаких внешних признаков⁶, так как были совершены наспех. Погребения сопровождалась саблями, что на первый взгляд как будто свидетельствует о высоком социальном положении погребенных, однако военнопленные, из которых монголы составляли передовые отряды, ничем иным, кроме оружия ближнего боя, и не могли быть вооружены, так как не была исключена опасность перехода их на сторону противника (карта 1А).

К периоду XIII-XIV вв. отнесен и могильник Шах-Тай⁷ (карта 2А). К этому времени относятся, по крайней мере, восемь его захоронений. Характерной особенностью памятника является то, что «вблизи некоторых погребений находились челюсти лошади, а рядом с погребением 6 был найден почти полный скелет коня»⁸. Могильник Шах-Тай обнаруживает очень близкое сходство с Пахомовским могильником XII-XIII вв. на р. Ишим⁹ (карта 1), где имеются четыре захоронения коней в отдельных могильных ямах. Общим для обоих могильников является тот признак, что погребения совершены в неглубоких прямоугольных могильных ямах, не имеющих в настоящее время никаких надмогильных сооружений. Находки вещей единичны. Для человеческих костяков характерна западная ориентировка при положении вытянуто на спине, но в Пахомовском могильнике есть также отдельные случаи восточной и северо-

¹ Иванов В.А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища // СА. 1977. № 1. С. 292-295.

² АПБ. Уфа, 1996. С. 52.

³ Иванов В.А., Кригер В.А. Курганы кыпчакского времени на Южном Урале (XII-XIV вв.). М., 1988. С. 27, 29.

⁴ Иванов В.А. Погребения средневековых кочевников на территории Охлебининского городища. С. 293.

⁵ Там же.

⁶ Там же. С. 292.

⁷ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Уфа, 1998. Гл. III. С. 2.

⁸ Садыкова М.Х. Археологические материалы о хозяйстве башкир IX-XIV вв. // АЭБ. Уфа, 1971. IV. С. 144-145.

⁹ Генциг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Пахомовский могильник // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8. С. 128-137.

восточной ориентировки, которая не отмечается для могильника Шах-Тау. Там сказалось, видимо, хотя и в слабовыраженной форме, распространение ислама на территории Башкирии. Пахомовский могильник предположительно относится к бакальской культуре¹. Он является свидетельством проникновения в западносибирскую лесостепь степных кочевников и смешения их с носителями этой культуры², которые являлись уграми³. Видимо, аналогичный процесс имел место и в Башкирии. Обычай отдельного захоронения коня ближайšie аналогии находит у кимаков⁴. То же самое можно сказать насчет восточной и северо-восточной ориентировки (гл. I). Особняком стоит разрушенное погребение могильника Шах-Тау, которое было выявлено и исследовано первым. «Погребенный лежал на правом боку в полусогнутом состоянии, головой на запад», и сопровождался немногочисленным инвентарем⁵. Особое положение этого погребения, возможно, объясняется тем, что оно относится к более раннему времени – к XI–XII вв.⁶ или к периоду XII – начала XIII вв.⁷. Одной западной ориентировки вряд ли достаточно для того, чтобы отнести это захоронение к числу раннемусульманских (карта 1А). Пример положения на правом боку с близкой ориентировкой имеется среди печенежских погребений⁸.

Погребальные памятники поздних кочевников золотоордынского периода известны и на территории Республики Татарстан. Можно назвать Балымерский могильник⁹, Лебединское погребение¹⁰, погребения на Болгарском городище¹¹, могильник Песчаный остров¹² в Западном Закамье, Байряки-Тамакский¹³ и Иманлейский¹⁴ могильники в Восточ-

¹ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. М., 1987. С. 179.

² Там же. С. 182.

³ Там же. С. 183.

⁴ Там же. С. 181.

⁵ Викторова В.Д. Материалы к археологической карте памятников эпохи железа в Южной Башкирии // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 4. С. 170.

⁶ Там же.

⁷ Иванов В.А., Кригер В.А. Указ. соч. Приложение 1, № 3.

⁸ Гарустович Г.Н., Иванов В.А. Огузы и печенеги в евразийских степях. Уфа, 2001. С. 129, рис. 1; с. 137, рис. 8, № 3; с. 170, № 45.

⁹ АКТ: Западное Закамье. Казань, 1986. Ч. I. С. 25, № 108.

¹⁰ Казаков Е.П. К периодизации кочевнических памятников Закамья VI–XIV веков (по археологическим данным) // Востоковедение в Башкортостане: История. Культура. Уфа, 1992. Т. II. С. 61.

¹¹ Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах тюркоязычных кочевников Волжской Булгарии // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. М., 1997. Т. III. С. 117.

¹² Руденко К.А. Могильник на острове «Песчаный» // ТА. Казань, 1999. № 1-2.

¹³ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. М., 1978. С. 96, 98.

¹⁴ Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V–XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса // Болгары и чувашы. Чебоксары, 1984. С. 14, картосхема 2.

ном Закамье, единичные погребения на IV Рождественском могильнике¹ и на I Камаевском городище² в Заказанье (карта 7).

О непосредственном проживании носителей кочевнических комплексов на территории Булгарии в золотоордынский период свидетельствуют не только языческие погребения и целые могильники, но и «компоненты их культуры в материале болгарских поселений»³. Яркий тому пример – город Иски-Казань (карты 2, 3). На Камаевском городище и Русско-Урматском селище обнаружена керамика, характерная для кыпчаков⁴. О проживании последних на Русско-Урматском селище свидетельствует и находка характерного для них ножа⁵. Однако понятие «кыпчаки» в данном случае является условным.

В публикациях последних лет нередко приводятся новейшие археологические факты, на основании которых делается вывод, что проникновение кыпчаков в Волжскую Булгарию имело место уже в домонгольское время⁶. Эти факты свидетельствуют «о заметном участии кыпчакского компонента в формировании этноса и культуры волжских болгар XI – начала XIII вв.»⁷. Думается, что проникновение кыпчаков на Среднюю Волгу лишь этим временем и ограничилось, как и существование самих кыпчаков как таковых. Они влились в состав болгар и лишь через посредство последних сыграли свою роль в формировании волгоуральских татар. В пользу этого вывода свидетельствует и наличие у по-

¹ *Вайнер И.С.* Булгарское кладбище XIV века // Археологические памятники у села Рождествено. Казань, 1962. С. 79-84.

² *Фахрутдинов Р.Г.* Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 144, 145, рис. 25.

³ *Казаков Е.П.* Об этнокультурных компонентах тюркоязычных кочевников Волжской Булгарии. С. 117.

⁴ *Кокорина Н.А.* Керамика усадьбы гончара из Иски Казани // ТА. 1999. № 1-2. С. 87-88.

⁵ *Кокорина Н.А., Фахрутдинов Р.Г.* Гончарный комплекс золотоордынского периода из Иски Казани // Там же. С. 115-116.

⁶ См.: *Казаков Е.П.* 1) К периодизации кочевнических памятников Закамья VI-XIV веков (по археологическим данным). С. 61; 2) Об этнокультурных компонентах тюркоязычных кочевников Волжской Булгарии. С. 117; *Валеева-Сулейманова Г.Ф.* Проблемы изучения искусства волжских болгар золотоордынского времени (вторая половина XIII – начало XV вв.) // Из истории Золотой Орды. Казань, 1993. С. 66; *Кокорина Н.А., Хлебникова Т.А.* Керамика тюркоязычного населения Волжской Булгарии X-XIII вв. // Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения. Казань, 1993. С. 106-116; *Ключникова Р.М., Сташенков Д.А.* Ново-Троевское погребение (о кыпчакском компоненте в Среднем Поволжье) // Краеведческие записки Областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 1996. Вып. VIII. С. 244.

⁷ *Хузин Ф.Ш.* Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань, 1997. С. 47.

следних значительного слоя ранних кыпчакских этнонимов, восходящих к дозолотоордынскому времени¹.

Есть данные «о слабо выраженном, но все же, несомненно, представленном в архитектуре Булгарии особенно первых после нашествия Батия десятилетий монгольском, центральноазиатском элементе». Об этом свидетельствует такой факт. «В юго-восточной части города Булгара были открыты относящиеся к началу XIV века жилые кварталы с домами, аналогичными древнемонгольским постройкам на территории Центральной Азии и южной Сибири. Печи в этих сооружениях, выложенные из плит песчаника или сырцового кирпича, располагались не внутри, а вне дома, к которому тянулись от топки каналы, проходившие вдоль стен или под глинобитным полом. Внутри жилого помещения располагались характерные бочкообразные ямы-хранилища»².

В Самарском Поволжье памятниками золотоордынских кочевников являются одиночный курган у с. Августовка³, Гвардейский⁴, Александровский, Новопавловский, Максимовский, Виловатовский и Старо-Елшанский (который, в отличие от всех остальных памятников, находящихся в Самарской области, находится в Оренбургской области) могильники, единичные погребения в саду совхоза им. Луначарского, на дюнах Большой Шихан⁵ и Человечья голова⁶. Предполагается кочевническая, т. е. немордовская, принадлежность двух захоронений II Усинского могильника XIII-XIV вв.⁷. Сюда же можно отнести и два погребения у с. Екатериновка, которые датируются XII-XIV вв.⁸. Недавно был введен в научный оборот Гундоровский одиночный курган⁹. Золотоордынским периодом теперь датируются курганы 14 и 15 Покровского могильника¹⁰ (карта 7). Всего получается 41 погребение. Преобладают бескурганные захоронения – 28, из которых 25 были совершены на дюнах,

¹ Исхаков Д. О ранних кыпчакских этнонимах среди волго-уральских татар (по материалам топонимов и другим данным) // Древнетюркский мир: история и традиции. Казань, 2002. С. 60-67.

² Червоная С.М. Искусство Татарии: история изобразительного искусства и архитектуры с древнейших времен до 1917 года. М., 1987. С. 120.

³ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Средневековые кочевники Поволжья (конца IX – начала XV века). Уфа, 1998. С. 115-116, № 31.

⁴ Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Курганный могильник у с. Гвардейцы // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С. 156; 157.

⁵ Васильева И.Н. Погребения средневековых кочевников на территории Куйбышевского Поволжья // Древняя история Поволжья. Куйбышев, 1979. С. 220-228.

⁶ Васильева И.Н. Новые погребения средневековых кочевников в Куйбышевской области // Древности Среднего Поволжья. Куйбышев, 1985. С. 174, 176.

⁷ Васильева И. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке // Новое в средневековой археологии Евразии. Самара, 1993. С. 62-63.

⁸ Крамарев А. Новые погребения средневековых кочевников Самарского Заповья // Там же. С. 135.

⁹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней: ранний железный век и средневековье. М., 2000. С. 315-316.

¹⁰ Там же. С. 318.

но имеются и курганные, из них девять основных и три впускных, а одно захоронение было разрушено. Сложные конструкции могильных ям в целом не характерны. Для костяков характерно положение вытянуто на спине. Ориентировка распределяется следующим образом: СВ -17; С - 8; З - 5; ЗСЗ - 3; ЮЗ - 2; СЗ - 2; В - 1; Ю - 1; ЮЮЗ - 1. В одном случае она не определена. Таким образом, преобладает ориентировка на север с отклонениями к востоку и западу. Два погребения сопровождалось захоронением рядом с человеком коня, в одной могиле были найдены череп и конечности лошади. Захоронение целого коня известно и в Муранском могильнике. Он был положен над могилой человека, который в таком случае не мог быть представителем мордовского населения¹. В Барбашином могильнике, наоборот, костяк человека вытянуто на спине и головой на север лежал поверх скелета коня².

И.Н. Васильева погребальные памятники золотоордынских кочевников Самарского Поволжья на основании различий в ориентировке подразделяет на три очень неравновеликие группы, принадлежавшие, по ее мнению, разным этническим группам населения: печенежско-торческую, половецкую и самую многочисленную – татаро-монгольскую³. Остатки печенежско-торческого и половецкого населения, по-видимому, привлекались монголами на военную службу для пополнения своих соединений, размещенных в этом регионе. Пришлое население преобладало, так как в Самарском Заволжье почти нет кочевнических комплексов, «которые можно было бы с большой степенью достоверности датировать концом XI – первой половиной XIII в.»⁴. Исключения единичны⁵ (карта 1).

Аналогии кочевническим погребениям золотоордынского периода Самарского Заволжья давно уже ищут «в синхронных могильниках Нижнего Поволжья»⁶. Согласно В.А. Иванову и В.А. Кригеру, эти погребения типологически примыкают к быковским курганам, ибо каких-либо локальных признаков обряда в группе самарских памятников не обнаружено⁷. Но надо обратить внимание на то, что такой признак, как ориентировка погребенного головой на север, для быковских курганов

¹ Васильева И. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке. С. 62.

² Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг.: краткие отчеты и сведения. М.; Л., 1941. С. 151.

³ См.: История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. С. 316-320.

⁴ Там же. С. 283.

⁵ См.: Ключников Р.М., Сташенков Д.А. Указ. соч.; Сташенков Д.А. Белозерское погребение // Вопросы археологии Урала и Поволжья: к 30-летию САЭ. Самара, 1999; Крамарев А.И., Цибин В.А., Сташенков Д.А. Средневековое погребение у с. Надеждино // Краеведческие записки Самарского областного историко-краеведческого музея им. П.В. Алабина. Самара, 2003. Вып. XI.

⁶ Матвеева Г.И. Итоги работ САЭ 1969-1974 годов // Очерки истории и культуры Поволжья. Куйбышев, 1976. С. 73.

⁷ Иванов В.А., Кригер В.А. Указ. соч. С. 62-63.

вообще не является представительным¹. Здесь преобладает западная ориентация – 54,7%², которая в самарской группе памятников не преобладает. А как, кроме того, объяснить преобладание там бескурганых погребений? Надо вспомнить, что у монголов, погребальный обряд которых характеризовался ориентировкой в северо-восточный сектор круга и отсутствием конских сопогребений, сооружение каких-либо насыпей над могилами вообще не практиковалось, они сооружали лишь выкладки (гл. I).

Погребения золотоордынских кочевников Самарского Заволжья целесообразно было бы объединить в одну типологическую группу с аналогичными памятниками на территории Татарстана, перечисленными выше. Однако последние, в отличие от первых, никогда и не кем не систематизировались, да и известны они значительно хуже. Материалы раскопок большей части памятников не опубликованы, есть такие памятники, о погребальном обряде которых в литературе вообще нет никаких конкретных данных. Поэтому и мы не можем дать такого обобщения материала этих погребений, как в отношении аналогичных самарских памятников. Е.П. Казаков для захоронений золотоордынских кочевников на территории бывшего болгарского государства в целом отмечает преобладание северо-восточной ориентировки, а для мужских погребений – наличие предметов вооружения и конского снаряжения³. Памятники этой группы немногочисленны, однако необходимо заметить, что в последнее время в результате новых исследований наметилась тенденция к увеличению их количества.

В Бальмерском могильнике «наблюдается один только, и притом редкий, тип Д I» (кость человека, обращенного головой на север, без костей коня, в простой яме)⁴. Значит, там «хоронили своих покойников если не монголы, то какое-то сибирское племя, втянутое монголами в их движение на запад»⁵. В погребении 18 IV Рождественского могильника кость человека, который считается «выходцем из половецкой среды»⁶, лежал вытянуто на спине, головой на северо-восток⁷. Это кочевническое погребение, совершенное на болгарском кладбище, является свидетельством подчиненного положения местного населения по отношению к степным пришельцам, так как хоронить язычников на мусульманских

¹ Гарустович Г.Н., Рақдшин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 296.

² Там же. С. 264.

³ Казаков Е.П. Об этнокультурных компонентах тюркоязычных кочевников Волжской Булгарии. С. 117. Так можно сказать, например, о Бальмерском могильнике, материал которого опубликован (Халикова Е.А. Археологические исследования в Куйбышевском районе ТАССР в 1961 г. // Средневековые памятники Восточной Европы. М., 1965. С. 115).

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М., 1966. С. 158.

⁵ Там же. С. 159.

⁶ Вайнер И.С. Указ. соч. С. 84.

⁷ Там же. С. 82.

кладбищах всегда строго запрещалось. Особый интерес представляет захоронение, выявленное в центральной части Камаевского городища (цитадель города Иски-Казань), где человеческий скелет «лежал в скорченном положении на правом боку, головой на северо-северо-восток» и сопровождался костями коня (передняя часть черепа и кости двух ног). Р.Г. Фахрутдинов это погребение связывает с кыпчаками¹. В случае согласия с данной интерпретацией этнической принадлежности погребенного в центре Камаевского городища, которое являлось политическим центром крупного средневекового города и в котором, «кроме князя и его дружины, находились административный аппарат и высшее духовенство»², стоит заметить, что утверждение В.Д. Димитриева о том, что в период Золотой Орды кыпчаки занимали важнейшие посты в Волжской Булгарии³, представляется отнюдь не беспочвенным. Но ориентировка может свидетельствовать о том, что это было захоронение монгола. Так получается более логично.

У г. Пензы, в окрестностях с. Рамзай, имеется группа из пяти курганов, три из которых были раскопаны. Погребенные были ориентированы на север и северо-восток. Комплекс вещей и погребальный обряд характерны для кочевников XIII-XIV вв.⁴ Вот еще один памятник золотоордынских кочевников в пределах бывшего болгарского государства. В Саратовской области, у г. Петровска, т. е. очень близко к границе с Пензенской областью, известен курганный могильник, который насчитывает около тридцати насыпей. Е.К. Максимовым были раскопаны четыре кургана, из которых три оказались полностью разрушенными и лишь в кургане 1 исследовано два погребения. Скелеты были вытянуты на спине, головой на северо-восток. Одно погребение оказалось основным, а другое – впускным. Оба они датируются XIV в.⁵ Один курган этого могильника был раскопан еще Б.В. Зайковским в 1912 г. Скелет взрослого человека лежал в колоде вытянуто на спине, головой на восток и сопровождался принадлежностями вооружения и конского снаряжения. Дата: XIII-XIV вв.⁶ (карта 7).

Вопрос о роли татарско-золотоордынского компонента в этногенезе казанских татар тем более сложен, ибо последние, в отличие от башкир, давно уже утратили свою родоплеменную структуру, так что она почти не была зафиксирована этнографически и изучается лишь на основании косвенных данных. В татарской эпиграфике зафиксированы этнонимы

¹ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 144.

² Там же. С. 146.

³ Димитриев В.Д. Некоторые исторические данные к вопросу об этногенезе чувашского народа // О происхождении чувашского народа. Чебоксары, 1957. С. 115.

⁴ Полесских М.Р. Погребения поздних кочевников в Пензенской области // АО 1966 г. М., 1967. С. 55-56.

⁵ Максимов Е.К. Археологические исследования в Петровском районе Саратовской области // Труды Саратовского областного музея краеведения. Саратов, 1959. Вып. 2. С. 89-90, 94.

⁶ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 99, № 19.

катай-хтай, табын, мин (мен) в форме «мон», татар¹. В топонимике Татарстана зафиксированы названия, восходящие к этнонимам каракитай, табын, мен, карлык и монгольского племени кият². В Татарии, кроме того, есть две реки под названием Чагатай, а также несколько сел с названиями, восходящими к этой основе, т. е. к этому монгольскому личному имени³. Род катай зафиксирован в татарском селе Парау Самарской области⁴. В той же области есть река Карлык⁵. Что же касается названия кыпчак, то оно на булгаро-татарских надгробиях, как ни странно, отсутствует. Перечень этих этнонимов приводит к точно такому же выводу, который был сделан В.П. Костюковым относительно населения улуса Шибана: жизнь племен, называемых источниками в его составе, «до начала XIII в. была целиком связана с центральноазиатским регионом и смежными с ним (среднеазиатскими) областями»⁶. Каракитай восходили к киданям, которые были монголоязычными⁷. Но в приведенном выше перечне есть и тюркские племена. У них изменение погребального обряда – «без коня, часто в колоде при сохранении ориентировок (на З и С)» – было вызвано политическими, а не этническими причинами. В этом и проявилось их стремление называть себя монголами и быть похожими на тех⁸. Поэтому захоронения золотоордынских кочевников на территории бывшего булгарского государства и напоминают нам монгольский погребальный обряд.

Итак, среди пришельцев доминировали выходцы из Центральной Азии. Это относится к погребенным как в языческих захоронениях, так и в мусульманских, над которыми ставились эпитафии. К 1960-м гг. было изучено около 180 булгаро-татарских эпиграфических памятников конца XIII – середины XIV вв. (в хронологических рамках 1281-1358 гг.). «Из них менее 20 (около 10%) памятников с элементами татарского языка,

¹ Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 222-224; Гарипова Ф.Г. Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар // Исследования по диалектологии и истории татарского языка. Казань, 1982. С. 127.

² Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. С. 222, 226, 227; Гарипова Ф.Г. 1) Некоторые источники для раскрытия ногайского (кыпчакского) пласта в топонимии Татарской АССР // Исследования по источниковедению Татарии. Казань, 1980. С. 146; 2) Данные топонимии о ногайском компоненте в этногенезе казанских татар. С. 126; 3) Исследования по гидронимии Татарстана. М., 1991. С. 210, 216.

³ Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана. С. 216.

⁴ Юсупов Г.В. Булгаро-татарская эпиграфика и топонимика как источник исследования этногенеза казанских татар. С. 223.

⁵ Там же. С. 226.

⁶ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. Уфа, 1997. С. 127.

⁷ Гумилев Л.Н. Древние тюрки. М., 1993. С. 21.

⁸ Гаврилова А.А. Могильник Кудыргэ как источник по истории алтайских племен. М.; Л., 1965. С. 106.

более 160 памятников (около 90%) с элементами чувашского языка (чувашские существительные, числительные, имена). Следовательно, в указанное время отатаривание булгар зашло не так глубоко». Надгробия с «татаризмами» называются «памятниками 1-го стиля», а с «чувашизмами» – «памятниками 2-го стиля». «Примечательно то, что татарские слова содержат крупные, красиво оформленные памятники. Памятники с «чувашизмами» – скромные, меньше по размеру, беднее оформлены»¹. «Около 60–70% всех памятников 2-го стиля было посвящено небогатым людям, не имевшим ни громких титулов, ни длинных родословий – на их памятниках писали лишь несколько слов: «Суд Аллаха. Мамли, сын Гали, памятник», «Суд Аллаха. Сары, дочери Баки, памятник» и др. На некоторых памятниках встречаются также звания рабов и рабынь...»². Это наводит на мысль о том, что татары (пришлые население) и булгары (местное население) различались по своему социальному (а с учетом староказанского погребения можно добавить – и политическому) положению.

Кочевнические погребения на территории бывшего булгарского государства, имеющие ярко выраженные черты погребального обряда центральноазиатского происхождения, очевидно, принадлежат представителям ордынских воинских контингентов, которые постоянно находились здесь для выполнения полицейских функций с целью предотвращения возможных восстаний местного населения, сравнительно с которыми их численность была, конечно, невелика³. Эти малочисленные группы населения, близкие по морфологическому типу к средневековым кочевникам Евразии, несли военную службу на границах Булгарии «или представляли среди городских жителей Болгара его привилегированный слой»⁴. В составе этих контингентов, кроме монголов, были и турки, не только кыпчаки, но и выходцы из Центральной Азии, о которых уже говорилось. Тем более что сами монголы рано или поздно переходили на тюркскую речь.

В Башкортостане Азнаевский могильник отражает ситуацию эпохи монгольского нашествия. В последующую эпоху наличие ордынских воинских контингентов здесь не прослеживается, хотя есть еще одно подобное захоронение. Оно было совершено под курганной насыпью у д. Ново-Аккулаево Давлекановского района и датируется периодом XIII–XIV вв. Там «лежал костяк женщины(?) в вытянутом положении, головой на северо-восток»⁵. Возможно, это памятник позднесолотоордын-

¹ Вопросы экономики и истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1963. С. 260.

² *Закиев М.З., Кузьмин-Юманов Я.Ф.* Волжские булгары и их потомки. М., 1993. С. 26–27.

³ Ср.: Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 13.

⁴ *Газимзянов И.Р.* Реконструкция этногенетических процессов на Средней Волге в эпоху Золотой Орды по данным антропологии // XV УАС. Оренбург, 2001.

⁵ АКБ. М., 1976. С. 103, № 762; *Мажитов Н.А.* Южный Урал в VII–XIV вв. М., 1977. С. 185.

ского периода¹ (карта 3А), т. е. периода ослабления власти Орды. Очевидно, Башкортостан обладал определенной административно-политической автономией, чего не было в Булгарии, утратившей свою государственность. К тому же выводу приводит и разбор нарративных источников (гл. III). Что касается района, находящегося к западу от Булгарии, то проникновение кочевников золотоордынского периода в Волжско-Сурское междуречье археологически вообще не прослеживается² (карты 1-3).

В.П. Костюков следствием монгольского завоевания считает «рассеяние и вытеснение кыпчакского элемента на периферию Дешт-и-Кыпчака»³. Не подвергая сомнению этот тезис в принципе, необходимо отметить, что, если иметь в виду северную периферию волго-уральской части Дешт-и-Кыпчака, то никаких признаков массовой миграции кочевников вообще, а тем более кыпчаков, мы здесь в XIII в. не видим.

В первой половине золотоордынского периода количество памятников в степи резко увеличивается по сравнению с домонгольским периодом, что можно наглядно проследить при сравнении карт 1 и 2, где обозначены соответственно 17 и 122 памятника, оставленных степным населением. Кроме погребальных, теперь появляются и поселенческие памятники, по которым тоже в некоторой мере может быть прослежен процесс миграции степного (в данном случае уже не кочевого) населения в лесостепь. Однако применительно к первой половине золотоордынского периода можно назвать лишь одно Наровчатское городище, известное в истории как город Мухши, который был основан монголами в начале XIV в. в качестве административного центра обширного района обитания мордовских племен⁴ «на месте более раннего поселения домонгольского времени»⁵. Наровчатское городище относится к числу памятников с ККГП, которая содержится как в нижнем (XII-XIV вв.), так и в верхнем (XIV в.) слое⁶. Иной получается картина на территории собственно Булгарии, которая еще в первой половине XIV в. выражалась «в сохранении достаточной чистоты материальной культуры городов и селений, без заметного включения элементов нижневолжского типа, о чем ярко свидетельствуют результаты раскопок Булгара, Иски Казани, ряда

¹ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Гл. I. С. 5; Гл. III. С. 36.

² Кузеев Р.Г., Иванов В.А. Этнические процессы в Волго-Уральском регионе в V-XVI веках и проблема происхождения чувашского этноса. С. 13.

³ Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. С. 142.

⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 44, 106.

⁵ Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар // *Tatarica. Vammalan*, 1987. С. 348.

⁶ Белорыбкин Г.Н. Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995. С. 54-55.

других городищ и селищ»¹. На территории Башкортостана золотоордынская (нижневолжская) гончарная керамика фактически неизвестна, за исключением нескольких обломков с Турналинского городища² (карта 2).

Значительное количество поселенческих памятников подобного рода относится к эпохе распада улуса Джучи и образования на его основе отдельных ханств. На западе Волго-Уральского региона золотоордынская оседлая культура в это время проникает значительно дальше на север. Там известно несколько поселений конца золотоордынского времени, в материале которых проявляются, с одной стороны, традиции булгаро-буртасской культуры, а с другой – особенностями культуры золотоордынских городов³. К числу таких памятников относится позднейшее поселение на территории Итяковского городища на северо-западе Мордовии, датируемое XIV-XVI вв. Там тогда проживали татары-мишари, которые вели оседлый образ жизни и занимались земледелием⁴. Там же, в районе нижнего течения р. Мокши, находятся городища «Саракльч», приписываемое татарам⁵, и на месте старого г. Темникова⁶, куда в конце XIV в., после окончательного запустения г. Мухши, который во второй половине данного столетия уже находился в состоянии упадка (гл. III) и поэтому не показан на карте 3, был перенесен улусный центр Мордовского края⁷.

В Среднем Поволжье к рассматриваемому кругу памятников можно причислить и многочисленные татарские поселенческие памятники эпохи Казанского ханства, правда их рассмотрение уже выходит за хронологические рамки данного исследования. Надо лишь принять к сведению тот факт, что «археологически территория и населенные пункты Казанского ханства исследованы очень слабо, хотя основные районы территории ханства посещались не одной экспедицией, но расположение большинства прежних населенных пунктов под современными селами лишало возможности их обнаружения»⁸. По писцовым книгам, «общее число селений, которые можно отнести к Казанскому ханству, составляет 700 деревень, в подавляющем большинстве которых жили татары»⁹. Конечно, материальная культура населения этих деревень не

¹ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 111.

² Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. канд. дисс. Уфа, 1998. С. 23-24.

³ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 140.

⁴ Степанов П.Д. Итяковское городище // Труды Морд. НИИЯЛИЭ. Вып. XXIV. СИ. Саранск, 1963. С. 120.

⁵ Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н. э. – XVIII в. н. э.). Саранск, 1969. С. 30, № 129.

⁶ Там же. С. 30, № 130.

⁷ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. I. С. 43.

⁸ Чернышев Е.И. Селения Казанского ханства (по писцовым книгам) // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. С. 272-273.

⁹ Там же. С. 283.

могла быть непосредственным продолжением золотоордынской как оседлой, так, тем более, и кочевой культуры, но некоторые ее элементы, несомненно, были бы обнаружены в случае археологического исследования населенных пунктов Казанского ханства.

«В течение второй половины XV – первой половины XVI вв. многочисленные ногайские кочевники перебрались в Башкирию и стали кочевать рядом с местными жителями»¹. В народной памяти в качестве ставок ногайских правителей интерпретируются городища Чертово под Уфой, Тура-тау под Стерлитамаком, Кара-Абыз под Благовещенском и Чертово под Бирском² (карта 3). Однако здесь трудно провести какие-либо археологические параллели. Чертово городище под Уфой было отождествлено Р.Г. Игнатьевым³ с упоминаемым П.И. Рычковым татарским городищем на р. Уфе, «где, как сказывают, нагайские ханы жили»⁴. Но современные археологи отрицают возможность функционирования этого памятника в ногайское время⁵. На Уфимском I (Чертовом) городище собрана коллекция чияликской керамики⁶. Верхней датой чияликской культуры считается XIV в., а более поздних материалов там нет. Что представляет из себя материальная культура ногайцев – до сих пор неизвестно, так что искать ее следы на территории Башкортостана, как, впрочем, и где-либо еще, пусть даже в пределах степной зоны, чрезвычайно трудно. О пребывании ногайцев в Западном Закамье (Татарстан) тоже известно только по некоторым фольклорным данным⁷.

На востоке Волго-Уральского региона миграция кочевников на север хорошо проиллюстрирована памятниками туралинского типа XIV–XVI вв. в лесном Зауралье, представленными исключительно поселениями⁸, из которых можно особо отметить селище, возникшее на месте

¹ *Трепавлов В.В.* Установление российской гегемонии на Южном Урале (вторая половина XVI – начало XVII в.) // Русские Башкортостана: история и культура. Уфа, 2003. С. 40.

² *Трепавлов В.В.* Ногаи в Башкирии, XV–XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Уфа, 1997. № 2. С. 9–10.

³ *Игнатьев Р.* Чертово городище в окрестностях г. Уфы // Сборник статистических, исторических и археологических сведений по бывшей Оренбургской и нынешней Уфимской губерниям, собранных и разработанных в течении 1866 и 67 гг. Уфа, 1868. Отд. II. С. 19.

⁴ *Рычков П.И.* Топография Оренбургской губернии. Уфа, 1999. С. 263.

⁵ *Васюткин С.М.* История археологического изучения Башкирии в дореволюционное время // Очерки истории дореволюционной России. Уфа, 1975. Вып. II. С. 155; История Уфы: краткий очерк. Уфа, 1981. С. 18; *Обыденнов М.Ф.* Тайна Уфимских холмов. Уфа, 1986. С. 106.

⁶ *Гарустович Г.Н., Иванов В.А.* Ареал расселения угров на Южном Урале и в Приуралье во второй половине I – начале II тыс. н. э. // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 27.

⁷ См.: *Булатов А.Б.* Некоторые материалы о ногайско-татарских связях в прошлом // Материалы по татарской диалектологии. Казань, 1974. № 3. С. 186, 190.

⁸ *Викторова В.Д.* Археологические исследования по рр. Реж и Нице // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 2. С. 48.

Мысовского могильника макушинского типа¹ (карты 2, 3). Эти памятники принадлежали татарам, перешедшим к оседлому пашенному хозяйству².

Позднекочевническая миграция на север, пожалуй, лучше всего представлена на археологическом материале Западной Сибири. Памятники сибирских татар XIII-XVI вв. Среднего Прииртышья и Барабинской лесостепи, свидетельствующие о проникновении туда тюркского населения, «представлены городищами, селищами, курганными и грунтовыми могильниками»³, хорошо известными по публикациям⁴. Имеющийся на сегодняшний день материал может быть значительно пополнен за счет будущих исследований, так как отмечается, что памятники Сибирского ханства пока изучены слабо⁵.

Во второй половине золотоордынского периода наблюдается сокращение количества памятников в степи по сравнению с первой его половиной, но их все же было значительно больше, чем в домонгольском периоде: на карте 3 обозначены 69 памятников, оставленных степным населением. В степном Поволжье к периоду конца XI – начала XIII вв. относится около 3,5% всех захоронений средневековых кочевников (конца IX – начала XV в.), а к золотоордынскому периоду – 90,1%, причем из погребений этого времени 64,8% отнесены к золотоордынскому языческому периоду, а к золотоордынскому мусульманскому – 35,2%⁶. Все это можно объяснить только таким образом: если в первой половине золотоордынского периода происходит массовое заселение волгоуральской степи пришельцами как с востока, так и с запада, то во второй его половине (и позже) происходит массовое выселение кочевников отсюда на север. В это время все южные районы Чувашского Поволжья и Закамье «были превращены в «дикое поле», в кочевья степняков»⁷. Так пишут историки без ссылок на археологические источники того времени, которых просто нет, что и соответствует выражению «дикое поле». С

¹ Викторова В.Д. Могильник и поселение у д. Мыс на р. Нице // ВАУ. Свердловск, 1962. Вып. 4. С. 142, 144, 149.

² Там же. С. 152.

³ Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н. э.: автореф. канд. дисс. М., 1964. С. 16.

⁴ Левашова В.П. О городищах Сибирского юрта // СА. М.; Л., 1950. XIII; Могильников В.А. Ананьевское городище и вопрос о времени тюркизации Среднего Прииртышья и Барабы // СА. 1965. № 1; Генинг В.Ф., Овчинникова Б.Б. Указ. соч.; Голдина Р.Д. Городище Кучум-Гора // ВАУ. Свердловск, 1969. Вып. 8; Могильников В.А. Археологические памятники сибирских татар XIV-XVI вв. в Тобольском Прииртышье // Тюркские народы: материалы V Сибирского симпозиума «Культурное наследие народов Западной Сибири». Тобольск-Омск, 2002.

⁵ Археологическое наследие Тюменской области: памятники лесостепи и подтаежной полосы. Новосибирск, 1995. С. 199-201.

⁶ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 239-242.

⁷ Дмитриев В.Д., Паньков И.П. Население Чувашского Поволжья под властью Золотой орды // Материалы по истории Чувашской АССР. Чебоксары, 1958. Вып. I. С. 93.

середины XIV в., как известно, начинается массовое переселение булгар из Закамья в Предкамье, единственно возможной причиной чему могло быть давление кочевников. Но определенная часть болгарского населения все-таки сохранилась в своих исконных землях в XV в. и даже позднее¹. Именно культурным влиянием этого населения на степных пришельцев, очевидно, и объясняется то обстоятельство, что следы массовых перемещений кочевников в Закамье во второй половине золотоордынского периода археологией не прослежены. Их раннемусульманский погребальный обряд очень скоро избавился от еще оставшегося основного языческого пережитка – сооружения курганов.

На территории Татарстана есть позднекочевнические погребения без признаков курганных насыпей, из них к позднезолотоордынскому периоду определенно относятся захоронения на Песчаноостровном и IV Рождественском могильниках (см. выше). Заслуживает в этой связи еще одного упоминания и Байряки-Тамакский могильник, который предположительно датируется XIV в.² Это погребения, еще имеющие пережитки степных традиций. Но были и другие. Так, степное происхождение носителей Мари-Лутовского II могильника, находящегося в Звениговском районе Республики Марий Эл, на левом берегу Волги, было определено только на основании анализа его краниологического материала, который наибольшее сходство обнаруживает с серией черепов из курганов золотоордынского времени степей Нижнего Заволжья³, ибо в этом могильнике совершенно не наблюдается сопровождение погребенных тем или иным инвентарем. «Мари-Лутовской могильник относится к булгаро-татарскому мусульманскому населению»⁴. Погребальный обряд могильника аналогичен обряду булгарских кладбищ XIII-XIV вв., так что памятник не может быть датирован временем позже XIV в.⁵ (карта 2). Есть и факты, свидетельствующие о пережитках финского погребального обряда: «ориентация некоторых погребений головой на север или на северо-запад, наличие скорченных костяков», что наводит на мысль об ассимиляции марийцев татарами или мусульманизации марий⁶. Значит, бывшие кочевники, оставившие Мари-Лутовской II могильник, дойдя до Марийского края, испытали сильное этнокультурное влияние со стороны булгар, а на новом месте своего обитания смешались с марийцами.

¹ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 75-77.

² Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 96.

³ Алексеев В.П. Происхождение народов Восточной Европы (краниологическое исследование). М., 1969. С. 157.

⁴ Халиков А.Х. Очерки истории населения Марийского края в эпоху железа // Железный век Марийского края. Йошкар-Ола, 1962. С. 186.

⁵ Там же. С. 187.

⁶ Халиков А.Х. МАЭ 1956 года // История, археология, этнография. Йошкар-Ола, 1958. С. 88.

В Закамье кочевники обосновались надолго. Антоний Дженкинсон в 1558 г. писал: «Вся земля на левом берегу Волги от Камы до Астрахани и далее по северному и северо-восточному берегу Каспийского моря, граничащая с землей татар туркменов, называется землей мангатов или ногайцев»¹. Согласно шежере башкир племени юрматы, ногайцы в давние времена «кочевали во все стороны земель [по долинам рек] Зай и Шешма»², т. е., как в Западном, так и в Восточном Закамье. Они-то, тем более, уже не практиковали курганный погребальный обряд.

На территории Булгарии к 1990-м гг. всего было обнаружено около 150 эпиграфических памятников 1-го стиля³, самый ранний из которых датируется 1244 г.⁴. А из памятников 2-го стиля, которые по форме напоминают древние чувашские языческие надгробия, описано более 200 экземпляров. Самый поздний из них датирован 1361 г., «после чего они внезапно исчезли и больше не появлялись»⁵. Вообще, в третьей четверти XIV в. изготовление эпиграфических памятников временно прекратилось, «и только в 1382 г. они появляются вновь», но уже только 1-го стиля. «Язык этих памятников понятен всем, кто знает татарский язык»⁶. Устанавливались они теперь уже не в Закамье, а в Заказанье⁷. Эти данные свидетельствуют, во-первых, о массовости «кыпчакской», а вернее татарской, миграции на территорию бывшей Булгарии, включая Заказанье, а во-вторых, о сравнительно поздней датировке ее основного потока, который пришелся на конец XIV в.

Нигде, кроме как в Булгарии, степные пришельцы не сталкивались со столь сильным воздействием ислама. Погребальный обряд булгар, начиная с X в., был мусульманским⁸. Е.А. Халикова, специально занимавшаяся его изучением, заключает, что все изученные ей «булгарские могильники второй половины домонгольского периода, не только столичные – Билярские, но и сельские, где в общей сложности исследовано около 250 захоронений XII – начала XIII вв., обнаружили очень выдержанный «ортодоксальный» мусульманский погребальный обряд»⁹. Особенно важно то, что «изучение сельских некрополей Волжской Булгарии X – начала XIII вв. опровергает широко распространенное в исторической литературе мнение будто бы исламизация в Волжской Булгарии

¹ Мифы древней Волги: мифы, легенды, сказания, быт. и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней. Саратов, 1996. С. 192.

² БШ. Уфа, 1960. С. 31.

³ *Закиев М.З., Кузьмин-Юманади Я.Ф.* Указ. соч. С. 17.

⁴ Там же. С. 18.

⁵ Там же. С. 19.

⁶ *Бахтиев Ш.З.* Буртасы и чувашы // СТ. Баку, 1990. № 2. С. 71.

⁷ *Фахрутдинов Р.Г.* Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 70, 74.

⁸ Степи Евразии в эпоху средневековья. М., 1981. С. 212.

⁹ *Халикова Е.А.* Мусульманские некрополи Волжской Булгарии X – начала XIII в. Казань, 1986. С. 123-124.

домонгольского периода носила поверхностный характер и затронула лишь феодальные верхи и отчасти городское население»¹. Рубрук в XIII в. отметил, что булгары – «самые злейшие саррацины, крепче держащиеся закона магометова, чем кто-нибудь другой»². В таких условиях кыпчаки или другие кочевники, попадавшие в среду местного населения, «беспрекословно должны были подчиняться его канонам». «Мусульманская махалла (приход) заставляла всех пришедших и осевших здесь людей выполнять все обычаи, нравы и требования общины. Поэтому в таких условиях слабо проявились и развивались культурные традиции кипчаков»³. Поэтому миграция кочевников, быстро переходивших на ортодоксальный обряд погребения, в археологии практически неуловима.

Курганы в позднезолотоордынском периоде появляются на юге современного Башкортостана: Ново-Аккулаевский, Бала-Чатырманские, Бикечевский VIII, Байгускаровские, Юлдыбаевские (карта 3). Степные пришельцы здесь попали в такую среду, где ислам еще не имел таких устойчивых традиций, как на основной территории проживания булгар домонгольского и раннезолотоордынского периода. Поэтому курганный погребальный обряд у кочевников южноуральских степей, несколько продвинувшихся на север, на первых порах еще сохранялся. Курганы на юго-востоке Башкортостана были и в первой половине золотоордынского периода: Башкир-Беркутовские, Ивановские IV, Комсомольские, Тавлыкаевские II (карта 2). Теперь же их ареал несколько расширился в северо-западном направлении.

В самой степной полосе в позднезолотоордынском периоде наблюдаются не только количественные, но и качественные изменения. В это время, помимо курганов, там появляются две новые разновидности погребальных памятников. Это кирпичные мавзолеи, известные как на Волге⁴, так и в урало-казахстанских степях⁵, а также грунтовые захоронения. Из памятников низовьев Волги в качестве примера последних можно привести раннемусульманский могильник Кан-гюбе, исследованный Е.В. Шнайдштейн в 1969 г. у с. Чаган Астраханской области. Памятник «относится к числу грунтовых или во всяком случае он был переходного типа от курганного обряда – к могилам без насыпей, вероят-

¹ Халикова Е.А. Сельские кладбища Волжской Булгарии XII – начала XIII вв. // Из истории культуры и быта татарского народа и его предков. Казань, 1976. С. 59.

² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 96.

³ Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. Казань, 1995. С. 22.

⁴ Пигарев Е.М. Новые памятники золотоордынской эпохи в Астраханской области // XIII УАС. Уфа, 1996. Ч. II.

⁵ Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Новые материалы по мавзолеям Зауралья и Центрального Казахстана // Наследие веков: охрана и изучение памятников археологии в Башкортостане. Уфа, 1995. Вып. I; Ажигали С.Е., Бекназаров Р.А. Мавзолей Западного Казахстана Абат-Байтак (XIV-XV вв.) – памятник периода Золотой Орды // Народы Урало-Поволжья: история, культура, этничность. Уфа, 2003.

но, небольшие насыпи, до наших времен не сохранившиеся, над могилами были». Еще один грунтовый могильник в Юго-Восточной Европе был изучен И.В. Синицыным у с. Басы и датирован XIV в. Большинство погребений было без вещей, но в некоторых они, как и кости коня, еще имелись¹. Переход кочевников Поволжья к бескурганному обряду погребения на массовом материале можно проследить по памятникам окрестностей золотоордынских городов. Так, в округе Укека известно 209 хорошо документированных грунтовых захоронений, для которых наиболее характерна северо-западная, западная и юго-западная ориентировка погребенных, присущая основной части городского мусульманского населения Золотой Орды, тогда как подкурганных – всего 97 с абсолютным преобладанием западной ориентировки². Несколько грунтовых захоронений было исследовано на правом берегу р. Илек в Соль-Илецком районе Оренбургской области. По погребальному обряду они близки позднейшим подкурганам захоронениям, известным в этой же местности, и предположительно отнесены к концу первой половины II тыс. н. э.³

Случаи перемещения носителей традиции сооружения кирпичных мавзолеев на северную периферию степи фиксируются как в Поволжье – мавзолей города Мухши-Наровчата XIV – первой половины XV в.⁴, так и на Урале – мавзолей в совхозе им. Свердлова Тоцкого района Оренбургской области золотоордынского времени⁵, мавзолей Бэндэбикэ в Кутарчинском районе Республики Башкортостан XIV в.⁶, мавзолей в Челябинской области – Троицкий, Варнинский (Кесене), у Верхнеуральска XIV в.⁷. Строительство таких усыпальниц в степной полосе улуса Джучи началось с середины XIV в. (карта 3). Приведенные примеры весьма показательны, но довольно немногочисленны, ибо мавзолей являлись погребальными памятниками знати, а «до нас дошла лишь небольшая их часть»⁸. Еще труднее проследить процесс миграции на север рядовых кочевников, перешедших в связи с исламизацией к бескурганному обряду погребения.

¹ Шнайдитейн Е.В. Некоторые проблемы развития скотоводства юго-восточной Европы в эпоху средневековья // Вестник Калмыцкого НИИЯЛИ № 9. СИ. Элиста, 1974. С. 79-80.

² См.: Недашковский Л.Ф. Золотоордынский город Укек и его округа. М., 2000. С. 133-159.

³ Исмагилов Р.Б. Средневековые комплексы и случайные находки из Южного Приуралья // Наследие веков. С. 141.

⁴ Алихова А.Е. Мавзолей города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2.

⁵ Попов С.А. Тайны Пятимаров: очерки по древней и средневековой истории Оренбургского края. Челябинск, 1982. С. 173-178.

⁶ Мажитов Н.А., Яминов А.Ф. Раннемусульманские надгробные памятники – мавзолей Башкирии золотоордынского времени // Башкирский край и его народы. Уфа, 1990. С. 185.

⁷ Боталов С.Г., Гарустович Г.Н., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 151-158.

⁸ Там же. С. 157-158.

С XV в. на территории Башкортостана (I Кадыровский могильник в Дуванском, Ильчигуловские I, IV в Миякинском районе)¹ (карта 3) и на севере Челябинской области (Каштымские дачи, Сигаево III и др.) получают распространение захоронения, совершенные по ортодоксальному мусульманскому погребальному обряду и отмеченные на поверхности выкладками из камня. «Именно этот обряд сохранился до наших дней у башкир». Его появление связывается «с продвижением к северу населения из степных районов Оренбуржья и Казахстана. Возможно, это явилось следствием ногайской экспансии»². Ильчигуловский I могильник местным населением называется Ногайским кладбищем. Некоторые из его погребений имели невысокие насыпи, большинство же из них давно уже сравнялось с землей³. Плоскими каменными выкладками, сооруженными на уровне древней поверхности, были отмечены и 12 погребений II Ишкуловского могильника, датируемые XIII-XIV вв.⁴ (карта 2). Еще более ранним примером в Башкортостане является Азнаевский могильник (см. выше). В погребальном обряде башкир XVII – начала XX вв. каменные обкладки вокруг могил различных размеров «особенно часто встречаются в Зауралье, Челябинской области и на северо-востоке Башкирии»⁵. Такой обычай, надо полагать, сохранился у потомков носителей каменных курганов Южного Зауралья, переместившихся на север. Сооружение самих курганов теперь уже не практиковалось. А погребальные памятники потомков тех кочевников, которые не сооружали каких-либо каменных конструкций над могилами, не имеют никаких внешних признаков.

На конец 1980-х гг. самым поздним из известных в Волго-Уральском регионе курганов являлся курган 21 из могильника Калиновка, датируемый монетой Пулад-хана (1407-1412 гг.)⁶ (карта 3). Этот Пулад был подставным ханом при Едигее. Интересно, что западные источники свидетельствуют об активной религиозно-миссионерской деятельности последнего. Испанский посол ко двору Тимура Руи Гонсалес де Клавихо в своем дневнике записал: «А этот Едегуй обращал и обращает татар в магометанскую веру, еще недавно они ни во что не верили, пока не приняли веру Магомета»⁷. Венецианский купец Иосафат Барбаро в своем «Путешествии в Тану», рассказывая о событиях 30-х гг. XV в., пишет: «Магометанская вера стала обычным явлением среди татар уже около ста десяти лет тому назад. Правда, раньше только немногие из них были магометанами, а вообще каждый мог свободно придерживаться

¹ АПБ. С. 57.

² Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Заключение. С. 3-4.

³ АКБ. С. 104, № 777.

⁴ АПБ. С. 55.

⁵ Юсупов Р.М. Краниология башкир. Л., 1989. С. 61.

⁶ Иванов В.А., Кригер В.А. Указ. соч. С. 71.

⁷ Руи Гонсалес де Клавихо. Дневник путешествия в Самарканд ко двору Тимура (1403-1406). М., 1990. С. 144.

той веры, которая ему нравилась. Поэтому были и такие, которые поклонялись деревянным или тряпчонным истуканам и возили их на своих телегах. Принуждение же принять магометанскую веру относится ко времени Едигея»¹. Чуть ниже Барбаро снова упоминает Едигея, «при котором Татария обратилась в магометанскую веру»². Таким образом, в начале XV в., в период правления Едигея, в Золотой Орде завершается процесс исламизации рядового кочевого населения, результатом чего явилось исчезновение курганного погребального обряда. Л.Н. Гумилев был, безусловно, прав, когда писал: «Изменение обряда погребения бывает лишь при смене религии, но это явление редкое и связанное с коренной ломкой этнического бытия и сознания. Племя, сменившее веру отцов, по сути дела иное племя»³.

Чиялыкское население Иско-Бельского междуречья вплоть до конца XIV в. не испытало «каких-либо этнических «вливаний» извне (о чем свидетельствует типологическая однородность памятников XII-XIV вв. с указанной территории). Не претерпела никаких изменений и территория, занимаемая населением чиялыкской культуры»⁴. Процесс вытеснения или ассимиляции потомков носителей этой культуры тюрками-кочевниками происходил в XV-XVI вв.⁵ Однако археологические памятники этого времени остаются почти неизученными, хотя на примере Азметьевского I могильника чиялыкской культуры можно утверждать, что раннемусульманский обряд XIII-XIV вв. впоследствии сменился на ортодоксальный⁶, т. е. не дающий возможности определить этнокультурную принадлежность погребенных. Курганы в XV-XVI вв. не сооружались уже и в самой степи, а на территории прекратившей свое существование чиялыкской культуры их тем более быть не могло.

Таким образом, миграция носителей кыпчакского языка в волгоуральскую лесостепь не может быть сколько-нибудь представительно прослежена по материалам подкурганых захоронений, что отнюдь не умаляет ее значения в этногенезе современных кыпчакоязычных народов региона.

Проследить изменения в размещении населения по данным археологии зачастую, действительно, очень сложно. «Надо полагать, что быстрая трансформация материальной культуры в ходе переселений и происходивших при этом смешений сильно меняла облик отдельных первоначальных культур, что сильно осложняет решение вопросов про-

¹ Барбаро и Контарини о России: к истории итало-русских связей в XV в. Л., 1971. С. 140.

² Там же. С. 141.

³ Гумилев Л.Н. Открытие Хазарии // Соч. М., 1996. Т. 6. С. 110.

⁴ Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв.: канд. дисс. Уфа, 1995. С. 156.

⁵ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 98.

⁶ Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии // Погребальные памятники Прикамья. Ижевск, 1987. С. 30.

исхождения вновь образовавшихся культур и определение их этнической принадлежности»¹. Это особенно характерно для перемещений кочевников². В нашем случае дело обстоит еще сложнее, так как образовавшиеся в результате их миграции на север археологические культуры как таковые вообще не выделены, поскольку памятники моложе XIV в почти неизвестны. Поэтому речь может идти только о традиционных культурах тюркоязычных народов Волго-Уральского региона, изучаемых по данным этнографии. А.А. Шенников отмечает, что «в любом случае на новом месте хозяйственно-бытовой уклад определялся не традициями, принесенными со старого места, а физико-географической и демографической обстановкой на новом месте. Традициями могло определяться многое другое – язык, духовная культура, многие второстепенные элементы материальной культуры, не связанные непосредственно с производством (праздничная одежда, украшения и др.), но не тип хозяйства, не основная производственная часть материальной культуры и не хозяйственно-бытовой уклад»³. Такие элементы материальной культуры, происхождение которых связывается с кыпчакским компонентом выявлены в этнографии как поволжско-приуральских⁴, так и сибирских татар⁵. У находящихся в центре башкир пережитки «классической» степной культуры сохранились в наиболее полном и чистом виде, что объясняется отсутствием прочных оседло-земледельческих традиций на территории Башкортостана. Но сама эта «классическая» степная культура за пределами степи не сохранилась. Р.Г. Кузеев пишет, что культура (имеется в виду хозяйственно-культурный тип), поскольку она всегда антропогенна, «есть, одновременно, процесс и результат взаимодействия человека и природы», но человек во взаимодействии с природной средой выступает всегда не в одиночку, а в этническом сообществе⁶. Таким образом, выходцы из степи вынуждены были в процессе взаимодействия с новым природным окружением и старым аборигенным населением выработать иной хозяйственно-культурный тип. В этой связи апелляция «булгаристов» к оседлому хозяйственному укладу татар, что якобы свидетельствует об их автохтонном происхождении, не представляется убедительным аргументом. Это свидетельствует не в пользу лишь радикального «татаризма», отрицающего существенную роль булгар в

¹ Могильников В.А. Об этническом составе культур Западной Сибири в эпоху железа // Этнокультурные процессы в Западной Сибири. Томск, 1983. С. 89.

² См.: Хазанов А.М. Социальная история скифов: основные проблемы развития древних кочевников евразийских степей. М., 1975. С. 213-214.

³ Шенников А.А. Червлёный Яр: исследование по истории и географии Среднего Подонья в XIV-XVI вв. Л., 1987. С. 88.

⁴ Происхождение казанских татар. С. 79-80; Мухамедова Р.Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей по данным этнографии // Тезисы докладов Итоговой научной сессии за 1970 г. Казань, 1971. С. 122.

⁵ Валеев Ф.Т.-А. Сибирские татары: культура и быт. Казань, 1993. С. 13.

⁶ Кузеев Р.Г. Этнос и культура в долинах Агидели // Живая память: краеведческий сборник. Уфа, 1997. С. 137, 139.

татарском этногенезе. Самим булгарам, кочевническо-скотоводческий хозяйственно-культурный тип которых в Волго-Камском бассейне был непригоден, пришлось «адаптироваться не только в хозяйственном, но и в этнокультурном отношении, что и прослеживается на археологическом материале ранней Волжской Болгарии конца IX – начала X вв.»¹. Такая же адаптация постигла позднее и пришлых татар – золотоордынских кочевников, чем был ускорен процесс их исламизации. Ф.А. Шакурова отмечает, что «ислам исторически сложился в качестве городской религии», он «не только требовал от правоверных оседлости, он требовал признания города в качестве особого духовного центра», что пло «вразрез с психологическими установками кочевников», у которых «статус как самого города, так и городской жизни был предельно низким»². Устойчивые традиции оседлости и городской жизни не могли не повлиять на кочевников, поселившихся на территории бывшей Волжской Болгарии. Но для изменения образа жизни требовалось изменить психологию.

Л.Н. Гумилев писал: «Не следует думать, что изменение условий существования не влияет на этносы никогда. Иной раз оно влияет настолько сильно, что образуются новые признаки и создаются новые этнические варианты, более или менее устойчивые»³. Ибо человек, в отличие от животных, «заселяя новый регион, меняет не анатомию или физиологию своего организма, а стереотип поведения. Но ведь это значит, что он создает новый этнос!»⁴. Миграция кочевников по времени как раз совпала с их исламизацией, что и есть показательный пример смены стереотипа поведения. А новые этнические варианты оказались очень устойчивыми. Это современные этносы башкир и поволжско-приуральских татар, состоящих из субэтносов казанских татар и татар-мишарей.

Таким образом, при рассмотрении проблемы жизнеобеспечения переселенцев на новой территории расселения «необходимо учитывать физическую (материальную) и психическую (духовную) стороны адаптации»⁵.

Вкратце остановимся на антропологическом аспекте кочевнической миграции. Антропологи исходят из положения о кожносибирском расовом типе кыпчаков вообще⁶ и степных кочевников Южного Урала золо-

¹ Ковалева Н.В. Культурно-ландшафтные условия формирования раннефеодалных государств Восточной Европы // УПАСК. Уфа, 1996. С. 66.

² Шакурова Ф.А. Менталитет кочевника и ислам // Этничность и конфессиональная традиция в Волго-Уральском регионе России. М., 1998. С. 88-89.

³ Гумилев Л.Н. Этногенез и биосфера Земли. М., 1993. С. 61.

⁴ Там же. С. 177.

⁵ Шаяхметов Ф.Ф. Человек, хозяйство и природа: на примере башкир // Этносы и природа: проблемы этноэкологии. Уфа, 1999. С. 86.

⁶ Трофимова Т.А. Этногенез татар Поволжья в свете данных антропологии. М.; Л., 1949. С. 34; Юсулов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир: препринт. Уфа, 1991. С. 14.

тоордынского периода в частности¹. Население территории современного Башкортостана того времени «также испытало влияние носителей южносибирского расового типа, но в гораздо меньшей степени, что не могло вытеснить местную основу»². Среди современных татар Среднего Поволжья представители этого типа составляют всего около 14%³. В.П. Алексеев, не отрицая роли кыпчакского суперстрата, утверждал, что «основной европеоидный тип в составе казанских татар был принесен болгарами»⁴. Все эти данные лишь подтверждают общее правило, согласно которому «одним из типичных последствий взаимодействия переселенцев-завоевателей с аборигенами было своеобразное сочетание в новой этнической общности языка суперстрата с преобладанием физического типа субстрата. Учет этого обстоятельства... в ряде случаев позволяет преодолеть наследие миграционистских представлений, не впадая в то же время в крайности автохтонизма»⁵. Значит, пришедшие в лесостепь кочевники могли и не сохранить там свой прежний антропологический тип. Зато они передали местному населению свой язык. Хоча заметить, что целесообразным было бы дальнейшее антропологическое изучение башкир с учетом их не только чисто географического (северо-западные, северо-восточные, юго-западные, юго-восточные), как это в основном и делалось раньше, но и племенного разделения. Такой аспект дальнейших исследований мог бы внести дополнительную ясность в рассматриваемую проблему. Наибольший интерес будут представлять данные по кыпсакам, катаяцам, табынцам и минцам, тем более, что представители первых трех из этих племенных подразделений в XIX в. были распространены практически по всей территории расселения башкирского народа⁶.

Из числа нарративных источников в этом плане наибольший интерес представляет «История о Казанском царстве» или «Казанский летописец». Согласно этому источнику, Улут-Мухаммед бежал из Большой Орды «в мале дружине своей»⁷, а именно всего с тремя тысячами воинов⁸. Можно считать, что в действительности с Улут-Мухаммедом «было

¹ Юсупов Р.М. Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир. С. 15.

² Там же. С. 17.

³ Народы Поволжья и Приуралья: историко-этнографические очерки. М., 1985. С. 202.

⁴ Алексеев В.П. Очерк происхождения тюркских народов Восточной Европы в свете данных краниологии // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. С. 246.

⁵ Алексеев В.П., Бромлей Ю.В. К изучению роли переселений народов в формировании новых этнических общностей // СЭ. 1968. № 2. С. 44-45.

⁶ Кузеев Р.Г. 1) Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 528, карта 18; 2) Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 172, рис. 15.

⁷ ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 14, 212.

⁸ Там же. Стб. 18.

значительно большее число воинов»¹. Ведь против изгнанного хана была отправлена сорокатысячная русская рать², которая почти вся была им уничтожена³. Надо иметь в виду, что с воинами были члены их семей. Ш.Ф. Мухамедьяров, говоря о выходах из южных районов Золотой Орды, оказавшихся одновременно с Улуг-Мухаммедом в Казанском ханстве, делает «вывод о значительном влиянии этого этнического включения на ход формирования казанско-татарской этнической общности»⁴. Далее в «Казанском летописце» рассказывается, что, когда Улуг-Мухаммед обосновался в Казани, «начаша збиратися» к нему «мнози варвари отъ различныхъ странъ, ото Златыя Орды и отъ Асторохани, отъ Азуева и отъ Крыма, и нача изнемогати время то и Великая Орда Золотая, усиляти и укреплятися вместо Золоты Орды Казань, новая орда, запустевши Саиновь (Батыев. – И.А.) юрть, кровию Рускою кипя»⁵. Таким образом, первый казанский хан «отвсюду собра къ себе буиственную (по другому списку – «воингъственную». – И.А.) силу»⁶.

По данным нарративных источников можно сделать вывод относительно характера «кыпчакской» миграции на север. Согласно традиционному мнению, Казанское ханство было основано Улуг-Мухаммедом в 1438 г. Этот вывод основывается исключительно на показаниях «Казанского летописца», хотя мнение о тенденциозности этого источника в историографии является не менее традиционным, что само по себе просто парадоксально. Но по сведениям других русских летописей, основателем Казанского ханства выступает сын Улуг-Мухаммеда Махмутек, который в 1445 г. осадил и приступом взял г. Казань, после чего воцарился там. Видкресенская летопись: «Тое же осени (6954 г., т. е. 1446, здесь, по видимому, сентябрьский стиль. – И.А.) царь Мамутякъ, Улу Магметевъ сынъ, взялъ городъ Казань, вотчича Казанского князя Либея убилъ, а самъ сель въ Казани царьствовати». Никоновская летопись: «А царь Мамутякъ пришедъ изъ Курмыша Казань взялъ, а казанского князя Азыя убилъ, а самъ на Казани воцарился, и оттоле нача царство быти Казанское». В.В. Вельяминов-Зернов полагает: «Либей и Азый должно быть – одно лицо. Либей, по всей вероятности – искаженное имя собственное: Али-бик...; Азый же, по моему мнению – ничто иное как: газы (воитель неверных), прозвище, которое часто присваивают себе мусульманские владельцы, отличившиеся каким либо подвигом в битве с немусульманами, или просто предпринимавшие против них войны»⁷. Естест-

¹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996. С. 495.

² ПСРЛ. Т. 19. Стб. 17, 216.

³ Там же. Стб. 18, 219.

⁴ Очерки истории распространения исламской цивилизации. М., 2002. Т. 2. С. 145.

⁵ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 19-20, 221-222.

⁶ Там же. Стб. 20, 221.

⁷ Вельяминов-Зернов В.В. Исследование о касимовских царях и царевичах. СПб., 1863. Ч. 1. С. 4-5.

венно, речь идет не об Улуг-Мухаммеде. На его воцарение в Казани не указывает никакой достоверный источник¹. Там с 1422 по 1445 г. чеканились монеты Гияс ад-Дина, которые из других городов неизвестны. Значит, именно «он был первым суверенным правителем Казани. Впервые на монетах Гияс ад-Дина появляется тамга – знак ханства Казанского, напоминающий лиру или натянутый лук»². «Лиbey (Воскресенского. – И.А.) летописца – по-видимому, «улу бей», т. е. старший бей вотчины». Азиз же, упоминаемый Никоновской летописью, это и есть Гияс ад-Дин³. Установлено, что он был Чингисидом⁴, т. е. не беем, а ханом, чего летописцы, возможно, не знали. Таким образом, годом основания Казанского ханства надо считать 1422, а его основателем – Гияс ад-Дина. По всей видимости, именно к нему после его воцарения в Казани, а не к Улуг-Мухаммеду, пребывание которого в этом городе очень спорно, «начаша збиратися» «мнози варвари отъ различныхъ странъ», о чем рассказывает «Казанский летописец». Археологически эта миграционная волна уже не может быть зафиксирована.

В башкирском предании «Бурзяне во времена ханов» сообщается: «Бурзяне пришли в этот древний юго-западный край Башкирии раньше кыпчаков, – обитали здесь еще во времена ханов-каганов... Когда туда пришли кыпчаки, они стали теснить бурзян. С их приходом кончилась мирная жизнь, начались тяжбы за земли и воды. Кыпчаки были воинственными. Они без конца притесняли бурзян. В то же время бурзяне не уступали им ничего своего»⁵.

Сюжет кровной вражды (карымта) между племенами кыпчаков и бурзян запечатлен и в других башкирских преданиях: «Гора, поляна Черной коровы»⁶, «Курьгуды тауы – гора Жарево»⁷, «Бабсак-тубэ – Курган Бабсака»⁸, «Могила Халила»⁹, «Бий кисеуе – Брод бия»¹⁰, «Бурзянцы»¹¹, а также в эпическом сказании «Кусяк-бий»¹² и в «Шежере башкир рода Карагай-Кыпсак племени Кыпсак»¹³.

Насильственный характер носила миграция не только самих кыпчаков. В легенде «Гора Сюярбики» сообщается, что «на бурзянские земли пришли с боем башкиры-катайцы». Сюярбика – это бурзянская де-

¹ Алишев С.Х. Образование татарской народности // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 214.

² Мухамдиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983. С. 125.

³ Там же. С. 135.

⁴ Там же. С. 125-126.

⁵ БНТ. Уфа, 1987. Т. 2. С. 164-165.

⁶ Там же. С. 50.

⁷ Там же.

⁸ Там же. С. 50-51.

⁹ Там же. С. 52-53.

¹⁰ Там же. С. 81.

¹¹ Там же. С. 118-119.

¹² БНТ. Уфа, 1987. Т. 1. С. 464-491.

¹³ ВШ. С. 116-117.

вухка, которая храбро сражалась против катайцев и погибла¹. Трагическому сюжету посвящена и легенда «Гора, где погибли девушки, скала Исянбики», где сказано, что «когда башкиры катайского рода напали на башкир-бурзянцев, мужчины спрятали женщин в скалах, а сами ушли воевать и долго не смогли вернуться»².

Таким образом, нарративные источники дают наглядное представление не только о массовом, но и насильственном, завоевательном характере «кыпчакской» миграции в Среднее Поволжье и в Древнюю Башкирию, что, конечно же, нет возможности проследить по данным археологии.

В лесостепи наиболее полно изучена культура волжских булгар. На 1984 г. было известно 486 памятников, функционировавших в золотоордынском периоде, что составляет 25,6% всех археологических объектов Волжско-Камской Булгарии. Помимо этих памятников, расположенных компактной массой, есть и отдельные островки булгарской культуры, расположенные в некотором отдалении от ее основного ареала³. Но именно последние, находящиеся в контактных зонах, и представляют особый интерес для изучения этнокультурных процессов золотоордынского времени. Поэтому этот материал мы стремились учесть при составлении карт, где не было возможности, да к тому же и надобности, указать все булгарские памятники, так что из памятников основного ареала булгарской культуры были указаны лишь наиболее известные⁴.

Не было также возможности указать все памятники с красногончарной посудой, известные к западу от самой Булгарии. Одних лишь городищ здесь насчитывается 30⁵, а селищ, к жизни в которых переходит местное население после монгольского нашествия⁶, по всей видимости, было еще больше. Из памятников домонгольского периода мы ограничились наиболее известными Золотаревским и Юловским городищами в верховьях Суры, а также Наровчатским городищем на Мокше (карта 1). Результаты исследований показывают, что оба первых населенных пункта были уничтожены монгольским нашествием и не восстановлены впоследствии⁷. Свое существование в XIII в. прекратили практически все поселения с аналогичным материалом в районе Верхнего Посурья⁸. Очевидно, этим объясняется имевшее место в золотоордынское время неко-

¹ БНТ. Т. 2. С. 52.

² Там же. С. 52.

³ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 117.

⁴ См.: там же. С. 118, рис. 14.

⁵ См.: Белорыбкин Г.Н. Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте).

⁶ Полесских М.Р. Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. С. 213-214.

⁷ Полесских М.Р. Раскопки Золотаревского городища // АО 1976 г. М., 1977. С. 175; Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 83-84.

⁸ Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас. С. 86.

некоторое увеличение количества памятников с ККГП «в бассейнах Мокши-Вада-Выши, среди которых на рубеже XIII-XIV вв. начинает выделяться и возвышаться г. Мухша-Наровчат»¹. Отсюда часть буртасского населения перемещается еще дальше – в Мещерскую землю, центрами которой были города Темников и Касимов. Булгарская керамика золотоордынского времени была найдена на Итяковском и Сараклычевском городищах у г. Темникова, а также на Подборновской, Ибердусской и других стоянках в окрестностях г. Касимова² (карта 2). Таким образом, можно считать, что буртасы приняли участие в процессе формирования локальной группы касимовских татар.

По мнению Н.А. Мажитова, «в XIII-XIV вв. нет никаких оснований говорить о болгарском народе», который в ходе компании 1236-1242 гг. был истреблен или рассеян³. Такое же мнение высказывалось и в советской исторической науке⁴. Однако применительно к первой половине золотоордынского периода с этим положением никак нельзя согласиться. В это время не наблюдается, во-первых, каких-либо массовых выселений булгар за пределы их домонгольской территории, так как эти явления иллюстрируются лишь отдельными памятниками (карты 1, 2), основная же масса населения по-прежнему концентрировалась в Западном Закамье⁵, а во-вторых, каких-либо массовых миграций на эту территорию извне. Размещенные здесь монгольские военные гарнизоны по сравнению с местным населением не могли быть многочисленными: погребения, совершенные по кочевническому языческому обряду или с его пережитками, исчисляются пока что единицами (карта 7), а эпиграфические памятники 1-го стиля в то время были малочисленны сравнительно с памятниками 2-го стиля (см. выше). В антропологии прослеживается генетическая преемственность домонгольских булгар с населением, проживавшим в золотоордынское время в центральных областях булгарской территории⁶.

По Р.Г. Кузееву, волжско-булгарский этнос перестает существовать в конце XIV в. (и это правильно!), что он называет сегментацией, эти сегменты вошли в состав таких современных этносов, как казанские татары, чувашаи и даже башкиры, этнический состав которых из

¹ Халиков А.Х. Исторические корни общности татар-мишарей и казанских татар. С. 347.

² Халиков А.Х. 1) Происхождение татар Поволжья и Приуралья. Казань, 1978. С. 132-134; 2) Татарский народ и его предки. С. 167, 169.

³ Мажитов Н.А. За объективное освещение истории Волжской Булгарии и Золотой Орды // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. С. 15.

⁴ Пашуто В.Т. Внешняя политика Древней Руси. М., 1968. С. 289.

⁵ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 77.

⁶ Газимзянов И.Р. Указ. соч.

меняется за счет притока болгарских групп (интеграция)¹. С позднезолотоордынской территорией болгар совпадает территория центральных районов Казанского ханства². В центр и на север территории современной Чувашии выселилась лишь незначительная часть болгар, представленная всего пятью памятниками (карта 2), являющимися к тому же уже не болгарскими, а древнечувашскими. Болгарские памятники есть в Башкортостане, но их количество тоже ограничено. Имеющиеся там каменные мавзолеи – Хусейн-бека (на окраине п. Чишмы), Тура-хана и «Малый кэшэнэ» (у д. Нижние Термы в Чишминском районе) – твердо датируются XIV в.з. В эпитафии Хусейн-бека указана дата погребения – 1339 г.⁴ Полные аналогии архитектурным формам и технике строительства этих памятников обнаруживаются пока только на Болгарском городище⁵. Поэтому можно считать, что приуральские мавзолеи были построены болгарскими мастерами⁶. Их погребальный обряд обнаруживает «полные аналогии на могильниках Волжской Булгарии», как и захоронения, раскопанные на Мавлютовском (Кушнаренковский район) и Япрыковском (Туймазинский район) кладбищах. На первом были обнаружены каменные плиты с болгарскими эпитафиями 1342 и 1346 гг.⁷ Болгарских кладбищ в западных и центральных районах Башкортостана, по всей видимости, «было значительно больше, о чем позволяют судить находки каменных надгробий с эпитафиями в Бакалинском (села Нагайбак, Тумутук), Чекамагушевском (с. Старое Калмашево) и Чишминском (п. Красный Ключ) районах Башкортостана»⁸. Надгробия из последнего пункта являются болгарскими эпиграфическими памятниками конца XIII – первой половины XIV в.⁹ К тому же периоду относятся и два аналогичных памятника из с. Старое Шакурово Бакалинского района¹⁰. В эпита-

¹ Кузеев Р.Г. Этнос и история // Кузеев Р.Г. Демократия. Гражданственность. Этничность. М., 1999. С. 226.

² Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 84, 86.

³ Яминов А.Ф. К вопросу о датировке раннемусульманских мавзолеев Башкирии // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. Уфа, 1991. С. 97; Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья // Наследие веков. С. 178; АПБ. С. 57, 145-147, № 161-163.

⁴ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. М.; Л., 1960. С. 118.

⁵ Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв. С. 100.

⁶ Мажитов Н.А., Яминов А.Ф. Раннемусульманские надгробные памятники – мавзолеи Башкирии золотоордынского времени. С. 184; Яминов А.Ф. Южный Урал в XIII-XIV вв. С. 103.

⁷ Гарустович Г.Н. Погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья. С. 176-178.

⁸ АПБ. С. 57.

⁹ Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. С. 127, 129.

¹⁰ Мухаметшин Д.Г. Об эпиграфических памятниках Восточного Закамья (к вопросу о локальных вариантах болгарских эпиграфий) // Об исторических памятниках по долинам Камы и Белой. Казань, 1981. С. 137.

фии Старокалмашевской плиты указана дата погребения – 747 г. х.¹, т. е. 1346/47 гг. н. э. Перечисленные памятники, таким образом, надо отнести к первой половине золотоордынского периода, точнее к первой половине XIV в. (карта 2А). Всего их имеется не более десятка, что не позволяет вести речь о массовом перемещении булгар, хотя в то же время надо заметить, что мы не можем назвать общего количества погребений.

Дальнейшая историческая судьба поселившихся на территории современного Башкортостана булгар по археологическим источникам не прослеживается, но в обозримый нами период они не смешивались с местным населением, чего не было также на Чепце и в Верхнем Прикамье. Так, наблюдаемое с XIII в. резкое увеличение количества находок булгарских вещей на памятниках родановской и чепецкой культур «свидетельствует уже не о торговле, а о поселении небольших групп булгар в среде местного населения»². Имеющиеся на р. Чепце городище и ряд селищ золотоордынского времени свидетельствуют об образовании там устойчивой булгарской колонии³. В д. Гордино, по имени которой в археологии названо то самое городище (его удмуртское название – Гурья-Кар, а тюркское – Гуриа-кала), была найдена булгарская надгробная плита, в эпитафии которой указано время погребения – 723 г. х., т. е. 1323 г. н. э.⁴ Роль булгар в сложении чувашского этноса хорошо прослеживается на самом разнообразном материале⁵. В отношении башкир никакого подобного материала не имеется, а факт поселения булгар на территории современного Башкортостана сам по себе свидетельством их участия в этногенезе башкирского народа не является. Вполне возможно, что булгары, обосновавшиеся здесь, равно как в Пермском краю и на Чепце, явились предками соответственно уфимских и пермских, т. е. приуральских, а также чепецких татар, т. е. представителей отдельных этнографических групп казанских татар. Это более осторожное мнение⁶ по сравнению с утверждением о том, что булгары на новых местах были интегрированы в состав тамошнего населения. Позднее они, очевидно, смешались, но не с этим населением, а с татарскими переселенцами,

¹ Ишбердин Э.Ф. Камень с «загадочными» знаками // СТ. Баку, 1980. № 2. С. 64.

² Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 69.

³ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 133-134.

⁴ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. Ижевск, 1958. С. 115.

⁵ См.: Димитриев В.Д. Об основной аргументации теории чувашского этногенеза // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 26-35.

⁶ Относительно современного татарского населения Башкортостана (Юсупов Г.В. Введение в болгаро-татарскую эпиграфику. С. 131, 165; Воробьев Н.И., Хисамутдинов Г.М., Юсупов Г.В. Историко-этнографические исследования населения северо-западных районов Башкирии // СЭ. 1962. № 6. С. 124), а также Пермской области (Белавин А.М. Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань, 1999. С. 169-170), оно уже высказывалось в литературе.

двинувшимися в Приуралье после падения Казани, и таким образом были кыпчакизированы.

Правда, такое смешение не наблюдается на Чепце, где татары, проживающие в настоящее время в более чем сорока населенных пунктах бассейна этой реки, «подразделяются на две подгруппы – нукратскую (или каринскую) и верхнечепецкую (или глазовскую)»¹. «Первая включает татарские населенные пункты Слободского района Кировской области (наиболее крупным из них является Карино, по местному Нократ), вторая – Юкаменского, Базелинского и Глазовского районов Удмуртской АССР»². Интересно, что в говоре верхнечепецких татар «нередко встречаются весьма древние слова, характерные для болгарского языка»³. Очевидно, что их предки, наиболее известным памятником которых является упомянутое выше Гординское городище близ с. Базелино (карта 2), покинули Булгарию прежде, чем она испытала массовой наплыв носителей кыпчакского языка, т. е. в XIII столетии. А в чепецкое устье тюрки проникли в 1391 г. (гл. III). Булгарами их назвать уже нельзя, так как с начала 80-х гг. XIV в. в Предкамье распространяются эпиграфические памятники 1-го стиля, а памятники 2-го стиля к тому времени уже два десятка лет не ставились над могилами (см. выше). В Карино «найдене несколько более поздних (по сравнению с гординской. – И.А.) болгаро-татарских надгробий»⁴. Что же касается носителей болгарских памятников в верховьях Чепцы, то они, по всей видимости, восприняли кыпчакский язык лишь опосредованным путем, не смешиваясь непосредственно с его носителями. Поэтому они и сохранили в своей речи достаточно много болгарских архаизмов.

Булгарские памятники домонгольского периода «изучены только на крайнем юго-востоке и востоке Чувашии»⁵: В районах низовьев рек Ик и Белая сколько-нибудь значительных следов болгарского населения для домонгольского периода не зафиксировано⁶ (карта 1А). Древнечувашии памятники XIII–XIV вв. представлены исключительно поселениями: Чебоксарским городищем, Большеянгильдинским, Янмурзинским, Таутовским и Челкаским селищами, сосредоточенными в центральной и северной части Чувашской республики (карта 2). Мусульманских захоронений здесь не отмечено. Иной была ситуация в Башкирском Приуралье. На карте 2А отмечены имеющиеся здесь болгарские погребения раннезолотоордынского периода: в каменных мавзолеях, на

¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 242.

² Мухамедова Р.Г. Чепецкие татары. (Краткий исторический очерк) // Новое в этнографических исследованиях татарского народа. Казань, 1978. С. 5.

³ Татары Среднего Поволжья и Приуралья. М., 1967. С. 45.

⁴ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 142.

⁵ Краснов Ю.А. Проблема происхождения чувашского народа в свете археологических данных // СА. 1974. № 3. С. 117.

⁶ Казаков Е.П. Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 31.

Мавлютовском и Япрыковском кладбищах, а также кладбища у сел Нагайбак, Тумутук, Старое Калмашево и п. Красный Ключ, условно причисляемые к этому кругу памятников. Все они расположены в центре Западной Башкирии. Булгарские селища этого периода отмечены лишь в низовьях Белой: Семиостровское I, Татарско-Ямалинское и Баскульское VI¹. В позднезолотоордынском периоде они исчезают, зато появляются аналогичные памятники на р. Ик – Ново-Хуторские I и II, Бикбуловское, Меллятамакское I селища², расположенные там, где раньше отмечались булгарские могильники, которые на карте ЗА уже вообще не фигурируют, что объясняется пресечением эпитафийной традиции и прекращением монументального строительства³. Таким образом, булгарские селища известны на востоке Татарстана, но их нет в Башкортостане⁴, на территории которого булгары жили обособленно от местного населения, на отдельных поселениях, которые еще не открыты.

Только на западе от Булгарии наблюдается смешение мигрантов с аборигенами. Очевидно, булгарский компонент чувашской народности был представлен языческим населением⁵. Таким компонентом по традиции можно считать суваров (сувазов). Название их племени является древней формой этнонима чуваш⁶. Это племя вошло в состав населения Волжской Булгарии, но его основная масса, по-видимому, все же сохранила «свою языческую религию и некоторые особенности своего наречия». Ислам приняла лишь знать этого племени⁷. Сохранилось предание о гибели города Суvara, сожженного монгольскими войсками. Часть населения была истреблена, а другая – угнана в неволю. Город, как и окрестные деревни, был уничтожен. Однако была и третья часть населения, которая спаслась бегством. Беглецы, переправившись через Волгу, укрылись в лесах Присурья⁸. По данным археологии, причиной гибели Суvara действительно явилось монгольское нашествие⁹. Именно в силу неполной интеграции суваров в состав булгарской народности оказалось возможным их этническое смешение с аборигенами. Другие группы мигрантов таким своеобразием не обладали, поэтому они и на новых местах расселения остались булгарами, которые не смешивались с местным

¹ Там же. С. 34.

² Там же. С. 36; *Казаков Е.П.* О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии // *Древности Волго-Камья*. Казань, 1977. С. 101.

³ АПБ. С. 57.

⁴ *Гарустович Г.Н.* Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Заключение. С. 2.

⁵ *История Чувашской АССР*. Чебоксары, 1966. Т. 1. С. 50.

⁶ *Ковалевский А.П.* Чуваша и болгары по данным Ахмеда Ибн-Фадлана. Чебоксары, 1954. С. 50.

⁷ Там же. С. 51.

⁸ *Каховский Б.В., Каховский В.Ф.* Изучение булгарских памятников на территории Чувашии // *Археология Волжской Булгарии: проблемы, поиски, решения*. С. 43-44.

⁹ *Хузин Ф.Ш.* Указ. соч. С. 66.

населением, даже несмотря на то, что последнее на востоке тоже было мусульманским.

Наиболее известными булгарскими памятниками домонгольского периода на Самарской Луке являются Вальнское («Муромский городок») и Междуреченское городища (карта 1). Если Муромский городок погиб во время монгольского нашествия, то Междуреченское городище продолжало существовать и в золотоордынский период¹ (карта 2). О том, что булгары тогда продолжали жить на Самарской Луке свидетельствуют и компоненты их культуры в материале Муранского и Барбашинского поселений². Предполагается, что оставшееся там после монгольского нашествия булгарское население в основной своей массе все же ушло в район бассейнов рек Кондурча, Сок, Большой и Малый Кинель³. Однако исследования поселенческих памятников ограничены здесь в основном осмотром и шурфовкой⁴. Раскопкам было подвергнуто лишь наиболее крупное из них – Сукореченское поселение, которое было основано во второй половине XIII в. и существовало весь XIV в.⁵ (карты 2, 3). Можно говорить и о перемещении булгарского населения вниз по Волге. На вещевом материале прослеживается довольно большая роль булгарских ремесленников в жизни золотоордынских городов Нижнего Поволжья⁶.

В XIII в. прекращают функционировать булгарские селища на левом берегу Волги на территории современной Республики Марий Эл – Отарское и «Городище»⁷ (карты 1, 2). Это единственный пример сокращения ареала обитания булгар в эпоху монгольского нашествия. Булгарская керамика была найдена на поселенческих памятниках Горномарийского района указанной республики среди материала XIII-XV вв. Но там ее очень мало. Так, на Мало-Сундырском городище (карты 2, 3) она составляет всего 0,8% от общей массы материала⁸. Булгарской керамики здесь меньше, чем на древнечувашских памятниках, что неудивительно, так как «более активное проникновение булгар на территорию Чувашии, чем в Горномарийский район», вполне закономерно⁹.

В этнографической литературе отмечается, что, «спасаясь от периодически повторявшихся набегов татаро-монгол, мордва покидала от-

¹ Матвеева Г.И., Скарбовенко В.А. Очерк тридцатилетних работ САЭ Самарского университета // Вопросы археологии Урала и Поволжья. С. 21-23.

² Васильев И.Б., Матвеева Г.И. У истоков истории Самарского Поволжья. Куйбышев, 1986. С. 225, 227-228.

³ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. С. 300.

⁴ Там же. С. 309.

⁵ Там же. С. 310-311.

⁶ Смирнов А.П. Волжские булгары. М., 1951. С. 64.

⁷ Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Атлас археологических памятников Республики Марий Эл. Йошкар-Ола, 1993. Вып. 2. С. 40, № 60; с. 48, № 91.

⁸ Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII-XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 88.

⁹ Там же. С. 92.

крытые места и искала убежища в лесах»¹. Не отрицая такого утверждения в принципе, нельзя в то же время не отметить, что археологические данные свидетельствуют скорее об обратном: о расширении ареала обитания мордовского народа в южном направлении в первой половине золотоордынского периода. В это время наблюдается продвижение мордовского населения вверх по Мокше, о чем свидетельствует появление селища Полянки², Старосотенского (у г. Мухши) и Чернозерского могильников, а отсюда – в верховья Суры, где надо отметить селище у Калашного Затона под Пензой³, и еще дальше на юг, где в верховьях Медведицы, в самом центре крупного массива кочевнических памятников, находится Аткарский грунтовый могильник⁴, а на правом берегу Волги – Куликовский (у г. Вольска) и Черемшанский (у г. Хвалынска той же Саратовской области) могильники. Мордва проникает и в район Самарской Луки, где появляется Усинский II могильник (карта 2), а также целый ряд поселенческих памятников на р. Усе, на которых мордва проживала в иноэтничном окружении булгар и русских⁵. Кроме того, отмечается присутствие мордовского населения золотоордынского времени на Междуреченском городище⁶ (карта 2), в городе Укеке и его округе⁷ и даже в городе Сарай ал-Махруса (Селитренное городище)⁸ (карты 2, 3).

Продвинувшаяся на юг мордва попадает под влияние золотоордынской культуры, которое прослеживается на материалах Старосотенского, Чернозерского, Аткарского, Куликовского, Черемшанского и Усинского II могильников, т. е. наиболее южных мордовских погребальных памятников раннезолотоордынского периода⁹ (карта 2). Ссылаясь на данные Старосотенского, Аткарского и Усинского II могильников, обычно пишут о распространении ислама у мордвы, о чем свидетельствует наличие погребений с нетрадиционной для нее западной ориентировкой, которые,

¹ Козлов В.И. Расселение мордвы. (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 10-11.

² Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 101.

³ Полесских М. В недрах времен: археологические памятники в Пензенской области. Пенза, 1956. С. 80.

⁴ Арзютов Н.К. Финский могильник XIII-XV вв. близ г. Аткарска // Труды Нижневолжского Краевого Музея. Саратов, 1929. Вып. I.

⁵ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 68-69.

⁶ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. С. 259.

⁷ Рыков П.С. Очерки по истории Нижнего Поволжья по археологическим материалам. Саратов, 1936. С. 75; Недашковский Л.Ф. Указ. соч. С. 46-48, 111-112, 168.

⁸ Зеленева Ю.А. Мордва в составе Улуса Джучи // Восток. Афроазиатские общества: история и современность. 2000. № 6. С. 21.

⁹ Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата. С. 227; Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Историография древней истории Пензенского края: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Пенза, 1995. С. 24; Арзютов Н.К. Финский могильник XIII-XV вв. близ г. Аткарска; Васильева И. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке.

к тому же, иногда не содержат погребального инвентаря¹. Однако в Аткарском грунтовом могильнике мусульманский погребальный обряд не утвердился в чистом виде, так как затронутые его влиянием погребения отличаются смешанным характером². Вместе с тем влияние золотоордынской культуры не ограничивалось лишь одним распространением ислама, так как об этом свидетельствует и вещевой материал Аткарского грунтового могильника³, например серьги в виде знака вопроса, которые были найдены также в Муранском (несколько более позднего времени), Куликовском и Черемшанском могильниках⁴. Еще Н.К. Арзютов отмечал, что обратное мордовское влияние в культуре поздних кочевников «в сколько-нибудь ощутимой форме пока не улавливается»⁵. Новые археологические данные также свидетельствуют об одностороннем влиянии степного мира на культуру мордвы⁶.

Надо заметить, что все эти памятники являются мокшанскими и это не случайно, так как у мокшан сложились союзнические отношения с монголами, а эрзяне отказались признать их власть (гл. III). Однако активная борьба эрзян за независимость вряд ли пошла им на пользу. Освоение мордвой новых территорий связывается «с ее численным ростом. Причину этих демографических процессов следует видеть в том, что в экономически и политически стабильном государстве, каким была Золотая Орда в первой половине XIV в., мордва получила возможность быстрого экономического и, как следствие, демографического развития»⁷. Нельзя не согласиться и с тем, что расширение этнической территории мордвы, как, впрочем, и русских, в первой половине XIV в. «отражает положительную, а не подавляющую роль джучидского государства»⁸.

В XIV-XV вв. мордва по-прежнему обитала на волжском правобережье, по берегам Волги, Медведицы, Терешки и других рек, т. е. на лесостепном севере современной Саратовской области, где она и теперь живет⁹. Мордовские могильники первой половины золотоордынского периода, известные в тех местах (Аткарский, Куликовский, Черемшан-

¹ Аликсова А.Е. Некоторые хронологические и племенные отличия в культуре мордвы конца I и начала II тысячелетия н. э. // СА. 1958. № 2. С. 74; Васильева И. II Усинский грунтовый могильник XIII-XIV вв. на Самарской Луке. С. 59-61.

² Монахов С.Ю. Новые исследования грунтового Аткарского могильника // Археология Восточно-Европейской степи. Саратов, 1991. Вып. 2. С. 187.

³ Монахов С.Ю. 1) Работы Аткарского отряда // АО 1980 г. М., 1981. С. 144; 2) Новые исследования грунтового Аткарского могильника. С. 187.

⁴ Рыков П.С. Указ. соч. С. 74.

⁵ Арзютов Н.К. Финский могильник XIII-XV вв. близ г. Аткарска. С. 18.

⁶ Монахов С.Ю. 1) Работы Аткарского отряда. С. 144; 2) Новые исследования грунтового Аткарского могильника. С. 187.

⁷ Зеленева Ю.А. Мордва в составе Улуса Джучи. С. 21.

⁸ Зеленева Ю.А. Источники по этнической истории Улуса Джучи // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани: 1223-1556. С. 213.

⁹ Арзютов Н. Финны Саратовского края в XIII-XV веках. Саратовский Гос. Обл. Музей. № 8. С. 1-2.

ский), продолжают функционировать и во второй его половине (карта 3). В это же время наблюдается резкое сокращение количества мордовских памятников на западе домонгольского и раннезолотоордынского ареала их распространения. В бассейне р. Вад на карте 3 оказалось возможным отметить лишь один памятник. Это могильник у п. Заря, верхняя дата которого определена XV в.¹ Датировка остальных памятников периода XIII-XIV вв. здесь XIV в. и ограничивается. Западной границей расселения мордвы теперь становится левый берег р. Мокши, где расположены Паньжинские могильник и селище XII-XV вв.², датировка которых у Л.А. Голубевой ограничена XIII-XIV вв.³, могильники Ефаевский XII-XVI вв.⁴ и Мордовские Парки, отнесенные Л.А. Голубевой к XIV в.⁵, селище II у с. Стародевичье, верхний горизонт которого датируется XIV-XVI вв.⁶, и Нароватовский могильник XIV в.⁷

Теперь мордва передвигается уже не в южном, а в восточном направлении. На северо-востоке мы имеем в виду комплекс памятников у б. с. Карташиха Лайшевского района Татарстана, состоящий из двух могильников и ряда поселений, датируемых XIV-XV вв.⁸, а на юго-востоке – комплексы XIV в., состоящие из селища и могильника, у с. Муранка Шигонского района Самарской области и на Барбашинской Поляне у г. Самары. Найденные на поселении и в могильнике близ с. Муранка монеты относятся к середине и второй половине XIV в.⁹, а в Барбашинском могильнике была найдена монета 1359/60 гг.¹⁰ (карта 3). Муранский могильник, находящийся на правом берегу Волги, особенно интересен тем, что в нем «было погребено за время не более одного столетия примерно 5 000 человек (не считая детей грудного возраста)»¹¹, в то время как численность мордвы даже к концу XVI в. «не превышала 100 тыс. человек»¹². Это свидетельство массовости мордовской миграции на восток, которая охватила и левый берег Волги, где находятся карташихинские и барбашинские памятники. Наличие керамики «барбашинского типа», принадлежавшей мордовскому населению, отмечается в керамическом

¹ Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н. э. – XVIII в. н. э.). С. 14, № 33.

² Там же. С. 16, № 1, 4.

³ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 102, 105.

⁴ Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н. э. – XVIII в. н. э.). С. 23-24, № 68.

⁵ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 106.

⁶ Там же. С. 101.

⁷ Степанов П.Д. Археологические памятники на территории Мордовии (III тыс. до н. э. – XVIII в. н. э.). С. 31, № 138.

⁸ Марков В.Н. Археологические исследования в Приказанском Поволжье // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. С. 177.

⁹ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище // ТКАЭ. М., 1954. Т. I. С. 272.

¹⁰ Археологические исследования в РСФСР 1934-1936 гг. С. 151.

¹¹ Алихова А.Е. Муранский могильник и селище. С. 260.

¹² Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 82.

комплексе Сухореченского поселения¹. О проживании мордвы в г. Болгаре, помимо погребений (рядового человека на «Бабьем бутре» и знатной женщины в Ханской усыпальнице), свидетельствует целый ряд вещественных находок (сюльгам, височных колец)². Там же найден эпиграфический памятник XIV в., поставленный «над могилой знатного и почитаемого человека, жителя города Болгара, но сына мордвина-мокши»³.

Причиной перемещения мордвы на восток могло быть только русское давление с запада. Стремясь избежать русификации, в том числе и христианизации, в Заказанье она попадает под влияние мусульманской культуры формирующейся этнической общности казанских татар. Так, в I Карташихинском могильнике в 1952 г. было вскрыто пять погребений, где костяки были ориентированы головами на запад с отклонением к северу, к тому же в трех погребениях не было вещей⁴. Это явное воздействие ислама, так как для мордвы-мокши традиционной является южная ориентировка. А.Х. Халиков связывал карташихинские памятники с каратаями, сохранившими легенды о переселении с левого на правый берег Волги. «По-видимому, значительная часть этой мордовской группы отатарилась довольно рано», – пишет он, ссылаясь при этом на наличие одного булгаро-татарского надгробного камня из с. Азелей, датированного XIV в. и сохранившего в списке имени название мухши⁵. В настоящее время каратаи живут в трех небольших деревнях Камско-Устьинского района Татарстана, что на правом берегу Волги, а Лаишевский на левом. В результате длительного проживания среди татар они восприняли их язык, некоторые элементы культуры и быта, но не утратили мордовского самосознания, чему в немалой степени способствовало то обстоятельство, что по вероисповеданию каратаи были с XVIII в. православными. Они уже не помнят мокшей или эрзей были их предки, но татары соседних сел называют каратаев мукшилар, т. е. мокшей⁶. Значит, оказавшись впоследствии под властью русских, каратаи были христианизированы, так что угрозы русской колонизации, несмотря на отход на восток, им удалось избежать лишь временно. Однако на Самарской Луке новые группы мордовских переселенцев уже не испытывали влияния исламской религии, так как захоронения в Муранском и Барбашинском могильниках (карта 4) совершались по языческому обряду. Это свидетельствует о наступившем кризисе культуры Золотой Орды на позднем этапе ее существования.

¹ История Самарского Поволжья с древнейших времен до наших дней. С. 316.

² Смирнов А.П. Волжские булгары. С. 65-66.

³ Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии // Этногенез мордовского народа. Саранск, 1965. С. 166.

⁴ АКТ: Предкамье. М., 1981. С. 73-74, № 281.

⁵ Халиков А.Х. Мордовские и болгаро-татарские взаимоотношения по данным археологии. С. 164, 166.

⁶ Мордва. С. 57.

В XIII в. прекращают функционировать все памятники марийцев Поветлужья домонгольского времени – Починковский, Выжумские II и III и Руткинский могильники. Это тоже один из показательных примеров русского давления. В правобережной части Республики Марий Эл (Горномарийский район) в начале XIII в. функционировали Сиухинское и Шунангерское III селища (карта 1), а в конце – Мало-Сундырское городище, Носельские II и III, Юльяльское и в устье р. Сундырки (Торгоца?)¹ селища. Увеличение числа памятников можно объяснить приходом марийского населения не только с севера, но и с юга, где в это время возникают древнечувашии памятники (карта 2), характеризующие процесс смещения болгарского и марийского населения и по своему материалу имеющие близкое сходство с синхронными памятниками Марийского правобережья (гл. I). В позднезолотоордынском периоде там функционировали Мало-Сундырское городище, могильники «Волна» и Кадышевский I, Юльяльское и в устье р. Сундырки (Торгоца?) селища. Теперь снова возникают марийские памятники в Западном Поветлужье – Горношумецкое городище, Починковское и Удельно-Шумецкое II селища (карта 3), что можно объяснить увеличением количества переселенцев с территории современной Чувашии, где процесс болгаро-марийского смешения в это время приобрел более широкую масштабность. Марийцам-переселенцам, стремившимся избежать этого смешения, теперь уже не хватало места в волжском правобережье. Таким образом, в конце XIV-XVI вв. имело место частичное вытеснение тюркоязычным населением горных марийцев на волжское левобережье, «где они и поныне занимают обширный район»². Но и в правобережье марийское население, организованное в единую территориальную общину, все представители которой в случае опасности укрывались на городище³, сохранилось вплоть до наших дней. Марийцы, оказавшиеся в Поветлужье, избежали опасности с юга, но столкнулись с опасностью с запада в лице русской колонизаций, набирающей все более стремительные темпы по мере ускорения процесса централизации на Руси. Этим марийцам тоже, очевидно, пришлось организоваться в единую территориальную общину, а в целях обороны было сооружено Горношумецкое городище. Русский колонизационный натиск в Поветлужье потерял свою актуальность после ухода отсюда марийцев в XIII в. Там просто не осталось люд-

¹ Иванов А.Г. «Торгоца» - страница средневековой ярмарочной торговли Марийского Поволжья // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. Йошкар-Ола, 1994. С. 221.

² Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей // Болгары и чуваш. С. 39.

³ Хлебникова Т.А. Результаты исследования Мало-Сундырского городища в 1958 и 1964 годах // История, археология, этнография мари. Йошкар-Ола, 1967. С. 168; Архипов Г.А. Марийский край в памятниках археологии. Йошкар-Ола, 1976. С. 149; Никитина Т.Б. О характере расселения марийцев во II тыс. н. э. на примере Мало-Сундырского городища и его окрестности // Новые материалы по археологии Среднего Поволжья. Йошкар-Ола, 1995. С. 134-135.

ских ресурсов, могущих стать объектом эксплуатации. Такая ситуация и позволила марийцам вернуться в Поветлужье. В результате этот район вновь стал объектом русской колонизации, но теперь, очевидно, не обошлось без сопротивления со стороны местного населения.

Население центральной части волжского левобережья территории современной Республики Марий Эл демонстрирует свою стабильность на всем протяжении рассматриваемого нами периода. Так, древнемарийское Уржумкинское II селище функционировало и на домонгольском, и на раннезолотоордынском, и на позднезолотоордынском этапах (карты 1-3). Датировка очень широкая: начало-середина II тыс. н. э.¹

Памятники позднего средневековья в удаленных от Волги северо-восточных районах Марийской республики практически неизвестны. Исключение составляют только отдельные весьма слабо изученные памятники типа Чумбарейского могильника и Ашкаринского местонахождения XIV в. в Ронгинском районе. Именно к этому веку археологи предположительно отнесли заселение марийцами северных и центральных районов их современной республики³. Тогда они испытывали с запада натиск славян, а с юго-востока – булгар. В Вятско-Ветлужском междуречье имеется большое количество топонимов, содержащих элемент «одо», т. е. марийское название удмуртов – аборигенов этой территории. Об удмуртско-марийских столкновениях из-за мест поселений сохранились многочисленные свидетельства устного народного творчества⁴. Но удмуртские памятники позднего средневековья в глубинной части Республики Марий Эл вовсе неизвестны. «Русские поселения открыты в бассейне среднего течения р. Вятки от устья р. Летки до рр. Пижмы и Вои»⁵ (карта 8), в то время как северная граница марийского расселения в XIII в. едва ли доходила до р. Пижмы⁶. Но в XIV в. марийцы, двигаясь на север, достигли среднего течения р. Пижмы. Значительная часть древнерусского Грековского селища конца XII–XIV вв. была уничтожена марийским могильником XIV – начала XVIII вв., на котором было вскрыто 2277 погребений⁷ (карта 3).

Марийцы являлись коренным населением Заказанья, о чем свидетельствует Борисковский могильник IX–X вв. в районе г. Казани, где бы-

¹ Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Указ. соч. С. 43, № 70.

² См.: там же. С. 136, рис. 3; с. 153, рис. 12.

³ Халиков А.Х., Архипов Г.А. МАЭ 1957 года // История, археология, этнография. Йошкар-Ола, 1959. С. 126.

⁴ Голдина Р.Д. Проблемы этнической истории пермских народов в эпоху железа (по археологическим материалам) // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 29.

⁵ Макаров Л.Д. Славяно-русское заселение бассейна р. Вятки и исторические судьбы удмуртов Вятской земли в XII–XVI веках // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен до середины XIX в.). Ижевск, 1995. С. 83

⁶ Там же. С. 82.

⁷ Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы // Проблемы средневековой археологии волжских финнов. С. 169–170.

ли найдены украшения, типичные для марийских могильников раннего средневековья¹. Процесс ассимиляции и вытеснения марийского населения Заказанья пришлым тюркоязычным населением можно проследить по археологическим данным. Для защиты своей территории марийцы воздвигали укрепленные форпосты, одним из которых является Ашиязское городище XV в. в Атнинском районе Татарстана. Исследования показали, что оно не имело постоянного населения и служило убежищем для марийцев правобережья Ашита². Вот еще один пример марийской территориальной общины. Рядом с городищем было изучено несколько кладбищ XIV-XV вв., демонстрирующих процесс исламизации марийцев³. Их ассимиляция, видимо, затянулась надолго. В культурном комплексе не только Казани, но и других поселений периода Казанского ханства, например Чалынского (Тябердинского) городища, имеется средневековая марийская керамика⁴ (карта 3).

Судьба предкамских удмуртов была, видимо, аналогичной, однако надежного археологического материала для такого утверждения пока мало. Единственным более или менее известным памятником Арской земли, коренным населением которой являлись ары, они же аряне или арские люди⁵, отождествление которых с южными удмуртами сомнению никем не подвергается, является само Арское городище, т. е. цитадель г. Арска. Считается, что основателями этого города были удмурты⁶. Это мнение как будто бы оспаривает А.А. Бурханов, говоря об основании Арского городища тюркоязычным населением не позднее первой половины – середины XIII в.⁷ (карты 2, 3). Но по археологическим данным хотелось бы получить представление об этнокультурной, а не о языковой (?!), принадлежности первоначального населения этого города, о таких данных, по-видимому, еще нет. Предположительно можно говорить о значительной роли удмуртского компонента в составе населения Елабужского (карта 1) и Кирменского (карты 2, 3) городищ⁸, в то время как активное включение финно-угров – мари и удмуртов в состав населения

¹ АКТ: Предкамье. С. 62-63, № 223; *Архипов Г.А.* Марийцы IX-XI вв.: к вопросу о происхождении народа. Йошкар-Ола, 1973. С. 62.

² *Халиков А.Х.* МАЭ 1956 года. С. 87; *Архипов Г.А.* Марийский край в памятниках археологии. С. 154-155.

³ *Халиков А.Х.* МАЭ 1956 года. С. 87; *Архипов Г.А.* Марийский край в памятниках археологии. С. 155.

⁴ АКТ: Предкамье. С. 22.

⁵ *Атаманов М.Г.* Расселение удмуртов по данным этнопонимии // Проблемы этногенеза удмуртов. С. 99.

⁶ *Сысоева М.В.* Первые письменные сведения об удмуртах // ВФУЯ. Ижевск, 1967. Вып. IV. С. 300.

⁷ *Бурханов А.А.* Новые археологические исследования в Заказанье и Казани (предварительное сообщение) // *Tatarica*. Казань, 1997/98. № 1. С. 142.

⁸ *Руденко К.А.* К вопросу об удмуртских элементах в материальной культуре Волжской Булгарии XI-XIV вв. (на примере Лаишевского селища) // Новые исследования по средневековой археологии Поволжья и Приуралья. Ижевск-Глазов, 1999. С. 101-102.

Русско-Урматского селища (карты 2, 3) сомнению не подлежит¹. Надо обратить внимание на тот факт, что большинство татарских деревень в Предкамье и в настоящее время носят марийские или удмуртские названия, хотя и исковерканные².

На остальной территории расселения предков удмуртского народа к настоящему времени достаточно полно изучены лишь памятники чепецкой культуры, тогда как памятники кочергинской и чумойтлинской культур известны значительно хуже. В ареале первой из них уже в домонгольский период началось формирование Вятской земли, памятники которой принадлежали смешанному славяно-финскому населению. Чумойтлинской культуре название дало жертвенное место Чумойтло возле г. Можги, датируемое XII-XIII вв. Рядом расположено Можгинское селище XII-XIV вв., где были собраны обломки лепной керамики и фрагменты золотоордынской посуды³ (карты 1, 2). Количество памятников чепецкой культуры в XIII в. значительно сокращается: на карте 2 их отмечено 16 вместо 26 на карте 1. Тогда прекращают функционировать наиболее крупные памятники этой культуры: городище Иднакар и могильник Кузьминский бигершай (карта 1). На карту 3 оказалось возможным нанести только 14 памятников чепецкой культуры. Отмечается, что «чепецкие памятники почти не содержат достоверных материалов после XIII в.»⁴. Поселения этого и последующих столетий представлены преимущественно селищами, которые изучены очень слабо, так как на основной их массе производились лишь разведочные исследования⁵. Некоторые погребальные памятники с широкой датировкой, такие как Тымпальский, Коповский, Люмский бигершай и Квалярский могильник, обозначены на всех трех картах, однако количество исследованных погребений в них либо ограничивается всего одним, либо вообще не указывается⁶. Так что к золотоордынскому времени эти памятники отнесены весьма условно. Кузьминский бигершай, показанный нами на картах 2 и 3, тоже датируется довольно широким периодом XIII-XV вв., хотя только одно из его погребений введено в научный оборот⁷. Этот памятник находится слева от верховий Чепцы, где памятников домонгольского периода не отмечено (карта 1), что может свидетельствовать о некото-

¹ Кокорина Н.А. Указ. соч. С. 88.

² Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 58.

³ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. Ижевск, 1999. С. 299.

⁴ Там же. С. 374.

⁵ Вязников А.М. Структура и динамика расселения северных удмуртов в бассейне р. Чепцы в эпоху средневековья (по материалам сельских поселений) // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 336.

⁶ Иванова М.Г. Погребальные памятники северных удмуртов XI-XIII вв. Ижевск, 1992. С. 126, таблица 18.

⁷ Там же.

ром расширении территории чепецкой культуры в южном направлении в золотоордынскую эпоху.

Запустение большинства памятников северных удмуртов в XIII в., очевидно, явилось результатом их миграции. Прослеживается уход населения чепецкой культуры в Верхокамье – Зюздинский край, где в XIII в. появились сходные с чепецкими по обряду погребения и керамике памятники¹. Что же касается мнения о миграции кочергинского и чепецкого населения в Арскую землю², то оно не может быть обосновано надлежащим образом из-за неудовлетворительного состояния археологической базы этого региона. Возникновение Арского городища в XIII в., очевидно, свидетельствует об усложнении социально-политической организации местного населения, что можно объяснить ролью пришельцев с севера, у которых наличие подобной достаточно развитой организации с центром в Иднакаре прослеживается в более раннее время³.

Миграция была результатом воздействия внешнего фактора, по поводу которого были высказаны две альтернативные точки зрения. Р.Д. Голдина пишет о нашествии монголов, которые взяли штурмом Иднакар⁴. А.Г. Иванов полагает, что вятские ушкуйники, кроме походов на золотоордынские города, могли организовывать в XIII–XIV вв. военные экспедиции и вверх по Чепце, которые, как менее значимые, не были зафиксированы в летописях⁵. Материалы городища Иднакар, действительно, свидетельствуют о его гибели в результате военного нападения (следы пожара, концентрация наконечников стрел)⁶. Но какая из этих двух внешних сил погубила Иднакар, мы не знаем. Вероятно, некоторая часть чепецкого населения, изменив характер расселения, сохранилась на своей территории⁷. Поэтому памятники XIV–XV вв. надо искать «на ранее слабо освоенных водораздельных территориях бассейна р. Чепцы, в верховьях правых и левых ее притоков»⁸. В ходе дальнейших археологических исследований, возможно, будет установлен факт ухода местного населения с Чепцы на ее мелкие притоки, непригодные для судоходства. Только там можно было спастись от экспедиций ушкуйников. Сокращение численности населения могло быть несколько восполнено

¹ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. С. 374.

² Иванова М.Г. Удмурты в начале II тысячелетия н. э. // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен до середины XIX в.). С. 77.

³ Иванова М.Г. Удмурты в эпоху средневековья: расселение и некоторые аспекты социально-экономических отношений // ФУ. Казань, 1997. № 1. С. 63.

⁴ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. С. 374.

⁵ Иванов А.Г. Проблемы изучения этнокультурных связей северных удмуртов в эпоху средневековья // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 89–90.

⁶ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). Ижевск, 1998. С. 170.

⁷ Голдина Р.Д. Древняя и средневековая история удмуртского народа. С. 374–375.

⁸ Вязников А.М. Указ. соч. С. 337.

благодаря усилившейся русской колонизации, вызвавшей значительный отток удмуртов со Средней Вятки на Чепцу, с чем связано появление на некоторых чепецких городищах типично вятской керамики¹. Здесь переселенцы чувствовали себя в сравнительной безопасности.

Селища чияликского типа датируются широким хронологическим отрезком XII-XIV вв.², т. е. могут быть отнесены как к домонгольскому, так и к золотоордынскому периоду, поэтому Игимское, Чияликское, Горновское селища отмечены на картах 1А и 2А одновременно. Из чияликских могильников к домонгольскому периоду отнесен лишь могильник у с. Кушулево Дюртюлинского района Башкортостана, датируемый временем не ранее, чем с конца XI-XII вв.³. Но там, кроме языческих, есть и раннемусульманские захоронения, совершенные не ранее конца XIII в.⁴ (карты 1А, 2А). Происхождение чияликской культуры связывается с памятниками мрясимовского типа. Курганные могильники восточной части Башкортостана – Мрясимовский, Каранаевский и Муракаевский – не выходят за хронологические рамки домонгольского периода (карта 1А). Потомки их носителей, переселившись в Западное Приуралье, оказались в непосредственном соседстве с булгарами и тем самым попали под влияние ислама, результатом чего и было исчезновение курганного погребального обряда. Вместе с тем можно согласиться с И.Ю. Пастушенко, который наступившее в XIII в. запустение в Сылвинско-Иренском поречье связывает с отходом угорского населения к юго-западу и его слиянием с чияликскими племенами⁵. Могильники т. н. сылвинской культуры соотносятся с раннечияликскими объектами⁶, их объединяет и наличие гребенчато-шнуровой керамики⁷. Количество сылвинских памятников в XIII в. действительно резко сокращается. К золотоордынскому периоду определенно можно отнести лишь одно Бартымское I селище, датируемое XIII-XIV вв.⁸ (карты 1-3).

На карте 3А из числа угорских памятников показаны лишь Ново-Сарлинский могильник на Ике и Юнусовское поселение на Ае. Могильник и средневековый слой на поселении датируются XIV в.⁹, т. е. могут быть отнесены как к первой (карта 2А), так и ко второй его половине (карта 3А). XIV в., таким образом, является последним столетием суще-

¹ *Лецинская Н.А.* Вятский бассейн в I – начале II тысячелетия н. э. (по археологическим источникам): автореф. канд. дисс. Ижевск, 1995. С. 20.

² АПБ. С. 53.

³ *Казаков Е.П.* О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 99.

⁴ *Гарустович Г.Н.* Распространение ислама в Южноуральском регионе // Проблемы духовной культуры тюркских народов СССР. С. 27.

⁵ *Пастушенко И.Ю.* История населения бассейна р. Сылвы в первой половине второго тысячелетия н. э.: автореф. канд. дисс. Ижевск, 1995. С. 15, 16-17, 24.

⁶ Там же. С. 13.

⁷ Там же. С. 12.

⁸ Там же. С. 11.

⁹ АПБ. С. 108-109, № 71; с. 122, № 109.

ствования угорских памятников на Южном Урале, что, очевидно, свидетельствует об оставлении утрами прежних мест их обитания. Но эта «пульсация» численного состава приуральского населения происходила в рамках племенных территорий, которые оставались стабильными¹. Из-за неизученности археологических памятников более позднего времени историческую судьбу чияликского населения проследить очень трудно. Можно лишь предполагать, что его потомки «в южных районах вошли в состав тюркоязычного, а в северных – пермско-финского населения»². Надо отметить, что совпадение территории обитания носителей чияликской культуры и отдельных подразделений родоплеменной структуры башкирского народа может послужить лишь косвенным аргументом в пользу вывода об их преемственности, так как позднейшее население не использовало более ранние памятники материальной культуры в своих интересах. Прямые аргументы в этом отношении могут дать лишь данные смежных наук (этнографии, лингвистики, антропологии). Пока установлено лишь то, что «по всей северной территории расселения среди башкир преобладает уральский антропологический тип»³.

Памятники угров домонгольского времени (X–XIII вв.) в лесном Зауралье и горной части Среднего Урала представлены соответственно юдинской культурой и петрогромским типом (карта 1). На смену юдинской культуре приходят памятники макушинского типа XIII–XIV вв., представленные тремя городищами – Юдинским, Мохиревским и Липчинским, которые уже функционировали в юдинский период, и двумя могильниками – Макушинским и Мысовским, возникшими только теперь (карта 2). В золотоордынский период количество угорских памятников лесного Зауралья резко сокращается по сравнению с домонгольским периодом: на карте 1 обозначены 35 поселенческих и погребальных юдинских памятников. Памятники макушинского типа рассматриваются как «локальный вариант юдинской культуры», сформировавшийся в поздний период ее развития в южной части зоны ее распространения⁴. Дальнейшая историческая судьба носителей памятников данной культуры в северной части зоны ее распространения не ясна, как не ясна и судьба носителей памятников петрогромского типа: каких-либо археологических следов пребывания их потомков в горном Урале не выявлено⁵. В позднезолотоордынском периоде угорские памятники уже не фиксируются и в лесном Зауралье, куда теперь проникают тюрки (карта 3). Угры были либо тюркизированы, либо вытеснены из прежнего ареала своего обитания.

¹ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: канд. дисс. Гл. III. С. 35–36.

² Казаков Е.П. Новые исследования средневековых памятников со шнуровой керамикой в восточных районах Татарии. С. 32.

³ Кузеев Р.Г. Башкортостан в Волго-Уральском историко-культурном регионе // Этносы и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 38.

⁴ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 177.

⁵ Там же. С. 179.

В целом можно сказать, что памятники уральских угров были представлены двумя локальными группами: западной (приуральской) и восточной. На начало XIII в. к первой принадлежали памятники чияликской и сылвинской культур, а ко второй – юдинской культуры и петрогромского типа. В XIII в. прекращают функционировать памятники северных вариантов этих групп – сылвинские и петрогромские, в результате чего ареал обитания уральских угров как будто сокращается, а к началу XV в. прекращают функционировать и памятники южных вариантов – чияликской культуры и макушинского типа. К настоящему времени начинает вырисовываться и еще одна локальная группа – центральная, представленная памятниками селеукского типа, выявленными в предгорной зоне Южного Урала на Средней Белой, а также на северо-востоке Башкортостана и в Зауралье¹.

Многочисленные поселенческие памятники с русским материалом, имеющиеся в Волго-Уральском регионе рассматриваемого периода (карта 8), не являются «чисто» русскими, так как русские проживали там совместно с иноэтничным населением. Но это обстоятельство не всегда может рассматриваться в качестве свидетельства их мирного проникновения в регион. Так, в бассейне Сылвы славянские переселенцы селились «на одних поселениях с аборигенами»². Из таких поселений там известны два городища и десять селищ XII–XVI вв.³ Однако проникновение славян в этот район сопровождалось вытеснением местного населения, т. е., по всей видимости, было насильственным. Славянами, постепенное заселение которыми бассейна Вятки началось на рубеже XII–XIII вв., была ассимилирована некоторая часть тамошних удмуртов⁴, что тоже подразумевает совместное расселение пришельцев с аборигенами. Другая часть последних была вытеснена, а третья, возможно, уничтожена. На Вятке на некоторых древнерусских поселениях (Никольчинское городище, поселение Искра) (карта 8) были «выявлены следы пожарищ, перекрывающих финно-угорский культурный слой»⁵. Многие из древнеудмуртских поселений «были использованы русскими колонистами», в результате чего «памятники местного населения оказались большей частью разрушенными»⁶.

Проникновение русских на Вятку и на Сылву, т. е. на север Волго-Уральского региона, началось несколько раньше, чем вниз по Волге –

¹ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. канд. дисс. С. 23.

² Макаров Л.Д., Пастушенко И.Ю., Салангин Д.А. О времени появления русских в бассейне Средней Сылвы // Историко-культурное наследие городов и заводских поселений Урала. Пермь, 1995. С. 10.

³ Там же. С. 11, рис. 1.

⁴ Иванова М.Г. Удмурты в начале II тысячелетия н. э. С. 77.

⁵ Иванов А.Г. Этнокультурные и экономические связи населения бассейна р. Чепцы в эпоху средневековья (конец V – первая половина XIII в.). С. 169.

⁶ Макаров Л.Д. Древнерусское население Прикамья в X–XV вв.: учебное пособие. Ижевск, 2001. С. 13–14.

уже в домонгольском периоде, хотя, возможно, и получило дополнительный импульс после монгольского нашествия. Это проникновение можно назвать колонизацией, которая сопровождалась подчинением местного населения. Оно, правда, не попало в зависимость от социума, расположенного на другой территории, с которой и происходил приток населения (Введение), так как это была колонизация периода феодальной раздробленности. На Вятке возникла республика, а что на Сылве – нам неизвестно, но вряд ли там русские могли обойтись без государственной власти. Скорее всего, там тоже возникла какая-то самостоятельная социально-политическая организация, очевидно, независимая от княжеской администрации.

Объединение всего Поволжского региона в рамках единого золотоордынского государства явилось стабилизирующим фактором в социально-политическом плане для периода второй половины XIII – первой половины XIV вв. Это было благоприятной предпосылкой для проникновения в этот регион русского населения, которое в данном случае могло быть, естественно, только мирным. Этому также способствовала и крайне нестабильная обстановка того времени в Северо-Восточной Руси, откуда и происходил частичный отток населения вниз по Волге. Совершенно иная обстановка сложилась во второй половине золотоордынского периода: в Золотой Орде бушевала смута, а в Северо-Восточной Руси, или, как лучше сказать, теперь уже России, наоборот, обнаружилась тенденция к дальнейшему устойчивому развитию. Что тогда стало с русским населением пришедших в запустение золотоордынских городов, мы не знаем. Не остается ничего другого, как предполагать уход славян на Русь, если им, конечно, удавалось туда добраться. Иное предположение было высказано В.А. Ивановым и С.М. Чугуновым, по мнению которых потомки русского населения Золотой Орды ко времени ее распада оказались одним из тех различного рода-племени люмпенизированных элементов, которые сколачивались в «ватаги», «промышлявшие грабежом торговых караванов»¹. Но пока гипотеза об участии потомков русского населения Золотой Орды в процессе формирования казачества не подкреплена какими-либо конкретными данными.

Отмечается, что поход Тимура 1391 г. привел к обезлюдению Самарской Луки в XV в.² Памятников этого времени там, действительно, уже нет. Вторично заселять этот район, по-видимому, пришлось не только русским, но и мордве. Трудно что-либо предположить относительно дальнейшей судьбы русских, живших на булгарских поселениях второй половины XIII – начала XV вв. В эпоху Казанского ханства эти памятники уже не функционировали. То же самое можно сказать и насчет некоторых памятников Горномарийского района Республики Марий Эл,

¹ Иванов В.А., Чугунов С.М. История казачества на Урале: курс лекций по спецкурсу для специальности «020700 - История». Стерлитамак, 2001. С. 9.

² Матвеева Г.И., Кочкина А.Ф. Муромский городок: археологические памятники Самарской области. Самара, 1998. С. 7.

имеющих значительный славянский материал – Мало-Сундырского городища¹, Юльяльского² и в устье р. Сундырки (Торгоца?)³ селищ, а также Петровского селища Воротынского района Нижегородской области, расположенного на противоположном берегу р. Суры у ее впадения в Волгу⁴ (карта 8), датировка которых ограничивается XV столетием, когда Марийский край оказался в составе Казанского ханства, что, по всей видимости, и явилось причиной ухода отсюда русских. С возникновением этого ханства, наиболее последовательными сторонниками которого являлись черемисы, связывается и основательное запустение южных районов Вятской земли, некогда заселенных славянами, которые во второй половине XV-XVI вв. были заняты марийскими племенами⁵. Впоследствии русским пришлось вторично заселять и район среднего течения р. Пижмы⁶, где марийцы обосновались уже в XIV в. (см. выше). Вместе с тем нет оснований полагать, что продвижение славян в Волго-Уральский регион было приостановлено. Ибо происходящие в то время процессы имели и другие следствия. Золотая Орда в результате своего ослабления и начавшегося распада перестала быть заслоном русскому военно-политическому продвижению на свою территорию, т. е. русской колонизации, которая, однако, в географическом отношении оказалась ограниченной значительно меньшей масштабностью, ибо она, в отличие от освоения, чем было проникновение славян на территорию Золотой Орды во второй половине XIII – первой половине XIV вв., так далеко вниз по Волге не пошла. Ее ближайшим объектом оказался мордовский народ, подчинение которого «под власть русского государства, – писал И.Н. Смирнов, – идет незаметно начиная с конца XIV в.». Летописцы как будто просмотрели этот процесс в силу его постепенности и даже рутинности, сопровождавшейся малочисленностью каких-либо ярких фактов⁷. А продвижение русских на север Волго-Уральского региона, очевидно, не вошедший в политическую систему Золотой Орды, и в XIII в. уже было колонизацией. Это наводит на мысль о своеобразном разделе данного региона между Русью и Ордой (гл. III).

Нельзя не отметить, что исследователи обычно игнорируют роль русского населения в миграционных процессах золотоордынской эпохи в Волго-Уральском регионе, которые имели важное, порой определяющее, значение для процессов этнических. Бывает, что эта роль попросту

¹ Архипов Г.А., Никитина Т.Б. Указ. соч. С. 68, № 28.

² Там же. С. 70-71, № 35.

³ Иванов А.Г. «Торгоца» - страница средневековой ярмарочной торговли Марийского Поволжья. С. 221.

⁴ Архипов Г.А., Халиков А.Х. Материалы к археологической карте Марийской АССР (по данным МАЭ 1956-59 гг.). Йошкар-Ола, 1960. С. 98, № 281.

⁵ Макаров Л.Д. Древнерусские памятники среднего течения реки Пижмы. С. 170-171.

⁶ См.: там же. С. 171-172.

⁷ Смирнов И.Н. Мордва: историко-этнографический очерк. Гл. I. Очерк истории. (Продолжение) // ИОАИЭ. Казань, 1892. Т. X. Вып. 6. С. 601-602.

приписывается золотоордынцам. И.Ю. Пастушенко именно с монгольским нашествием связывает наступившее в XIII в. запустение в Сылвинско-Иренском поречье, сопровождавшееся отходом угров на юг, а финно-пермяков на север¹. Но мы не знаем: затронуло ли вообще монгольское нашествие этот регион? Археологические данные свидетельствуют о проникновении сюда не монголов, а русских (карта 2). Само по себе утверждение о том, что угры под натиском монголов отходят именно на юг, является очень странным. В.А. Оборин писал: «Приток марийцев в Малмыжско-Уржумское поречье усилился в период разорения их земель монголо-татарами»². Р.Д. Голдина считает, что монгольское нашествие и позднейшая экспансия золотоордынских татар способствовали движению марийского населения из Поветлужья и Костромского Поволжья на восток, что, в свою очередь, имело следствием вытеснение удмуртов за Вятку³. Странно то, что экспансия почему-то осуществлялась не с юга – со стороны самой Орды, а с запада – со стороны Руси. Е.П. Казаков констатирует, что одним из фактов этнических перемещений золотоордынского периода, особенно второй половины XIV в., «было переселение мордвы в Волжскую Булгарию». «Временным ли усилением Наровчатского княжества была вызвана эта миграция или другими причинами, предстоит еще выявлять»⁴. Но усиление Наровчатского княжества, наоборот, должно было стать заслоном на пути русского продвижения на восток. Причиной миграции марийцев и мордвы на восток, особенно во второй половине XIV в., когда началось складывание централизованного государства, могло быть только русское давление с запада. В.И. Гордеев, рассматривая этнокультурные контакты в Золотой Орде, приходит к выводу «о достаточно тесных контактах и взаимопроникающем влиянии финно-угров и тюрок»⁵. Для славянского компонента места не оказалось.

Все миграции в регионе Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья, приведшие к заметным изменениям в его этнокультурной карте, вплоть до исчезновения старых и возникновения новых этносов, были вызваны не внутренними причинами, а внешними. Этот регион находился в сфере воздействия двух внешних сил: Северо-Восточной Руси с запада и «кочевой степи» с юга. Трудно сказать, влияние какой из этих сил было более определяющим.

Значительные изменения произошли в XIII в. Русская колонизация северной части Волго-Уральского региона привела к вытеснению местного населения из бассейнов Ветлуги, Вятки и Сылвы. Население уходит

¹ Пастушенко И.Ю. Указ. соч. С. 15, 16-17, 24.

² Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 59.

³ Голдина Р. Финно-пермские племена и их соседи: основные этапы взаимодействия // Финно-угроведение. Йошкар-Ола, 1995. № 1. С. 27-28.

⁴ Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // ФУ. Казань, 1997. № 1. С. 41.

⁵ Гордеев В.И. Этнокультурные контакты в Золотой Орде // УПАСК. С. 65.

также из районов, сильно пострадавших от монгольского нашествия. Так, обулгаризированные буртасы Верхнего Посурья в массе своей перемещаются в Примокшанье, в то время как за пределы домонгольского ареала расселения булгар выселяются их отдельные немногочисленные группы. Количество булгарских памятников в Закамье теперь значительно увеличивается¹, хотя земли Западного Закамья, бывшие основной территорией домонгольской Булгарии², «остаются центральными и в первой половине золотоордынского времени»³. Башкиры теперь уже не имели возможности совершать зимние откочевки в степь, сокращение ареала обитания они могли восполнить за счет освоения горнолесной зоны Южного Урала. Мордва-мокша, пользуясь благорасположением золотоордынской администрации, сдвигается на юг.

На картах 3 и 3А древнебашкирские памятники уже не показаны, так как древнебашкирский этнос во второй половине золотоордынского периода подвергся кыпчакизации, результатом чего явилось возникновение современного башкирского этноса. Земляные курганы лесостепного Приуралья XIII-XIV вв. в дальнейшем уже не функционировали, что было связано с переходом от раннего к ортодоксальному мусульманскому обряду погребения, не допускающему сооружения курганных насыпей. Что же касается ряда поселенческих памятников на южной излучине р. Белой, то они продолжали использоваться жившим там населением и позднее.

Дальнейшая историческая судьба носителей древнечувапских памятников XIII-XIV вв. (карта 2) в общем-то ясна. Город Чебоксары непрерывно просуществовал до наших дней, а вот селища в XIV в. были заброшены (карта 3). На Большеянгийльдинском поселении жизнь была прервана «не вследствие какой-либо катастрофы, а в результате переселения насельников на новое место и в спокойной обстановке», так как целых экземпляров в археологическом материале имеется очень мало, а следы пожарищ отсутствуют. Причиной переселения на новое поселение была, скорее всего, необходимость «освоения поблизости новых, более плодородных земель»⁴. Аналогичной была судьба и жителей селища близ д. Челкасы⁵.

Татары-мишари, по мнению Р.Г. Мухамедовой и Р.Г. Кузеева, сложились в результате взаимодействия двух основных компонентов – бур-

¹ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 63, 78.

² Там же. С. 37.

³ Там же. С. 77.

⁴ Смирнов А.П., Каховский В.Ф. Булгарское селище близ деревни Большое Янгийдино в Чувашской АССР // Археологические работы в Чувашской АССР в 1958-1961 годах. Чебоксары, 1964. С. 253.

⁵ Каховский В.Ф. Итоги работ Чувашского отряда Поволжской археологической экспедиции в 1968 году // УЗ Чуваш. НИИ. Чебоксары, 1969. Вып. 47. С. 193.

тасов и кыпчаков¹. Именно такое решение проблемы, на наш взгляд, является оптимальным. Этническая группа мишарей-татар состоит из двух основных подгрупп: мокшанско-темниковской («ч-окающей») на юго-западе и сергачско-сурской («ц-окающей») на северо-востоке², первая из которых восходит к кыпчакам, а вторая – к буртасам³. Сторонники других гипотез мишарей всецело производят либо от пришедших в Волго-Окское междуречье после монгольского нашествия кыпчаков⁴, либо от поселившихся там несколько раньше буртасов⁵. Основой как того, так и другого подхода является «ошибочное представление о единой мишарской народности, происходящей от одного этнического субстрата»⁶.

По мнению А.Х. Халикова, «исток буртас находились в огузских землях между Аральским морем и Уралом. Исходя из этого, следует полагать, что буртасы по языку были близки к огузоязычным тюркам»⁷. В мишарском диалекте имеется «наибольшее число черт огузского типа» по сравнению с другими татарскими диалектами⁸. По утверждению таких источников IX–X вв., как Ибн Русте, Гардизи, «Худуд ал-алам», Бакри, вера буртасов походит на веру гузов⁹. А у Марвази имеется прямое указание на то, что буртасы являются одним из племен гузов¹⁰. Таким образом, мишари, также как казанские татары и башкиры, образовались в результате взаимодействия ранних тюрков волго-уральской лесостепи и кочевого населения степной части улуса Джучи.

А.Х. Халиков к середине и второй половине XIV в. относит ряд селищ с красной гончарной керамикой в бассейне р. Пьяна¹¹. На этом ос-

¹ Мухамедова Р.Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей по данным этнографии; Кузеев Р.Г. Кыпчакско-золотоордынский компонент в составе тюркских народов лесостепной Евразии // Этнологические исследования в Башкортостане. Уфа, 1994. С. 48.

² Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 244, 246.

³ Мухамедова Р.Г. Основные этнические компоненты в составе татар-мишарей по данным этнографии. С. 122.

⁴ Садув В.Г. Межэтнические контакты и этническая неоднородность татарского населения СССР // География и культура этнографических групп татар в СССР. М., 1983. С. 5.

⁵ Халиков А.Х. К проблеме происхождения татар-мишарей (о болгаро-буртасской подоснове) // Тюркология-88: тезисы докладов и сообщений V Всесоюзной тюркологической конференции. Фрунзе, 1988. С. 574.

⁶ Орлов А.М. К вопросу о происхождении татар-мишарей // Языки, духовная культура и история тюрков: традиции и современность. С. 35.

⁷ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 85, примеч. 3.

⁸ Махмутова Л.Т. 1) О некоторых этнических компонентах татарского народа по диалектным данным // Тезисы докладов Итоговой научной сессии за 1970 г. С. 117; 2) Опыт исследования тюркских диалектов (мишарский диалект татарского языка). М., 1978. С. 258.

⁹ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1962. Т. I. С. 246-247.

¹⁰ Васильев Б.А. Проблема буртасов и мордва // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 193.

¹¹ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 139-140.

новании он пишет о массовом перемещении обулгаризированных буртасов из бассейна Мокши на северо-восток¹. Судить о масштабности этой миграции трудно, но, судя по тому, что в настоящее время «ц-окающие» мишари проживают преимущественно в бассейне Пьяны², она действительно могла быть массовой. Эта миграция, по нашему мнению, была вызвана, с одной стороны, натиском славян с запада, а с другой – кочевников с юга, явившихся предками «ч-окающих» мишарей.

В позднезолотоордынском периоде кочевники волго-уральских степей в массе перемещаются на север. Это в свою очередь приводит к столь же массовому переселению болгар из Закамья в Предкамье³, которое происходит, таким образом, «не в связи с монгольским нашествием и образованием Джучиева Улуса, а его распадом»⁴. Речь в данном случае не может идти о расширении болгарской этнической территории, можно говорить лишь об увеличении количества болгарского населения и плотности его размещения в Предкамье, что сопровождалось сокращением ареалов расселения марийского, удмуртского, да и болгарского этносов. Вскоре кочевники проникают и в Предкамье и ассимилируют сконцентрированное там население, за исключением той части марийцев и удмуртов, которая отходит на север. А болгарам теперь уже некуда было отступать. В Предволжье домонгольские памятники болгар концентрируются в основном в южной части, в то время как в золотоордынский период центральным районом сосредоточения болгарских памятников становится северная часть региона, где их выявлено более 60⁵. На территории Чувашии болгарские поселения домонгольского времени сосредоточены в основном в юго-восточной части республики. «Однако до второй половины XIV ст. в бассейнах Карлы, Булы и Кубни основная масса населения оставалась на месте»⁶. Но известные там памятники хронологически не переходят за XIV в. «Среди чувашей до недавнего времени бытовали предания о том, что степные кочевники, нападая на юго-восточные районы Чувашии, грабили население. Люди скрывались в местных небольших лесах. Но кочевники поджигали их. Поэтому местное население переселялось в северные лесные районы, куда боялись заходить кочевники»⁷. Численное увеличение болгарского компонента населения на севере современной Чувашии должно было привести к увеличению количества и марийского компонента современного чуваш-

¹ Халиков А.Х. К проблеме происхождения татар-мишарей (о болгаро-буртаской подоснове). С. 574.

² Татары Среднего Поволжья и Приуралья. С. 46.

³ Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 65.

⁴ Давлетшин Г.М. Заказанье и некоторые вопросы болгаро-татарской духовной культуры // Заказанье: проблемы истории и культуры. Казань, 1995. Вып. 1. С. 133.

⁵ АКТ: Предволжье. Казань, 1985. С. 12-13.

⁶ Димитриев В.Д. К вопросу о заселении юго-восточной и южной частей Чувашии // УЗ Чуваш. НИИЯЛИЭ. Чебоксары, 1956. Вып. XIV. С. 173.

⁷ Там же. С. 174.

ского этноса. Марийцам, стремившимся сохранить свою этнокультурную самобытность, ничего не оставалось, кроме как уйти на север. Дальше на запад самыми северными памятниками золотоордынской культуры являются поселения на северо-западе современной Мордовии. Они находятся на более южных широтах, нежели южные районы Чувашской республики (карта 3). Курганы севернее Пензенской области неизвестны (карта 7). Памятников, оставленных степными выходцами, в восточной части региона Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья (к востоку от Волги) известно значительно больше, чем в его западной части (к западу от Волги) (карты 3, 7), где их проникновение, очевидно, сдерживалось русским влиянием (гл. III).

Разной была роль этих выходцев и в сложении современного этнического состава населения восточной и западной части региона. Чувашский этнос не испытал существенного кыпчакского воздействия¹. Однако небольшая кыпчакская примесь в чувашах, вероятно, все-таки имеется². Ее надо отнести прежде всего на счет низовых чувашей – анатри. Мордовский народ, за исключением небольшой этнографической группы каратаев, сформировавшейся в Заволжье, кыпчакизации не подвергся. «Этническая территория древнемордовских племен располагалась в лесном краю»³, что нашло отражение во многих письменных источниках XII–XVI вв.⁴. Правда, в первой половине золотоордынского периода, как уже отмечалось, имело место продвижение мордвы на юг, что привело к заимствованию ею некоторых элементов материальной и духовной культуры степных кочевников. О проникновении последних в мордовскую этническую среду свидетельствуют их погребения на Аткарском (№ 15 и 22)⁵ и II Усинском (№ 14 и 15)⁶ грунтовых могильниках (карта 4). Исконными жителями лесной зоны были и удмурты⁷, предполагать кыпчакское воздействие на которых довольно-таки трудно. Но в Сарапульском II могильнике XIV–XV вв. у г. Сарапул были выявлены следы более чем 5 000 погребений золотоордынской эпохи с черепами монгольского типа⁸ (карта 3). В то же время об участии татарско-золотоордынского компонента в этногенезе марийского народа свиде-

¹ Третьяков П.Н. Вопрос о происхождении чувашского народа в свете археологических данных // СЭ. 1950. № 3. С. 53; История Чувашской АССР. С. 50.

² Дмитриев В.Д. О последних этапах этногенеза чувашей. С. 50.

³ Мордва. С. 32.

⁴ Жиганов М.Ф. Память веков: изучение археологических памятников мордовского народа за годы Советской власти. Саранск, 1976. С. 78.

⁵ Гарустович Г.Н., Ракушин А.И., Яминов А.Ф. Указ. соч. С. 146–147, № 55.

⁶ Васильева И. II Усинский грунтовый могильник XIII–XIV вв. на Самарской Луке. С. 62–63.

⁷ Атаманов М.Г. К вопросу о прародине удмуртов по данным языка // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. С. 7.

⁸ Генинг В.Ф. Археологические памятники Удмуртии. С. 178, № 296.

тельствуется не только Мари-Луговской II могильник (карта 2), но и наличие у марийцев антропонимов Копчак и Табынай¹.

Если период второй половины XIII – первой половины XIV вв. характеризуется политическим проникновением золотоордынских кочевников в волго-уральскую лесостепь, то применительно к периоду второй половины XIV – первой половины XV вв. надо говорить об этническом проникновении, так как теперь оно было массовым. Говоря о причинах такого явления, прежде всего необходимо остановиться на природно-климатическом факторе. В конце XIII в. изменилось направление циклонов. «В аридной зоне оптимальные климатические условия сменяются пессимильными». Это уже к началу XIV в. приводит к кризису кочевого хозяйства. Но этот фактор не сразу привел к изменению политической ситуации, на востоке Великой степи это произошло только в 70-х гг. XIV в.² В улусе Джучи кризис наступил даже раньше. А к 30-м гг. XV в. обезлюдение степи там достигло апогея. В этом отношении показательна цитата из сочинения Ибн Арабшаха «Чудеса предопределения в судьбах Тимура», которое было написано в 840 г. х., т. е. в 1436-1437 гг. н. э.³ Его автор много путешествовал, он был, в частности, в Хорезме, Сарае, Астрахани, Крыму⁴. Вот как он описывает обстановку более раннего времени: «Выезжают, бывало, караваны из Хорезма и едут себе на телегах спокойно, без страха и опаски, вдоль до (самого) Крыма... Караваны не возили с собой ни продовольствия, ни корма для лошадей, и не брали с собой проводника, вследствие многочисленности (тамошних) народов, да обилия безопасности, еды и питья у (живущих там) людей. Путешествовали они не иначе, как от одного племени до другого, и оставались только у того, кто (сам) предлагал у себя помещение». А дальше констатируется теперешнее положение: «Ныне же в тех местах, от Хорезма до Крыма, никто из тех народов и людей не движется и не живет, и нет там другого общества кроме газелей и верблюдов»⁵. Были, конечно, и политические причины. Это общая внутренняя нестабильность в улусе Джучи, в частности феодальные междоусобицы, которые, как правило, заканчивались тем, что представители проигравшей стороны вынуждены были искать убежище где-то на окраинах государства, за пределами степной зоны. В 1361 г. в Средневолжском регионе обосновались Булат-Тимур в Булгарии, Тагай⁶ в Наровчатской стране и Секизбей в Запьянии. Правда, их господство там было весьма непродолжи-

¹ Гарипова Ф.Г. Исследования по гидронимии Татарстана. С. 204, 211.

² Гумилев Л.Н. Гетерохронность увлажнения Евразии в средние века. (Ландшафт и этнос: V) // Гумилев Л.Н. Ритмы Евразии: эпохи и цивилизации. М., 1993. С. 295-296.

³ Золотая Орда в источниках. М., 2003. Т. I. С. 208.

⁴ Там же. С. 205.

⁵ Там же. С. 208.

⁶ Он, по всей видимости, был вытеснен из своего прежнего улуса Мамаем (См.: Егоров В.Л. Развитие центробежных устремлений в Золотой Орде // ВИ. 1974. № 8. С. 48-49).

тельным. Гияс ад-Дин, как и Улут-Мухаммед, наверное, тоже оказался на севере не по своей воле. Внешним толчком были походы Тимура в 1391 и 1395-1396 гг. (гл. III).

Р.Г. Кузеев отмечает, что финно-угорские и тюркские народы Волго-Уральского региона, продвигаясь на север, в лесные районы, «зачастую попадали в более суровые природно-географические условия, что было связано с длительной, всегда чрезвычайно тяжелой для рядовых тружеников культурно-хозяйственной переадаптацией. Это потребовало колоссальных затрат трудовых усилий народов и в то же время задержало, затормозило их общее культурное и социально-политическое развитие». В этом, по мнению цитируемого автора, и состоит «одно из самых значимых негативных последствий монгольского завоевания и монгольского господства»¹. Однако на этой же странице он пишет, что вытеснение населения происходит «в эпоху соперничества Тохтамыша и Тимура»². Значит, негативную роль сыграло не монгольское завоевание и образование Золотой Орды, а, наоборот, ее ослабление и распад.

Два основных миграционных потока, захлестнувших регион Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья и приведших все его население в движение, – славянский с запада и кочевнический с юга – столкнулись в крайней северо-восточной точке региона – в Сылвинско-Иренском поречье. Кочевники наиболее глубоко проникли в регион в его восточной части (см. выше), а русские – в северной (карта 8). Такая ситуация может найти свое объяснение в чисто географическом аспекте: как известно, северная граница степной полосы и южная граница лесной полосы в Восточной Европе, чем дальше на запад, тем больше смещаются к югу, и наоборот. Получается, что выходцы из двух различных природных зон как будто бы сторонились друг друга, но встретиться им все равно пришлось, хотя и произошло это довольно поздно. И здесь верх взяли кочевники: «на рубеже XV-XVI вв., а, возможно, и в конце XV в., русское население уже оставило бассейн р. Сылвы». Возможно, оно было уничтожено. Считается, что это было результатом движения на север тюркоязычного населения, т. е. башкир³. А Д.М. Исхаков по этому поводу пишет: «Но спрашивается, кем были проникшие в XIII-XIV вв. в Пермский край «башкиры»? Быть может, это были кыпчаки или кыпчакизированные группы монгольских племен? Да и вообще, существовали ли тогда единая башкирская народность?»⁴. Эта миграция, скорее всего, имела место несколько позже, так как археологически она уже не прослеживается. В конце XV в. курганы уже не насыпались. Согласно Р.Г. Кузееву, «на север вплоть до Пермских земель» устремились катайцы и

¹ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала. С. 249.

² Там же.

³ Пастушенко И.Ю. Указ. соч. С. 17.

⁴ Исхаков Д.М. К вопросу об «остячком» компоненте пермских татар и его связи с носителями сылвенской культуры // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. С. 117.

территориально связанные с ними в низовьях Белой другие племена¹. В таком случае это передвижение можно рассматривать как продолжение «кыпчакской» миграции далее на север. Но в Пермские земли катайцы пришли уже не из степи, а из лесостепи, где они должны были вступить во взаимодействие с другими компонентами современного башкирского этноса. Так что наряду с «кыпчакской» эту миграцию вполне можно называть и башкирской. Выше на основании данных нарративных источников нами был сделан вывод о насильственном характере «кыпчакской» миграции в лесостепь, теперь же этот вывод получает дополнительное подтверждение.

В такой ситуации неудивительно, что все миграции местного населения в регионе Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья теперь осуществлялись только в направлениях северо-восточного сектора круга: марийцы, удмурты, бургасы, болгары² и башкиры перемещаются на северо-восток, угры – на север, а мордва – на восток.

Начиная с середины XVI в. в Волго-Уральском регионе, с одной стороны, наблюдается возвратное движение на юго-запад, куда направились как ногайцы, так и обитатели лесной полосы, а с другой стороны, продолжается переселение тюркских и финно-угорских народов Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья на восток, что в свою очередь было следствием нарастающего русского миграционного потока, вновь активизировавшегося после падения Казанского ханства. Это тоже очень интересная тема, но она является предметом совсем другого исследования. Сейчас же для нас важно установить итоги динамики этнических процессов в рассматриваемый в данном исследовании период.

На всем протяжении этого периода Волго-Уральский регион являлся ареной взаимодействия трех этнокультурных общностей: тюрко-монгольской (ее монгольский компонент рано или поздно полностью тюркизировался), финно-угорской и славянской. Славяне проникли не только далеко на восток – вплоть до Приуралья, но и далеко на юг – вплоть до низовьев Волги. Однако в конце данного периода масштабы их расселения в регионе сократились. Часть финно-угорского населения вошла в состав современного русского этноса.

В целом для тюркского населения региона Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья золотоордынской эпохи характерно явное доминирование объединительных этнических процессов, при которых происходит слияние групп людей различной этнической принадлежности или целых этносов (так древние башкиры практически целиком вошли в состав современного башкирского этноса) с образованием новой этнической общности, т. е. консолидационных процессов, если иметь в

¹ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 472-473.

² Наряду с движением в Западное Предкамье имел место некоторый отток болгарского населения и на восток Закамья (Касаков Е.Л. 1) О памятниках болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 101; 2) Памятники болгарского времени в восточных районах Татарии. С. 39).

виду только самих тюрков (консолидация пришлых золотоордынских татар, которых очень часто условно называют кыпчаками по их языковой принадлежности, с прежним населением региона – буртасами, булгарами и древнебашкирским этносом), или миксационных, если иметь в виду их взаимодействие с финно-уграми (вхождение коренного населения правобережья нижнего течения Суры в состав чувашского этноса, марийцев и удмуртов Предкамья в состав этнической группы казанских татар, носителей чияликской и селеукской керамики в состав башкирского этноса, зауральских угров в состав тюменско-туринских и тобольских татар), над разделительными этническими процессами. Можно привести только два примера сепарации и оба они имеют непосредственное отношение к процессу сложения чувашского этноса – это миграции на основную территорию современной Чувашии части болгар и части обулгаризированных буртасов. Последние в домонгольское время подверглись аккультурации со стороны болгар, но не были ими ассимилированы, ибо болгары не селились на их землях, так что этнического смешения не произошло, поэтому буртасы не утратили своего собственного самосознания этнического, о чем свидетельствует сохранение их этнонима даже в более позднее время. Падение болгарского государства привело к политическому обособлению буртасов.

Трагичной оказалась судьба финно-угорского населения. В Западной Сибири носителей усть-ишимской культуры лесного Прииртышья (хантов) и макушинского типа памятников (манси) постигла общая судьба: частично они были тюркизированы, а частично оттеснены в отдельные северные лесные или горные районы¹. Результатом ассимиляции стало формирование различных групп сибирских татар². Ареал обитания угров на Южном Урале был полностью занят тюркоязычным населением, т. е. башкирами, расселившимися к XVI в. вплоть до Тобола³. Часть удмуртов была ассимилирована или вытеснена русскими и татарами, часть марийцев – татарами и чувашами. В результате «происходит значительное сокращение общей территории расселения удмуртов»⁴, в то время как марийцам удалось восполнить сокращение ареала своего обитания за счет территории, ранее занятой удмуртами, и даже вытеснить русских со среднего течения р. Пижмы. Но только мордовскому народу удалось сохранить свою этническую целостность. Даже каратаи, подвергшиеся сильной татаризации, остались в составе мордовского этноса.

Прежнее тюркское население региона Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья за исключением чувашей было кыпчакизировано.

¹ Финно-угры и балты в эпоху средневековья. С. 177, 202.

² Могильников В.А. Население южной части лесной полосы Западной Сибири в конце I – начале II тысячелетия н. э. С. 18.

³ См.: Гарустович Г.Н. Распространение ислама в Южноуральском регионе. С. 27.

⁴ Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа: учебное пособие. Ижевск, 1994. С. 176.

Его постигли кардинальные изменения не только в лингвистическом, но и в этнокультурном отношении. В значительной мере такая же судьба постигла и уральских угров. Мордва и марийцы сохранились как этносы, а на территории Удмуртии исчезновение различных культур, связываемых с отдельными компонентами современного удмуртского этноса, очевидно, было связано с началом складывания самого этого этноса как такового. Этот процесс происходил уже в составе Российского государства в XV-XVII вв.¹

Обзор динамики этнокультурной карты Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. подтвердил правомерность выделения в рамках рассматриваемого периода трех основных этапов, охарактеризованных еще во Введении. Монгольское нашествие привело к значительным изменениям в этническом составе населения региона, особенно его степной части. Завершился этот весьма скоротечный процесс с образованием Золотой Орды и оформлением улусной системы. Эти события законсервировали сложившуюся обстановку, которая на протяжении целого столетия не претерпела каких-либо заметных изменений. Однако с наступлением в начале второй половины XIV в. кризиса в Золотой Орде и его дальнейшим обострением ситуация резко дестабилизировалась. В этническом составе населения региона и его размещении произошли изменения еще более радикальные, чем в XIII в., причем на этот раз ими была охвачена преимущественно его лесостепная часть, результатом чего явилось сложение современных тюркоязычных этносов – башкир, татар и чувашей. Поэтому выделенные этапы следует обозначить так:

- 1) нестабильный,
- 2) стабильный,
- 3) опять нестабильный.

Периодизация этнической истории Волго-Уральского региона совпадает с основными вехами политической истории Золотой Орды, поэтому первый этап можно назвать эпохой монгольского нашествия и образования Золотой Орды, второй – эпохой ее расцвета², а третий – эпохой ее крушения и распада. Роль политического фактора в развитии этнических процессов переоценить трудно. Их сущность невозможно понять без системного изучения этнополитической истории Волго-Уральского региона золотоордынского периода, чему и посвящена следующая глава. Она построена на основании той же периодизации.

¹ Генинг В.Ф. Этногенез удмуртов по данным археологии // ВФУЯ. С. 278; Иванова М.Г. Истоки удмуртского народа. С. 178.

² П.Н. Савицкий «золотое столетие» Золотой Орды датирует с середины XIII по середину XIV столетия. «В этот период монгольское владычество на Руси (как и в Волго-Уральском регионе. – И.А.) было наиболее устойчивым и безусловным» (Савицкий П.Н. Ритмы монгольского века // «Русский разлив». М., 1996. Т. 2. С. 575).

Глава III
**ЭТНОПОЛИТИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО
РЕГИОНА В ЭПОХУ ЗОЛОТОЙ ОРДЫ**

1. Волго-Уральский регион в эпоху монгольского нашествия и образования Золотой Орды (20-40-е годы XIII в.)

Изменения, происходившие на этнокультурной карте Волго-Уральского региона на протяжении золотоордынского периода, были тесно связаны с событиями его этнополитической истории, что и является оправданием комплексного рассмотрения данных археологии и истории.

В сообщении Рихарда о восточных венграх сказано: «Татарский народ живет по соседству с ними. Но те же татары, столкнувшись с ними, не могли победить их на войне, наоборот, в первой битве были побеждены ими. Поэтому избрали их себе в друзья и союзники, и таким образом, соединившись вместе, они совершенно опустошили 15 царств». Из этого же источника известно, что в «Великой Венгрии» Юлиан «нашел татар и посла татарского вождя», который прибыл туда, очевидно, для заключения союза. Юлиану даже довелось побеседовать с этим послом, благо тот знал венгерский язык¹. Таким образом, из сообщения Рихарда можно сделать вывод, что население Великой Венгрии подчинилось монголам мирным путем, хотя этому и предшествовала длительная война между двумя сторонами. Тем не менее, совершенно ясно, что речь о завоевании Великой Венгрии монголами идти не может.

В письме Юлиана сообщается, что монголы пришли «в Великую Венгрию, из которой происходят наши венгры, и напали на них четырнадцать лет, а на пятнадцатый год завладели ими, как нам сообщали словесно сами язычники-венгры»². Где же Юлиан нашел последних, если при втором путешествии он не добрался до их земли? В 1237 г., «находясь на границах Руси», доминиканец услышал, что монголы, «как передавали нам словесно сами русские, венгры и болгары, бежавшие перед ними», ждут наступления зимы, чтобы напасть на Русь³. Кроме того, Юлиан пишет, что на пути в Великую Венгрию его опередили «четверо братьев моих. Когда они проходили через землю суздальскую, им на границах этого царства встретились некие бежавшие перед лицом татар венгры-язычники, которые охотно приняли бы веру католическую, лишь бы добраться до христианской Венгрии». Но князь суздальский запретил этим монахам «проповедовать римский закон помянутым венграм» и «изгнал вышесказанных братьев из своей земли»⁴.

¹ Аннинский С.А. Известия венгерских миссионеров XIII-XIV вв. о татарах и Восточной Европе // Исторический архив. М.; Л., 1940. Т. III. С. 81.

² Там же. С. 85.

³ Там же. С. 86.

⁴ Там же. С. 89.

Получается, что письмо Юлиана противоречит сообщению Рихарда. Зачем же восточным венграм нужно было бежать, спасаясь от монгольского нашествия, раз они были друзьями и союзниками татар и вместе с ними опустошили 15 царств? Однако в своем письме о монгольской войне Юлиан излагает «действительную правду о том, что все те, что называются венгры-язычники, и булгары и множество царств совершенно разгромлены татарами»¹. В пользу этого утверждения свидетельствует и венгерский король Бела IV, который в 1241 г. в числе опустошенных монгольским нашествием стран назвал «Старшую Венгрию»². Об опустошении татарами Великой Венгрии сообщает и Матфей Парижский (гл. I). Таким образом, данные, приведенные в сообщении Рихарда и письме Юлиана, носят взаимоисключающий характер.

Сразу возникает мысль: не исказил ли Рихард рассказ Юлиана о его первом путешествии? На мой взгляд, более корректной была бы, пожалуй, такая постановка вопроса: насколько, в какой степени мог Рихард исказить рассказ Юлиана? Ведь не мог же он придумать факт встречи своего информатора с татарским послом.

А что, если предложить компромиссную точку зрения, которая поможет объяснить противоречивые сведения, содержащиеся в двух источниках? Создается впечатление, что там имеются в виду не один, а два разных народа: первый подчинился монголам добровольно, а второй был ими разгромлен. Только так можно выйти из этого противоречия.

В башкирской легенде «Усергены» рассказывается о борьбе этого племени с монголами. Это была ожесточенная война, в которой «произошло немало жестоких битв». Однако усергены, как говорится в легенде, не могли «бороться собственными силами с громадным войском монгольских нашествеников, потому и вынуждены были принять их власть». Влившись в это войско монголов, усергены вместе с ними направились на север и там «овладели рязанским княжеством»³. В легенде «Муйтэн» и в шежере усергенских башкир рассказывается о том, как предводитель их племени – Муйтэн-бий – предпринял поездку к Чингисхану, вручил ему подарки, был ласково принят и получил подтверждение звания бия⁴. Этот эпизод перекликается с известиями русских летописей о поездках князей в Орду для получения ярлыков. Впрочем, Муйтэн ездил скорее всего не к Чингисхану. Для произведений устного народного творчества характерна подмена настоящего лица более известным историческим деятелем. Так, в кубаире «Муйтэн-бий» сказано: «Чингизхан завоевал Урал и Булгар»⁵, хотя в действительности это сделал Бату-

¹ Там же. С. 83.

² Шушарин В.П. Ранний этап этнической истории венгров: проблемы этнического самосознания. М., 1997. С. 161.

³ БНТ. Уфа, 1987. Т. 2. С. 120.

⁴ См.: Там же. С. 170-172; БШ. Уфа, 1960. С. 84-85; Хусаинов Г.Б. Шежере как историко-литературный памятник // БШ. Уфа, 1985. С. 13.

⁵ БНТ. Уфа, 1999. Т. 10. С. 199.

хан. Очевидно, именно к нему и ездил Муйтэн. Надо обратить внимание на длительность его пребывания в стане монгольского хана. Находясь в отлучке, он и на охоте блистал, и «храбрость в битве проявлял»¹. «Помогая, ждал звания бия»². В кубаире о Муйтэне сказано, что он «с Сакмары и Саелмышы дошел до Дона»³. Значит, Муйтэн-бий со своими воинами сопровождал Бату-хана в походе на Русь 1237-1238 гг. Как известно из русской летописи, Батый, взяв Козельск, пошел «в Поле» или «в землю Половецкую»⁴. Первый поход на Русь, таким образом, окончился как раз на Дону. В кубаире о Муйтэне сказано: «Все башкиры подчинились ему»⁵. Значит, являясь лидером сильнейшего племени, он на переговорах с монгольским ханом выступал как представитель и других башкирских племен. Приведенные сведения совпадают с рассказом Юлиана о том народе, который вначале сопротивлялся монголам, а потом добровольно подчинился им.

Стало быть, другим народом, разгромленным монголами, были носители чияликской культуры, они же «венгры-язычники». Е.П. Казаков считает, что они, располагаясь на окраинах Волжской Булгарии, находились по отношению к ней в положении вассалов⁶, ибо жили «не только под экономическим, культурным, но и военно-политическим патронажем булгар»⁷. В.А. Иванов тоже рассматривает приуральских угров как подданных булгарского царя⁸. В западной науке к аналогичному выводу независимо от наших исследователей пришли Gyongffu и Regenyi, по мнению которых Юлиан избегал этого деликатного вопроса⁹. И. Фодор также разделяет эту позицию¹⁰. В таком случае булгары и «венгры» вели совместную борьбу с монгольским нашествием и потерпели поражение, в результате которого одна их часть была уничтожена, другая осталась на прежних местах и подчинилась завоевателям, а третья обратилась в бегство. У В.Н. Татищева, который в своей «Истории Российской» использовал летописи, не сохранившиеся до наших дней, под 1236 г., после упоминания о разгроме монголами Волжской Булгарии, помещено следующее известие: «Того же году от пленения татарского многие

¹ БНТ. Т. 2. С. 171.

² Хусаинов Г.Б. Указ. соч. С. 13.

³ БНТ. Т. 10. С. 199.

⁴ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 3. Стб. 522.

⁵ БНТ. Т. 10. С. 199.

⁶ Казаков Е.П. О некоторых элементах языческой культуры угров Урало-Поволжья // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 85.

⁷ Казаков Е.П. Волжская Булгария и финно-угорский мир // ФУ. Казань, 1997. № 1. С. 42.

⁸ Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? (Взгляд археолога на древнюю историю Южного Урала). СПб., 1994. С. 90.

⁹ Istvan Zimonyi. The first Mongol Raid Against the Volga-Bulgars // Altaistic studies. Stockholm, 1985. P. 198.

¹⁰ Фодор И. Понятие языка, культуры и этноса в изучении древней истории венгров // Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв. Ижевск, 2000. С. 24.

болгары, избегши, пришли в Русь и просили, чтоб им дать место. Князь же великий Юрий (т. е. Юрий Всеволодович, тот самый, который, по сообщению Юлиана, прогнал четырех католических монахов из своей земли. – И.А.) вельми рад сему был и повелел их развести по городам около Волги и в другие»¹. Из письма Юлиана следует, что вместе с этими булгарами на Русь пришли и «венгры».

Рубрук пишет, что «до прибытия татар» жители земли Паскатири «были покорены соседними булгарами и саррацинами, и многие из них стали саррацинами»². Погребальная обрядность носителей чияликской и селеукской керамики в XIII-XIV вв. «имеет ярко выраженные черты, характерные для «булгарских мусульманских» канонов»³.

Возможно, что башкиры тоже входили в антимонгольский союз, возглавляемый булгарами, который был, таким образом, по крайней мере, тройственным. Арабский энциклопедист X в. ал-Масуди пишет: «Булгары составляют великий, могущественный и храбрый народ, который подчинил себе все соседние с ним народы»⁴. Арабский путешественник Абу Хамид ал-Гарнати, побывавший в XII в. в Волжской Булгарии, сообщает: «И выше этой страны обитают народы, которым нет числа, они платят джизью (здесь дань. – И.А.) царю булгар»⁵. В XI – начале XIII вв. Волжская Булгария «становится центром политического и этнокультурного притяжения» для формирующейся Волго-Уральской историко-этнографической области⁶. К.А. Макартни считает, что башкиры в домонгольский период были данниками булгар, стало быть, войну против монголов они вели совместно с булгарами и под главенством последних⁷. Не лишним будет отметить, что у некоторых отечественных исследователей имелись сходные высказывания по этому поводу. Одни из них писали о подчиненности башкир булгарам⁸ или о зависимости башкир от булгар⁹. Другие полагали, что границы булгарских владений

¹ Татищев В. История Российская. Ч. 2 // Собр. соч. М., 1995. Т. 2, 3. С. 230.

² Вильгельм де Рубрук. Путешествие в восточные страны. СПб., 1911. С. 101.

³ Гарустович Г.Н. Население Волго-Уральской лесостепи в первой половине II тысячелетия нашей эры: автореф. канд. дисс. Уфа, 1998. С. 21.

⁴ Хузин Ф.Ш. Волжская Булгария в домонгольское время (X – начало XIII вв.). Казань, 1997. С. 153.

⁵ Путешествие Абу Хаида ал-Гарнати в Восточную и Центральную Европу (1131-1153 гг.). М., 1971. С. 31.

⁶ Кузеев Р.Г. Народы Среднего Поволжья и Южного Урала: этногенетический взгляд на историю. М., 1992. С. 66.

⁷ Macartney C.A. The Magyars in the Ninth Century. Cambridge, 1930. P. 169.

⁸ Лоссиевский (Уфимский) М.В. Былое Башкирии и башкир по легендам, преданиям и хроникам. (Историко-этнографический очерк) // Справочная книжка Уфимской губернии. Уфа, 1883. Отд. V. С. 371; Соколов Д.Н. Оренбургская губерния: географический очерк. М., 1916. С. 84; Любавский М.К. Обзор истории русской колонизации с древнейших времен и до XX века. М., 1996. С. 491.

⁹ Муртазин М.Л. Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. 1927. С.

простирались на восток до Уральских гор¹. Они правильно указывали на сферы влияния Булгарии². По мнению советских историков, башкирские племена, кочевавшие по западным склонам Уральских гор, были в той или иной степени зависимы от булгарских властителей³. Все это хорошо согласуется с имеющимся у ал-Идриси (XII в.) упоминанием о лежащей на границах Булгарии горе Кукайа. Этот ороним восходит к названию Рифейских гор у античных авторов⁴.

Согласно арабскому географу Абу Саиду ал-Балхи (850-934), одно из двух башкирских племен, которое живет в непосредственном пограничье с гузами (впоследствии куманами), между ними и булгарами, подвластно последним⁵. Несомненно, что под данным «племенем» подразумеваются древнебашкирские племена, обитавшие на Южном Урале⁶. Уже упоминавшийся ал-Идриси пишет о реке *Moghā*, расположенной севернее Аральского моря и разделяющей страны башкир и гузов⁷. Ясно, что речь идет о реке, ныне называемой Урал. Такой же вывод можно сделать из рассказа Ибн Фадлана о своем путешествии⁸. Но в XII в. уже не гузы, а кыпчаки жили южнее страны башкир, которая, согласно Плано Карпини, прилегает к «Комании» с севера⁹. Из башкирских преданий и легенд известно, что впоследствии по Яику проходила граница между землями башкир и казахов¹⁰. В 20-х гг. XIII в. на этой реке находились булгарские пограничные посты. Так, Лаврентьевская летопись под 1229 г. сообщает, что «сторожеве Болгарьскыи прибегоша бьени от Татарь близь реки еиже имя Яикъ»¹¹.

¹ Григорьев В.В. Волжские булгары // Григорьев В.В. Россия и Азия: сб. исследований и статей по истории, этнографии и географии. СПб., 1876. С. 92; Перетяткович Г. Поволжье в XV и XVI веках (очерки из истории края и его колонизации). М., 1877. С. 38; Ахмеров Г.Н. История Булгарии // Избранные труды. Казань, 1998. С. 35.

² Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 49.

³ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. I. С. 45.

⁴ Коновалова И.Г. Состав сообщений о Волжской Булгарии в сочинении ал-Идриси (XII в.) // Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков. Казань, 1999. С. 24-25.

⁵ Хвольсон Д.А. Известия о хозарах, буртгасах, болгаргах, мадьярах, славянах и русских Абу Али Ахмеда Бен Омар Ибн-Даства // ЖМНП. СПб., 1868 г., декабрь. Ч. 140. С. 710.

⁶ Мажитов Н.А. Южный Урал в VII-XIV вв. М., 1977. С. 154; Иванов В.А., Яминов А.Ф. Башкирия и башкиры в средневековых письменных источниках // Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? С. 118.

⁷ Macartney С.А. The Oldest Report on the Countries of the North // Macartney С.А. The Magyars in the Ninth Century. P. 222, note 2.

⁸ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. Уфа, 1994. С. 126-129, 207.

⁹ Иоанн де Плано Карпини. История монголов. СПб., 1911. С. 50.

¹⁰ БНТ. Т. 2. С. 101, 194; Ахметшин Б.Г. Легенды о курганах Башкортостана // Живая память: краеведческий сборник. Уфа, 1997. С. 185.

¹¹ ПСРЛ. М., 1962. Т. 1. Вып. 2. Стб. 453.

Д.Н. Соколов писал об этих болгарских передовых отрядах на Яике, что «они здесь защищали подчиненную болгарам Башкирию»¹. Но сложной проблемой является вопрос о степени этой подчиненности. Согласно Р.Г. Фахрутдинову, накануне монгольского нашествия государственная граница Волжской Булгарии доходила «до среднего течения Яика (Урала) в районе истоков Самары»². А.Х. Халиков считает, что в сферу влияния Волжской Булгарии входила обширная область северо-востока Европы, простиравшаяся на востоке до Уральских гор, а на юго-востоке до Яика³. Это мнение, на мой взгляд, ближе к истине. Р.Г. Кузеев отмечает, что в болгарских войсках, сражавшихся с монголами в 1229 г., «немалой силой были башкиры», которые, таким образом, являлись союзниками и подданными болгар⁴.

Итак, восточные венгры были покорены монголами лишь на пятнадцатый год войны, которая велась приуральскими уграми в союзе с башкирами и булгарами. Башкиры подчинились монголам в 1236 г., когда Юлиан встретил монгольского посла, прибывшего, очевидно, для переговоров о заключении союза. В том же году были разгромлены угры и булгары. Если 1236 г. был пятнадцатым годом, то первым годом, стало быть, был 1222 г., когда борьба монголов и тройственного союза началась. Летом 1221 г. пала столица хорезмшахов – город Ургенч, в осаде которой принимал участие Джучи⁵. Затем он совершил поход на кыпчаков, сведения о котором имеются у Джузджани и Абу-л-Гази (гл. I). Это произошло где-то в конце 1221 – начале 1222 г. Разгромив кыпчаков, монголы вышли к Яику, которым теперь была ограничена с юга область обитания башкир, вытесненных на правобережье, где раньше находились только их летние кочевья.

Первый период этой борьбы продолжался до 1229 г. В этот период было совершено неудачное нападение Субэдая и Джэбэ на Волжскую Булгарию: в сражении, которое произошло «поздней осенью 1223 г. где-то в районе Самарской Луки»⁶, монголы были разбиты булгарами. Об этом нам известно из сообщения Ибн ал-Асира: разбив русских на р. Калке, татары «направились в Булгар в конце 620 года [4. II. 1223 – 23. I. 1224]. Когда жители Булгара услышали о приближении их к ним, они в нескольких местах устроили им засады, выступили против них (татар), встретились с ними и, заманив их до тех пор, пока они зашли за место засад, напали на них с тыла, так что они (татары) остались в середине; поял их меч со всех сторон, перебито их множество и уцелели из них

¹ Соколов Д.Н. Указ. соч. С. 84.

² Фахрутдинов Р.Г. Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. Казань, 1975. С. 36, 37, 49, 85.

³ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. Казань, 1989. С. 88, 112.

⁴ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа: этнический состав, история расселения. М., 1974. С. 463.

⁵ Уолкер С.С. Чингиз-хан. Ростов н/Д., 1998. С. 196-198, 268-269.

⁶ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 119.

только немногие. Говорят, что их было до 4000 человек»¹. Можно отождествить это поражение монголов с упомянутой в сообщении Рихарда первой битвой между татарами и восточными венграми, в которой первые были побеждены вторыми². Иштван Шимони пишет, что это была «победа венгров, или скорее волжских булгар над монголами»³. А.Х. Халиков и И.Х. Халиуллин не исключают, что «в составе булгарского войска сражались и венгры, которые входили в число окраинного населения Волжской Булгарии»⁴. А К.А. Макартни предположил, что в этом сражении на стороне булгар участвовали башкиры⁵. Современные уфимские исследователи придерживаются такой же точки зрения⁶. Из свода древнебулгарских летописей «Джагфар тарихы» («История Джагфара»), составленного в 1680 г., известно, что на стороне булгар сражались 10 тысяч башкортгов⁷. Может быть, в этом сражении принимали участие и «северомордовские (эрзянские. – И.А.) племена, издавна бывшие союзниками волжских булгар»⁸. Под эгидой булгар могли сражаться и буртасы⁹. Все остальные военные действия первого периода, надо полагать, оказались безрезультатными попытками монголов прорваться на правобережье р. Яик, форсировать которую им удалось лишь в 1229 г.

В этой связи обратим внимание на летопись монгольского автора XVII в. Лубсан Данзана «Алтан тобчи», где сказано:

«Когда Чингис-хаган отправлял [своего] старшего [сына] Джочи главным *даругачи* над кипчаками, он сказал Богурчи-нойану: «Дай [поучение]». И Богурчи сказал:

«Слушай, царевич Джочи!

Хаган, твой отец, отправляет тебя в захваченную землю,

Чтобы ты управлял чужим народом. Будь же тверд!

Послушай: говорят, есть непроходимый перевал;

Ты же не думай, что тебе не перейти [его]:

Если подумаешь, как перейти, то перейдешь его! <...>

¹ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. СПб., 1884. Т. I. С. 27-28.

² См.: Аннинский С.А. Указ. соч. С. 81.

³ Istvan Zimonyi. Op. cit. P. 199.

⁴ Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Основные этапы монгольского нашествия на Волжскую Булгарию // Волжская Булгария и монгольское нашествие. Казань, 1988. С. 7.

⁵ Macartney С.А. The Magyars in the Ninth Century. P. 166.

⁶ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 247; Иванов В.А. Откуда ты, мой предок? С. 93, 94; Иванов В.А., Яминов А.Ф. История Золотой Орды: сборник лекций по спецкурсу для специальности «020700 – История». Стерлитамак, 1999. С. 41.

⁷ Мифтахов З.З. Курс лекций по истории татарского народа. Казань, 1998. Ч. 1. С. 477.

⁸ Святкин С.В. Вооружение и военное дело мордвы в первой половине II тыс. н. э.: канд. дисс. Уфа, 1998. С. 149-150.

⁹ Лебедев В.И. Легенда о буртасской царице Нарчатке // Вопросы этнической истории Волго-Донья в эпоху средневековья и проблема буртасов. Пенза, 1990. С. 62.

Говорят, есть река, нельзя переправиться [через нее];

Ты же не думай, что тебе не переправиться:

Если [не] думаешь, то ты переправишься! <...> »¹.

А сам Чингис-хан лишь добавил: «Правильны слова Богурчи!»². Тогда же он направил в улус Джучи полководца Мунгэту-багатура³, которому сам сказал:

«Если Небо укажет тебе путь-дорогу,

Ты совершишь поход [даже] за море. Да!

Не прерывай же своих призывов и песен!

Ты совершишь походы через скалы,

Не прерывай же своих криков и призывов!»⁴.

В тексте не указывается дата наделения Джучи улусом. По мнению Ц.Ж. Жамцарано, впервые опубликованного цитируемый фрагмент из «Алтан тобчи»⁵, это произошло в 1224 г.⁶. Это мнение получает абсолютно точное подтверждение у Шереф ад-Дина Йезди, который в своей «Книге побед» пишет, что Чингисиды царствовали в Дешт-и Кыпчаке с начала 621 г. х. [24. I. 1224 – 12. I. 1225]⁷. Богурчи или Боорчи, который, согласно Рашид ад-Дину, был главою эмиров Чингис-хана⁸ или, по крайней мере, самым старшим из них⁹, свою процитированную выше речь произнес «во время великих торжеств в Кулан баши», «когда Джучи пригнал 100 000 лошадей разных мастей в подарок отцу, а для облавы массу онагров из кипчакских степей»¹⁰. Из Абу-л-Гази известно, что Джучи после подчинения Дешт-и Кыпчака «проводил время там в охоте за зверьями и птицами». В это время к нему прибыл посланный от отца, который звал сына к себе. Джучи «прибыл к отцу своему» и «привез ему богатые дары; коней доставил он в дар сто тысяч: из них двадцать тысяч были серые, двадцать тысяч были сивые, двадцать тысяч гнедые, двадцать тысяч вороные и двадцать тысяч чубарые. Хан с своей стороны изъявил свою любовь и ласку к Джучию»¹¹. Джувейни пишет, что зимой 1222/23 гг. Чингис-хан, находясь в пределах Самарканда, послал к Джучи гонца с

¹ Лубсан Данзан. Алтан тобчи («Золотое сказание»). М., 1973. С. 230-231.

² Там же. С. 231.

³ В «Сокровенном сказании» – Мегету (Козин С.А. Сокровенное сказание: монгольская хроника 1240 г. М.; Л., 1941. С. 158). У Рашид ад-Дина – Мугэду Киян, тысячник правого крыла. Племя князь, которым он предводительствовал, во время Рашид ад-Дина находилось у Тохты и составляло один туман (Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1952. Т. I. Кн. 2. С. 270).

⁴ Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 233.

⁵ Жамцарано Ц.Ж. Монгольские летописи XVII века. М.; Л., 1936. С. 115-116.

⁶ Там же. С. 117.

⁷ Тизенгаузен В.Г. Сборник материалов, относящихся к истории Золотой Орды. М.; Л., 1941. Т. II. С. 146.

⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 265.

⁹ Там же. С. 267.

¹⁰ Жамцарано Ц.Ж. Указ. соч. С. 117.

¹¹ Родословное древо тюрков: сочинение Абуль-Гази, Хивинского хана. Казань, 1906. С. 116.

приглашением приехать к нему из Дешт-и Кыпчака. Когда зима кончилась, «Чингиз-хан тоже привел в исполнение намерение свое уехать и отправиться (домой). У реки Фенакетской (Сырдарья) все сыновья собрались к отцу, устроили курилтай, оттуда выступили и дошли до Куланбаши. С другой стороны прибыл Туши (Джучи. – И.А.) и (также) явился на поклон к отцу. В числе приношений он подарил отцу 20 000 серых коней»¹. Чингиз-хан вернулся в Самарканд осенью 1222 г. В Средней Азии он пробыл до весны 1224 г., когда и двинулся в Монголию². Значит, Джучи прибыл к отцу весной 1224, а не 1223 г., как получается по Джувейни.

Стало быть, Джучи получил в свой удел кыпчакские земли, которые были им завоеваны после взятия Ургенча. За завоеванием последовало административное оформление этой территории. Теперь же перед Джучи была поставлена уже другая задача. Очевидно, что «непроходимый перевал», о котором говорил Богурчи, это перевал через Уральские горы, а река, через которую «нельзя переправиться», это Яик. И переправу через эту реку и перевал через эти горы защищал один и тот же народ.

Ибн Фадлан так рассказывает о переправе арабского посольства через Яик: «Потом мы отправились и сделали остановку у реки Джайх, а это самая большая река, какую мы (только) видели, самая огромная и с самым сильным течением. И действительно, я видел дорожный мешок (набитый вещами. – И.А.), который перевернулся в ней, и те, кто был в нем (точнее, на нем. – И.А.), потонули. И (вообще) погибло много человек из числа (наших) людей и потонуло (некоторое) количество верблюдов и лошадей. Мы переправились через нее только с трудом»³. Легко представить, насколько трудно было переправиться через эту реку монголам, которые, видимо, при этом еще и подвергались обстрелу с противоположного берега. Они форсировали водные преграды точно таким же способом, что описывает Плано Карпини: сидя на кожаных мешках, наполненных одеждой и иным имуществом⁴. Чингиз-хан в наставлении Мунгэту-багатуру, на которого было возложено непосредственное руководство военной операцией, призывает того совершить поход за море, что, по всей видимости, является гиперболой. Но основания для такого преувеличения были.

Джучи так и не успел выполнить поставленную перед ним новую задачу и только через два года после его смерти, случившейся в 1227 г., войскам его улуса, усиленным по решению курилтая 1229 г. тридцатитысячным корпусом под командованием Кокочая и Субэдая⁵, удалось форсировать Яик и прорваться в страну башкир.

¹ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 20-21.

² Петрушевский И.П. Поход монгольских войск в Среднюю Азию в 1219-1224 гг. и его последствия // Татаро-монголы в Азии и Европе. М., 1977. С. 130.

³ Ковалевский А.П. Книга Ахмеда ибн-Фадлана о его путешествии на Волгу в 921-922 гг. Харьков, 1956. С. 130.

⁴ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 30.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. М.; Л., 1960. Т. II. С. 21.

В чем же причина столь длительных неудач монголов? В легенде «Усергены» сказано: «Над долинами Яика и Сакмара были у усергенов сторожевые посты и крепости. В них-то и встретили они монголов. Произошло немало жестоких битв. С обеих сторон погибло множество народа. Правда, находившиеся в укрепленной обороне усергены потеряли значительно меньше людей, чем их враги»¹. А согласно русской летописи, сторожевые посты и крепости, о которых идет речь, принадлежали булгарам². Видимо, булгары и их вассалы – башкиры держали совместную оборону на Яике против монголов. Р.Г. Кузеев совершенно правильно полагает: «Если под летописным «сторожеве болгарские» подразумевать военные отряды Волжской Булгарии, то они должны были включать не только булгар, но и все подвластное население, в том числе башкир и мадьяр»³. В одном башкирском предании дается описание этих сторожевых постов: «В старину наши предки с китайцами (читай: с монголами) воевали. Выроют большую широкую яму, обложат ее со всех сторон насыпью, сверху жердями и бревнами заложат, потом берестой и землей накроют – и получалось надежное укрепление. А из оставленных узких отверстий можно было отстреливаться от любого противника. Побашкирски эта крепость маса называлась»⁴. Кроме того, в 1224-1227 гг. «на восточных и юго-восточных рубежах Булгарии возводились огромные земляные валы – засечные черты», остатки которых ныне сохранились, в частности, в районе р. Урал⁵. Теперь причина столь длительной задержки монгольского наступления на Запад ясна.

В 1229 г. монголы, увеличив свои силы, наконец, перенесли военные действия с границ Исторической Башкирии непосредственно на ее территорию. Начался второй период войны, который оказался для монголов вовсе безуспешным. Причины тому можно найти в письменных источниках. Абу Саид ал-Балхи пишет о южноуральских башкирах, что они «так хорошо защищены своими лесами, что никто не может покорить их»⁶. Истахри и Ибн Хаукал упоминают о башджиртах, живущих к югу от булгар в недоступных лесах⁷. Истахри, кроме того, как и Идриси, пишет, что эти башкиры имеют убежище в неприступных горах и при том отличаются смелостью и предприимчивостью⁸. В предании «Азан-таш» так и сказано, что башкиры, потерпев поражение от несметного войска монголов, «скрылись в дебрях лесных чащ и теснинах гор», разбрелись «по горам и лесам» и через некоторое время «разгромили сильное войско захватчиков»⁹. О том, что башкиры, теснимые монголами, «вынуждены

¹ БНТ. Т. 2. С. 120.

² ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 453.

³ Кузеев Р.Г. Происхождение башкирского народа. С. 458.

⁴ Ахметшин Б.Г. Указ. соч. С. 184.

⁵ Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Указ. соч. С. 8.

⁶ Хвольсон Д.А. Указ соч. С. 710.

⁷ Заходер Б.Н. Каспийский свод сведений о Восточной Европе. М., 1967. Т. II. С. 28.

⁸ Macartney С.А. The Oldest Report on the Countries of the North. P. 222 and note 3.

⁹ БНТ. Т. 2. С. 47.

были скрыться в лесах и горах», говорится также в предании «Бошман Кыпсак батыр»¹.

По данным на 1978 г., лесом покрыто около 38% территории Башкирии², что почти вдвое меньше площади, занимаемой лесами 200-300 лет тому назад³. А какой же тогда была площадь лесов 700 лет назад?! Еще на «Карте Московии» Сигизмунда Герберштейна 1556 г. территория Южного Урала почти вся «показана покрытой лесом, за исключением отдельных незначительных участков, отнесенных, вероятно, к степям»⁴.

Таким образом, надо признать, что успехи войска Бату-хана до 1236 г. «оказались весьма скромными», ведь завоеватели в северном направлении дошли лишь «до границы леса и степи»⁵. Один башкирский батыр в те времена сказал: «Враг, перешедший через Яик, не пройдет дальше Демы, а перешедший Дему, не пройдет через Яик»⁶.

В 1232 г. было совершено новое монгольское нападение на Волжскую Булгарию. Лаврентьевская летопись сообщает: «Придоша Татарове и зимоваша не дошедше Великого града Болгарьскаго»⁷. К этому событию имеет отношение башкирское предание «Биксура». Через земли байляр и буляр «прошел хан Батый со своим войском», который «шел покорять страну булгар и по пути уничтожал башкирские племена, грабил их добро». Башкиры якобы сначала пропустили это войско через свою территорию, но затем выступили вслед за ним, выследили его и уничтожили. «Первое наступление Батый-хана на булгар было сорвано». Но «года через три Батый-хан снова бросил большое войско в страну булгар». Оно вновь прошло через земли этих «башкир», которые на этот раз уже не смогли воспрепятствовать нашествию монголов⁸. Здесь угадывается поход 1236 г. Таким образом, в предании «Биксура» хронологическая неточность составляет всего один год. В 1232 г. развитие событий вырисовывается следующим образом. Летом монгольское командование предприняло попытку нанести удар по Волжской Булгарии через лесостепное Приуралье, населенное уграми, минуя башкир, находившихся тогда на джейляу в горно-лесной зоне. Но последние оказались верны своему союзническому долгу и совершили нападение на монгольскую армию с тыла (даже если монголы выставили заслон, башкиры, хорошо знавшие местность, могли его обойти), в результате чего поход был сорван. Монголы, не дойдя до столицы Булгарии, отошли на

¹ Там же. С. 167.

² Попов Г.В. Леса Башкирии (их прошлое, настоящее и будущее). Уфа, 1980. С. 3, 10.

³ Там же. С. 4.

⁴ Абзалов Р.М., Фаткуллин Р.А. Отражение Южного Урала и Приуралья на географических картах и изученность территории с древнейших времен до конца XVII в. // Природное районирование и вопросы охраны природы. Уфа, 1980. С. 125.

⁵ Каргалов В.В. Конец ордынского ига. М., 1980. С. 7.

⁶ БНТ. Т. 2. С. 49.

⁷ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 459.

⁸ БПЛ. Уфа, 1985. С. 95.

зимовку. Башкиры, конечно, не могли уничтожить войско Бату-хана, но они, видимо, его изрядно потрепали, что сделало невозможным дальнейшее ведение военных действий. Теперь монгольское командование, конечно, поняло, что наступление на Европу может быть продолжено лишь в результате нейтрализации башкир любым способом.

Так как Джучи не успел выполнить постановление Чингис-хана «отправиться ему с войском и захватить все северные области», «то, когда Угедей-каан воссел на царство (в 1229 г. – И.А.), он повелел Бату [это сделать] таким же порядком»¹. Но последний располагал лишь очень ограниченными силами, так как отцовское войско, унаследованное им, составляло, по Рашид ад-Дину, всего «четыре тысячи человек»². Правда, согласно «Истории Вассафа», эти четыре «тысячи» ко времени вступления Бату в наследство составляли «более одного тумана живого войска», т. е. «более 10 000 наличных воинов»³. Таким образом, эти монгольские армейские подразделения назывались «тысячами» лишь условно и не следует в буквальном смысле понимать, что в каждой «тысяче» обязательно должны были находиться ровно 1000 человек. Их могло быть не только меньше, с учетом потерь, но и больше. Из Рашид ад-Дина также известно, что у Токтая находилось племя Кият, «о котором говорят, что оно составляет один туман». При Чингис-хане это племя составляло «тысячу» (всего лишь) Куки-нойона и Мугэду-Кияна⁴. При этом надо иметь в виду указание Рашид ад-Дина о том, что «до сей поры (начала XIV в. – И.А.) те (монгольские воины. – И.А.), что были в первое время, удвоились [числом] при размножении и рождении»⁵. Понятно, что в десять раз их количество увеличиться не могло, но племя Кият, тем не менее, из статуса «тысячи» перевели в «туман». Их полководец Мунгэту-багатур (или Мугэду-Киян), как отмечалось выше, был направлен в улус Джучи еще Чингис-ханом, очевидно, по причине нехватки уже находившихся там четырех «тысяч». Однако сам Бату не смог захватить ни одну из северных областей. Тогда на курилтае 1235 г. было принято решение об организации общемонгольского похода для завоевания этих областей. Джувеини пишет: «В помощь и поддержку Бату он [Угедэй] назначил кандидатов из принцев: Менгу-хана и его брата Бучека, из своих сыновей – Гуюк-хана и Кадагана; из других царевичей – Кулкана, Бури, Байдара, братьев Бату – Хорду и Тангута и несколько других, а из авторитетных эмиров был [назначен] Субетай-бахадур»⁶.

Намного ли увеличились силы Бату? Чагатай и Угедэй получили от своего отца, как и Джучи, по четыре «тысячи» воинов⁷. Участвовавшие в

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 71-72.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 275.

³ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 84 и примеч. 6.

⁴ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 270.

⁵ Там же. С. 279.

⁶ Арсланова А.А. Сведения Ала ад-дина Джувеини о завоевании монголами Волжской Булгарии // Волжская Булгария и монгольское нашествие. С. 41-42.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 275-276.

Великом западном походе их отпрыски – сын Чагатай Байдар и внук Бури, сыновья Утедея Гуюк и Кадан – могли привести с собой не больше, чем по одной «тысяче» каждый, так как Чагатай и Утедей тогда еще сами были живы и, кроме того, у них были и другие сыновья, которые в то же самое время участвовали в военных действиях на иных направлениях. Реально же три старших сына Чингис-хана располагали несколько большим количеством воинов. Так, из «Сокровенного сказания» или «Тайной истории», анонимной монгольской хроники 1240 г., носящей, в отличие от «Сборника летописей» Рашид ад-Дина, неофициальный характер, известно, что уже в начале правления Чингис-хана Джучи досталось 9000 монгольских юрт, Чагатаю – 8000, а Утедею и Тулюю – по 5000¹. Численность юрт, в отличие от личного состава, условной быть не могла. Значительно большими силами располагали отпрыски Тулуя, которому после смерти Чингис-хана стали принадлежать войска центра и обоих флангов в количестве 101 «тысячи» человек². Из «Рассказа о Бачмане в уничтожении его», помещенного в «Истории завоевателя мира» Джувейни, известно, что сын Тулуя «Менгу-каан велел изготовить 200 судов и на каждое судно посадил сотню вполне вооруженных монголов». Кроме этих 20 000 воинов, в его распоряжении имелось еще и сухопутное войско, так как сам «он и брат его Бучек оба пошли облавой по обоим берегам реки (Итиля. – И.А.)»³. Эти данные повторяются у Рашид ад-Дина⁴. На подавление восстания кыпчаков во главе с Бачманом в 1237 г., как нам представляется, был брошен тот тридцатитысячный корпус под командованием Кокошай и Субэдая, который действовал на Волге уже в 1229 г., но потом, наверное, был отозван. Кокошай (Куктай, Кукдай, Букдай) в Великом западном походе тоже участвовал⁵. Он, очевидно, сменил Джэбэ, который вместе с Субэдаем был отправлен Чингис-ханом в 1220 г. «с тридцатью тысячами людей в погоню за султаном (Мухаммедом. – И.А.)»⁶. Этот корпус, как известно, разгромил русских и половцев на Калке в 1223 г. Джэбэ скончался вскоре после возвращения из этого похода, еще при жизни Чингис-хана⁷. Своему последнему сыну Кулкану Чингис-хан тоже выделил четыре «тысячи» человек⁸. Но, когда Кулкана не стало, его старшему сыну по имени Куча «отдали шесть тысяч [человек]

¹ См.: Гумилев Л.Н. «Тайная» и «явная» история монголов XII-XIII вв. // Татаро-монголы в Азии и Европе. С. 484-502.

² Козин С.А. Указ. соч. С. 176.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 266.

⁴ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 24.

⁵ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

⁶ Там же. С. 39.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 207.

⁸ Уолкер С.С. Указ. соч. С. 222.

⁹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. I. Кн. 2. С. 276.

и пожаловали место отца»¹. Известно, что Кулкан был убит под Коломной в 1238 г.² Тогда Куча и заступил его место.

Но, кроме основных сил, использовались и вспомогательные силы, которые комплектовались из местного населения, в том числе из кыпчаков (гл. I) и башкир. Из «Насировых разрядов» Джузджани известно, что «все мусульмане, находившиеся в стане Туши-хана (Джучи-хана. – И.А.)», были назначены в войско одного из его сыновей – Берке, который сам был мусульманином³. Бату утвердил за ним командование этим войском, которое состояло из 30 000 мусульман⁴. Из Джувейни⁵, Рашид ад-Дина⁶ и Шереф ад-Дина Йезди⁷ известно, что в монгольской армии, вторгшейся в Венгрию, были мусульманские воины, которые держались обособленно. Известно, что Берке тоже участвовал в Великом западном походе⁸. Его корпус, очевидно, был набран из хорезмийцев, так как Хорезм был единственной мусульманской областью, подвластной Бату-хану накануне похода на Запад.

Можно согласиться с Д.В. Чернышевским и В.Б. Кошечевым, специально разбиравшими вопрос о численности армии Батыя накануне похода на Запад и пришедшими (естественно, каждый своим путем) к выводу о том, что собственно монгольских воинов в ней насчитывалось всего 50-60 тысяч человек⁹. Точнее, чем в этих пределах определить их количество вряд ли возможно, хотя последняя цифра, на наш взгляд, ближе к истине. Д.В. Чернышевский, кроме того, отмечает, что к Батыю присоединились отряды башкир и мордвы, и пишет: «Ни те ни другие никогда не были многочисленными». При этом он ссылается на ал-Балхи, согласно которому «племя» уральских башкир в X в. состояло из двух тысяч человек¹⁰. «Вероятно, численность башкирских и мордовских отрядов можно определить в 5 тыс. человек», – полагает Д.В. Чернышевский¹¹. Согласиться с этим никак нельзя, ибо столь малочисленный народ не мог успешно сопротивляться самой грозной силе тогдашнего мира в течение полутора десятка лет. Кстати, в источниках имеется и другой вариант данной цифры – 200 000 человек, и А.Б. Булатов признает его более правильным¹². Примерно такой же была

¹ Там же. С. 71.

² Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38-39.

³ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 16.

⁴ Там же. С. 17.

⁵ Там же. С. 23.

⁶ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37.

⁷ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 145.

⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38, 39.

⁹ Чернышевский Д.В. «Приидоша бесчислены, яко пружи» // ВИ. 1989. № 2. С. 128; Кошечев В.Б. Еще раз о численности монгольского войска в 1237 году // ВИ. 1993. № 10. С. 132.

¹⁰ Хвольсон Д.А. Указ. соч. С. 710.

¹¹ Чернышевский Д.В. Указ. соч. С. 129.

¹² Булатов А.Б. Восточные средневековые авторы о башкирах // АЭБ. IV. Уфа, 1971. С. 324.

численность населения Башкирии в момент присоединения к России¹. В.Б. Кошечев кроме самих монголов насчитывает еще 80–90 тысяч немонгольских воинов армии Батгя. В целом ее численность им определяется в 130–150 тысяч². Это вполне приемлемая точка зрения.

Если отбросить вспомогательные отряды, то получится, что силы Бату-хана в 1236 г. были увеличены приблизительно в четыре раза. При таких обстоятельствах дальнейшее упорство башкир обернулось бы для них катастрофой. Но и монголы уже знали стойкость башкир. Понятно, что они тоже не хотели нести больших потерь, ибо Великий западный поход на Европу только начинался, так что лучше было бы поберечь силы и без того ограниченные. Таким образом, ни одной из обеих сторон не удалось достичь своей цели силовыми методами. Тогда они вынуждены были пойти на компромисс. Монголо-башкирская война 1222–1236 г. окончилась вничью. Башкиры не потеряли свою независимость, которой у них и так не было, так как раньше они были подвластны булгарам. Плано Карпини о татарах пишет: «Надо знать, что они не заключают мира ни с какими людьми, если те им не подчинятся... И вот чего татары требуют от них: чтобы они шли с ними в войске против всякого человека, когда им угодно, и чтобы они давали им десятую часть от всего, как от людей, так и от имущества. Именно они отсчитывают десять отроков и берут одного и точно также поступают и с девушками; они отвозят их в свою страну и держат в качестве рабов. Остальных они считают и распределяют согласно своему обычаю»³. И башкиры в этом отношении, конечно, не были исключением. В их эпосе «Идукай и Мурадым» о Туктамыш-хане сказано, что он у жителей подвластных стран ясак скотиной брал и рабов от них забирал. Платить ясак и давать рабов обязаны были и башкиры⁴. Однако вместе с тем нельзя считать, что они были завоеваны монголами. Юлиан о татарах пишет: «Во всех завоеванных царствах они без промедления убивают князей и вельмож, которые внушают опасения, что когда-нибудь могут оказать какое-либо сопротивление»⁵. Силу башкир монголы знали не понаслышке, так что основания для подобных опасений у них были. Но тот факт, что у башкир золотоордынского периода сохранялась своя родоплеменная знать (бии), никогда никем не отрицался. Речь может идти о завоевании лишь степной части территории обитания башкир домонгольского времени, откуда они были вытеснены. Муйтэн-бий сыграл роль башкирского Александра Невского. Понятно, что башкиры оказались отнюдь не в тепличных условиях, но могло быть и гораздо хуже.

По мнению А.Г. Мухамадиева, падение Волжской Булгарии в 1236 г. «объясняется не только тем, что монгольские военачальники имели громадную, хорошо выученную и дисциплинированную армию, но и тем,

¹ Кузеев Р.Г. Историческая этнография башкирского народа. Уфа, 1978. С. 217.

² Кошечев В.Б. Указ. соч. С. 132.

³ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 33.

⁴ БНТ. Т. 10. С. 45.

⁵ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 87.

что Бату, кочевавший восточнее Яика, заранее готовился к будущей войне и ему, как это было в обычае у монголов, видимо, удалось натравить друг на друга народы этого многонационального края»¹. Имеется в виду Поволжье, но мы рассматриваем события в географических рамках Урало-Поволжья. С этим мнением можно согласиться, тем более что представления современников о громадности монгольской армии являлись весьма относительными. Монгольской дипломатии, как известно, нельзя отказать в искусном умении вбивать клин между своими врагами. В нашем примере получилось так, что она сумела превратить тех, кто ей мешал, в своих помощников. Башкиры, принявшие предложение о союзе, присоединились к войску Бату-хана и вместе с ним двинулись против своих вчерашних союзников – угров и болгар, которые были разгромлены. Но помочь им башкиры теперь уже все равно не могли, ибо судьба их была предрешена. Башкиры никого не предавали, они просто поменяли своих сюзеренов, что было обычным явлением в эпоху феодализма.

Теперь вернемся к Юлиану. Напомним структуру его первого отчета. Там после сообщения о прибытии путешественника к восточным венграм следует краткое этнографическое описание последних. Затем сразу дается рассказ об их отношениях с татарами. Этнографическое описание соответствует носителям чияликской культуры, а следующий затем рассказ о заключении союза с татарами относится, на самом деле, не к «венграм», как это следует из смысла отчета, а к башкирам. Теперь можно ответить на вопрос о степени фальсификации, допущенной Рихардом при записи отчета Юлиана. Вспомним, что эта запись была сделана в Ватикане, а там какие-либо сведения о столь далеком башкирском народе, естественно, никого не интересовали. Зато интерес представляли угры и монголы. Первые – потому что они представлялись там потенциальными католиками, так как среди них, пользуясь близостью (но не идентичностью, конечно) их языка венгерскому, можно было вести миссионерскую пропаганду, а вторые – потому что в Западной Европе в них видели опасность. Поэтому Рихард при записи опустил сведения, касающиеся башкир, кроме тех, что относились также и к монголам, а там на место башкир были поставлены «венгры». И. Эрдейи, обращая внимание на то, что Рихард не говорит о переходе Юлиана через Волгу, отмечает: «Запись-протокол Рихарда по рассказу Юлиана очень короткая. Важные моменты могли и не быть упомянуты»².

Рашид ад-Дин – основной источник наших знаний о Великом западном походе монгольских царевичей на Восточную Европу. Но у него во многих случаях неверно указана хронология событий. Не вызывает возражений в этом отношении начало повествования, где сказано, что

¹ Мухамадиев А.Г. Золотая Орда // Материалы по истории татарского народа. Казань, 1995. С. 141.

² Эрдейи И. «Большая Венгрия» // Acta Archaeologica Academiae Scientiarum Hungaricae, 13 (1961). Budapest. С. 308 и примеч. 12.

царевичи, назначенные на завоевание Дешт-и Кыпчака, «все сообща двинулись весною бичин-ил, года обезьяны, который приходится на месяц джумад 633 г. х. [11 февраля – 11 марта 1236 г. н. э.]; лето они провели в пути, а осенью в пределах Булгара соединились с родом Джучи»¹. «После этого, в ту зиму, царевичи и эмиры собрались в [долинах] рек Хабан и отправили эмира Субэдая с войском в страну асов и в пределы Булгара. Они дошли до города [Булгара] Великого и до других областей его, разбили тамошнее войско и заставили их покориться. Пришли тамошние вожди Баян и Джюку, изъявили царевичам покорность, были [щедро] одарены и вернулись обратно, [но потом] опять возмущились. Вторично послали [туда] Субэдай-бахадур, пока он не захватил [их]. Затем царевичи, составив совет, пошли каждый со своим войском облавой, устраивая сражения и занимая попадавшиеся им по пути области. Менгу-каан с левого крыла шел облавой по берегу моря [Каспийского]. Бачмана, одного из бесстыднейших тамошних эмиров, из народа кипчаков, из племени олбурлик, и Качир-укулэ, из племени асов, обоих забрал [в плен]»². «Он [Менгу-каан] провел там то лето, а после того, в такику-ил, в год курицы, соответствующий 634 г. х. [4 сентября 1236 – 23 августа 1237 г. н. э.], сыновья Джучи – Бату, Орда и Берке, сын Угедей-каана – Кадан, внук Чагатай – Бури и сын Чингиз-хана – Кулкан занялись войною с мокшей, бургасами и арджанами и в короткое время завладели ими. Осенью упомянутого года все находившиеся там царевичи сообща устроили курилтай и, по общему соглашению, пошли войною на русские»³. Но поход на Русь начался в 1237, а не в 1236 г., как получается по Рашид ад-Дину, и даже не осенью, а в декабре. А Субэдай и Менгу не могли вести военных действий в Восточной Европе до осени 1236 г. Дело в том, что у Рашид ад-Дина не указан год, когда были «та зима» и «то лето». Дальше у него указан следующий за 633-м 634 г. х., а должен быть – 635 г. х. В результате допущенной ошибки хронология многих событий оказалась смещенной на один год назад.

Юлиану посол татарского вождя «сказал, что татарское войско, находившееся тогда там же по соседству, в пяти дневках (т. е. на расстоянии 12-18 дней пути, что составляет около 500 км. – И.А.) оттуда, хочет идти против Алемании, но дожидались они другого, которое послали для разгрома персов»⁴. К.А. Макартни отнес к числу недостоверностей у Юлиана то обстоятельство, что войско Бату было усилено отрядами, пришедшими не из Персии⁵. Но это ошибка, скорее, не Юлиана, а Рихарда. Около 20 мая 1236 г. Юлиан еще был в Булгарии⁶, а уже 20 июня он выехал в обратный путь из «Великой Венгрии»⁷. Значит, его встреча с

¹ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 37.

² Там же. С. 37-38.

³ Там же. С. 38.

⁴ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 81.

⁵ Macartney С.А. The Magyars in the Ninth Century. P. 162.

⁶ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 73.

⁷ Там же. С. 82.

татарским послом состоялась где-то в начале или середине июня. Не будет натяжкой утверждать, что это был посол Бату-хана, прибывший к Муйтэнбию, который после этого, будучи осведомлен о предстоящем увеличении численности монгольской армии, отправился к «татарскому вождю», очевидно, по его приглашению, переданному через посла.

Джувейни сообщает: «В пределах Булгара царевичи (назначенные «в помощь и поддержку Бату». – И.А.) сошлись... Сначала они штурмом взяли город Булгар, известный на весь мир неприступностью своего места и многочисленным населением. Жителей его они убили и [частью] угнали в плен для угрозы другим. Оттуда они обратились на страну Рус»¹. Под городом Булгаром здесь, по мнению исследователей, имеется в виду тогдашняя столица одноименного государства – Великий город или Биляр, называемый также и Булгаром². Но Джувейни, в отличие от Рашид ад-Дина, не сообщает о двух последующих походах Субэдая на Волжскую Булгарию.

В Лаврентьевской летописи под 1236 г. сказано: «Тое же осени Придоша от восточные страны в Болгарьскую землю безбожнии Татари и взяша славнии Великийи город Болгарьскийи и избиша оружием от старца и до унаго и до суаго младенца и взяша товара множество и всю землю ихъ плениша»³. В Никоновской летописи, в отличие от Лаврентьевской, о нашествии монголов на Булгарию сказано не только под 1236, но и под 1241 г., когда «Батыевы Татарове взяша Болгары, иже на Волзе и на Каме»⁴. Здесь, возможно, имеется в виду город Булгар, но не Великий город – Биляр или домонгольский Булгар, который после взятия и уничтожения монголами «так и не был восстановлен». При исследовании Болгарского городища тоже были отмечены следы пожарниц и разгрома, что увязывается с монгольским нашествием⁵. Но Бату-хан после возвращения из Западной Европы, как известно, избрал это место для своей ставки. Ипатьевская летопись, сообщая об осаде Батыем Киева под 1240 г., указывает, что с ним, по показанию татарина Товрула, взятого киевлянами в качестве «языка», находились «не от роду же его но бе воевода его перьвыи Себедаи богатоурь и Боуроуньдаии багатырь иже взя Болгарьскоую землю и Соуждальскоую»⁶. Смысл здесь такой: Субэдай и Бурундай, которые взяли Болгарскую землю и Суздальскую. Бурундай в 1238 г. разбил князя Юрия Всеволодовича на Сити. А первый поход Субэдай-бахадур на Волжскую Булгарию, стало быть, имел место в хронологическом диапазоне 1236-1240 гг.

Напомним, что, как пишет Рашид ад-Дин, Субэдай зимой 1236/37 гг. получил задание отправиться «с войском в страну асов и в пределы

¹ Арсланова А.А. Указ. соч. С. 42.

² Шпилевский С.М. Город Булгар // Труды IV АСР. Казань, 1884. Т. 1. II. С. 30; Арсланова А.А. Указ. соч. С. 40.

³ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 460.

⁴ ПСРЛ. М., 1965. Т. 10. С. 125.

⁵ Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Указ. соч. С. 16.

⁶ ПСРЛ. М., 1962. Т. 2. Стб. 784-785.

Булгара». Очевидно, вначале нападению подверглись асы, а потом уже болгары. Вряд ли Субэдай совершил на них сразу два похода подряд, второй его поход на болгар по логике надо связать с походом, о котором Никоновская летопись сообщает под 1241 г. Но еще до асов монголы разгромили кыпчаков, что, по данным «Юань ши», произошло в феврале – начале мая 1237 г.¹ Там сказано, что Угедей-каан приказал Субэдаю «быть в авангарде и сразиться с Бачманом, а затем еще назначил [его] командовать главной армией»². Бачман был схвачен и убит, его судьбу разделил и предводитель асов Качир-укулэ. Эти мероприятия затянулись на долго, так прошло лето³.

Итак, второй поход монголов на Булгарию можно датировать осенью 1237 г. Субэдай эту операцию должен был завершить к зиме, т. е. ко времени вторжения на Русь, ибо в столь важном мероприятии он должен был сопровождать Батю как первый его «воевода». В русских летописях вторжение в Булгарию под 1237 г. не упоминается. Но Сигизмунд Герберштейн в одном из разделов своих «Записок о Московии», в котором он, по его собственному признанию, излагает то, «что я сам узнал из русских летописей»⁴, возможно, в том числе и из недошедших до нас, пишет: «Татарский царь Батый, выступивший с большим войском с юга к северу, занял Булгарию, лежащую на Волге ниже Казани. Затем, в следующем 6745 году (т. е. в 1237 г. – И.А.), *повторив победу* (курсив мой. – И.А.), он дошел до самой Москвы»⁵. Повторил победу, правда, не сам Батый, но его армия.

Утверждение о монгольском походе на Волжскую Булгарию в 1240 г.⁶ основывается на невнимательном чтении источника. В Ипатьевской летописи сказано, что ко времени осады Киева Болгарская и Суздальская земли уже были взяты, причем, исходя из последовательности, Болгарская раньше Суздальской, т. е. до 1238 г. А в конце 1240 г., т. е. в момент описываемого в летописи события, монголы «не могли послать Субедея на Волжскую Булгарию, так как все их силы, в том числе и отряды Субедея, были заняты в осаде Киева»⁷.

Субэдай в 1237 г. дошел до Великого города, т. е. столицы страны, по предположению В.Г. Тизенгаузена, Булгара⁸. Очень быстро после взятия монголами Великого города (Булгара-Биляра) в 1236 г. «болгары

¹ Храпачевский Р.П. Военная держава Чингисхана. М., 2004. С. 490.

² Там же. С. 503.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

⁴ Герберштейн С. Записки о Московии. М., 1988. С. 164.

⁵ Там же. С. 165.

⁶ См. напр.: Происхождение казанских татар. Казань, 1948. С. 12; Очерки истории Удмуртской АССР. Ижевск, 1958. Т. I. С. 25; Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). Йошкар-Ола, 1965. С. 54; История Татарской АССР (с древнейших времен до наших дней). Казань, 1968. С. 56.

⁷ Георгов В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. М., 1985. С. 179.

⁸ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38, примеч. 11.

предприняли попытку восстановить свою разрушенную столицу, для чего начали строить новый город примерно в 3 км севернее дотла сожженного старого. Но этот город так и остался недостроенным»¹. Его остатки ныне известны под названием Балингузского городища, крайне слабо насыщенного культурными остатками² (карта 1). Вот до этого нового, строящегося города, очевидно, и дошел Субэдай в 1237 г. О его разрушении не упоминается. Здесь, наверное, была ставка местных правителей Баяна и Джюки. В этой связи нельзя не вспомнить рассказ целого ряда позднейших татарских мифических преданий о последнем булгарском хане Абдулле, погибшем при взятии Булгара Тимуром, и его сыновьях – Алтун-беке и Алим-беке, которым удалось спастись. После ухода Тимура они основали Казань. О взятии Булгара Тамерланом во всех других источниках ничего не сказано, так что оно не является установленным историческим фактом. Придворные летописцы Тимура никак не могли умолчать об его очередной победе, но они не знают такой победы, значит, ее не было. Скорее всего, в этих преданиях запечатлены отголоски событий эпохи монгольского нашествия, которое само по себе не сохранилось в народной памяти³. Алтун и Алим были сыновьями булгарского монарха, погибшего в 1236 г. при взятии Великого города Батыем. Их имена, правда, не совпадают с приведенными у Рашид ад-Дина, но это лишь детали. Важно сюжетное сходство. После падения Великого города они действительно предприняли попытку основать новую столицу. Возмущившись опять после ухода Субэдая, они, видимо, перенесли свою резиденцию вглубь страны – в город Булгар, что на Болгарском городище, так как не без оснований опасались нового вторжения монголов. Но этот шаг им ничего не дал.

Очевидно, именно через пензенские земли в верховьях рек Сура и Мокша, населенные мордвой и обулгаризированными буртасами, прошли основные силы монголов, которые двигались на Русь⁴. Отголоски этих событий были запечатлены в фольклоре⁵. Но Рашид ад-Дин преувеличивает, утверждая, что за короткое время царевичи завладели «мокшей, буртасами и арджанами». Нет сомнения в том, что осенью 1237 г. монголы покорили буртасов, в земле которых были произведены многочисленные опустошения, в результате чего большинство их

¹ Халиков А.Х. Татарский народ и его предки. С. 123.

² Археологические памятники бассейна р. Черемшан. Казань, 1990. С. 77, № 719.

³ Глязутдинов С.М. Татарские исторические предания и легенды и их художественные особенности: канд. дисс. в виде научного доклада. Казань, 2000. С. 21.

⁴ Полесских М.Р. 1) Исследование памятников типа Золотаревского городища // Вопросы этногенеза тюркоязычных народов Среднего Поволжья. Казань, 1971. С. 213; 2) О культуре и некоторых ремеслах обулгаризированных буртас // Из истории ранних булгар. Казань, 1981. С. 68; Белорыбкин Г.Н. Монголы в землях обулгаризированных буртас // Волжская Булгария и монгольское нашествие. С. 83.

⁵ См.: Горюнова Е.И. Селище Полянки // Краткие сообщения о докладах и полевых исследованиях Института истории материальной культуры. М.; Л., 1947. Вып. XV. С. 110; Лебедев В.И. Указ. соч. С. 58-65.

памятников прекратило функционировать¹. К числу таких памятников относится Золотаревское городище², расположенное у впадения р. Узы в Суру. Крепость была создана для контроля над переправой через Суру, единственный брод через которую находился как раз в этом месте. Здесь и произошло сражение, причем «это была не просто оборона крепости, а настоящая битва, как в самой крепости, так и возле нее». Г.Н. Белорыбкин, не заметив хронологическую неточность в рассказе Рашид ад-Дина, датирует это сражение осенью 1236 г.з, тогда как на самом деле оно могло иметь место только в 1237 г. Осенью 1236 г. была разгромлена Волжская Булгария, после чего монголы отошли на юг, в заволжские степи. Там их основные силы во главе с Бату-ханом, как нам представляется, находились, по крайней мере, до конца лета 1237 г., переправившись после отдыха на правый берег Волги где-то южнее Самарской Луки. Падение ключевой крепости области, населенной буртасами, обеспечило им быстрый ее захват. Но участь мордвы оказалась иной. Юлиан о «царстве морданов» сообщает: «Там было два князя: один князь со всем народом и семьей покорился владыке татар, но другой с немногими людьми направился в весьма укрепленные места, чтобы защищаться, если хватит сил»⁴. Можно считать установленным, что татарам покорился мокшанский князь, а под другим князем, который отошел к «твердиям», расположенным в районе Нижнего Новгорода, Юлиан имел в виду эрзянского князя⁵. «Тверди» – это крепости-городища, которые сооружались в лесах и в которых укрывалось население в случае опасности⁶.

Из дальнейшего текста «Сборника летописей» Рашид ад-Дина выясняется, что на Русь пошли не все царевичи, которые воевали с мордвой и буртасами. Рязань осадили Бату, Орда, Гуюк, Менгу, Кулкан, Кадан и Бури⁷. В связи с этим представляет интерес сообщение Юлиана о том, что монгольское войско накануне вторжения на Русь в 1237 г. разделилось на четыре части, из них «одна часть у реки Итиль на границах Руси с восточного края подступила к Суздалью», а другая с юга напала на Рязань⁸. В.Б. Кошечев обращает внимание и на указание русской летописи, что после взятия Владимира монгольское войско разделилось на три

¹ Белорыбкин Г.Н. 1) Монголы в землях обулгаризированных буртас. С. 83-84; 2) Городища X-XIII вв. Верхнего Посурья и Примокшанья (материалы к археологической карте) // Страницы истории Волго-Донья. Пенза, 1995. С. 42; Белорыбкин Г.Н., Кишинская С.А. Историография древней истории Пензенского края: учебно-методическое пособие для студентов исторического факультета. Пенза, 1995. С. 37.

² Полесских М.Р. 1) Раскопки Золотаревского городища // АО 1976 г. М., 1977. С. 175; 2) О культуре и некоторых ремеслах обулгаризированных буртас. С. 57.

³ Белорыбкин Г.Н. Битва при реке Сура в 1236 году // XV УАС. Оренбург, 2001.

⁴ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 85-86.

⁵ Очерки истории Мордовской АССР. Саранск, 1955. Т. I. С. 42.

⁶ Мордва: историко-культурные очерки. Саранск, 1995. С. 41.

⁷ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 38.

⁸ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 86.

основных отряда, один из которых (восточный) «от Городца двинулся вверх по Волге и вышел к Галичу-Мерьскому, вероятно, по реке Костроме». Но если бы этот отряд шел и в самом деле от Владимира, то на пути к Волге монголы прошли бы через Гороховец и Нижний Новгород, однако эти города в ходе кампании 1237-1238 гг. разорены не были. В.Б. Кощеев отождествляет восточный отряд с приволжской группировкой, на которую указывает Юлиан, и предполагает, что ее основу составили войска Берке, который, согласно Рашид ад-Дину, оказался единственным Чинггисидом, принимавшим участие в войне с мордвой и буртасами, но не упомянутым в числе ханов, осадивших Рязань¹. После ухода главных сил на Рязань «оставшийся монгольский предводитель (Берке?) продолжил покорение мордовских земель, увяз в этой войне», так что даже «пропустил срок, назначенный для вторжения на Русь», и вторгся в суздальские пределы только в первой половине февраля 1238 г.². Значит, ради приведения строптивого эрзянского князя к покорности Берке потратил целых два зимних месяца.

О первом нападении монголов на мордву в русском летописании сообщается только под 1239 г.: «На ту же зиму взяша Батьеве Татарове Мордовскую землю»³. Поход, очевидно, был направлен против того самого эрзянского князя, с которым не смог ничего поделаться Берке. Что же касается мокшанского князя, то его судьба оказалась трагичной. Роджер Бэкон о народе моксель (мокша) пишет: «Государь и большая часть их были убиты в Польше... Ведь тартары повели их на войну с поляками»⁴. Есть основания полагать, что Муйтэн-бий не разделил участь своего мокшанского «коллеги». Так, в предании о нем сказано, что он, вернувшись из ханского стана на родину, «прожил еще немало лет»⁵.

Плано Карпини пишет, что монголы, возвратившись из Венгрии, «пришли в землю Мордванов, которые суть язычники, и победили их войною. Подвинувшись отсюда против Билеров, то есть великой Булгарии, они и ее совершенно разорили. Подвинувшись отсюда еще на север против Баскарт, то есть великой Венгрии, они победили и их. Выйдя отсюда, они пошли дальше к северу и прибыли к Паросситам», а от них – к самогедам, которые занимались пушной охотой. О победе над этими двумя последними народами в источнике не сказано⁶. Паросситов можно отождествить с носителями чумойтлинской культуры (гл. I), а самогедов – родановской (коми-пермяки), у которых пушнина действительно была эквивалентом обмена⁷. Под мордванами в данном случае, очевидно, надо

¹ Кощеев В.Б. Указ. соч. С. 133.

² Там же. С. 134.

³ ПСРЛ. Т. 10. С. 115.

⁴ Юрченков В.А. Взгляд со стороны: очерки. Мордовский народ и край в сочинениях западноевропейских авторов VI-XVIII столетий. Саранск, 1995. С. 66.

⁵ БНТ. Т. 2. С. 171.

⁶ Иоанн де Плано Карпини. Указ. соч. С. 25.

⁷ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. Иркутск, 1990. С. 50.

подразумевать до сих пор еще не подчиненных эрзян, так как мокшане вместе с монголами вторгались в Западную Европу. В.Л. Егоров пишет: «С этого момента все земли, заселенные мордвой, вошли в состав золотоордынского государства»¹. Впрочем, эрзяне, пользуясь отдаленностью их территории, находящейся в лесной глуши, очень скоро могли забыть об этой монгольской победе над ними. Башкиры во главе с Муйтэн-бием подчинились Бату-хану еще в 1236 г. Теперь же или они возмутились, или монголы подчинили какую-то обособленную часть башкир, не признававшую сюзеренитет усердного бия. Второе предположение более вероятно. Возможно, что монгольскому нападению в 40-х гг. XIII столетия подверглись «западные или степные башкиры, ближайшие к Волге и болгарам, те, которых видел Ибн-Фадлан». Они в арабских источниках назывались «внешними» башкирами².

Приведенная цитата из Плано Карпини наводит на мысль о воссоздании в Среднем Поволжье антимонольской коалиции во главе с Волжской Булгарией, для чего было выбрано весьма подходящее время. Рашид ад-Дин поход «в страну русских и народа черных шапок» датирует осенью 637 г. х., т. е. 1239 г.³, хотя на самом деле это произошло в 1240 г., т. е. 638 г. х. Весной следующего, т. е. 1241 г., царевичи отправились «к буларам [полякам] и башкирам [венграм]», а летом, когда основные военные действия в Западной Европе уже завершились, они расположились на отдых «на реке Тиса»⁴. Наверное, тут до них и дошли вести о неурядицах в тылу, и на подавление восстания булгар вновь был отправлен Субэдай со своим тридцатитысячным корпусом. На этот корпус теперь уже в пятый раз (после походов 1223, 1229, 1236 и 1237 гг.) была возложена задача разгрома государства волжских булгар, которое только на этот раз, когда были захвачены в плен последние представители местной монархической династии – Баян и Джикю, было завоевано монголами и перестало существовать. Это произошло, очевидно, зимой с 1241 на 1242 г., если в летописи используется мартовский стиль. Осенью 1242, а не 1241 г., как опять получается по Рашид ад-Дину, остальные отряды монголов во главе с Бату-ханом «опять направились обратно»⁵. В «Юань ши» под 1246 г. говорится о карательном походе Бату «на болгаров (болер)» и их усмирении⁶. Сомнительно, были ли это волжские булгары? А 1246 г. – слишком поздняя дата для возвращения Бату из Великого западного похода на Волгу. Скорее всего, он вернулся в 1243 г., который в

¹ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С. 43-44.

² Мажитов Н.А. Историческая Башкирия по данным письменных источников и археологии // Проблемы древних угров на Южном Урале. Уфа, 1988. С. 97; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 137.

³ Рашид ад-Дин. Сборник летописей. Т. II. С. 44-45.

⁴ Там же. С. 45.

⁵ Там же. С. 46.

⁶ Кычанов Е.И. Сведения из «Истории династии Юань» («Юань ши») о Золотой Орде // Источниковедение истории Улуса Джучи (Золотой Орды): от Калки до Астрахани: 1223-1556. Казань, 2001. С. 36.

современной историографии принято считать годом образования Золотой Орды.

2. Волго-Уральский регион в эпоху расцвета Золотой Орды (вторая половина XIII – первая половина XIV вв.)

Нас в этом параграфе интересует вопрос о характере золотоордынского господства в регионе Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья и о пределах его распространения.

Пожалуй, только один источник дает ясное представление о политическом статусе Башкирии в составе Золотой Орды. Это «Письмо брата Иоганки венгра, ордена миноритов, к генералу ордена, бр. Михаилу из Чезены» (1320 г.). Автор вместе с англичанином Вильгельмом «6 лет непрерывно» прожил в Баскардии, подчиненной татарам. «И были там татары, судьи баскардов, которые, не будучи крещены, а исполнены несторианской ереси, когда мы стали проповедовать им нашу веру, с радостью приняли [ее]. Государя же всей Баскардии с большей частью его семьи мы нашли совершенно зараженным сарацинским заблуждением». Те, естественно, отказались принять католическую веру, но миссионеры уходить не собирались. Они вступили в спор с тамошними «сарацинскими учеными», которые, «придя в ярость, пытались нас умертвить. Нас схватили и с жестокостью заключили в тюрьму», но миссионерам удалось оттуда каким-то непонятным образом освободиться¹. Таким образом, в цитируемом письме освещается ситуация 1310-х гг. Из историков внимание на этот источник обратил почему-то только один М.Г. Сафаргалиев, который в монографии 1960 г. отнес башкир к числу народов, у которых монголы сохранили представителей прежней династии². А впоследствии в науке утвердилось совершенно произвольное положение, что в условиях золотоордынского господства «любые проявления политической самостоятельности башкир жестоко подавлялись»³. Но сейчас такой подход можно считать преодоленным. В.А. Ивановым и А.Ф. Яминовым был сделан вывод «об определенной автономности башкирского населения в составе Золотой Орды»⁴. Л.Ш. Сулейманова пишет, что «вассальная зависимость башкир от Золотой Орды и довольно развитая сеть элементов государственности сохранили значительную автономию регулирования их внутренних отношений»⁵.

¹ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 92-93.

² Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды // 'На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). М., 1996. С. 309.

³ Кузеев Р.Г. 1) Происхождение башкирского народа. С. 503; 2) Историческая этнография башкирского народа. С. 177.

⁴ Иванов В.А., Яминов А.Ф. История Золотой Орды. С. 43.

⁵ Сулейманова Л.Ш. Исторический путь башкир к государственности: влияние Руси и Золотой Орды // Межкультурный диалог на евразийском пространстве: история народов, государств и международных связей на евразийском пространстве сквозь тысячелетия. Уфа, 2002. С. 214.

Можно заметить, что целым рядом авторов второй половины XIX – первой половины XX вв. отмечалось привилегированное по сравнению с другими народами положение башкир в составе Золотой Орды, на что, по мнению этих авторов, указывает факт наделения башкирских волостей, т. е. родоплеменных подразделений, особыми тамгами¹. Иными словами, исследователи, на которых мы ссылаемся, на уровне развития науки своего времени акцентировали внимание на сохранении у башкир собственной родоплеменной знати. Относительно верно была указана и причина этого явления как следствия «изъявления (со стороны башкир. – И.А.) готовности содействовать в подвигах своим завоевателям»². В «Энциклопедическом словаре Ф.А. Брокгауза и Е.А. Эфрона» было отмечено, что самоуправление башкир, вошедших в состав Золотой Орды, осталось неприкосновенным³.

Интересно упоминание Иоганки о татарах, которые были судьями баскардов. Вряд ли слово «судья» в данном случае надо понимать в буквальном смысле. Ал-Омари, современник Иоганки, со ссылкой на одного странствующего купца пишет: «В земле Башкырдов (находится) мусульманский кади, пользующийся почетом»⁴. Это и понятно, ибо судопроизводство в любой мусульманской стране должно было осуществляться согласно шариаду, в то время как Иоганка пишет, что судьи баскардов были несторианами, но потом обратились в католичество. Под его «судьями» надо видеть каких-то представителей центральной золотоордынской администрации. Это, очевидно, баскаки. Вопреки традиционному представлению, они являлись не сборщиками дани, а представителями золотоордынского хана, находившимися в тех странах, где у власти были оставлены местные правители, признавшие себя ханскими вассалами. В контроле за их деятельностью и заключались функции баскаков⁵. Плано Карпини пишет: «Башафов, или наместников своих, они (монголы. – И.А.) ставят в земле тех (государей. – И.А.), кому позволяют вернуться (после получения ярлыка для управления своей землей. – И.А.); как вождям, так и другим подобает повиноваться их мановению, и если люди какого-нибудь города или земли не делают того,

¹ *Алекторов А.* История Оренбургской губернии. Оренбург, 1883. С. 4; *Никольский Д.П.* Башкиры: этнографическое и санитарно-антропологическое исследование. СПб., 1899. С. 9; *Руденко С.И.* Башкиры: опыт этнологической монографии. Пг., 1916. Ч. I. С. 14; *Амиров Д.Г.* Башкиры. (Этнографический очерк) // Труды научного общества по изучению быта, истории и культуры башкир при Наркомпросе БССР. Стерлитамак, 1922. Вып. 2. С. 5; *Муртазин М.Л.* Башкирия и башкирские войска в гражданскую войну. 1927. С. 19; *Рязанов А.Ф.* Оренбургский край: исторический очерк. Оренбург, 1928. С. 11.

² *Казанцев Н.* Описание башкирцев. СПб., 1866. С. 3-4.

³ Башкиры // Энциклопедический словарь Ф.А. Брокгауза и И.А. Эфрона. СПб., 1891. Т. III (5). С. 226.

⁴ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. Т. I. С. 238.

⁵ *Греков Б.Д., Якубовский А.Ю.* Золотая Орда и ее падение. М.; Л., 1950. С. 220; *История Монгольской Народной Республики.* М., 1954. С. 95; *Сафаралиев М.Г.* Указ. соч. С. 309-310; *Каргалов В.В.* Баскаки // ВИ. 1972. № 5. С. 212-216.

что они хотят, то эти башафы возражают им, что они неверны Татарам, и таким образом разрушают их город или землю, а людей, которые в ней находятся, убивают при помощи сильного отряда Татар, которые приходят, без ведома жителей, по приказу того правителя, которому повинуется упомянутая земля, и внезапно бросаются на них...»¹. Надо согласиться с положением о том, что «баскаки не являлись в полном смысле слова «наместниками», обеспечивавшими подчинение местного населения с помощью собственной вооруженной силы»². Так что баскаков не следует путать с даругами, как это иногда наблюдается в историографии. Слово «судьи» у Иоганки, скорее всего, надо понимать в значении «советники». Однако к их «советам» местные правители обязаны были прислушиваться.

А.Н. Усманов констатирует, что «термин «баскак» в источниках по истории Башкирии не встречается»³. О пребывании баскаков в земле башкир свидетельствуют данные совсем иного рода. Так, в Уфимской губернии имелись два села с названием «Баскаково»⁴. Деревни и села с таким и т. п. названиями имелись в конце XIX в. и возле многих древних русских городов⁵, так как баскаки, постоянно проживавшие там, «получали от князей земельные пожалования»⁶. Если на Руси баскаки сидели во всех княжеских центрах, подвластных Орде⁷, то в Башкирии они, видимо, находились при всех племенных вождях, поэтому Иоганка и употребляет слово «судьи» во множественном числе.

А кто же там собирал дань? Противоречивые сведения содержатся в эпосе «Идукай и Мурадым». Так, в одном месте сказано, что ясак собирали сами бий⁸, а ниже речь идет о «данниках» (более точный перевод, видимо, «даньщики») хана, «что на Урале у здешних родов ясак собирали»⁹. Сообщается также, «что ясачники Туктамыша, на Урале кровь проливая, непосильную дань собирают»¹⁰. В предании «Акман-Токман» рассказывается о восстании башкир против хана. «Среди них был храбрый джигит Сураман. Он собрал довольно большое войско и уничтожил ханских нукеров, собирающих ясак». Башкиры так поступали и впоследствии. «Спрятавшись в лесах и горах, стали подстергать ханских сборщиков ясака, неожиданно нападали на них». После гибели Сурамана борьбу возглавила его жена, а после ее смерти – их сыновья Акман и

¹ *Иоанн де Плано Карпини*. Указ. соч. С. 34.

² *Каргалов В.В.* Баскаки. С. 213.

³ *Усманов А.Н.* Добровольное присоединение Башкирии к Русскому государству. Уфа, 1982. С. 46.

⁴ *Насонов А.Н.* Монголы и Русь. (История татарской политики на Руси.) // «Русский разлив». М., 1996. Т. 1. С. 208, примеч. 49.

⁵ *Каргалов В.В.* Баскаки. С. 212.

⁶ Там же. С. 214.

⁷ Там же. С. 213.

⁸ БНТ. Т. 10. С. 51.

⁹ Там же. С. 116.

¹⁰ Там же. С. 127.

Токман. А после того, как и тех не стало, «прекратилась многолетняя борьба башкир с ханскими войсками»¹. В другом предании сказано: «Монгольский хан то и дело насылал на башкир своих нукеров»²; функцией которых был сбор ясака. Аналогичная ситуация имела место в эпоху Казанского ханства. Окрестные территории, населенные инородцами, управлялись своими туземными князьями, платившими дань в ханскую казну; «казанцы не имели здесь постоянных органов администрации, но посылали ежегодно зимою сборщиков дани, в сопровождении вооруженных отрядов, для сбора податей в виде ясака»³. А сами бии, очевидно, ясак только для самих себя и собирали. Так что тезис о системе двойного гнета, «где трудящиеся башкиры платили дань золотоордынским правителям и башкирским феодалам»⁴, точнее своей феодализирующейся родоплеменной аристократии, в общем-то верен. Но это, конечно, отнюдь не означает, что у знати и народа не могло быть никаких общих интересов.

Нам известно всего о двух башкирских восстаниях. О другом из них рассказывается в предании «Последний из Сартаева рода», главным героем которого является Джалык-бий. Он отказался признать власть Тура-Мянгу, который сам пошел на Джалыка войной. Но стрела последнего «скоро нашла горло Тура-Мянгу, и он утонул в реке»⁵. Тура - лицо, занимающее высокое общественное положение, начальник, предводитель. Очевидно, здесь имеется в виду золотоордынский хан, либо Менгу-Тимур, либо Туда-Менгу. Что же касается самого Джалыка, то он был бием племени сартай, которое возглавляло союз многих западных башкирских племен⁶.

В 1278 г. было подавлено восстание в Болгарии, которое возглавлял некий Лахан, известный из сочинений византийских авторов. Он был казнен в стане Ногая⁷. А.Х. Халиков и И.Х. Халиуллин к 1277-1278 гг. отнесли поход Менгу-Тимура на волжских болгар⁸, однако здесь совершенно ясно, что речь идет о болгарах дунайских⁹, земля которых прилегал к владениям не Менгу-Тимура, а Ногая. Но в одном восточном источнике о Менгу-Тимуре сказано, что, взойдя на престол, «он роздал почести и выделил сюргалы. После этого, торжественно выступив с войском на болгар, за два года овладел той территорией и вернулся»¹⁰. Об

¹ БПЛ. С. 97-98.

² БНТ. Т. 2. С. 170.

³ Худяков М.Г. Очерки по истории Казанского ханства // На стыке континентов и цивилизаций... (из опыта образования и распада империй X-XVI вв.). С. 541.

⁴ Очерки по истории Башкирской АССР. Уфа, 1956. Т. I. Ч. 1. С. 50.

⁵ БНТ. Т. 2. С. 173-174.

⁶ Очерки по истории Башкирской АССР. С. 41.

⁷ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. М., 1991. Т. IV. С. 77.

⁸ Халиков А.Х., Халиуллин И.Х. Указ. соч. С. 20.

⁹ См.: История Болгарии. М., 1954. Т. I. С. 143-146.

¹⁰ Мингулов Н.Н. К некоторым вопросам изучения истории Ак-Орды // Казахстан в эпоху феодализма (проблемы этнополитической истории). Алма-Ата, 1981. С. 85.

этом событии пишет и Абу-л-Гази, который особо подчеркивает, что на булгар выступил сам Менгу-Тимур-хан¹. Вот это был поход против именно волжских булгар. Он состоялся очень скоро после занятия Менгу-Тимуром престола в 1266 г.², т. е., видимо, не в 70-е, а в 60-е гг. XIII в. Поскольку поход продолжался целых два года, можно предположить, что Менгу-Тимур не ограничился лишь одними булгарами. Одним из его мероприятий могло быть подавление восстания западных башкир, действовавших заодно с булгарами. О победе монголов над этими башкирами в 40-х гг. XIII в. писал Плано Карпини. Джалык-бий говорит: «Когда Тура-Мянгу послал мне свою басму – я отослал ее обратно. И еще прибил к этому надломленную стрелу и мертвую мышь (символы угрозы. – И.А.). Я смеялся над ним»³. По существовавшему в Золотой Орде порядку, новый хан, вступивший на престол, должен был подтвердить инвеституры вассальных правителей. Но Джалык отказался от такой милости со стороны Менгу-Тимура. И погиб, конечно, не хан, а скорее всего, сам Джалык.

Таким образом, во второй половине 1260-х гг. населением Среднего Поволжья была предпринята первая попытка выхода из политической системы улуса Джучи, хотя она и не привела к желаемому результату. Поводом для восстания, очевидно, послужила начавшаяся междоусобица в Золотой Орде (обособление удела Ногай). И монголам вновь пришлось столкнуться с объединенными усилиями различных народов (булгары, западные башкиры и, возможно, мордва-эрзя) данного региона.

В одном из вариантов шежере башкир-усерген территория, пожалованная Чингис-ханом Муйтэн-бию, обрисовывается двояко. Вначале сказано, что последний получил «ярлык на вечное владение водами, землями, лесами, золотом и серебром по Уралу, Яику и Сакмарю». Это территория расселения усергенского племени (параграф 1). Ниже следует, что власть Муйтэн-бия распространялась на весь бассейн Агидели, а также на верховья Яика и на восток до Тобола⁴. Это территория всего Исторического Башкортостана, за исключением его западной части⁵. В предании «Муйтэн» сказано, что в ярлыке, который он получил, было написано: «Муйтэну даруется звание бия. После его смерти звание должно перейти к одному из его сыновей. Оно будет передаваться по наследству Муйтэна, но не должно переходить к другим. В каждом поколении должен быть избранный бий рода Муйтэна. Роду этому будут принадлежать различные земельные угодья, леса, которые были испрошены Муйтэном»⁶. Наверное, тот башкирский «государь», о котором пишет Иоганка, являлся одним из потомков Муйтэна.

¹ Родословное древо тюрков. С. 152-153.

² Греков Б.Д., Якубовский А.Ю. Указ. соч. С. 83.

³ БНТ. Т. 2. С. 173.

⁴ См.: Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 245.

⁵ См.: там же. С. 242.

⁶ БНТ. Т. 2. С. 172.

Наличие подобной организации у башкир прослеживается и в ретроспективном плане. Из сочинения Гардизи (XI в.) «Зайн ал-ахбар» известно, что «Башджурт был одним из хазарских вельмож и жил между владениями хазаров и кимаков с 2 000 всадников». Он подчинялся требованиям хазарского хана¹. «Средневековые авторы Ибн-Фадлан, Масуди и другие рисуют башкир IX – начала X в. как организованную военную силу, часто довольно грозную, опасную. В свете этих данных предположение о наличии военно-политической организации у башкир вполне допустимо. Что касается этнонима башкорт, то по всей вероятности, первоначально это было имя предводителя военно-политического объединения башкир и только затем перешло к самому объединению, которое стало ядром формирующегося народа»². Этим предводителем, очевидно, и был упоминаемый Гардизи Башджурт. «Известно, что башкиры оказали упорное сопротивление татаро-монголам. Сам этот факт в совокупности с фольклорными данными говорит об относительной организованности башкирских племен»³. Это свидетельствует о том, что их военно-политическая организация в эпоху монгольского нашествия еще сохранялась. А по сведениям Иоганки, она сохранялась и в XIV в., находясь в составе улуса Джучи. Возможно, Муитзи являлся далеким потомком того самого Башджурта – основателя династии башкирских биев. Башкортостан сохранял автономию и позднее. Ногайская Башкирия представляла собой особое территориальное подразделение – удел или наместничество с верховным наместником во главе⁴. Но он, как представитель ногайской знати, потомком Башджурта быть не мог. Хотя с падением правящей династии не прекратило своего существования само башкирское военно-политическое объединение. Только роль лидирующего племени перешла от усергенов к пришлым ногайцам.

Есть мнение, что «страна башкир... в IX-XII вв. ...представляла самостоятельное политическое государственное объединение», которое управлялось башкирскими ханами⁵. Но при всей своей весьма относительной самостоятельности это объединение последовательно находилось в составе Хазарского каганата, Волжской Булгарии, Золотой, а

¹ Бартольд В.В. <Извлечение из сочинения Гардизи Зайн ал-ахбар>. Приложение к «Отчету о поездке в Среднюю Азию с научной целью. 1893-1894 гг.» // Соч. М., 1973. Т. VIII. С. 46-47.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. Уфа, 1996. С. 107.

³ Там же. С. 108.

⁴ Мажитов Н.А. К вопросу о характере общественных отношений у средневекового населения Южного Урала (постановка вопроса) // Материалы по хозяйству и общественному строю племен Южного Урала. Уфа, 1981. С. 130.

⁵ Трепавлов В.В. Ногаи в Башкирии, XV-XVII вв. // Материалы и исследования по истории и этнологии Башкортостана. Уфа, 1997. № 2. С. 8.

⁶ Мажитов Н.А. О некоторых спорных проблемах истории Среднего Поволжья IX-XIV вв. // Вестник Академии наук Республики Башкортостан. Уфа, 1998. Т. 3. № 4. С. 33

потом и Ногайской Орды. Некоторые исследователи ставят знак равенства между государственными образованиями и крупными племенными союзами¹. Данный вывод требует специального обоснования, так как не соответствует традиционным представлениям о несовместимости этих социально-политических институтов. Исходя из этих представлений, союзы башкирских племен надо считать потестарными (предгосударственными) образованиями². Теоретический посыл о том, «что людские объединения не могут нормально существовать, функционировать и развиваться без соответствующей «крыши» в виде государства», требует радикального пересмотра, ибо имеются «факты существования в далеком прошлом таких обществ (этносоциумов), которые могли прекрасно обходиться без централизованного (государственного) управления», причем «они, эти общества, были хорошо интегрированными, т. е. спаянными и сплоченными»³. Башкирское общество рассматриваемого периода можно отнести к числу таких примеров. Оно управлялось биями, которых некоторые исследователи отождествляют с ханами⁴. Однако тюркский титул «бек» («бег») и его позднее видоизменение «бий» соответствуют монгольскому «нойон», но не «хан»⁵.

В сходном положении с башкирами находились южные удмурты – ары. В науке установлен факт существования довольно сильного удмуртского княжества с центром в г. Арске, где жил удмуртский князь – эксэй⁶. Вначале удельное Арское княжество находилось в составе Волжской Булгарии, а затем – Казанского ханства⁷. Очевидно, после падения булгарского государства арские князья стали вассалами золотоордынских ханов. И в зависимости от них они находились, по крайней мере, до середины XIV в.

Более дискуссионным, да и к тому же запутанным, является в историографии вопрос о политическом статусе Волжской Булгарии в составе улуса Джучи. Эта проблема подробно рассматривается в двух монографиях Р.Г. Фахрутдинова и в одной из статей С.Х. Алишева. Позиция Р.Г. Фахрутдинова явно противоречива. Так, с одной стороны, он утверждает, что Волжская Булгария в составе Золотой Орды «имела

¹ *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 353.

² *Валеев Д.Ж.* Нравственная культура башкирского народа: прошлое и настоящее. Уфа, 1989. С. 37.

³ *Шакурова Ф.А.* Традиционные формы самоорганизации населения у народов Волго-Уральского региона // Проблемы культурогенеза народов Волго-Уральского региона. Уфа, 2001. С. 301.

⁴ *Мажитов Н.А., Султанова А.Н.* Башкирские ханы IX–XVI вв. // Народы Южного Урала и их соседи в древности и средневековье. Уфа, 2004. С. 182.

⁵ *Кляшторный С.Г., Султанов Т.И.* Государства и народы Евразийских степей: древность и средневековье. СПб., 2000. С. 269.

⁶ *Иванова М.Г.* Удмурты в начале II тысячелетия н. э. // Материалы по истории Удмуртии (с древнейших времен до середины XIX в.). Ижевск, 1995. С. 53.

⁷ *Иванов А.Г.* Историческая основа героических преданий удмуртов // История, историография и источниковедение Удмуртии. Ижевск, 1992. С. 47.

определенную автономию»¹, а с другой стороны, со ссылкой на персидское сочинение «Ферхег-намэ», пишет, что г. Булгар являлся «Золотым тронном» («Алтын тахт») золотоордынских ханов². С.Х. Алишев ограничивается первым тезисом³. Вся аргументация этих авторов в пользу автономности Волжской Булгарии свелась к двум пунктам.

Один из них был предложен еще С.М. Шпилевским, который ссылается на житие князя Федора Ростиславича Смоленского и Ярославского, помещенное в «Минях Четийх» Макария, где сказано, что после нашествия Батья «начаша ходити русстии князи и болгаре в Орду, ко царю отчин своих просити у царя на столования своа». «Это известие свидетельствует, – пишет С.М. Шпилевский, – что, подобно русским князьям, и владетели болгарские получали из Орды ярлыки на княжение»⁴. Последующие сторонники автономности Волжской Булгарии приводят ту же цитату и повторяют своими словами комментарий С.М. Шпилевского. Так поступает, например, С.Х. Алишев⁵. А Р.Г. Фахрутдинов вместе с тем отмечает: «В последующих сообщениях русских летописей мы часто встречаемся с подобными фактами поездок русских князей в Сарай за ярлыками, тогда как о болгарских упоминаний нет»⁶. Х.Г. Гимади в свое время по этому поводу писал: «Никаких ярлыков, выданных ханами Золотой Орды болгарским феодалам, не сохранилось, но, несомненно, политика монголов ко всем покоренным народам была приблизительно одна и та же (?! – И.А.)»⁷. Вот эти обстоятельства и заставляют отнести к данному «свидетельству» с должной осторожностью. Иначе звучит эта фраза в «Казанском летописце»: «Державнии же наши идоша въ Болъгоры ко царю, и ту встретиша его, и утолиша его великими многими дары»⁸. А Марко Поло пишет о Барка-хане (Берке), «что татарами владел и жил в Болгаре да в Сарае»⁹. Монеты Бату и других первых ханов улуса Джучиева «чеканились только в Булгаре»¹⁰. Поэтому нельзя не согласиться с В.Л. Егоровым в том, что «булгарские феодалы не могли ездить за инвеститурами хотя бы по той причине, что в первые годы существования Золотой Орды резиденция Джучидов находилась в Булгаре»¹¹. Что же касается выдержки из «Миней Четий», то здесь

¹ Фахрутдинов Р.Г. 1) Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 56; 2) Очерки по истории Волжской Булгарии. М., 1984. С. 111, 189.

² Фахрутдинов Р.Г. 1) Археологические памятники Волжско-Камской Булгарии и ее территория. С. 57; 2) Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 107-108.

³ Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. С. 186-200.

⁴ Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. Казань, 1877. С. 162.

⁵ Алишев С.Х. Указ. соч. С. 186-187.

⁶ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 103-104.

⁷ История Татарской АССР. Казань, 1955. Т. I. С. 82.

⁸ ПСРЛ. СПб., 1903. Т. 19. Стб. 207.

⁹ Книга Марко Поло. М., 1955. С. 45.

¹⁰ Мухамедиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. М., 1983. С. 43.

¹¹ История СССР. 1986. № 6. С. 178.

допущена явная ошибка переписчика, который предлог «в» между словами «князи» и «болгаре» по небрежности своей поменял на союз «и».

У Р.Г. Фахрутдинова и С.Х. Алишева есть еще один аргумент, который, по их мнению, является свидетельством самостоятельной внешнеполитической деятельности болгарского монарха, проводимой без посредничества золотоордынского хана. «В 731 г. х. [1330/31], в период правления ан-Насира, царь болгар, желая, по мнению аль-Макризи, добиться милостей султана, отправил в Египет послов с письмом. Он просил султана прислать ему меч и знамя, которые помогут ему покорить врагов»¹. Амин аль-Холи по этому поводу пишет: «Это свидетельствует о том, что владыка болгар был мусульманином. Вероятно, это были волжские болгары, а не придунайские»². Но это исключено. Согласно ал-Омари, в 731 г. х. к египетскому султану прибыло посольство «от повелителя сербов и болгар»³. Упоминание наряду с булгарами сербов устранило сомнение в том, что это были придунайские болгары. Их царь желал заручиться поддержкой египетского султана в отражении османских набегов. Его поступок был вынужденной необходимостью, несмотря на христианское вероисповедание.

Есть и такое мнение: «Попытки искать самостоятельное болгарское государство в монгольскую эпоху – бесперспективное занятие»⁴. В его пользу свидетельствует тот факт, что по монетам какая-либо автономия Булгара по отношению к золотоордынским ханам не прослеживается⁵. На это обратил внимание еще С.М. Шпилевский, по мнению которого «булгарские владетели» «не имели права чеканить монету от своего имени»⁶. Выходит, поэтому они и чеканили у себя монеты золотоордынских ханов, которые по традиционному порядку летом пребывали в Булгаре, а зимой – в Сарае. Понятно, что места для «булгарских владетелей» при таком порядке не было. Но с середины XIV в. орда, т. е. ставка хана, «кочевала почти всегда около столичных городов в Нижнем Поволжье», т. е. теперь хан уже не поднимался на лето в Булгарию⁷. Как раз к середине XIV в. относится перстневая печать, обнаруженная Н.Ф. Калининым в коллекциях Государственного музея Татарской АССР. Надпись на печати читается так: «750 года. Печать Булгара. Ильгам хан». 750 г. х. соответствует 1349/50 гг. н. э.⁸. Значит, «в

¹ Амин аль-Холи. Связи между Нилом и Волгой в XIII–XIV вв. М., 1962. С. 21.

² Там же. С. 38, примеч. 48.

³ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. I. С. 235–236; ср.: Григорьев А.П., Фролова О.Б. Географическое описание Золотой Орды в энциклопедии ал-Калкашанди // ТС. М., 2002. С. 270, 289.

⁴ Родина. 1997. № 3–4. С. 41.

⁵ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII–XV вв. С. 43.

⁶ Шпилевский С.М. Древние города и другие булгарско-татарские памятники в Казанской губернии. С. 163.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. Золотоордынские города Поволжья. М., 1994. С. 12.

⁸ Калинин Н.Ф. Булгарская перстневая печать XIV века в фондах музея. Казань, 1956. С. 7.

середине XIV века Булгария была никак не безгласной «областью» Золотой Орды, а некоей политической единицей с отдельным ханом, имевшим право ставить на документах свою именную и при том государственную булгарскую печать»¹. Если правитель Булгара имел титул «хан», то, значит, он был Чингисидом. Таким образом, в середине XIV в. Булгария была выделена в отдельный улус государства Джучидов, куда для управления был назначен Чингисид по имени Ильгам, о происхождении которого ничего не известно. Исследователи пишут либо об автономности Булгарии, либо об ее отсутствии, но не учитывают, что политический статус этой страны в составе Золотой Орды со временем мог измениться.

Предполагаемой резиденцией золотоордынского наместника на территории современной Чувашской республики в XIII в. являлось городище близ с. Большая Тояба (карта 2), основание которого приписывается золотоордынским татарам². «Среди окрестного населения сохранились предания о военном характере городища, где жил какой-то татарский князь»³. Его воины собирали с окрестного населения золото и куда-то увозили его⁴.

В русской летописи под 1288 г. сказано: «Того же лета князь Елортай Ординский, Темиревь сынъ, приходи ратью на Рязань, и воева Рязань, Муромъ, Мордву, и много зла сътвориша, идоша во свояси»⁵. По смыслу сообщения следует, что набег на мордву был совершен на обратном пути, а к востоку от Мурома жила мордва-эрзя (карта 4). В 1317 г. Юрий Данилович Московский пришел из Орды на Михаила Ярославича Тверского с ратью, данной ему Узбеком и возглавляемой Кавгадыем, в которой было «множество татаръ и бесермень, и мордвы»⁶. В 1339 г. в совместном ордынско-русском походе на Смоленск принимали участие «и Мордовския князи съ Мордвичи». Они названы в числе тех князей, которые «идоша по цареву повелению ко Смоленску съ Татары ратью»⁷. Двойственность поведения мордовского народа, который выступает то врагом, то союзником Орды, объясняется двойственной структурой его самого, поэтому в сообщениях под 1317 и 1339 гг. надо видеть мокшу. Совершая походы на Рязанскую землю и Владимирскую Русь, ордынцы и туда, и обратно проходили через мордовские земли, в первом случае – через земли мокши, а во втором – эрзи. При этом, они либо вовлекали в свое войско союзных им мокшан, которых потом отпускали, либо грабили и убивали строптивых эрзян. В 1339 г. они шли как раз через Переяславль

¹ Там же. С. 19.

² Каховский В.Ф. Памятники материальной культуры Чувашской АССР. Чебоксары, 1957. С. 75.

³ Смирнов А.П. Железный век Чувашского Поволжья. М., 1961. С. 157.

⁴ Федоров-Давыдов Г.А. Раскопки городища у села Большая Тояба Чувашской АССР в 1957 году // Вопросы археологии и истории Чувашии. Чебоксары, 1960. С. 95.

⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 167.

⁶ ПСРЛ. М., 1994. Т. 39. С. 99.

⁷ ПСРЛ. Т. 10. С. 211.

Рязанский¹. Также, наверное, было и в 1317 г., а в 1239 г. монголы напали на Муром, пройдя через эрзянскую землю (параграф 1). Летопись дает нам только некоторые примеры того и другого. Но случалось это, очевидно, весьма часто, практически всегда. Так, например, в русском летописании обойдено вниманием самое первое вторжение монголов в Мордовскую землю в 1237 г. Очевидно, это объясняется добровольным подчинением мокши, т. е. отсутствием боевых действий. М.Г. Сафаргалиев полагает, что во время похода Батия на Русь в 1237-1238 гг. «в войске татар участвовала и мордва, насильственно уведенная ими»². Впрочем, здесь обошлось без применения силы, могла лишь сыграть свою роль угроза ее применения. Если мокшанские воины оказались в Польше, то они, видимо, сопровождали монгольскую армию и при нашествии на Русь.

С основанием на занимаемой мокшей территории города Мухши в качестве административного центра с ее автономией было покончено. Первые монеты с клеймом этого города появились в 1313 г.³ «Именно в это время наблюдается заселение татарами мест по бассейнам рек Мокши и Цны»⁴. Узбек, таким образом, круто порвал с прежней традицией, ликвидировав мокшанское княжество. Неизвестно, чем он при этом руководствовался. На Наровчатском городище были найдены медные монеты 762 г. х. [11. XI. 1360 – 30. X. 1361] с именем Тимур-ходжи, сына Хызра, бывшего в 1360-1361 гг. ханом Золотой Орды. Не исключено, что в Мухши Тимур-ходжа сам находился до 1361 г., когда он убил отца и занял его место в столице⁵. Можно предположить, что район, населенный мокшей и буртасами, как и Булгария, был выделен в отдельный улус с царевичем из рода Чингисидов во главе, хотя и произошло это несколько раньше. Имена царевичей, правивших в Мухши до 1360 г., нам неизвестны, так как, видимо, они не чеканили там свою монету. А Тимур-ходжа сидел в этом городе в то время, когда центральная ордынская власть уже сильно ослабла.

П.Н. Милюков и Ю.А. Кизилов отмечали, что эрзя тоже платила ясак Орде и в составе ордынских ратей совершала набеги на земли Руси, хотя монгольской знати не удалось освоить ее племенную территорию, как это было сделано в отношении мокши⁶. Можно ли согласиться с таким утверждением? Походы против эрзи предпринимались в 1236-1237, 1239, 1241, 1288 гг., а вот на вопрос о том, явилось ли их результатом признание эрзянской аристократией сюзеренитета золотоордынских ханов,

¹ Там же.

² Сафаргалиев М.Г. Борьба мордовского народа с татарским игом // Зап. Морд. НИИ № 6. История и археология. Саранск, 1946. С. 151.

³ Алихова А.Е. Мавзолеи города Мохши-Наровчата // СА. 1973. № 2. С. 226.

⁴ Еникеев С. Очерк истории татарского дворянства. Уфа, 1999. С. 17.

⁵ Григорьев А.П. Золотоордынские ханы 60-70-х годов XIV в.: хронология правлений // Историография и источниковедение истории стран Азии и Африки. Л., 1983. Вып. VII. С. 29.

⁶ Милюков П.Н. Очерки по истории русской культуры. М., 1993. Т. 1. С. 477; Кизилов Ю.А. Земли и народы России в XIII-XV вв. М., 1984. С. 119-120.

письменные источники не дают ни положительного, ни отрицательного ответа. Та «победа», имевшая место в начале 1240-х гг., о которой пишет Плано Карпини, могла ограничиться лишь нанесением более или менее значительного ущерба эрзянскому военному потенциалу, который со временем был восстановлен. П.Н. Милоков указывает на «громодное количество городищ – «твердей», построенных по берегам рек и в лесах», в которых держали оборону эрзяне. Монголам просто не было необходимости тратить время и силы на взятие и разорение каждого из них. Если даже эрзя и несли в пользу Орды какие-либо повинности, то такое явление было нерегулярным. Но, как бы там ни было, территория обитания эрзи тоже находилась в сфере военно-политической активности монголов.

А.П. Смирнов писал: «Монгольское нашествие не оказало заметного влияния на мари. Страшный поход армии Бату почти совершенно их не коснулся»². А по утверждению «Очерков истории Марийской АССР», луговая часть Марийского края была задета монгольским нашествием в меньшей степени, чем горная, но и население луговой стороны тоже попало под иго завоевателей³. В одном сказе говорится об ордынских набегах на марийцев горной стороны⁴. О нападении татар на Меровию, т. е. землю марийцев, и овладении ими этой страной в течение 1236-1237 гг. сообщает Юлиан⁵. О вторжении орд Батыея в Марийский край говорится и в марийском предании «Непобежденная Ветлуга». Это вторжение, как можно судить по этому преданию, охватило и луговую сторону⁶. В предании, посвященном марийской деревне Старые Краи Тонкинского района Нижегородской области (в бассейне Ветлуги), сказано, что сюда «марийцы пришли от татаро-монгольского нашествия»⁷. О том, что в 1237 г. монгольские завоеватели на своем пути на русские земли покорили марийцев и заставили их платить себе дань, сказано в марийской легенде «Йыланда», записанной С.Г. Чавайном в 1908 г.⁸. Туда, видимо, был направлен отдельный монгольский отряд. Так что источники свидетельствуют в пользу скорее второго, чем первого мнения. Влияние монгольского нашествия было довольно заметным, раз воспоминания о

¹ Милоков П.Н. Указ. соч. С. 471.

² Смирнов А.П. Очерки древней и средневековой истории народов Среднего Поволжья и Прикамья. М., 1952. С. 171.

³ Очерки истории Марийской АССР (с древнейших времен до Великой Октябрьской социалистической революции). С. 54.

⁴ Там же. С. 55.

⁵ Аннинский С.А. Указ. соч. С. 85.

⁶ См.: Мифы древней Волги: мифы, легенды, сказания, быт и обычаи народов, обитавших берега великой реки с древнейших времен до наших дней. Саратов, 1996. С. 339-342.

⁷ Нижегородские марийцы: сборник материалов для изучения этнической культуры марийцев. Йошкар-Ола, 1994. С. 147.

⁸ Мифы древней Волги. С. 354; ср.: Четкарев К.А. Марийское предание об Акпарсе (из истории покорения Казани Иваном Грозным) // История, язык и литература мари. Йошкар-Ола, 1955. С. 49.

нем сохранила народная память. Правда, нам неизвестно: предпринимали ли впоследствии марийцы какие-либо попытки освободиться от гнета завоевателей и вообще как долго продолжался этот гнет? Надо полагать, что Марийский край, находясь в составе Золотой Орды, по-прежнему управлялся местной родоплеменной знатью. Она же, по всей видимости, и собирала дань, чем в основном и ограничивалось золотоордынское «иго» в этом краю¹. В русских источниках марийская родовая знать именовалась десятниками, пятидесятьниками, сотниками и сотными князьями. Десятинно-сотенная форма управления, в целом соответствовавшая марийской племенной организации, «сложилась в результате организационных мероприятий Золотой орды с административно-фискальной и военной целью»².

Н.М. Карамзин ссылается на «Историю королевства Норвежского», написанную неким Торфеем (1636-1719), где сообщается, что монголы через Волжскую Булгарию «дошли до самой Перми, откуда многие жители, ими утесненные, бежали в Норвегию, где Король Гакон обратил их в Веру Христианскую и дал им земли для поселения»³. Об этом Н.М. Карамзин упоминает в самом конце главы, в которой описываются события 1247-1263 гг. Поход на Пермь мог иметь место и позднее, когда Менгу-Тимур выступил с войском на подавление восстания волжских булгар. Бегство последних к носителям родановской культуры (гл. II), очевидно, и послужило причиной этого похода. О проникновении монгольских отрядов в Верхнее Прикамье свидетельствуют золотоордынские монеты, поливная посуда, татарские украшения, встречаемые в памятниках родановской культуры наряду с единичными погребениями по обряду кочевников⁴. Об этом свидетельствуют также «находки наконечников стрел тех типов, которые специалистами оцениваются как занесенные в Европу во время монгольского нашествия»⁵. В то же время золотоордынские материалы не обнаружены на памятниках Среднего Прикамья, из чего делается вывод, что монгольское нашествие непосредственно не задело эту территорию⁶. Но монголы не могли ее миновать, двигаясь вверх по Каме.

В Соликамском уезде Пермской губернии было село Баскаково⁷. Из коми-пермяцких преданий известно о Кудым-Оше, который был родовым вождем, хотя его власть «распространялась не только на свой род и племя, но и на всех коми-пермяков. Очевидно, он был главой племенного союза,

¹ Сануков К.Н. Марийцы между тюркским и славянским мирами до конца XVI в. // Этнос и культуры на стыке Азии и Европы. Уфа, 2000. С. 181.

² Бахтин А.Г. XV-XVI века в истории Марийского края. Йошкар-Ола, 1998. С. 32.

³ Карамзин Н.М. История государства Российского в 12 т. М., 1991. Т. IV. С. 56.

⁴ Оборин В.А. Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. С. 68.

⁵ Белава А.М. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья: автореф. докт. дисс. СПб., 2000. С. 38.

⁶ Иванова М.Г. Об этнической принадлежности памятников чепецкой культуры // Проблемы этногенеза удмуртов. Устинов, 1987. С. 65.

⁷ Насонов А.Н. Указ. соч. С. 208, примеч. 49.

центр которого находился на городище, носящем его имя (Кудымкар)¹. Так что, если допустить, что коми-пермяки тоже были подвластны Золотой Орде, то их племенная конфедерация имела такой же статус, как и у башкир.

Северные пределы военно-политического влияния Золотой Орды в Волго-Уральском регионе определялись не природно-климатическими условиями, так как самим монголам совсем не обязательно надо было поселяться на постоянное жительство во всех землях, куда они совершали походы. Эти пределы вплоть до конца XIV в. одновременно являлись южными рубежами военно-политического влияния северных русских феодальных республик – Новгородской и Вятской земель. Термин «граница» в данном случае был бы весьма условным, так как эта «граница» в соответствии со средневековыми понятиями и местными географическими особенностями представляется очень расплывчатой. Таким образом, если расселение самих монголов ограничивалось географическим фактором, то пределы их военно-политического влияния были обусловлены теми причинами, которые надо искать в сфере той же военно-политической истории.

Пермь вычегодская уже в XII в., когда там появились опорные пункты Новгорода и Владимиро-Суздальского княжества² в виде городищ, служивших погостами – становищами сборщиков дани³, была включена в сферу экономической и политической жизни Древней Руси⁴, а «начиная с XIII в. (1269 г.) пермь называется в числе новгородских волостей»⁵. Для монголов не имело смысла совершать походы на пермь вычегодскую, так как регион, где она обитала, подчинялся новгородцам, которые были данниками великого князя владимирского, а через него – и Золотой Орды. Известно, что образование этого государства на положении вычегодских пермян, как и населения Печорского края, отразилось в том, что они стали платить великому князю владимирскому дополнительную дань – «черный выход», предназначенный специально для ордынского хана⁶. Такого порядка не могло быть в Верхнем Прикамье, куда проникновение русского населения со стороны уже колонизованного им бассейна Вычегды стало возможным лишь с конца XIV в., после ослабления влияния Орды⁷.

По-видимому, такая же ситуация имела место и в Удмуртии. Северные удмурты – население Вятской земли – были уже на рубеже

¹ *Оборин В.А.* Заселение и освоение Урала в конце XI – начале XVII века. С. 54.

² *Белавин А.М.* Этнокультурные связи Предуралья в эпоху средневековья // *Российская археология: достижения XX и перспективы XXI вв.* С. 318.

³ *Савельева Э.А.* Коми археология на рубеже веков // Там же. С. 47.

⁴ *Савельева Э.А.* Вымские могильники XI-XIV вв. Л., 1987. С. 198.

⁵ *Савельева Э.А.* Пермь вычегодская: к вопросу о происхождении народа коми. М., 1971. С. 148.

⁶ *Давыдов В.Н.* Присоединение Коми края к Московскому государству. Сыктывкар, 1977. С. 24-25.

⁷ *Белавин А.М.* Камский торговый путь из Болгара в «страну Вису и Чулман» // *Международные связи, торговые пути и города Среднего Поволжья IX-XII веков.* С. 170.

XII-XIII вв. охвачены русской колонизацией, а южные удмурты – население Арской земли – в XIII в. оказались под властью Золотой Орды. Вятка, как и Новгород, юридически принадлежала князьям Северо-Восточной Руси¹.

Восточная граница родановской культуры в XIII в. стала проходить в основном по Каме². Поэтому неясно, подчинялось ли золотоордынской администрации славянское население бассейна Сылвы? В этой связи стоит прислушаться к предположению о том, что русские переселенцы на протяжении второй половины XIII-XIV вв. проникали сюда «как с исконно русских земель, так и с юга, из монгольского плена, двигаясь по хорошо известному Камскому пути»³. Керамика сылвинских памятников имеет «аналогии в древнерусских материалах Золотой Орды»⁴. Конечно, русские пленники не могли бежать из Орды на Русь, так как княжеская администрация, обычно не заинтересованная в обострении отношений с верховной ханской властью, могла вернуть их обратно.

«Аноним Искендера» Булгар и Башгирд причислил к правому крылу улуса Джучи, где правили потомки (точнее, преемники) Тохты, которых называли «султанами Кок-орды»⁵. Гаффари пишет о царях Кок-орды, что «им принадлежали области правого крыла», в частности «Булгар и Казань»⁶. Учитывая изложенное в первой главе, можно согласиться с мнением, что владения Шибана тоже входили в состав правого крыла улуса Джучи, т. е. в удел Бату⁷. Территория юрта, пожалованного Шибану Батыем, описана в словах последнего у Абу-л-Гази, из которого известно, что летние кочевья Шибана находились «на восточной стороне Яика» «до горы Урала»⁸. В другом переводе речь идет о «предгорьях Урала»⁹. Многие исследователи границу между владениями Бату и Шибана проводят по р. Урал¹⁰. С этим нельзя не согласиться, ибо такое утверждение соответствует

¹ Макаров Л.Д. Формирование территории Вятской земли в XII-XVII вв. // Исследования по средневековой археологии лесной полосы Восточной Европы. Ижевск, 1991. С. 148.

² Оборин В.А. Формирование этнической территории древних коми-пермяков // Там же. С. 130-131.

³ Пастушенко И.Ю. История населения бассейна р. Сылвы в первой половине второго тысячелетия н. э.: автореф. канд. дисс. Ижевск, 1995. С. 17.

⁴ Белавин А.М. Экономические и этнокультурные связи средневекового Предуралья. С. 30.

⁵ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 127.

⁶ Там же. С. 211.

⁷ Федоров-Давыдов Г.А. 1) Кочевники Восточной Европы под властью золотоордынских ханов: археологические памятники. М., 1966. С. 244; 2) Общественный строй Золотой Орды. М., 1973. С. 58; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С. 160.

⁸ Родословное древо тюрков. С. 160.

⁹ Мингулов Н.Н. Указ. соч. С. 83.

¹⁰ Грумм-Гржимайло Г.Е. Джучиды. Золотая орда // Русский взгляд. М., 1994. С. 103; Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 251; Костюков В.П. Памятники кочевников XIII-XIV вв. Южного Зауралья (к вопросу об этнокультурном составе улуса Шибана): канд. дисс. Уфа, 1997. С. 111.

буквальному смыслу источника. Под «предгорьями Урала» у Абу-л-Гази, очевидно, имеются в виду южные отроги Уральских гор, где кыпчаки, содержавшие свои стада на территории современного Западного Казахстана, проводили лето¹. Башкирия вошла в собственный удел Бату-хана².

Бесспорно то, что под властью Золотой Орды на протяжении рассмотренного в данном параграфе относительно стабильного периода ее истории, т. е. с середины XIII и до середины XIV в., находились башкиры, болгары, марийцы, чуваша и мордва-мокша. В отношении же мордвы-эрзы, южных удмуртов (арских людей, а также носителей чумойтлинской культуры) и коми-пермяков нет достаточных оснований для столь однозначного вывода, но, тем не менее, их земли тоже находились в сфере военно-политического влияния монголов.

3. Волго-Уральский регион в эпоху распада Золотой Орды (вторая половина XIV – начало XV вв.)

Период феодальных смут в Золотой Орде от умерщвления Джанибека в 1357 г. до утверждения Тохтамыша в 1381 г. принято называть «Великой замятней»³.

Ослабление ордынской власти первыми почувствовали новгородские ушкунники. В 1360 г. они совершили первое нападение на Средневолжский регион. «Того же лета изъ Великого Новагорода разбойници придоша въ Жукотинь, и множество Татарь побиша, и богатства ихъ взяша, и за то разбойничьство христиане пограблени быша въ Болгарехъ отъ Татарь»⁴.

В 1361 г. «Булатъ Темиръ, князь Ординский, Болгары взять, и все грады по Волзе и улусы поимать, и отня весь Воложский путь. А иный князь Ординский именемъ Тогай, иже отъ Бездежа, той убо Наручадъ и всю ту страну взять, и тамо о себе пребываюше»⁵. Наручад – это русское название золотоордынского города Мухши, который, как известно, являлся административным центром обширного района, населенного мордвой и буртасами – «Наручадской страны». На монетах с чеканом этого города встречаются надписи: «мехре Тагейбек», т. е. «печать князя Тагая»⁶. А в г. Булгаре в 768 (1366) г. были выбиты монеты со штампом «Султан покой(ный) Джанибек хан, да продлится ц(арствие его). Булат-Тему(р), сын Нугана». Поскольку Булат-Тимур не являлся Чингисидом, он

¹ Ахинжанов С.М. Кыпчаки в истории средневекового Казахстана. Алма-Ата, 1989. С. 242.

² История Башкортостана с древнейших времен до 60-х годов XIX в. С. 122.

³ Греков И.Б. Очерки по истории международных отношений Восточной Европы XIV-XVI вв. М., 1963. С. 42.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 232.

⁵ Там же. С. 233.

⁶ Калинин Н.Ф. Указ. соч. С. 10.

объявил себя наместником покойного хана Джанибека в Булгарии¹. «А Секизь бии Запиание все пограбиль и, обрывся рвомъ, ту седе»². «Запьянием назывались земли, расположенные к югу от верхнего течения Пьяны»³.

Продолжительность существования Большетоябинского городища не выходит за хронологические рамки первой половины XIV в.⁴. Очевидно, с прекращением выполнения функции местопребывания золотоордынского наместника прекратилась и жизнь на этом поселении.

Итак, в 1361 г. Средневожжский регион вышел из политической системы улуса Джучи. Вполне возможно, что аналогичное явление имело место и в Башкирии, которая, по мнению Л.Н. Гумилева, в период «великой замятни» отпала от центральной власти Сарая-ал-Джедиди. Мамаю она тоже не подчинялась⁵. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова полагают, что в Башкортостане в 60-70-х гг. XIV в., как и в Среднем Поволжье, были предприняты попытки приобрести политическую самостоятельность, хотя эта проблема не освещается в источниках⁶. К указанным исследователям можно присоединиться. Отмеченное обстоятельство могло способствовать миграции в наш край степных кочевников, стремившихся высвободиться из под власти ордынской администрации, которая теперь уже не была столь сильна, чтобы заставить их вернуться обратно.

В 1365 г. Тагай «въсхоте воевати Русь, и собрався со всею силою своею и со всею страню Наручадскою, и поиде ратью многою на Рязанскую землю», взял и сжег Переяславль-Рязанский, но на обратном пути был настигнут русскими князьями Олегом Рязанским, Владимиром Пронским и Титом Козельским, потерпел от них сокрушительное поражение «и едва въ мале дружине убежа»⁷. Больше о нем ничего неизвестно. После падения власти Тагая город Мухши приходит в запустение, что, естественно, было связано с потерей им роли административно-политического центра местного края. В 1366 г. чеканка монет здесь прекратилась. «С этого момента торговая жизнь в городе стала постепенно затухать»⁸.

В 1366 г. 200 ушкуев из Новгорода Великого пошли вниз по Волге, ограбили Нижний Новгород, «а сами отъидоша въ Каму, и тако Камою

¹ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 382.

² ПСРЛ. М., 1965. Т. XV (вып. 1). Стб. 71.

³ Кучкин В.А. Формирование государственной территории Северо-Восточной Руси в X-XIV вв. М., 1984. С. 228.

⁴ История Чувашской АССР. Чебоксары, 1966. Т. 1. С. 48.

⁵ Гумилев Л. Год рождения 1380... // Декоративное искусство СССР. 1980. № 12. С. 35.

⁶ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 302-303.

⁷ ПСРЛ. М., 1965. Т. 11. С. 5-6.

⁸ Алихова А.Е. Мавзолей города Мохши-Наровчата. С. 227.

ходяще, Болгары воююще и многих избиша»¹. По другим данным, ушкуев было 150².

Участь Тагая вскоре постигла и Булат-Темира. В 1367 г. он напал на нижегородские владения, но при возвращении его нагнали тамошние князья, что обернулось для него полным разгромом. «Князь же Ординьский Булатъ Темиръ гоним гневомъ Божжимъ, и прибеже въ Орду въ мале дружине, и тамо убьенъ бысть отъ Озиза царя»³. В.Л. Егоров по этому поводу пишет: «При этом Булак-Темир направился почему-то не к себе в Булгар, а в Сарай, где его и убил хан Азиз. Скорее всего, после разгрома воинства Булак-Темира власть в Булгаре захватил другой феодал, не пустивший в город потерпевших поражение»⁴.

Осенью 1369 г. «шло Волгою 10 оушкуевъ, а инии шли Камою, и биша ихъ под Болгары»⁵.

Во второй половине XIV в. возобновились походы русских князей на территорию бывшего волжско-булгарского государства. В 1370 г. суздальско-нижегородский князь Дмитрий Константинович «посылал брата своего князя Бориса да сына своего князя Василья, а с ним царевъ посол Ачихожа, ратью на Болгарьскаго князя Осана. Осанъ же посла к ним челобитьем и с дары. Они же на княжении посадиша Салтана, Бакова сына»⁶. В Никоновской летописи Асан (Хасан) назван вначале болгарским, а потом казанским князем. Сообщается, что русские князья взяли его дары, т. е. приняли капитуляцию, хотя и отстранили Хасана от власти, а затем возвратились в Нижний Новгород⁷. Ачихожа упоминается и под 1375 г. Это был посол Мамаю, который прибыл к князю Михаилу Тверскому⁸. А в 1370 г. никакого другого «царя», кроме того, кто сидел в мамасовой ставке, на Руси не признавали. На этом основании в историографии уже был сделан вывод о том, что этот поход был совершен по инициативе Мамаю, ставленник которого – Мухаммед-Султан – усилиями русских вассалов «всесильного темника» был водворен в Казани⁹. Значит, в его предшественнике Хасане и надо видеть того самого феодала, который захватил власть в Булгаре в 1367 г. По всей видимости, он являлся представителем местного населения.

В 1372 г. князь Борис Константинович Городецкий, представитель династии суздальско-нижегородских князей, «постави себе город на реце

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 6.

² ПСРЛ. СПб., 1910. Т. 23. С. 114.

³ ПСРЛ. Т. 11. С. 9.

⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С. 209.

⁵ ПСРЛ. Пг., 1915. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 295.

⁶ ПСРЛ. М., 1965. Т. 30. С. 118.

⁷ ПСРЛ. Т. 11. С. 12-13.

⁸ Там же. С. 22.

⁹ Черепнин Л.В. Образование русского централизованного государства в XIV-XV вв.: очерки социально-экономической и политической истории Руси. М., 1960. С. 583; Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С. 63, 214.

на Суру и нарече его именемъ Курмышъ»¹. Делается вывод, что восточная граница Нижегородского княжества в 70-х гг. XIV в. «достигала по меньшей мере Суры», даже «и некоторые земли по правому берегу Суры также принадлежали Нижнему Новгороду»². А эта река в том веке являлась восточным пределом Мордовской земли³. Колонизации, однако, подверглась лишь северо-восточная часть района обитания эрзи, основные же глубинные территории расселения мордвы еще не были ею затронуты⁴. Началась колонизация и Марийского края. Этимология названия города Курмыш «от марийского слова «курныж» (ворон) не вызывает сомнения»⁵.

Под 1374 г. Никоновская летопись сообщает о новом походе ушкунников в 90 ушкучах, которые ограбили Вятку и, пройдя дальше, взяли Болгары, хотели сжечь город, но взяли 300 рублей в качестве откупа; «и оттуду разделишася на двое: 50 ушкучевъ поидоша по Волзе внизъ къ Сараю, а 40 ушкучевъ поидоша вверхъ по Волзе и, дошедше Обухова, пограбиша все Засурие и Марьквашь, и преидоша за Волгу, и суды вся пожгоша, а сами поидоша къ Вятке на конехъ по суху и, идуще, множество сель и властей по Ветлузе пограбиша»⁶. Засурье – правобережье Суры⁷. С.М. Соловьев отметил, что два селения под названием Маркваш в его время имелись в Свияжском уезде Казанской губернии⁸. Населенный пункт Набережные Моркваша в настоящее время имеется в Верхнеуслонском районе Татарстана, на правом берегу Волги, напротив Казани. Мы не знаем, что случилось с первой частью ушкунников. Движение второй их части летописец ограничивает Вяткой, но они не остались там. Возможно, летописец не считал нужным описать обратный путь отряда с Вятки в новгородские владения, так как реальные пути Волго-Камья русским к тому времени были хорошо известны⁹. Средняя и Нижняя Ветлуга в XII-XIII вв. была заселена марийцами¹⁰. Но в XIII – начале XIV в. на Ветлуге обитали и славяне¹¹.

¹ ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 187.

² Кучкин В.А. Указ. соч. С. 228.

³ Козлов В.И. Расселение мордвы. (Исторический очерк) // Вопросы этнической истории мордовского народа. М., 1960. С. 5, 7.

⁴ См.: Кучкин В.А. Указ. соч. С. 224, рис. 7.

⁵ Сануков К.Н. Указ. соч. С. 182.

⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 20.

⁷ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 228.

⁸ Соловьев С.М. Соч. М., 1988. Кн. II. С. 340, примеч. 514.

⁹ Макаров Л.Д. Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки // Проблемы этногенеза финно-угорских народов Приуралья. Ижевск, 1992. С. 49.

¹⁰ Архипов Г.А. Марийцы Поветлужья в XII-XIII вв. (к этнической истории по материалам могильников) // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. Уфа, 1986. С. 58.

¹¹ Хлебникова Т.А. Археологические памятники XIII-XV вв. в Горномарийском районе Марийской АССР // Происхождение марийского народа. Йошкар-Ола, 1967. С. 92.

В 1374 г. князю великому Дмитрию Ивановичу Московскому «бысть розмирие съ Татары и съ Мамаемь»¹. В том же году в Нижнем Новгороде были перебиты мамаевы послы, а старший из них – Сарайка – задержан². Его убили на следующий год³. Тогда же татары из Мамаевой Орды совершили набег на Запьяние⁴, а затем снова появились там: «Того же лета Татарове приида за Пианую волости повоевали, а заставу Нижняго Новагорода побили, а иных множество людии потопло, а полонъ, бежа назадъ, метали»⁵. На этом основании делается вывод, что «Запьяние входило в состав Нижегородского княжества»⁶. У нас нет прямых сведений о судьбе Секиз-бея, но ясно, что подвластной ему территорией к 1375 г. завладели русские, от которых он, видимо, как и Тагай с Булак-Тимуром, потерпел поражение. Таким образом, русское влияние оказалось сильнее всех тех сил, которыми располагали эти три представителя ордынской аристократии, временно захватившие власть в регионе Среднего Поволжья и безуспешно пытавшиеся там закрепиться. События, происшедшие в середине 1370-х гг., коренным образом изменили дальнейший ход истории.

В 1375 г. 2 000 новгородских ушкуйников в 70 ушкуях взяли и разграбили Кострому и Нижний Новгород, где было захвачено много людей в полон, после чего «поидоша на низъ и повернуша в Каму, и тамо шедше много пограбиша по Каме, и по томъ внидоша опять в Волгу дошедше Болгарь и ту полонъ христьянскы весь попродаша и поидоша на низъ к Сараю, Бесермень избивающе гостей, а товаръ их емлюще, а христьянъ грабяху»⁷. Так повествует об этом событии Московский летописный свод конца XV в., который мы прервали для того, чтобы посмотреть, как этот отрывок звучит в Никоновской летописи. Там сказано, что ушкуйники «поидоша Волгою на Низъ, въ Каму повръгнуша и много пограбиша по ней и, возвратившися, приидоша въ Болгары, еже есть Казань, и тамо полонъ весь попрадаша; и отгуду поидоша внизъ по Волзе къ Сараю, гости христьянскиа грабяще и биюще, и приидоша во Асторокань и тамо полонъ попрадаша. Князь же Астороканьский Салчей начять ухищрати ихъ лестию и многу честь и кормы даяше имъ; они же начаша упиватися и быша пиани, аки мертви; Астороканцы же всехъ избиша, и ни единаго ихъ жива оставиша, и имение взяша»⁸. По другим данным, ушкуйников было «съ полторы тысячи»⁹. Вот этот поход представляет исключение, ибо все остальные походы ушкуйников сопровождались нападениями на поволжские города. А в данном случае

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 21.

² Там же. С. 20.

³ Там же. С. 21.

⁴ ПСРЛ. Т. XV (вып. 1). Стб. 109.

⁵ Там же. Стб. 112-113.

⁶ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 227.

⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 191-192.

⁸ ПСРЛ. Т. 11. С. 23-24.

⁹ ПСРЛ. М., 1965. Т. XV. Стб. 435.

ушкуйники там лишь продавали полон, который становился обузой для них по мере дальнейшего продвижения. Впрочем, астраханский князь Салчей не поверил их мирным намерениям, хотя в Казани ушкуйники силу не применили.

По сообщению Никоновской летописи, зимой 1376 г. «князь великий Дмитрий Константинович Суздальский посла детей своих, князя Василья и князя Ивана, на Болгары, рекше на Казань, а князь великий Дмитрий Иванович Московский посла воеводу своего, князя Дмитрея Михайловича Волынского; и приидоша къ Казани месяца Марта въ 16 день. Казанцы же изыдоша изъ града противу ихъ, стреляюще изъ луковъ и изъ самостреловъ, а инии громъ пущающе зъ града, страшаще Русское воинство; а инии выехаша на верблюдохъ, кони Русскихъ вой полошающе. И поможе Богъ княземъ Русскимъ, и вгониша ихъ въ градъ; князи же Казанстии Асанъ и Маахматъ Салтанъ добиша челомъ великому князю и даша окупъ зъ града великому князю Дмитрею Ивановичю Московскому тысящу рублевъ, а великому князю Дмитрею Константиновичу Суздальскому и Нижнего Новагорода 1. 000 рублевъ, а воеводамъ и ратемъ 3. 000 рублевъ; и всю свою волю сътвориша, и дорогу и таможенника посадиша въ Казани, и возвратишася въ свояси»¹.

Упоминание о даруге и таможеннике, очевидно, и дало А.Н. Насонову основание утверждать, что поход на Булгар был организован московским князем «с целью завоевания города»². Но Булгар ли это был? Р.Г. Фахрутдинов приводит историографическую сводку. Н.М. Карамзин, Н.С. Арцыбашев, С.М. Соловьев утверждали, что это был поход на Казань, а С.М. Шпилевский и А.П. Смирнов – на Булгар. С.О.М. Шпилевский «заметил, что Никоновской летописи вообще присуще свойство дополнять, разъяснять понятия «болгары» или «град Болгары» словами «казанцы», «Казань» с позиции автора XVI в., ...которому было известно, что казанцы прежде назывались булгарами». К этому мнению присоединяется и сам Р.Г. Фахрутдинов, отметивший, что «в других летописях под 1370 и 1376 гг. упоминается не Казань, а именно Булгар»³. Однако, согласно А.Г. Мухамадиеву, в конце XIV в. Казань называлась местным населением Булгар ал-Джедид (Новый Булгар), а с начала XV в. на монетах она именуется просто Булгаром, что «свидетельствует лишь о том, что к тому времени Старый Булгар окончательно потерял свое значение»⁴. Казанский монетный двор, начавший действовать именно тогда, «находился на месте современного г. Казань»⁵. Булгар же в 70-х гг. XIV в. переживает экономический упадок, о чем свидетельствует резкое сокращение на родине монетных находок⁶. Соответственно он утратил и

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 25.

² Насонов А.Н. Указ. соч. С. 175.

³ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 121, примеч. 114.

⁴ Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. С. 118.

⁵ Там же. С. 20.

⁶ Там же. С. 114.

свою административную роль. Хасан вокняжился еще в Булгаре, но к 1370 г. он уже перенес свою столицу в Казань. Чем же тогда старый центр мог привлечь русских князей? В случае согласия с А.Г. Мухамадиевым можно было бы достаточно легко объяснить противоречие, наблюдаемое в русских летописях при описании походов 1370 и 1376 гг., относительно названия города, явившегося объектом нападения. Автор Никоновской летописи мог знать, что город, в его время называемый Казанью, раньше назывался Булгаром. Кстати, двойное название города там впервые появляется именно в 1370 г. А летописцы-современники не знали, как этот город будет называться в будущем и поэтому предпочтение отдавали традиционному названию.

Интересно, что Хасан в 1376 г. выступает соправителем Мухаммед-Султана. Последний был отправлен в Казань Мамаем, но, чтобы заручиться поддержкой местного населения, решил поделиться властью с Хасаном. Как же мог сложиться этот дуумвират? Мухаммед-Султан не имел в своем распоряжении никаких военных сил из Мамаевой Орды, так как на престол его посадила русская рать, которая после этого возвратилась назад. В такой обстановке он вынужден был искать общий язык с местным населением, ибо только уступив последнему, можно было сохранить власть. Местные жители могли его сразу же свергнуть, но их останавливала возможность повторения того, что произошло в 1370 г. Таким образом, компромисс был найден.

К 1376 г. правители Москвы и Нижнего Новгорода из верных вассалов Мамай превратились в его принципиальных противников и теперь они хотели исправить то, что было содеяно ими самими шесть лет тому назад. Но русские князья, конечно, не ограничивались лишь одним стремлением ликвидировать зависимость Казани от этого «всесильного темника», они и сами имели как политические, так и экономические интересы в отношении Средневожского региона.

Мамай, конечно, не собирался мириться с потерей Булгарии. В 1377 г. он направляет на Нижний Новгород царевича Арапшу (Араб-шах), перебежавшего к нему из Синей Орды, которую летописец помещает по ту сторону Волги. Тому удалось уничтожить московско-нижегородское войско на р. Пьяне, где «князи Мордовстии подведоша втаю рать Татарскую изъ Мамаевы Орды Воложския на князей нашихъ, а княземъ нашимъ въ небрежении сущимъ и ничтоже о семъ смышляющимъ, аки и не бысть вести имъ»¹. В русском предании «Пьянское поражение» рассказывается, что когда до Нижнего Новгорода дошли тревожные вести о появлении татар Арапши – главного подручника Мамаея – «уже у самой границы русских владений, в Засурье», русские дружинники выступили к берегам Пьяны. Здесь ратники, будучи уверены окрестной мордвой (а это мордва-эрзя) (карта 4), «что Арапша еще далеко», посчитали себя в безопасности и «предались бражничеству». «Между тем Арапша был близко и только дожидался удобного момента напасть врасплох», что ему

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 27.

и удалось: «русские, изменнически введенные в обман мордвой, были внезапно окружены со всех сторон, только немногие спаслись бегством, остальные погибли»¹. Так что «князи Мордовстии» не только тайно подвели Арапшу «на князей наших», но еще и дезинформировали последних. При всем при том, сама мордва в этом сражении, вопреки утверждению С.В. Святкина², участия не принимала. М.Г. Сафаргалиев писал, что «к 1377 году под властью Мамая находились бывшие владения князя Тагая»³, а В.Л. Егоров считает, что мордовские князья, освободившись из под власти Тагая, в дальнейшем стали «верными вассалами Мамая»⁴. Если бы это было так на самом деле, то им не стали бы доверять русские князья, которые, находясь во враждебном окружении, обязательно предприняли бы необходимые меры предосторожности. Видимо, мордовские князья были просто подкуплены Арапшой. Ему сделать это было легко, так как они не желали усиления русского влияния на их землях. Буртасы – южные соседи мордвы – в 1380 г. выступали военными наемниками Мамая (гл. I), т. е. они не были ему подвластны, иначе ему не было бы нужды их нанимать. Кстати, Устюжская летопись сообщает, что Мамай нанял еще мордву и черемисов⁵.

Одержав победу, Арапша в том же 1377 г. сжег Нижний Новгород, опустошил окрестности и направился на восток, где «пограби Засурие и огнем пожже и отъиде съ полономъ въ свояси»⁶. Речь идет о территории современной Чувашии, на которую тоже стремился распространить свою власть Мамай. Араб-шах, стало быть, возвращался тем же путем, каким и пришел. Он не предпринял попытки захвата болгарской территории, отложив это дело на будущее. Его задача, видимо, состояла в том, чтобы перерезать коммуникации между Булгарией и Русью и тем самым ослабить русские позиции в Казани. Но в последующем интерес Мамая к Средневолжскому региону охладел, вернее, его внимание переключилось непосредственно на Москву. А русские даруга и таможенник так и остались в Казани.

«Того же лета Мордва, пришедше изгономъ по Волзе безвестно, Нижнего Новагорода уездъ пограбиша и множество людей избиша, а иных плениша; власти же и села остаточныя отъ Татарь и отъ нихъ пожжени быша; и возвратишася во свояси. И погна за ними не во мнозе князь Борисъ Константиновичъ и постиже ихъ у Пьяны реки; они же Божиимъ гневомъ устрашишася и побегоша за Пьяну реку, и котории не успеха за реку, техъ избиша, а инии истопоша»⁷. В 1378 г. был организован карательный московско-нижегородский поход на

¹ Мифы древней Волги. С. 410-411.

² Святкин С.В. Указ. соч. С. 156.

³ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 392.

⁴ Егоров В.Л. Историческая география Золотой Орды в XIII-XIV вв. С. 62.

⁵ ПСРЛ. Л., 1982. Т. 37. С. 34, 76.

⁶ ПСРЛ. Т. 11. С. 28.

⁷ Там же.

Мордовскую землю, многие жители которой были перебиты, «а коихъ живыхъ приведоша въ Новгородъ (Нижний. – И.А.), техъ казниша смертною казнию и травиша ихъ псы на леду на Волзе»¹. Араппа осенью того же года «изби гостей Русскихъ многихъ и богатство ихъ все взя»², но такая месть не спасла помогших ему эрзянских князей.

Последствия русских походов на мордву-эрзю наглядно прослеживаются по археологическим данным. В позднесолотоордынском периоде прекращают функционировать мордовские памятники в бассейне р. Тепи, а из памятников бассейна р. Пьяны к этому периоду отнесен лишь один Гагинский могильник в Запьянии, где были найдены солотоордынские монеты как первой, так и второй половины XIV в., хотя самая поздняя из последних датирована 1365 г.³ (карты 2, 3). Можно говорить, таким образом, о массовом оставлении мордвой-эрзей своей прежней территории.

Зимой 1379 г. «Вятчане шедше ратью в Арскую землю и избиша разбойниковъ ушкуйниковъ, и воеводу ихъ изымаша Ивана Рязанца, Станиславова сына, и убиша»⁴. М.В. Гришкина и В.Е. Владыкин отмечают, что «это известие из-за своей противоречивости вызывает двойное толкование», и приводят историографическую сводку, не присоединяясь ни к одному из мнений. Согласно А.А. Спицыну и П.Н. Луппову, столкновение произошло между вятчанами и ушкуйниками, оставшимися в Арской земле после походов 1374-1375 гг., а по мнению А.С. Верещагина, это был набег вятских ушкуйников на Арскую землю⁵. К первой точке зрения присоединяется Л.Д. Макаров⁶. Но с моей точки зрения, мнение А.С. Верещагина наиболее адекватно смыслу приведенной выдержки из источника и не допускает излишних вольностей в обращении с ним. С.М. Шпилевский тоже писал «о походе вятчан-ушкуйников в Арскую землю» в 1379 г.⁷ Как известно, ушкуйники не могли быть колонистами новых земель, их целью был лишь грабеж богатств и захват пленных, чего не отрицает и Л.Д. Макаров⁸.

В 1382 г. Тохтамыш «посла слугы своя во градъ, нарицаемый Болгары, еже есть Казань на Волзе, и повеле христианския гости Руския грабити, а суды ихъ и съ товары отнимати и проводити къ себе на

¹ Там же. С. 29.

² Там же. С. 28.

³ *Алихова А.Е.* Эрзянский могильник XIV века у с. Гагино // Из древней и средневековой истории мордовского народа. Саранск, 1959. С. 176, 184.

⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 45.

⁵ *Гришкина М.В., Владыкин В.Е.* Письменные источники по истории удмуртов IX-XVII вв. // Материалы по этногенезу удмуртов. Ижевск, 1982. С. 13.

⁶ *Макаров Л.Д.* 1) Формирование территории Вятской земли в XII-XVII вв. С. 147; 2) Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки. С. 49.

⁷ *Шпилевский С.М.* Древние города и другие булгаро-татарские памятники в Казанской губернии. С. 175.

⁸ *Макаров Л.Д.* Некоторые проблемы славянской колонизации бассейна р. Вятки. С. 49-50.

перевозъ»¹. Согласно сведениям, имевшимся в восточных источниках, Тохтамыш обязал болгар и к нападению на Русь². В татарском народном эпосе «Идегей» сказано, что Тохтамыш ханствовал над булгарами³. Сам Тохтамыш заявляет: «мой дом – Булгар и Сарай»⁴. В этом эпосе говорится и о разрушении им города Булгара⁵, что произошло, естественно, до того, как он послал туда слуг со своим повелением. М.Г. Сафаргалиев отмечал, что камские булгары были покорены Тохтамышем в хронологическом промежутке между осенью 1380 г., после расправы с Мамаем, и 1382 г., когда во время похода Тохтамыша на Москву они уже находились под его властью⁶. С.Х. Алишев считает, что московская администрация, назначенная в Казани Дмитрием Донским в 1376 г., действовала там «примерно до 1381 года, когда Туктамыш-хан установил свою власть на Средней Волге»⁷.

«Аноним Искендера» пишет, что Тохтамыш, следуя советам Тимура, «также обманывал правителей отдаленных пограничных областей, пока заполучил их (к себе); тех из них, кого он нашел пригодным оставить при себе, удержал, тех, которых нашел пригодными для охраны этих границ, вернул обратно, а тех, которые не соответствовали его пользе, уничтожил». Благодаря этому «он овладел властью во всем улусе»⁸, в частности над башкирами. Из их эпоса «Идукай и Мурадым» известно, что кыпсаки, катаяцы, тамьянцы, юрматынцы, табынцы –

*«Пятеро из семи родов,
Туктамыша отвергнув власть,
Не платя ему ясак,
Не желая давать рабов,
При приближении ханских войск,
В скалах укрытие ища,
Бились с врагами вместе и врозь»⁹.*

Подчинившийся Орде бий из степной земли Шагали «посланником от хана Орды явился к пяти родам» и привез их верховодам фарман (приказ, указ) с предписанием явиться в Сарай¹⁰. И тогда «вложили в ножны свои разящие мечи лучшие батыры страны», которые «сошли с

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 71.

² *Мулла Шихаб-уд-дин Бага-уд-динов*. Очерк истории Болгарского и Казанского царств // Труды IV АСР. С. 48.

³ Идегей: татарский народный эпос. Казань, 1990. С. 5.

⁴ Там же. С. 9.

⁵ Там же. С. 162-163. Неизвестный автор эпоса «Идегей», очевидно, был современником событий, которым он посвятил свое произведение. И если этот город в то время имел двойное название, то в эпосе было отдано предпочтение тому из них, которое являлось традиционным.

⁶ Сафаргалиев М.Г. Распад Золотой Орды. С. 404.

⁷ Алишев С.Х. Казанское ханство: возникновение и развитие // Материалы по истории татарского народа. С. 192.

⁸ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 132-133.

⁹ БНТ. Т. 10. С. 45.

¹⁰ Там же. С. 46.

коней»¹. Вожди пяти «родов», «посоветовавшись между собой, предпочли выполнить приказ хана: «Пусть... придут и будут биями, если не хотят стать рабами»². Хан Тухтамыш назначил их своими советниками³, но оставил заложниками в Золотой Орде⁴. А Идукай (Едигей), придя к власти,

*«Батыров, что с Урала пришли,
Биями сделал – всех пятерых,
Объяснив, что для родной земли
Они нужнее – вернул туда их»⁵.*

Таким образом,

*«Когда Тухтамыш бесславно пал,
Вздыхнул, наконец, свободно Урал»⁶.*

Однако освобождения от ордынской зависимости не произошло. После распада улуса Джучи основная часть башкир оказалась в составе Ногайской Орды. В.В. Трепавлов отмечает, что российским властям пришлось вести борьбу с ногайскими «данщиками», собиравшими ясак на Южном Урале. Последние, как известно из архивных источников, приводили доводы, что башкиры платили ясак им еще «от Идигия князя», но это, конечно же, не убеждало русскую администрацию в легитимности ногайской власти в Башкортостане⁷. И тем не менее характер этой власти здесь был принципиально иным: ногайская знать, в отличие от золотоордынской, активно осваивала не только степную, но и лесостепную часть Южного Урала.

Шереф ад-Дин Йезди пишет, что в 1388 г. Тохтамыш «собрал со всего улуса Джучи... огромное войско», в котором числятся, в частности, болгары и башкирды. С этой армией Тохтамыш и двинулся против Тимура⁸. В этой армии, очевидно, были и марийцы. А.Г. Бахтину «очень правдоподобным кажется известие Ветлужского летописца о том, что в 1394 г. на Ветлугу прибыли узбеки (мусульмане. – И.А.), которые забирали пригодных для военной службы марийских мужчин и увозили их под Казань в войско Тохтамыша»⁹. Так должны были поступить с марийцами и в 1388 г. В 1391 г. Тохтамыш «посла царевича своего Бектута на Вятку ратью; онъ же, шедъ, Вятку взя и люди изсече, а иныхъ, пленивъ, во Орду отведе къ Тахтамышу царю»¹⁰. «На правом берегу р. Вятки, близ устья р. Чепцы, Бектут обосновал так называемый Каринский стан». Хотя сам Бектут с основными силами ушел, он поручил ведать Вятской землей

¹ Там же. С. 48-49.

² Там же. С. 50-51.

³ Там же. С. 70.

⁴ Там же. С. 111.

⁵ Там же. С. 138.

⁶ Там же. С. 149.

⁷ Трепавлов В.В. История Ногайской Орды. М., 2002. С. 366-367.

⁸ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 156.

⁹ Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 37-38.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 125.

какому-то болгарскому князю, который от Тохтамышша получил титул князя Нукратского, т. е. Вятского. «Этот «Нукратский князь» имел в своем распоряжении воинов с их мурзами»¹. Тохтамышшу, таким образом, удалось подчинить болгар, башкир, марийцев, обитателей Вятской, да, видимо, и Арской земли. А вот насчет того, распространялась ли его власть на мордву, буртасов и чувашей, ничего определенного сказать нельзя.

«Того же лета Новгородцы и Устюжане и прочии къ тому съвокупишяся, и идоша въ насадехъ и въ вушкуехъ рекою Вяткою на Низъ, и взяша Жукотинъ и Казань, и паки выидоша на Волгу, и пограбиша гостей всехъ, и тако возвратишяся во своаси со многою корыстию и богатствомъ»². Однако в 1391 г. ушкуйники взяли не Казань, а Капан, находившийся, как и Джукетау на Каме, ибо во всех летописях, где говорится об этом событии, «неизвестный для летописцев Капан заменен более известным для них словом Казань»³. То, что это нападение произошло в год, трагичный для Золотой Орды, по-видимому, не случайно. Боеспособное население пострадавших городов было мобилизовано Тохтамышем на борьбу с Тимуром.

Из источников определенно известно о пребывании Тамерлана на Южном Урале в 1391 г. Низам-ад-Дин Шами и Шереф-ад-Дин Йезди упоминают о переправах армии среднеазиатского завоевателя через реки Тобол⁴, Яик⁵, Ик⁶. Переправившись через Яик, что произошло, по мнению И.К. Коцарева, на территории современного Кваркенского района Оренбургской области⁷, воины Тимура подошли к р. Самаре⁸, хотя о переправе через эту реку почему-то не говорится. Н.А. Мажитов и А.Н. Султанова отмечают, что, «судя по описанию, Тимур обошел Уральские горы через степную зону»⁹. Но факт переправы через р. Ик указывает на то, что тимуровские войска побывали и в приуральской лесостепи.

Из эпоса «Идукай и Мурадым» известно, что бий степных башкир Шагали явился к Туктамыш-хану и сказал ему:

*«Исполнил приказ, что тобою был дан -
Коль раньше времени не умру,
Сатмыр-хана (Тимура. – И.А.) я сокрушу!
Десятитысячное войско я собрал»¹⁰.*

¹ Очерки истории Удмуртской АССР. С. 27-28.

² ПСРЛ. Т. 11. С. 126.

³ Фахрутдинов Р.Г. Очерки по истории Волжской Булгарии. С. 120 и примеч. 112.

⁴ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 113-114, 162.

⁵ Там же. С. 114, 163.

⁶ Там же. С. 114, 164.

⁷ Коцарев И.К. Краеведческий поиск кваркенских школьников // Оренбургскому краю – 250 лет. Оренбург, 1994. С. 167.

⁸ Тизенгаузен В.Г. Указ. соч. Т. II. С. 114, 163.

⁹ Мажитов Н.А., Султанова А.Н. История Башкортостана с древнейших времен до XVI века. С. 307.

¹⁰ БНТ. Т. 10. С. 133.

Но в сражении, видимо, на Кундурче (18 июня 1391 г.), Шагали погиб. Тогда вожди пяти других башкирских племен, как и все «полчище Туктамышша», «свое оружие бросили тоже»¹. О сопротивлении башкир Тамерлану известно и из предания «Последний из Сартаева рода»², где нашло отражение то самое сражение, в котором погибли башкирские батыры Кармасан и Сермасан, сыновья бия Джалыка. Сам Джалык, доживший до вторжения Тимура, оказался скитальцем в собственной земле.

Важные последствия для народов Волго-Уральского региона имел и второй поход Тамерлана на Золотую Орду. Согласно Низам ад-Дину Шами, после битвы на Тереке Тимур «отправился в погоню за Токтамышем, перешел через переправу Идиля, которую тюрки называют Туратур, и вслед за врагами дошел до области Укек»³. Шереф ад-Дин Йезди тоже пишет, что Тимур в 1395 г. дошел до Укека. Но он не сообщает о переправе на левый берег Волги: «Победоносное войско (Тимура) с этой (т. е. с правой. – И.А.) стороны реки дошло до того же места, до которого оно в первый поход на Дешт добралось с той стороны реки, и ограбило (все это). Место (же) это недалеко от «страны мрака»»⁴. Хотя в числе областей, подвергшихся набегам при втором походе Тимура на Дешт-и Кыпчак, у Шереф ад-Дина Йезди упомянута земля башкирдов. Над этими областями тимуровские войска «выказали свою силу и полную власть, а из врагов те, которые остались в живых, оказались бродящими, растерянными и бездомными»⁵. Сам Тимур так рассказывает о своем походе 1395 г.: «В 797 году я вступил в Золотую Орду и проник до крайних пределов северных стран. Народы этих стран, осмелившиеся мне сопротивляться, были рассеяны и уничтожены. Области, орды и крепости этих стран были покорены, и я возвратился победителем»⁶.

По краниологическим данным, башкиры «занимают промежуточное положение между финно- и тюркоязычными народами Поволжья и Прикамья, с одной стороны, и тюркоязычными народами Алтае-Саянского нагорья, Казахстана и Киргизии, с другой. При этом женские выборки черепов башкир оказались более близкими к западным соседям, а мужские – к юго-восточным»⁷, т. е. к классическим представителям южносибирского антропологического типа, которыми «являются киргизы, казахи, отчасти тюркоязычное население Алтая»⁸. Это «позволяет

¹ Там же. С. 135.

² См.: БНТ. Т. 2. С. 176-179.

³ *Тизенгаузен В.Г.* Указ. соч. Т. II. С. 121.

⁴ Там же. С. 178.

⁵ Там же. С. 185.

⁶ *Тамерлан.* Автобиография. Уложение. М., 2005. С. 323.

⁷ *Юсупов Р.М.* К вопросу о форме и содержании процессов метисации на Южном Урале с рубежа I-II тыс. н. э. (постановка проблемы) // Проблемы средневековой археологии Урала и Поволжья. С. 88.

⁸ *Юсупов Р.М.* Историческая антропология Южного Урала и формирование расового типа башкир: препринт. Уфа, 1991. С. 15.

предположить такую форму метисации, когда преобладали брачные контакты пришлых тюркоязычных кочевников с женщинами из среды местного населения края»¹. В башкирском предании «Усергены» рассказывается, что казахи, потерпевшие поражение от калмыков, прибыли к башкирам. Так как они прибыли сюда, «побросав свои жилище и скот, а многие – даже свои семьи, то есть став настоящими казахи-касаками (беглыми казахами), то начали грабить землю и скот башкир, похищать их девушек для женитьбы»². Аналогичная ситуация имела место и в 90-х гг. XIV столетия. В эпосе «Идукай и Мурадым» так говорится об опасности, которую представлял Тимур для обитателей южноуральских степей:

*«Скот-добро присвоит он,
Всех детей наших и жен
Хочет в рабов своих превратить»*³.

Задача кочевников южноуральских степей состояла в том, чтобы оторваться от преследовавших их тимуровских войск, женщины и дети вряд ли были в состоянии перенести столь стремительное бегство в длительное расстояние. Они и попались в лапы врага. Т. е. здесь была, видимо, та же ситуация, что и у хуннов, спасавшихся от сяньбийцев. До района расселения приуральских утров добрались лишь одни мужчины-воины, которые истребили местное мужское население, а женщин взяли себе в жены. Данные антропологии, таким образом, подтверждают сделанный на основании нарративных источников вывод о насильственном характере «кыпчакской» миграции в волго-уральскую лесостепь (гл. II).

Согласно Пискаревскому летописцу, осенью 1399 г. князь-изгой Семен, сын покойного Дмитрия Константиновича Суздальско-Нижегородского, «прииде ратию к Новотороду Нижнему, а с ним царевич Ентяк с тысячею татар», которые обманом овладели городом, ограбили всех горожан и, услышав, «что хочет на них итти князь великий ратью», «побегоша к Орде». «А князь великий слышав се и собра рати многи, посла брата своего князя Юрья Дмитриевича, а с ним воевод своих и старейших бояр и силу многу. Он же шед взя город Болгары Великия, и град Жюкотин, и град Казань, и град Керменчук, и всю землю их повоева, и много бесермен и татар побиша, а землю татарскую плениша. И воевав три месяца, возвратися с великою победою и со многою корыстью в землю рускую»⁴. Здесь мы имеем наиболее подробное, хотя и не совсем полное, изложение этих событий. 1399 г. указывается и в Тверской, Львовской,

¹ Юсулов Р.М. К вопросу о форме и содержании процессов метисации на Южном Урале с рубежа I-II тыс. н. э. С. 90.

² БНТ. Т. 2. С. 121.

³ БНТ. Т. 10. С. 131.

⁴ ПСРЛ. М., 1978. Т. 34. С. 150.

Ермолинской, Типографской и Троицкой летописях¹, а также в летописных сводах 1497 г. и 1518 гг., где о Юрии Дмитриевиче сказано, что он «Татар избиша, а иных плениша»².

Сигизмунд Герберштейн пишет: «Великий князь Василий, который правил в 6907 году (т. е. в 1399 г. – И.А.), занял Булгарию, расположенную на Волге, и выгнал оттуда татар»³. Эти татары поселились там, видимо, в 1381 г., когда страна была захвачена Тохтамышем. По мнению Д.М. Исхакова и И.Л. Измайлова, «те «бесермены» русских летописей, которые особенно часто упоминаются при описании событий XIV-XV вв., и есть оседлое население Улуса Джучи», не отождествляемое с татарами. Отсюда вывод, «что «бесермены» и «татары» – две различные этнические группы, причем первые являлись потомками домонгольских болгар, постепенно «татаризуемых» золотоордынскими пришельцами»⁴.

В Никоновской летописи под 1396 г. сообщается, что из Нижнего Новгорода, который к тому времени уже был присоединен к Московскому государству, татары «возвратишася въ свою землю, въ Казань, много зла створивше», а Василий Дмитриевич Московский послал брата своего «ратю на Казань». Эта рать взяла помимо тех четырех «и иныхъ много градовъ»⁵. Эти события датированы 1395 г. в Новгородской четвертой, Никаноровской, Никифоровской, Супрасльской, Софийской первой летописях⁶, Московском летописном своде конца XV в.⁷ и сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг., где о походе Юрия Дмитриевича сказано, что «сѣпротивление негде не бывало»⁸. В Никаноровской летописи под 1398 г. отмечено, что «князь великий Василей Дмитриевич посылалъ в Казань брата своего Юрья на князя на Семена»⁹. В Никоновской летописи, как и в сокращенных летописных сводах 1493 и 1495 гг., не увенчавшаяся успехом погоня за Семеном до Казани датирована 1399 г.¹⁰. В Московском летописном своде конца XV в. под этим годом сказано: «В то же лето взять бысть Новѣгород Нижней и на Болгары князь Юрь ходил, а писано назади в лето 903 (т. е. 6903, имеется в виду 1395 г. – И.А.), зане опись в летописце была»¹¹. В 1399 г. состоялась битва на Ворскле, к участию в которой на стороне Орды могло быть привлечено

¹ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 461; СПб., 1910. Т. 20. Пер. пол. С. 219; Т. 23. С. 137; Пг., 1921. Т. 24. С. 167; *Приселков М.Д.* Троицкая летопись: реконструкция текста. М.; Л., 1950. С. 453.

² ПСРЛ. М.; Л., 1963. Т. 28. С. 89, 253.

³ *Герберштейн С.* Записки о Московии. М., 1988. С. 64-65.

⁴ Татары. М., 2001. С. 95-96.

⁵ ПСРЛ. Т. 11. С. 163-164.

⁶ ПСРЛ. Т. 4. Ч. 1. Вып. 1. С. 379-380; М.; Л., 1962. Т. 27. С. 88-89; М., 1980. Т. 35. С. 30-31, 51-52; Т. 39. С. 134.

⁷ ПСРЛ. Т. 25. С. 225-226.

⁸ ПСРЛ. Т. 27. С. 259, 337.

⁹ Там же. С. 89.

¹⁰ ПСРЛ. Т. 11. С. 171; Т. 27. С. 262, 338.

¹¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 229.

боеспособное население Булгарии, чем и объясняется отсутствие сопротивления. Москва же поддержала противоположную сторону. Таким образом, поход на Казань предпочтительно было бы датировать 1399 г. Для ответного удара был выбран благоприятный момент, а Нижний Новгород пострадал, видимо, раньше. Исследователи относят это событие к самой ранней летописной дате. Так как оно произошло осенью, указывается 1394 г. (1395 по сентябрьскому стилю)¹.

А.А. Горский датирует 1399 г. как поход Семена и Ентяка на Нижний Новгород, так и ответный поход Юрия Дмитриевича. При этом он обращает внимание на то, что «осенью 1395 г. на территории Орды находилось войско Тимура (только что, в августе, подступавшее к русским пределам): отправлять в такой ситуации, когда в Москве еще не могли миновать опасения перед возможным вторжением, крупные силы в длительный поход на Среднюю Волгу было бы крайне опрометчивым шагом; осенью же 1399 г. основные ордынские силы во главе с Тимур-Кутлуком и Едигеем после победы над Витовтом на Ворскле углубились на территорию Великого княжества Литовского (дошли до Луцка), и момент для удара по средневоложским владениям Орды был благоприятный»². Опасения перед возможным вторжением Тимура не могло не быть и в Булгарии, поэтому поход Ентяка, скорее всего, был совершен в 1394, а не в 1395 или 1399 г., когда Ентяк, который, по мнению А.А. Горского, «управлял средневоложскими землями Орды как ставленник Едигея», в 1395 г. еще не бывшего правителем Орды³, очевидно, сопровождал своего сюзерена. Управлять средневоложскими землями Ентяк, конечно, мог и до Едигея, но странно, что он командовал отрядом всего в одну тысячу человек.

В «Истории о Казанском царстве» первый поход на Казань датирован 1392 г. Указан 6900 г., т. е. примерная дата. Названы те же четыре города: Казань, Болгары, Жукотин и Керменчук (здесь порядок правильный), которые Юрий Дмитриевич якобы «до основания раскопа, а царя Казанского и со царицами (его) въ ярости своеи мечемъ уби, всехъ Срацынъ, зъ женами и зъ детми ихъ, и живущихъ во граде (очевидно, в Казани. – И.А.) присече». Концовка рассказа такова: «И на мало время смирися Казань, и укротися, и охуде, и стоя(ше) пуста 40 летъ»⁴, т. е. до прихода Улуг-Мухаммеда в 1438 г. В таком случае поход Юрия Дмитриевича следовало бы датировать концом, а не началом 1390-х гг. По смыслу источника следует, что Юрий Дмитриевич разорил Старую Казань, Новая же была якобы основана Улуг-Мухаммедом⁵. Но монетный двор Новой Казани действовал, как выше отмечалось, уже с начала XV в.

¹ Черепнин Л.В. Указ. соч. С. 706; Астайкин А. Летописи о монгольских вторжениях на Русь: 1237-1480 // «Русский разлив». С. 508.

² Горский А.А. Москва и Орда. М., 2001. С. 125-126 и примеч. 40.

³ Там же. С. 126, примеч. 40.

⁴ ПСРЛ. Т. 19. Стб. 13, 210-211.

⁵ Там же. Стб. 19, 221-222.

Значит, этот город стал центром Волго-Камского края после того, как в конце XIV в. была разорена Старая Казань. Упоминание о «царе» отсутствует во всех остальных источниках, где нашел отражение этот поход. Этот титул, конечно, является конъюнктурой позднейшего времени, в которое жил автор «Истории о Казанском царстве». Но в Казани, действительно, мог находиться местный правитель, сыном или каким-либо иным младшим родственником которого был «царевич» Ентяк. На Руси царем называли только самого монарха Золотой Орды, а всех остальных Чингисидов, независимо от их положения, именовали царевичами. Значит, казанского правителя тоже надо было назвать царевичем.

Поход Юрия Дмитриевича нашел отражение и в эпосе «Идегей»:

*«Вторгся в страну, ему (Тохтамышу. – И.А.) вослед,
Князь-урус, рыжий, как лис,
С бородою обросшим ртом.
Разорил он, разграбил наш дом,
Наш священный город Булгар,
И ему подчиненный Сивар,
И высоковратный Казан,
Джуске-Тау над гладью речной...
Разгромил во владеньях моих
Он четырнадцать городов,
Превратил их в пепел и дым»¹.*

В 1401 г. воеводы Василия Дмитриевича с ратью «идоша на Морьдву». Где-то в Татарской земле они нашли жену Семена Дмитриевича и доставили ее с детьми в Москву, где их содержали, «донде же князь Семень сослався покорися»².

В 1408 г. некий ордынский царевич «прииде къ Новугороду къ Нижнему, и съ нимъ мнози Татарове, и Болгарская сила и Мордва, взяша Новградъ Нижний и пожгоша весь». Далее царевич двинулся вверх по Волге и еще немало наделал зла, пока, наконец, не пришла к нему весть от Едигея, который повелел «увернутися въ Орду». Враги вернулись к Нижнему Новгороду, а оттуда «поидоша обаполь», т. е. по обе стороны Волги вниз, «поидоша къ Суре, начаша Суру воевати, Кормышгъ пожгоша, и Сару Великую пожгоша», перебили всех епископов и прочих людей, кроме тех, кто погиб от огня, «погосты и села повоеваща, и все огневи предаша, полонь акы скотъ погнаша въ свою землю»³. Города Курмыш и Сара находились на левом берегу Суры, первый – в нижнем течении, а второй – выше устья Киши⁴. Мордовские воины в армию Едигея могли

¹ Идегей: татарский народный эпос. С. 162.

² ПСРЛ. Т. 25. С. 231.

³ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 484.

⁴ Кучкин В.А. Указ. соч. С. 227-228.

быть вовлечены как насильственно, так и добровольно, что более вероятно. Возможно, сказалась угроза дальнейшего роста русского политического влияния. В результате был жестоко razорен не только Нижний Новгород, который, согласно местным преданиям, был основан на месте мордовского городка¹, но и Курмыш и Сара – русские форпосты на восточной границе территории обитания мордвы. Последующая история Пусурья представляется весьма смутно. Однако со всей определенностью можно сказать, что Курмыш как русский город в 1408 г., когда он уже находился в составе Московского государства, своего существования не прекратил².

В 1409 г. «ходи Анфалъ на Болгары Камою и Волгою, 100 насадовъ Камою, а Волгою 100 и 50. И избиша их в Каме Татарове, а Анфала яша и ведоша въ Орду, а Волжские насады не поспели»³. Никоновская летопись называет Анфала новгородским посадником⁴. В 1369 г. имела место аналогичная ситуация: одни ушкуи шли Волгою, а другие – Камою. Причина поражения ушкуйников, очевидно, состояла не только в несогласованности их действий. В 1369 и 1409 гг. об их приближении было известно заранее, так как в обоих случаях они были разбиты, не дойдя до Болгар.

По сообщению Московского летописного свода конца XV в., в 1429 г. некие татары нападали на Галич-Мерьский и Кострому, а затем «отъидоша на низ Волгою». Полки, посланные в погоню великим князем Василием Васильевичем, дошли до Нижнего Новгорода и отсюда, не нагнавши татар, возвратились. «Князь же Федоръ Стародубьскы Пестрой да Федоръ Костянтинович, утаився у князеи и у воевод, своими полкы погнаша за Татары и утониша зад их, побиша Татаръ и Бесермен и полонъ весь отняша, царевича и князя Али бабы не догониша»⁵. В Устюжской летописи под этим годом сказано, что на Галич и Кострому нападали татары казанские⁶. Так пишет и В.Н. Татищев, у которого это событие помещено под 1428 г.⁷ Набег казанцев на эти города датируется декабрем 1428 – январем 1429 г.⁸ Али-бабу (Либяя, Алибека) в этом походе сопровождал возглавлявший союз племен ветлужских марийцев Кельдибек, который, опираясь на татарскую поддержку, пытался «противодействовать давлению галичских князей»⁹.

¹ Мельников П.И. О старом и новом городах в Нижнем Новгороде // Труды IV АСР. С. 180.

² См.: Акаемов Н.Ф. Город Курмыш в XIV-XVIII веках // ИОАИЭ. Казань, 1894. Т. XI. Вып. 6. С. 513-514.

³ ПСРЛ. Т. 25. С. 239.

⁴ ПСРЛ. Т. 11. С. 211.

⁵ ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

⁶ ПСРЛ. Т. 37. С. 41, 84.

⁷ Татищев В. Собр. соч. М., 1996. Т. V. С. 235.

⁸ Астайкин А. Указ. соч. С. 518.

⁹ Бахтин А.Г. Указ. соч. С. 38-39.

Под 1431 г. в Московском летописном своде конца XV в. сообщается: «Князь велики Василен посылалъ ратью на Болгары Волжьские князя Федора Давыдовича Пестрого, онъ же шедъ взя их, всю землю ихъ плени»¹. Вряд ли здесь имеется в виду город Булгар, как кажется С.Х. Алишеву², который к тому времени уже окончательно потерял свое значение. В этом сообщении надо видеть болгар именно как народ. В Устюжской летописи в качестве объекта похода названы «болгары»³, а у В.Н. Татищева «болгары воложские и камские»⁴. Последующие события, связанные с историей Казанского ханства, уже не входят в хронологические рамки данной работы.

В целом вырисовывается такая схема политической истории Среднего Поволжья. С 1236 до 1241 (или 1242) г. монархами-соправителями болгарского государства, которое тогда еще существовало, являлись Баян и Джикю. В начале 1240-х гг. территория этого государства стала частью личного домена золотоордынского хана. Трудно сказать, как долго сохранялось такое положение. В 1349/50 гг. в Булгаре правил Ильгам-хан. В 1361 г. этот город захватил Булат-Тимур, который правил там до 1367 г., когда власть перешла к Хасану, а тот вскоре перенес столицу в Казань, где и правил единолично до 1370 г. С 1370 до 1376 г. на столичном троне сидел Мухаммед-Султан, который был вынужден поделиться властью со своим предшественником. Правда, неизвестно, когда установился этот дуумвират: сразу после утверждения нового правителя или некоторое время спустя. С 1376 и приблизительно до 1381 г. в Казани находился русский наместник – даруга. Под этим тюркским термином, который использовался и у монголов, понимается начальник обласки или города, смотритель базара (хотя в данном случае эту функцию выполнял, возможно, таможенник) и полицейский чиновник⁵. Лубсан Данзан пишет, что Чингис-хан «поставил *даруг*, [ведающих сборами] государственных налогов и податей и расследующих и надзирающих»⁶. Для всего этого им требовалась постоянно находящаяся под рукой военная сила, так что в Казани, очевидно, имелся русский гарнизон. Никаких местных «князей» при таком порядке по логике там не должно было быть. Поэтому нельзя согласиться с мнением А.А. Горского о том, что Волжская Булгария попала в зависимость от Нижнего Новгорода и Москвы⁷. На самом деле Казанский край превратился в провинцию складывающегося Российского государства без всяких признаков автономии. Но так продолжалось очень недолго. Приблизительно в 1381 г. город Булгар-Казань был захвачен

¹ ПСРЛ. Т. 25. С. 248.

² Алишев С.Х. Казань и Москва: межгосударственные отношения в XV-XVI вв. Казань, 1995. С. 17.

³ ПСРЛ. Т. 37. С. 41, 84.

⁴ Татищев В. Указ. соч. С. 236.

⁵ Радлов В.В. Опыт словаря тюркских наречий в 4 т. (8 кн.). СПб., 1905. Т. III. Ч. 2. Стб. 1629.

⁶ Лубсан Данзан. Указ. соч. С. 246.

⁷ Горский А.А. Указ. соч. С. 92.

Тохтамышем и Волго-Камский край вновь был выделен в отдельный улус золотоордынского государства, куда для управления был назначен неизвестный нам по имени Чингисид. Его сын или какой-либо другой младший родственник – Ентяк – в 1394 г., поддержав Семена Дмитриевича, с тысячей своих татар совершил набег на Нижний Новгород. А в 1399 г. последовало жестокое возмездие, когда этот казанский правитель, не вполне адекватно названный в «Истории о Казанском царстве» царем, погиб. Годом раньше в Орде пала власть Тохтамыша и воцарился Темир-Кутлуй¹. В 1399 г. болгары, видимо, сражались на его стороне в битве на Ворскле, чем и воспользовался московский князь, пославший войско на практически беззащитную страну. Но завоевания не произошло, ибо с 1400 по 1422 г. в Булгаре (Казани) последовательно чеканились монеты всех золотоордынских ханов того времени². Иоганн Шильтбергер, побывавший в Золотой Орде в начале XV в., сообщает о завоевании Едигеем Булгарии. «Примерно в это же время в Татарии королем был некто по имени Шадибек-хан... Когда он узнал, что приближается Едигей (возвращавшийся из Булгарии. – И.А.), он обратился в бегство и погиб в стычке с людьми, посланными за ним в погоню Едигеем»³. Здесь, таким образом, излагаются события, имевшие место в Золотой Орде в 1407-1408 гг. Что же касается Булгарии, то речь может идти либо о ее кратковременном отпадении от Золотой Орды, либо о столь же кратковременном непризнании в ней власти Едигея при его конфликте с Шадибеком, который после восстановления Едигеем своей власти в Булгарии вынужден был оставить престол. В числе стран, подвластных Татарии, в которых он был, Шильтбергер называет «город Болгар»⁴. Если он имел в виду столицу одноименной страны, то ей была Казань, настоящее название которой в то время еще не утвердилось.

В русском летописании трижды упоминаются жукотинские князья. О них впервые сообщается под 1360 г., уже после упоминания об ушкуйническом набеге на г. Джукетау. «Того же лета князи Жукотинстии поидоша во Орду ко царю и биша челомъ царю, дабы царь оборонилъ себя и ихъ отъ разбойниковъ, понеже много убийства и грабленна отъ нихъ сотворяшеся без престани»⁵. Здесь жукотинские князья выступают как вассалы золотоордынского хана. Под 1409 г. в Тверской летописи упоминаются «князи Болгарские и Жекотстии», которые оба были заняты организацией обороны против ушкуйников⁶. И нет оснований полагать,

¹ См.: ПСРЛ. Т. 11. С. 167.

² Мухамадиев А.Г. Булгаро-татарская монетная система XII-XV вв. С. 123, таблица

7. ³ Иоганн Шильтбергер. Путешествие по Европе, Азии и Африке с 1394 года по 1427 год. Баку, 1984. С. 35.

⁴ Там же. С. 44.

⁵ ПСРЛ. Т. 10. С. 232.

⁶ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 485.

что последние были вассалами первых¹. Надо вспомнить, что предводитель ушкуйников Анфал был пленен и доставлен в Орду (параграф 3). Этот факт свидетельствует о том, что и в 1409 г. болгарские и жукотинские князья все еще являлись вассалами золотоордынского хана. Та же Тверская летопись сообщает, что 15 января 1410 г. (по Никоновской летописи – 1411) «бысть бой на Лискове (по Никоновской летописи – Лыскове. – И.А.) князю Петру Дмитриевичу (брату Василия Дмитриевича Московского. – И.А.), и князем Ростовскимъ, и Ярославскимъ и Суздальскимъ съ княземъ Даниломъ Борисовичемъ (сыном Бориса Константиновича Нижегородского, низложенного московским князем. – И.А.), и съ его братомъ княземъ Иваномъ, и з Болгарьскими князми, и съ Жукотынскими (по Никоновской летописи – «Жукотинскимъ». – И.А.) и Мордовскими (последние не упоминаются Никоновской летописью. И.А.); бысть между ими сеча зла... и мнози падоша ото обоа страны, и раз(и)дошася кождо въ свояси». Никоновская летопись таким образом подводит итоги сражения: «сташа же на костехъ князи Новгородцкие Нижняго Новагорода и князи Казаньстии», т. е., видимо, те же болгарские². Лысково, согласно С.М. Соловьеву, это село Макарьево уезда Нижегородской губернии³. Во второй половине XIV в. в том месте была построена крепость «Оленья Гора», принадлежавшая Нижегородскому, а потом Московскому княжеству, противники которого, очевидно, пытались уничтожить этот опорный пункт русского продвижения на восток. Сделать им этого, однако, не удалось, так как в XV в. была усилена оборонительная система крепости, которая только в конце XVII в., потеряв свое значение, перестала существовать⁴ (карты 3, 8).

Но Даниилу Борисовичу все-таки удалось овладеть Нижним Новгородом, хотя и ненадолго. В 1414 г., когда на Нижний Новгород двинулся брат великого князя московского Юрий Дмитриевич, Даниил Борисович со своим братом Иваном и двумя двоюродными племянниками «побегоша за Суру», а нижегородцы без сопротивления вновь признали власть московского князя, после чего Юрий Дмитриевич «поидоша изгономъ въ следъ князя Данила и его братьи, и гонишася по нихъ до Суры, и не сутониша ихъ, отъ Суры поидоша въспять къ Новугороду»⁵. Очевидно, князья-изгои, как и их предшественник Семен Дмитриевич, нашли убежище в Казани, до которой Юрий Дмитриевич на этот раз почему-то не дошел.

Хронологические рамки истории Жукотинского княжества, таким образом, ограничиваются 1360 и 1410 (1411) гг.⁶ При этом остается

¹ П.А. Пономарев в таком же контексте трактует летописное сообщение 1359 (1360) г. (Пономарев П.А. Владения Липовогорских князей // ИОАИЭ. Казань, 1892. Т. X. Вып. 5. С. 468).

² ПСРЛ. Т. XV. Стб. 485-486; Т. 11. С. 215.

³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 643, примеч. 4.

⁴ Черников В.Ф. Крепость «Оленья Гора» близ г. Лысково на Волге // Славяно-русские древности. М., 1967. С. 91.

⁵ ПСРЛ. Т. XV. Стб. 486-487.

неизвестным: когда и каким образом оно образовалось, когда и каким образом сошло с исторической арены. Его образование можно приурочить примерно к середине XIV в. (если не раньше), а прекращение существования связать с вхождением занимаемой им территории в состав Казанского ханства.

В 1361 г. Джукетау, очевидно, как и Булгар, отпал от власти Орды. Булгар был захвачен Булат-Тимуром, о котором, видимо, не зря сообщается, что он «велику силу имеа и со многими рати сотворяя и одолеваа»¹. Это, конечно, всего лишь намек, но он касается прежде всего ближайших соседей Булат-Тимура. Неизвестно, был ли взят Жукотин Тохтамышем, но жукотинские князья вряд ли не попали в зависимость от него.

Территория рассматриваемого государственного образования представляется весьма незначительной. Термины «Жукотинское княжество» и «Жукотинская округа», основанные на данных русского летописания и картографировании находок керамики «типа джукетау», используются параллельно. В этот округ включается «несколько десятков памятников в Чистопольском и соседних с ним районах РТ»², на левом берегу р. Камы. Комплекс памятников «Джукетау» представлен городищем, т. е. остатками г. Жукотина, селищами и могильниками и датируется X-XIV вв.³ А.Х. Халиков писал, что Джукетауское княжество на востоке подчинило своей власти земли до р. Уфы⁴. Однако о восточной политике джукетауских князей ничего неизвестно.

Оригинальной чертой булгарской политической системы золотоордынского периода был дуумвират. В эпоху монгольского нашествия дуумвирами-соправителями являлись (братья?) Баян и Джикю. В 1376 г. мы видим в Булгаре-Казани двух князей-соправителей – Хасана и Мухаммед-Султана. Болгарские (казанские) князья во множественном числе упоминаются в летописных сообщениях под 1409 и 1410 (1411) гг. Жукотинский князь назван лишь в Никоновской летописи под 1411 г., в остальных же случаях речь идет о жукотинских князьях. Сам факт разделения булгарских земель во второй половине XIV – начале XV вв. на два «княжества» – Болгарское (Казанское) и Жукотинское – тоже отражает двойственность тамошней политической структуры. Но такая раздробленность, как видно, не мешала булгарам действовать сообща против общего врага.

Результатом монгольского нашествия была потеря великокняжеских позиций в Мордовской земле. Один из тамошних князей по имени Пуреш

¹ ПСРЛ. Т. 11. С. 9.

² См.: *Набиуллин Н.Г.* Этнокультурный фактор в формировании культуры булгарского населения Нижнего Прикамья (X-XIV вв.) // *Материалы XXX Урало-Поволжской археологической конференции молодых ученых.* Самара, 1998. С. 134-135.

³ *Набиуллин Н.Г.* Оборонительные сооружения Джукетау // *Военная археология: оружие и военное дело в исторической и социальной перспективе.* СПб., 1998. С. 219.

⁴ *Халилов А.Х.* Общие процессы в этногенезе башкир и татар Поволжья и Приуралья // *АЭБ.* Уфа, 1971. IV. С. 36-37.

в летописи под 1228 г. назван ротником (не ратником!) великого князя владимирского Юрия Всеволодовича¹. Рота в древнерусском языке это в данном случае клятва, божба; клятвенное обязательство. Внити въ роту – дать клятвенное обязательство. Привести къ роте – привести к присяге². Ротник это, стало быть, присяжник. В историографии Пуреш рассматривается как мокшанский князь и вассал Юрия, а его соперник Пургас – как эрзянский князь и вассал болгарского правителя³. В 1229 г. с Пургасом воюет уже не сам Пуреш, а его сын⁴. Это и был, скорее всего, тот князь, который, согласно Юлиану, подчинился монголам. В таком случае другим князем, поступившим противоположным образом, был Пургас или его сын.

Эрзяне на протяжении рассматриваемого периода семь раз подвергались нападению со стороны Орды и пять раз – со стороны Руси, на которую они и сами четырежды нападали. Мокшане же умели ладить и с той, и с другой стороной. В 1237 г. они без сопротивления подчинились монголам, хотя и вынуждены были при этом дать согласие принимать участие в их походах, так что избежать жертв все равно не удалось. Но это участие сулило им часть военной добычи, так что какая-то выгода, тем не менее, была. Кроме того, мокшане в то время ни разу не подверглись нападению со стороны Руси, в вассальном положении от которой они находились до подчинения монголам, хотя последние использовали их в своих походах на русские земли. Но, выступая на стороне Орды, мокшане в то же время в 1317 и 1339 гг. по воле случая оказывались, как и раньше, союзниками владимирского великого князя, а этот титул в те годы принадлежал представителям московской династии. Получился своеобразный компромисс нового порядка со старым, и это обстоятельство явилось немаловажной предпосылкой последующей смены ориентации мокшан. Эрзяне же, находясь долгое время в противостоянии вначале с Русью, а потом с Ордой, уже под конец рассматриваемого периода склонились на сторону последней: в 1377 г. они пассивно поддержали Арапшу, а в 1408 г. активно выступили на стороне Едигея. Такая перемена в их поведении была обусловлена, с одной стороны, появившейся угрозой русской колонизации, о чем возвестила постройка г. Курмыша в 1372 г., а с другой стороны, ослаблением Орды, в которой они уже не видели прежней угрозы. Они лишь пытались использовать ордынскую сторону в качестве противодействия русской колонизации и имели в этом отношении заметный успех в 1408 г., но остановить наметившуюся тенденцию так и не смогли. В 1410 (1411) г. эрзяне с той же целью выступили на стороне ордынских вассалов – болгарских и жукотинских князей, они и в

¹ ПСРЛ. Т. 1. Вып. 2. Стб. 451.

² Словарь русского языка XI–XVII вв. М., 1997. Вып. 22. С. 221.

³ Очерки истории Мордовской АССР. С. 31–32; Народы Европейской части СССР. М., 1964. Т. II. С. 552.

⁴ ПСРЛ. Т. 10. С. 97.

домонгольское время являлись союзниками Волжской Булгарии (таблица 3).

В 1444 г. мордва, присоединившись к московскому войску, участвовала в разгроме татарского царевича Мустафы, пришедшего в Рязанскую землю¹. Но на следующий год ордынцы отомстили. В сентябре они приходили на рязанские окраины. «Тоя же осени воеваша Татарове Мордву»². В данном случае речь идет о мокше, наиболее близкой к Рязанской земле (карта 4). В 1444 г. мокшане не последовали примеру эрзян, возможно, из-за опасения повторения случившегося в 1377-1378 гг. Золотая Орда распалась, а всякие отдельные «царевичи», которые были не прочь поживиться за счет мордвы, уже не представляли собой ту силу, которая могла бы встать заслоном на пути русской колонизации. Набег с их стороны ни в коей степени не могли задержать наметившуюся в 1444 г. тенденцию, они могли лишь способствовать актуализации прорусских настроений среди мокшан, стремившихся заручиться московской военно-политической поддержкой. Теперь, как и в 1237 г., произошла смена прежнего сюзерена на более сильного. Таким образом, лишь дождавшись полного ослабления Орды, Русь смогла снова превратить мокшан в своих союзников. На 1444 г. была восстановлена ситуация 20-х гг. позапрошлого столетия.

Как отмечал С.М. Соловьев, «стремление Северо-Восточной Руси к естественному распространению своему на восток, вниз по Волге, на счет болгар, мордвы и других туземных племен», которое наблюдалось еще в XII и первой половине XIII вв., «было надолго остановлено татарским нашествием и внутренними движениями». И лишь в 60-70-х гг. XIV в., когда «Северо-Восточная Русь снова усилилась единовластием, а татарское владычество ослабело, опять начинается наступательное движение русских на древнюю Болгарскую землю»³. В XIII в. последний русский поход против болгар был совершен в 1220, а против мордвы – в 1232 г. В первой половине золотоордынского периода никаких походов на Среднюю Волгу не предпринималось, а во второй половине было совершено семь княжеских походов (четыре на болгар и три на мордву) и восемь походов ушкуйников, единственной целью мероприятий которых был грабёж.

Нужно заметить, что оборона русских рубежей была организована из ряда вон плохо. Единственное, что оставалось делать в таких условиях, это нанесение ответного удара уже после отхода противника. А раньше помешать его действиям никак не могли. В целом вырисовывается такая схема общего хода событий. Первоочередной задачей русских войск было дотнать уходящего противника и это обернулось для последнего поражением на обратном пути в 1365 (набег Тагая), 1367 (набег Булат-Темира), возможно 1375 (при втором татарском набеге на Запьяние, когда противники «полонь, бежа назад, метали»), 1377 (набег эрзи), да и в 1429

¹ ПСРЛ. Т. 12. С. 61-62.

² Там же. С. 62.

³ Соловьев С.М. Указ. соч. С. 272.

г. (набег казанцев на Галич и Кострому). Исключительной была ситуация 1394 г., когда лишь выступление московской рати заставило Ентяка и Семена Дмитриевича со своими войсками оставить Нижний Новгород и уйти в Казань. Но преследовать их тогда не стали. Через некоторое время после таких событий русской стороной предпринимался ответный поход во вражескую землю, откуда был совершен набег. Это, конечно, было по сравнению с преследованием отходящего противника более масштабным военным мероприятием, так как при этом страдало и мирное население. Так было в 1378 (поход на эрзю), 1399 (поход на Казань) и 1431 г. (поход на булгар). Целью этих походов было нанесение как можно большего ущерба военному и экономическому потенциалу противной стороны, а также устранение местного населения ради не столько мщения, сколько предотвращения возможности повторения набегов на русские земли. Долгосрочные ориентиры, безусловно, преобладали над сиюминутными. Надо учесть еще и заинтересованность русского купечества, обладавшего определенным влиянием на княжескую власть, в подрыве экономической мощи своих конкурентов на волжском пути. И в этом отношении были достигнуты заметные успехи в 1399 г., когда сильно пострадали булгарские города. Ответные походы не были организованы в 1365 и 1367 гг., так как тогда добивать было уже некого, ибо для Тагая и Булат-Темира достаточным оказалось одного поражения, чтобы потерять власть. Местное население после этого сразу же отказывало им в повиновении, снимая с себя тем самым ответственность за их действия.

Период второй половины XIV – первой половины XV вв., который наиболее насыщен событиями, может быть разделен на два более узких периода с условными названиями: «докуликовский» и «послекуликовский». Переломным для народов Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья оказался 1361 г., когда от центральной ордынской власти отпали булгары, мордва и бургасы. То же самое и приблизительно в то же время можно предполагать и в отношении остальных народов региона. Все они жили вне зависимости от центральной ордынской власти на протяжении всего «докуликовского» периода, хотя на первых порах не были свободны от ордынской власти вообще. В плане их взаимоотношений с последней, а также в развитии русского военно-политического влияния в регионе, которое в то время было необычайно активным и развивалось стремительно нарастающими темпами, в рамках данного периода выделяются три этапа.

В 1361 г. отдельным представителям монгольской феодальной знати удалось закрепиться в некоторых районах Средневолжского региона – Булат-Темиру в Булгарию, Тагаю в Наровчатской земле, Секиз-бею в Запьянии. Тагай и Булат-Темир достаточно скоро были свергнуты местным населением при поддержке со стороны Руси, самой заинтересованной в установлении собственного господства в этом регионе. Владения Секиз-бея к 1375 г. оказались в составе Нижегородского княжества. В борьбе с этими представителями ордынской аристократии

русские князья действовали не только в своих интересах, но и в интересах своего тогдашнего покровителя – Мамаю. Концом первого этапа можно считать 1367 г., хотя эта дата, конечно, является условной, ибо неизвестно, когда пала власть Секиз-бея. Тагай и Булат-Темир сами один за другим по собственному легкомыслию ввязывались в конфликты и терпели поражения. Они, вероятно, рассчитывали, что удачные военные мероприятия укрепят их власть над подчиненным населением. Но оказалось, что силы, которыми они располагали, не шли ни в какое сравнение с силами даже отдельных русских княжеств, на которые эти неудачники осмелились совершить нападения.

На втором этапе определился центр, ставший, правда, в течение весьма непродолжительного времени, играть лидирующую роль в восточной политике Руси. Это был Нижний Новгород, силами которого Казань, только что ставшая политическим центром на территории бывшей Булгарии, в 1370 г. была подчинена Мамаю. Но его власть, конечно, была здесь не настолько сильной, как власть Булат-Темира, ибо Мамай управлял Булгарией через своего ставленника – Мухаммед-Султана, которого на Руси называли не даругой, а князем. Значит, он был не наместником, а вассалом Мамаю, да и правил не единолично. Нет никаких оснований полагать, что влияние Мамаю выходило за пределы Казанского княжества.

Разрыв на Руси с этим «всесильным темником» в середине 1370-х гг. ознаменовал собой начало последнего этапа. Лидирующая роль в восточной политике переходит теперь к Москве, а этот центр претендует уже на роль гегемона не только русских земель, впоследствии ставших первоначальной территорией Российского государства, но и Средневожского региона. Важная роль еще оставалась и за Нижним Новгородом. Результатом совместных усилий было учреждение наместничества в Казани (1376 г.). Мамай, естественно, всячески пытался воспрепятствовать русской колонизации Среднего Поволжья. Его рать в 1375 г. перебила нижегородскую заставу в Запьянии, однако в долгосрочном плане эта акция вряд ли что-то изменила, разве что, как и разорение Арапшой Нижегородского княжества в 1377 г., пошла только на пользу Москве.

Таким образом, ордынское влияние в регионе с каждым этапом все более и более сходило на нет. На первом этапе оно было здесь еще внушительным, но на поверку оказалось эфемерным. На втором этапе Мамаю благодаря действиям нижегородских князей удалось прибрать к своим рукам Казань, но в целом ордынское влияние в регионе было теперь же не столь определяющим и ограничивалось гораздо более узкими географическими рамками. А на третьем этапе какие-либо проявления того влияния уже не фиксируются. В то же время крепло русское влияние в регионе. Если на втором этапе русские князья еще вынуждены были считаться с интересами Мамаю, то на третьем этапе они действовали уже в тубо собственных интересах.

«Послекуликовский» период начался с ликвидацией Тохтамышем московского наместничества в Казани (примерно 1381 г.). Под властью Орды вновь оказалась восточная часть региона Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья, населенная формирующимися казанскими татарами, башкирами, марийцами и удмуртами. Здесь сфера золотоордынского господства была даже расширена за счет захвата Вятки в 1391 г. Но нельзя в этом отношении ничего определенного сказать относительно западной части региона, населенной мордвой, а также предками мишарей и чувашей. Колонизация мордовских земель русскими, очевидно, продолжалась. Но русское влияние в западной части Средневожжского региона было, по-видимому, не настолько сильным, как ордынское в восточной.

Во втором периоде Москва выступает как единственный центр восточной политики Руси. Нижегородское княжество в 1393 г. было ликвидировано, а его территория присоединена к Московскому государству, но отпрыски нижегородского княжеского дома впоследствии неоднократно предпринимали попытки вернуть себе свою вотчину. При этом они пользовались деятельной поддержкой со стороны Казани. Сын Дмитрия Константиновича Семен вместе с царевичем Ентяком напал в 1394 г. на Нижний Новгород. Нейтрализовать его удалось лишь в 1401 г. Но борьбу продолжили сыновья Бориса Константиновича Даниил и Иван, союзниками которых в битве на Лыскове выступали казанские, жуковские и мордовские князья. Отцы изгоев – Дмитрий и Борис Константиновичи – в 1370-х гг. мягкостью при проведении восточной политики не отличались. Но их сыновья нашли поддержку у врагов своих отцов. Эти враги помогали изгоям отнюдь не из-за своих личных симпатий к ним, но исходя из принципа поддержки центробежных сил на Руси. Эти «князья», видимо, понимали, что образование единого Русского государства создаст угрозу дальнейшему существованию их «княжеств», так как слабеющая Орда уже не могла их защитить. Однако процесс образования этого государства и расширения его территории в восточном направлении протекал медленно и сопровождался противоречиями.

Уже было отмечено (гл. II), что сложившаяся во второй половине XIV в. в Золотой Орде обстановка не способствовала дальнейшему пребыванию там русских переселенцев, что можно подтвердить конкретными фактами: грабеж христиан в Булгаре в 1360 г., избиение и грабеж русских купцов Арапшой в 1378 г., грабеж их в Казани по повелению Тохтамыша в 1382 г. К числу таких фактов надо отнести и походы ушкуйников. Показательно в этом отношении описание похода 1375 г. Запустение поселенческих памятников с русским материалом на территории Золотой Орды должно было привести к тому, что жившие там славяне в лучшем случае вернулись на Русь, а в худшем – были уничтожены. Нападением врагов подверглись и русские стратегически важные населенные пункты, бывшие форпостами продвижения в Волго-Уральский регион. В 1391 г. Бектут взял Вятку, где люди были перебиты и

пленены; в 1394 г. казанские татары взяли и ограбили Нижний Новгород; в 1408 г. татары, булгары и мордва разорили Нижний Новгород, Курмыш и Сару; в 1410 (или 1411) г. средневожские феодалы нападали на крепость «Оленья Гора». Однако эти форпосты существовали и после указанных событий, чего нельзя утверждать только в отношении Сары. Это говорит о том, что часть славянского населения все же осталась в Волго-Уральском регионе.

Отмеченные акции прямого военного давления противников русского влияния совпали с общим спадом русской активности в регионе, которая в 1380-е гг. вообще никак не проявлялась. Это и понятно. Русь надорвала свои силы в Куликовской битве, а последующее нашествие Тохтамыша еще более ослабило ее. Правда, новгородцев все это не коснулось, хотя походы ушкуйников тоже прекратились. Обстановка в Среднем Поволжье была теперь неблагоприятной для вторжений. Походы возобновились в конце XIV – начале XV вв., но частота их была совсем не та, что прежде: с 1360 по 1379 г. было совершено всего десять походов, а с 1391 по 1409 г. – всего четыре. А после 1409 г. они не совершались в течение 22 лет. С учетом похода 1431 г. на первую половину XV в. приходится всего три похода. Количество экспедиций ушкуйников в «послекуликовского» периода по сравнению с «докуликовским» сократилось в три раза: два против шести, причем экспедиция 1409 г. оказалась единственной на всю первую половину XV в., а княжеские походы теперь организовывались лишь как ответные мероприятия на действия противника и не имели цели расширения сферы влияния Московского государства в восточном направлении. В 1422 г. образовалось Казанское ханство, ставшее преградой на волжском пути на 130 лет. А накануне его образования – в 1310-х гг. – после падения власти Тохтамыша и Едигея, когда условия для подчинения Волго-Камья были, по крайней мере, не менее благоприятными, чем в 1370-х гг., никаких попыток в этом отношении, как ни странно, предпринято не было. А ведь была вполне реальная возможность воспрепятствовать образованию Казанского ханства и присоединить занимаемую им территорию почти на 140 лет раньше, чем это произошло, но такая возможность в 1414 г. была упущена.

Политика московского правительства в отношении мордвы была теперь совсем вялой. Если набег эрзян на нижегородские владения в 1377 г. был отомщен даже вдвойне, то их выступления против Руси в 1408 г. на стороне Едигея и в 1410 (1411) г. на стороне казанских и джукетауских князей остались безнаказанными, ибо никаких карательных мероприятий не последовало. Не были они предприняты и в отношении союзников эрзян в битве на Лыскове. Поход на Казань в 1414 г. так и не состоялся.

Подводя итоги анализа этнополитической истории Волго-Уральского региона золотоордынского периода, надо отметить, что основным материалом для реконструкции рассматриваемых событий послужили русские летописи, однако содержащаяся в них информация распределена

крайне неравномерно как географически, так и хронологически. Неудивительно, что наибольшее внимание в летописях уделено мордовскому этносу - непосредственному соседу Руси, а также Волго-Камскому краю – древней болгарской земле. Богатой событиями оказалась эпоха монгольского нашествия 20-40-х гг. XIII в. и особенно период второй половины XIV – первой половины XV вв., тогда как находящийся между ними период второй половины XIII – первой половины XIV вв. событиями крайне беден. Факты военно-политической истории мордовского народа, известные нам главным образом из русских летописей и дополненные данными некоторых других источников, сведены в таблицу 3.

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Предпринятый в монографии анализ этнической истории Волго-Уральского региона в XIII – начале XV вв. позволил сделать следующие основные выводы.

Кыпчаки были существенным компонентом сложившейся в XIII-XIV вв. региональной общности кочевников Волго-Уралья, но всего лишь одним из компонентов. Можно говорить об увеличении их численности в Волго-Уральском регионе в XIII в. за счет миграции куманов из Причерноморья и кыпчаков из Прииртышья. Они наряду с сохранившимся здесь более ранним населением, в составе которого выделяются гузы в Поволжье и канглы в Приуралье, являлись носителями земляных курганов. Однако этноним кыпчаки более характерен для домонгольского времени, поэтому золотоордынских кочевников в целом предпочтительнее именовать татарами, но они не были тождественны центральноазиатским татарам, которые были лишь одним из компонентов новой общности. Каменно-земляные курганы могли принадлежать потомкам кимаков, а собственно каменные – более восточным пришельцам из Монголии и Южной Сибири. В целом носителей «каменных» курганов Южного Зауралья можно считать предками башкирских катайцев и табынцев. По данным нарративных источников этнический состав населения степной части Волго-Уральского региона представляется довольно разнообразным, в то время как в археологии компоненты этой смешанной общности не выделяются, так как они сами были смешаны из различных компонентов.

В составе населения лесостепного Приуралья выделяются два основных компонента: угры и тюркоязычные башкиры. С уграми связываются памятники чиялыкской культуры. Потомками их носителей следует считать буляр-байлярских башкир. Башкиры золотоордынского времени, по нашему мнению, проводили зиму на Бугульминско-Белебеевской возвышенности, где им могли принадлежать подкурганые захоронения XIV в., а лето – в предгорных и горных районах Южного Урала, где ими могли быть оставлены многочисленные поселенческие памятники позднего средневековья с очень слабо насыщенным культурным слоем. Это свидетельствует о существовании яйлажного цикла кочевания. К числу народов Среднего Поволжья в то время относились марийцы, мордва, буртасы и булгары, ибо последние во второй половине XIII – первой половине XIV вв. еще существовали как этнос, но с середины XIV в. началось их активное смешение с иными компонентами, образовавшими этническую общность казанских татар. О завершении формирования удмуртского и чувашского этносов в рассматриваемый период говорить рано.

Мы не подвергаем сомнению тезис о массовости татарско-золотоордынской (условно называемой «кыпчакской») миграции в волго-уральскую лесостепь, но считаем, что основной поток этой миграции должен быть датирован не началом, а концом золотоордынского периода. Причинами выселения кочевников на север были наступившая засуха в степной полосе и крайне нестабильная политическая обстановка, сло-

жившаяся вследствие кризиса и распада улуса Джучи. Миграция кочевников хронологически совпала с их исламизацией, что осложняет поиск археологических памятников переселенцев на новых местах их обитания.

По нашему мнению, основные события как этнокультурной, так и этнополитической истории региона Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья определялись внешними факторами, которыми были Русь с запада и Степь с юга. Под давлением этих двух внешних сил население данного региона к концу рассматриваемого периода смещается в северо-восточном направлении. В конце 30 – начале 40-х гг. XIII в. монголы установили свою власть в регионе Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья. До второй половины XIV в. их господство в этом регионе было безраздельным. Однако его характер был неодинаков не только в пространственном, но и во временном отношении. У башкир, как в XIII, так и в XIV в., еще сохранялась прослеживаемая по письменным источникам с рубежа I-II тыс. н. э. племенная конфедерация во главе с усергенскими биями, представлявшая собой военно-политическое объединение, но еще не государство. Лидеры этой конфедерации являлись вассалами правителей Золотой Орды. Территория бывшего болгарского государства, первоначально являвшаяся частью домена золотоордынского хана, к середине XIV в. была выделена в особый удел улуса Джучи с Чингисидом во главе. Такой же удел с центром в г. Мухши в начале XIV в. был образован и в районе проживания мордвы-мокши, с автономностью которой было покончено. В 1360-х гг. регион Среднего Поволжья и лесостепного Приуралья вышел из политической системы улуса Джучи, что способствовало возобновлению русской военно-политической активности. Но в 1380-х гг. Тохтамыш вновь установил ордынскую власть в большей части рассматриваемого региона. Окончательное падение этой власти надо связывать с образованием Казанского ханства.

СПИСОК СОКРАЩЕНИЙ

- АКБ – Археологическая карта Башкирии
АКТ – Археологическая карта Татарской АССР
АО – Археологические открытия
АПБ – Археологические памятники Башкортостана
АСР – Археологический Съезд в России
АЭБ – Археология и этнография Башкирии
БНТ – Башкирское народное творчество
БПЛ – Башкирские предания и легенды
БШ – Башкирские шежере
ВАУ – Вопросы археологии Урала
ВИ – Вопросы истории
ВФУЯ – Вопросы финно-угорского языкознания
ЖМНП – Журнал Министерства народного просвещения
ИОАИЭ – Известия Общества археологии, истории и этнографии при Императорском Казанском университете
МАЭ – Марийская археологическая экспедиция
НИИЯЛИ – Научно-исследовательский институт языка, литературы и истории
НИИЯЛИЭ – Научно-исследовательский институт языка, литературы, истории и экономики
ПСРЛ – Полное собрание русских летописей
СА – Советская археология
САЭ – Средневожжская археологическая экспедиция
СИ – Серия историческая
СТ – Советская тюркология
СФУ – Советское финно-угроведение
СЭ – Советская этнография
ТА – Татарская археология. Средневековая археология Среднего Поволжья
ТКАЭ – Труды Куйбышевской археологической экспедиции
ТС – Тюркологический сборник/2001: Золотая Орда и ее наследие
УАС – Уральское археологическое совещание
УЗ – Ученые записки
УПАСК – Урало-Поволжская археологическая студенческая конференция
FU – Finno-Ugrica

ПРИЛОЖЕНИЕ 1

Таблица 1. Башкирская этнонимия в письменных источниках

Источники	Уральские башкиры	Западноевропейские башкиры
Якут	башгирд, башджерд, башкурд	башгирд, башджерд, башкурд
Ал-Казвини	башкырт	башкырт
Ибн Саид	–	башкурд
Ад-Димашки	басхарт	башкурд
Абу-л-Фида	басджирт; Басджарт	башкурд
Ал-Омари	башкырд; Башкырд	Башгырд
Ибн Халдун	Башкирд	
Ал-Калкашанди	башкард	башкард
Джувейни		башгирд
Рашид ад-Дин	башкир	башгирд; Башгирд, Башгурд
«История Вассафа»		башгирд
Хамдаллах Казвини		башгирд
«Аноним Искендера»	Башгирд	башкурт
Ал-Йезди	башкирд	башгирд
«Родословие тюрков»	башкир	башкир
Абу-л-Гази	башкурд	башкурд
«Тайная история монголов»	Кешимир	бачжитит
Лубсан Данзан	башмир	
Плано Карпини	басхарт	
Бенедикт Полоний	баскурд	
Рубрук	паскатир	
Иоганка Венгр	баскард	-

Примечания:

□ Источники перечислены в следующем порядке: арабские, персидские, тюркские, монгольские, западноевропейские. Внутри этих подразделений они расположены в хронологическом порядке.

□ Названия, начинающиеся со строчной буквы, являются собственно этническими (башкиры), а с прописной – географическими (страна башкир).

Таблица 2. Хронология

Написание истории обычно сопровождается составлением в качестве приложения хронологии событий с целью облегчения восприятия текста. Для примера можно вспомнить фундаментальные монографические исследования Л.Н. Гумилева, которые издавались уже неоднократно. «За эталон принято не первичное сведение, а обобщение первого порядка, полученное ранее в результате кропотливого «мелочеведческого» анализа»¹. Никакая схема такого рода «не может заменить собой текста, в котором события изложены подробно, а связи между ними обоснованы»². Наша работа в этом отношении тоже не будет исключением.

Даты (годы)	События	Некоторые археологические параллели
1205	Всеволод Большое Гнездо послал рать на булгар.	
1218	Булгары взяли Устюг.	
1220	Поход Святослава Всеволодовича на болгарский город Опшель. Юрий Всеволодович заключил мир с булгарами.	Опшель локализуется на месте Богдашкинского городища в Тетюшском районе Республики Татарстан.
1221	Основание Нижнего Новгорода на территории обитания мордвы-эрзи.	
1221-1222	Поход Джучи на кыпчаков.	
1222	Начало войны монголов с тройственным союзом (булгары, башкиры, носители чияликской культуры).	
1223, поздняя осень	Поражение монголов на Самарской Луке.	
1224	Джучи получил в качестве своего улуса Дешт-и Кыпчак. Чингисхан поставил перед ним новую задачу: завоевание Башкирии.	
1226	Успешный поход русских князей на мордву-эрзю.	
1228	Поход русских князей на Пургасову волость, т. е. снова на мордву-эрзю.	
1229	Юрий Всеволодович снова заключил мир с булгарами. Обмен пленными. Нападение мордвы-	Культурные комплексы, непосредственно связываемые с эрзей (Пургас) и мокшей (Пуреш), к

Гумилев Л.Н. Поиски вымышленного царства: легенда о «государстве пресвитера Иоанна» // Соч. М., 1994. Т. 1. С. 392.

Гумилев Л.Н. Тысячелетие вокруг Каспия. М., 1993. С. 266.

	эрзи во главе с Пургасом на Нижний Новгород было отбито. Сын Пуреша с половцами разбил Пургаса, последний бежал. Утедейкаан отправил тридцатитысячный корпус «в сторону кипчаков, Саксина и Булгара». Героическая оборона города Саксина обернулась неудачей для монголов, но им удалось форсировать Яик и уничтожить булгаро-башкирские пограничные укрепления на правом берегу этой реки.	этому времени давно уже сложились. Сведения о наличии укреплений на Яике археологически, правда, пока не подкреплены, но то обстоятельство, что такие сведения содержатся как в русских, так и в башкирских источниках, совершенно независимых друг от друга, не позволяет в них усомниться.
1232	Очередной поход русских князей на мордву-эрзю. Поход монголов на Волжскую Булгарию (второй) сорван башкирами.	
1236	Заключение башкирами союза с монголами, разгром последними приуральских утров и волжских булгар. Падение Великого города. Булгары и угры, спасаясь от монголов, бежали на Русь, где были приняты Юрием Всеволодовичем.	Гибель Билярского городища.
1237	Менгу-хан взял город Саксин. Разгром и гибель Бачмана. Четвертый поход монголов на Булгарию. Местные правители Баян и Джикю изъявили покорность. Монголы в землях мордвы и буртасов. Мокшанский князь покорился, а эрзянский приготовился к сопротивлению. Марийцы попали под власть монголов.	Баян и Джикю перенесли свою ставку с Балынгузского городища на Болгарское. Гибель многих буртасских городищ и селищ на территории Пензенской области.
Декабрь 1237 – январь 1238	Безрезультатная война Берке с эрзянским князем.	Эрзяне в качестве укрепленных пунктов в этой и последующих войнах с монголами использовали тверди.
1239, зима	Поход монголов против мордвы-эрзи.	
1241 и далее	Гибель мокшанского князя и его воинов в Польше. Поход монголов против мордвы-эрзи, булгар (пятый по счету, при котором был взят г. Булгар), башкир, паросситов (все эти мероприятия вряд ли были осуществлены в течение од-	Следы разгрома на Болгарском городище. Паросситы отождествляются с носителями чумойтлинской культуры.

	ного года, но нам неизвестно, когда этот поход был закончен).	
1260-е	Поход Менгу-Тимура против волжских булгар и западных башкир, совершенный не раньше 1266 г.	
1288	Поход Елортая на мордву-эрзю.	
1313	Упразднение автономии мордвы-мокши.	Начало монетной чеканки в городе Мухши.
1310-е	Государь Баскардии, будучи мусульманином, отказался перейти в католицизм.	Раннемусульманский погребальный обряд Сынтыштамакского могильника, связываемого с башкурами.
1317	Мордва-мокша участвовала в походе Кавгадыя против тверского князя.	
1339	Мордва-мокша участвовала в совместном ордынско-русском походе на Смоленск.	
?	Булгария была выделена в отдельный улус с Чингисидом Ильгамом во главе.	Перстневая печать правителя Булгара – хана Ильгама 750 г. х.
1360	Новгородские ушкуйники совершили нападение на Жукотин. Жукотинские князья обратились за помощью к золотоордынскому хану.	Жукотин – это булгарский город Джукетау, хорошо известный в археологии. Отождествление территории Жукотинского княжества с Жукотинской округой, т. е. с определенным комплексом археологических памятников под названием «Джукетау».
1360-1361	Тимур-ходжа правит в Мухши.	Соответствующие нумизматические находки на Наровчатском городище.
1361	Булат-Тимур захватил власть в Булгаре, Тагай – в Наручадской стране, а Секиз-бей – в Запьянии.	Находки монет, чеканенных в г. Булгаре с именем Булат-Тимура и в г. Мухши с именем Тагая. Исчезновение булгарских эпиграфических памятников, т. е. памятников 2-го стиля. Очевидно, захват Булгара Булат-Тимуром в этническом плане можно рассматривать как начало массовой кочевнической миграции в Закамье, результатом которой было вытеснение прежнего населения в Заказанье.
1365	Тагай совершил набег на Рязанскую землю, но на обратном пути был достигнут русскими князья-	Запустение города Мухши, прекращение монетной чеканки там.

- ми и потерпел от них сокрушительное поражение.
- 1366 Поход новгородских ушкуйников по Каме.
- 1367 Булат-Тимур совершил нападение на нижегородские владения, но при возвращении был достигнут суздальско-нижегородскими князьями и полностью разгромлен. Власть в Булгаре захватил Хасан, а Булат-Тимур был убит ханом Азизом.
- Конец 1360-х Хасан перенес столицу в Казань (Иски Казань).
- 1369 Неудачный поход ушкуйников на Болгары.
- 1370 Суздальско-нижегородские князья по инициативе Мамая совершили поход на Казань, Хасан капитулировал, а на княжении был посажен ставленник Мамая Мухаммед-Султан, который, однако, был вынужден поделиться властью с Хасаном. Роль политического, экономического и культурного центра Булгара переходит к Казани (Иски Казани).
- 1372 Основание города Курмыша на восточной окраине мордовских земель.
- 1374 Поход новгородских ушкуйников на Вятку и Болгары.
- 1375 Поход новгородских ушкуйников вниз по Волге до Астрахани. Расправа астраханского правителя Салчая с ними. Татары из Мамаевой Орды дважды нападали на Запьяние. Нижегородская застава там была перебита.
- 1376 Совместный поход суздальцев и москвичей на Казань, где были оставлены даруга и таможенник.
- 1377 Катастрофа на р. Пьяне. Араб-шах разбойничал в Засурье. Нападение мордвы-эрзи на нижегородские владения, русская погоня увенчалась успехом.
- 1378 Карательный поход на Мордовскую землю. Избиение и грабеж Араб-шахом русских купцов. Массовое оставление мордвой-эрзей своей прежней территории.
- 1379 Неудачный поход вятских ушкуйников в Арскую землю.

Около 1381	Тохтамыш в результате военного похода установил свою власть на Средней Волге. Московское наместничество в Казани было ликвидировано.	
1382	Грабеж русских купцов в Казани по велению Тохтамыша. Участие болгар в его походе на Русь.	Начиная с этого года известны эпиграфические памятники только 1-го стилия. Очевидно, захват Тохтамышем Казани и последующее укрепление его власти здесь вызвали очередную волну кочевнической миграции в поволжскую лесостепь, на этот раз уже в Заказанье. Возможно, что погребение монгола на I Камаевском городище имеет отношение к захвату Казани Тохтамышем и установлению его власти здесь.
1380-е	Башкиры добровольно подчинились Тохтамышу.	
1388	Тохтамыш мобилизовал болгар и башкир для войны с Тимуром.	
1391	Посланный Тохтамышем царевич Бектут взял Вятку, куда для управления был назначен болгарский князь. Тимур на Южном Урале и в Среднем Поволжье. Участие башкир в сражении на Кундурче 18 июня. Поход ушкунников по Вятке, Каме и Волге.	В конце XIV в. прекращает свое существование чияликская культура, что было следствием миграции на ее прежнюю территорию южноуральских кочевников, спасавшихся от преследований тимуровских войск.
1393	Присоединение Нижнего Новгорода и Мещерской земли к Московскому государству.	
1394, осень	Взятие Нижнего Новгорода князем-изгоем Семеном Дмитриевичем и татарским царевичем Ентяком из Казани.	
1395- 1396	Второй поход Тимура на Золотую Орду, башкиры пострадали вновь.	Южноуральские кочевники перемещаются еще дальше на север – в Пермское Приуралье.
1399	Поход Юрия Дмитриевича на Казань и другие города на территории бывшей Булгарии.	С 1400 г. начал функционировать казанский монетный двор, который находился на месте современной Казани. Очевидно, что именно этот город и оказался объектом нападения.
1401	Русский поход на мордву.	
Около 1407	Поход Едигея в Булгарию.	

1408	Нападение на Нижний Новгород татар, болгар и мордвы, которые при отходе разорили также Курмыш и Сару – русские города на Суре.	
1409	Неудачный поход новгородских ушкуйников на Болгары.	
1410 (1411), января 15	Сражение на Лыскове представителей центростремительных сил с представителями центробежных сил на Руси, опиравшихся на помощь средневожских феодалов.	Близ Лыскова известно городище под названием «Оленья Гора». Это был опорный пункт на границе Руси, принадлежавший Московскому княжеству, противники которого безуспешно пытались овладеть этой крепостью.
1422	Гияс ад-Дин захватил власть в Казани и основал там суверенное ханство.	Монеты Гияс ад-Дина чеканились в Казани с 1422 по 1445 г. Предшествовавшие казанские власти чеканили монеты только от имени золотоордынских ханов.
Де-кабрь 1428 – январь 1429	Нападение казанских татар на Галич и Кострому.	
1431	Успешный поход Ф.Д. Пестрого на болгар.	
1444	Мордва-мокша, присоединившись к московскому войску, участвовала в разгроме татарского царевича Мустафы.	
1445	Ответное нападение татар на мордву-мокшу. Махмутек взял Казань и убил Гияс ад-Дина.	Татарская миграция на Среднюю Волгу в XV в. археологически уже не прослеживается.

Таблица 3. Известные факты военно-политической истории мордовского народа в XIII - первой половине XV вв.

Дата (год)	Племенная принадлежность	Объект нападения со стороны Орды	Выступление на стороне Орды	Выступление против Орды	Субъект нападения на Русь	Объект нападения со стороны Руси	Выступление на стороне Москвы
1223	эрзя			Джэбэ и Субздай			
1226	эрзя					+	
1228	эрзя					+	
1229	эрзя				Нижний Новгород		
1232	эрзя					+	
1237	мокша	Бату и др.					
1237-1238	эрзя	Берке(?)					
1237-1241	мокша		Бату и др.		+		
1239	эрзя	Батыевы татары					
1241	эрзя	Субздай(?)					
1288	эрзя	Елортай					
1317	мокша		Кавгадый		Тверь		+
1331	мокша		+		Смоленск		+
1361	эрзя	Секиз-бей					
1365	мокша, эрзя(?)		Тагай		Рязанская земля		
1375	эрзя	Мамай					
1375	эрзя	Мамай(?)					
1377	эрзя				Нижегородские владения		
1377	эрзя					+	
1378	эрзя					+	
1380	?		Мамай		+		
1401	?					+	
1408	эрзя		Едигей		Нижний Новгород, Городец, Сура Лысково		
1410 (1411)	эрзя		Болгарские и Жукотинские князья				
1444	мокша	~ + (?)		Мустафа			+
1445	мокша	+					
Итого	Мокша	3	4	1	4	0	3 (15)
	Эрзя	8	3	0	5	5	0 (21)
	Мордва	11	7	1	9	6	3 (37)

ПРИЛОЖЕНИЕ 2 ПОДПИСИ К КАРТАМ

Условные обозначения для карт 1-3 и 1А-3А: 1 – памятники, оставленные степным населением; 2 – болгарские памятники; 3- мордовские памятники; 4 – марийские памятники; 5 – удмуртские памятники; 6 – древнечувашские памятники; 7 – памятники с предполагаемой древнебашкирской этнической принадлежностью; 8 – угорские памятники; 9 – русские памятники.

Карта 1. Волго-Уральский регион в конце XII – первой половине XIII вв.

Список памятников: 1 – могильник у с. Зензели; 2 – погребение у с. Сероглазово; 3 – курган у с. Свинуха; 4 – курган у д. Ершовка; 5 – курган у г. Покровска; 6 – Заволжский III и Екатерининский IV могильники; 7 – погребение на Белозерском I селище; 8 – Ново-Троевское погребение; 9 – могильник Базар-тобе I; 10 – могильник Лебедевка-VI; 11 – могильник Лебедевка-VIII; 12 – курган Красный Яр; 13 – могильник Новый Кумак; 14 – Азнаевский могильник; 15 – Шах-Тауское погребение; 16 – погребения на Охлебининском городище; 17 – Пахомовский могильник; 18 – Наровчатское городище; 19 – Золотаревское городище; 20 – Юловское городище; 21 – Междуреченское городище; 22 – Вальнское (Муромский городок) городище; 23 – Большетоябинское городище; 24 – Богдашкинское городище (г. Ошель); 25 – Бальмерское городище; 26 – Болгарское городище; 27 – Суварское I городище; 28 – Бальнгузское городище; 29 – Билярское городище; 30 – Джукетауское городище; 31 – Тубулгатауское городище; 32 – Елабужское (Чертово) городище; 33 – Кашанские I и II городища; 34 – городище Казанский кремль; 35 – селище Городище; 36 – Отарское селище; 37 – Пановский могильник; 38 – Старобадиковский I могильник; 39 – Кармалейский могильник; 40 – Жуковское II городище; 41 – Калиновский могильник; 42 – Паньжинские могильник и селище; 43 – могильник у п. Заря; 44 – Куликовский могильник на р. Виндрей; 45 – Кельгининский могильник; 46 – могильник Красный Восток; 47 – Ефаевский могильник; 48 – Федоровское (Стенькин городок) городище; 49 – Гагинский могильник; 50 – Борнуховский II могильник; 51 – Ичалкинский могильник; 52 – Сарлейский могильник; 53 – Выжумские II и III могильники; 54 – Руткинский могильник; 55 – Починковский могильник; 56 – Сиухинское селище; 57 – Шунангерское III селище; 58 – Уржумкинское II селище; 59 – могильник Кузьминский бигершай; 60 – могильник Люмский бигершай; 61 – Печешурские селище и могильник; 62 – могильник Коповский бигершай; 63 – могильник Тымпальский бигершай; 64 – Уканские городище, I и II селища; 65 – могильник Ягошурский бигершай; 66 – Солдырские I (Иднакар) и II (Сабанчикар) городища, I, II, III и IV селища, могильники Солдырский чемшай и Солдырский бигершай; 67 – Квалярский могильник; 68 –

Чиргинский могильник; 69 – Гординское I (Гурья-кар) городище и Гординское (Издынь) селище; 70 – Балезинское селище; 71 – Гурдошурское селище и Таг-Парзинский могильник; 72 – селище Удмуртский караул; 73 – жертвенное место Чумайтло и Можгинское селище; 74 – Игимское селище; 75 – Чияликское селище; 76 – Кушулевский могильник; 77 – Горновские селище и могильник; 78 – Кара-Абызское городище; 79 – Уфимское I (Чертово) городище; 80 – Уфимское II городище; 81 – Шиповский могильник; 82 – Муракаевский могильник; 83 – Каранаевский могильник; 84 – Мрясимовский могильник; 85 – Чашинское II селище; 86 – Подкаменное городище; 87 – могильник и селище Селянино Озеро; 88 – городище Лобач; 89 – могильник Усть-Кишерть; 90 – Морозковское IV селище; 91 – городище Иртяш I; 92 – городище Иткуль; 93 – Шигирское городище; 94 – могильник Нижний Тагил; 95 – Аятский могильник; 96 – городище Оськино; 97 – Синдейское II городище; 98 – городище Ликино; 99 – могильник Ликино; 100 – Заозерное II городище; 101 – Заозерное I городище; 102 – городище Золотая Горка; 103 – Городокское I городище; 104 – Городокское II городище; 105 – городище Галкина; 106 – Барсучье городище; 107 – городище Ключи; 108 – городище Ишкуль III; 109 – городище Липчинка; 110 – городище Городище; 111 – городище Андронов; 112 – городище Петрово; 113 – городище Мишино; 114 – городище Куртумово; 115 – городище Санкино; 116 – городище Ирбит; 117 – могильник Ирбитское озеро; 118 – городище Юдино; 119 – городище Боровиково; 120 – могильник Пылаево; 121 – городище Мохирево; 122 – могильник Демино; 123 – городище Малахово; 124 – могильник Урачкино; 125 – Богандинское городище; 126 – Придуванское I селище; 127 – Дуванское I городище; 128 – Андреевское III городище; 129 – городище Андришин Городок; 130 – Андреевское IV городище; 131 – Никульчинское городище; 132 – поселение на кремлевском мысу г. Орлова; 74-84 – памятники чияликской культуры; 85-90 – памятники сълвинской культуры; 91-95 – памятники петрогромского типа; 96-130 – памятники юдинской культуры.

Карта 2. Волго-Уральский регион во второй половине XIII – первой половине XIV вв.

Список памятников: 1 – Мари-Луговской II могильник; 2 – Большетоябинское городище; 3 – Наровчатское городище (г. Мухши); 4 – курган у с. Марьевка; 5 – могильник у д. Машевка; 6 – могильник у с. Крутец; 7 – курган у с. Свиуха; 8 – курган у с. Александровка; 9 – курган у Верхнего Кольшля; 10 – курган у с. Чадаевка; 11 – могильник у с. Нижняя Добринка (Жирновский район Волгоградской области); 12 – могильник в слободе Рудня; 13 – захоронение у с. Большая Князевка II; 14 – погребение у с. Большая Князевка I; 15 – курган у д. Двоенка (Маровое поле); 16 – могильник у д. Липовка; 17 – могильник у с. Большая Дмитриевка; 18 – курган у с. Лысье горы; 19 – курган у д. Пески; 20 – Аткарский курганный могильник; 21 – могильник у г. Петровска; 22 – могильник у д. Ца-

ревщина; 23 – могильник у с. Усть-Курдюм; 24 – курган у д. Усть-Курдюм; 25 – г. Укек; 26 – находки у с. Нижняя Добринка (Камышинский район Волгоградской области); 27 – Ахметовское городище; 28 – Даниловское городище и могильник Белый Мар; 29 – Терновское городище; 30 – Терновский могильник; 31 – городище Шишкин Бугор; 32 – могильник у г. Камышина; 33 – курган у с. Гусевка; 34 – курган у хутора Мишкина Пристань; 35 – Водянское городище (г. Бельджамен); 36 – могильник на Мечетном городище; 37 – городище Шареный Бугор (г. Хаджитархан); 38 – городище Мошаик; 39 – городище Тумак-Тюбе; 40 – Селитренное городище (г. Сарай ал-Махруса); 41 – курган у станицы Золотушинской; 42 – захоронение Болхуны; 43 – курган у с. Дмитриевка; 44 – могильник у с. Белокаменка (восточный берег р. Ахтуба); 45 – могильник у с. Белокаменка (западный берег р. Ахтуба); 46 – Царевское городище (г. Сарай ал-Джедид); 47 – могильник у хутора Заяры; 48 – курган у хутора Шульц (левый берег р. Торгун); 49 – курган у хутора Шульц (правый берег р. Торгун); 50 – могильник у с. Харьковка; 51 – могильник у с. Блюменфельд (Цветочное) (группа А); 52 – могильник у с. Блюменфельд (Цветочное) (группа Б); 53 – могильник у с. Визенмиллер (группа III); 54 – курган у Валуевской мелиоративной станции; 55 – курган у с. Курнаевка; 56 – могильник у с. Штрасбург; 57 – могильник у с. Валуевка; 58 – захоронение у с. Скатовка II; 59 – могильник у с. Скатовка; 60 – могильник у с. Визенмиллер (группа I); 61 – могильник у с. Фриденберг; 62 – погребение у с. Воронцовка; 63 – могильник у с. Ровное (Зеельман); 64 – курган у с. Ровное (Зеельман); 65 – могильник у с. Козицкое; 66 – погребение у с. Подгорное; 67 – погребение у с. Квасниковка; 68 – Покровский могильник; 69 – курган у г. Покровска (Энгельс); 70 – погребение у с. Мариенталь (Тонкошуровка); 71 – курган у с. Тонкошуровка (Мариенталь); 72 – могильник у с. Тонкошуровка (Мариенталь); 73 – курган у с. Суслы (Герцог); 74 – могильник у с. Боаро; 75 – могильник у с. Кеппенталь; 76 – могильник у с. Давыдовка (группа III); 77 – могильник у с. Давыдовка (группа II); 78 – курганы в районе г. Пугачева; 79 – могильник у с. Максютово; 80 – курган у с. Августовка; 81 – мавзолеи в совхозе им. Свердлова; 82 – Старо-Елшанский могильник; 83 – Гвардейский могильник; 84 – Виловатовский могильник; 85 – могильник на дюне Большой Шихан; 86 – Максимовские могильник и поселение; 87 – Покровский могильник; 88 – могильник на дюне Человечья голова; 89 – Новопавловский могильник; 90 – погребения у с. Екатериновка; 91 – Александровский могильник; 92 – погребение в саду совхоза им. Луначарского; 93 – Байряки-Тамакский могильник; 94 – Ильчигуловские I и IV могильники; 95 – могильник Шах-Тай; 96 – Башкир-Беркутовский могильник; 97 – Андреевский курган; 98 – Тлявгуловский могильник; 99 – Ивановский IV могильник; 100 – Комсомольский могильник; 101 – Тавлыкаевский II могильник; 102 – Ишкуловский II могильник; 103 – могильник Новый Кумак; 104 – Хабарный I могильник; 105 – Уральский могильник; 106 – могильник Алабайтал; 107 – Новочеркасский VII мо-

пильник; 108 – могильник Тамар-Уткуль; 109 – Лиманский могильник; 110 – Россыпинский могильник; 111 – могильник Жарсуат I; 112 – могильник Лебедевка IV; 113 – могильник Лебедевка VIII; 114 – могильник Лебедевка VI; 115 – могильник Алебастрово II; 116 – могильник Мамбетбай; 117 – могильник у п. Зеленый; 118 – Каменный могильник у ст. Шипово; 119 – могильник Чеган; 120 – могильник Мамбеталы; 121 – г. Сарайчик; 122 – Тендыкское городище; 123 – Подборновская и Ибердуская стоянки в окрестностях г. Касимова; 124 – городище Сараклыч; 125 – Итяковское городище; 126 – Междуреченское городище; 127 – Сухореченское селище; 128 – Тубулгатауское городище; 129 – Джукетауское городище; 130 – Болгарское городище; 131 – Бальмерское городище; 132 – Тетюшское I городище; 133 – городище Казанский кремль; 134 – Камаевское (Иски-Казанское) городище; 135 – Кашанские I и II городища; 136 – Керменское городище (г. Керменчук); 137 – кладбище у с. Нагайбак; 138 – кладбище у с. Тумутук; 139 – Япрыковское кладбище; 140 – кладбище у п. Красный Ключ; 141 – погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья; 142 – Мавлютовское кладбище; 143 – Старокалмашевское кладбище; 144 – Баскульское VI, Татарско-Ямалинское и Семиостровское I селища; 145 – Гординское (Гурья-Кар) городище; 146 – Гагинский могильник; 147 – Борнуховский II могильник; 148 – Ичалкинский могильник; 149 – Сарлейский могильник; 150 – Коринский могильник; 151 – Младший Кужендеевский могильник; 152 – Нароватовский могильник; 153 – могильник у п. Заря; 154 – Куликовский могильник на р. Виндрей; 155 – Старобадиковский I могильник; 156 – Кармалейский могильник; 157 – Старосотенский могильник; 158 – Паньжинские могильник и селище; 159 – Пичпандинский могильник; 160 – могильник Мордовские Парки; 161 – Ефаевский могильник; 162 – селище Полянки; 163 – Чернозерский могильник; 164 – селище у Калашного Затона; 165 – Аткарский грунтовый могильник; 166 – Куликовский могильник на р. Волге; 167 – Черемшанский могильник; 168 – Усинский II могильник; 169 – Мало-Сундырское городище; 170 – Носельские II и III селища; 171 – Юльяльское селище; 172 – Уржумкинское II селище; 173 – памятники типа Чумбарейского могильника и Ашкаринского местонахождения; 174 – Арское городище; 175 – Можгинское селище; 176 – могильник Кушьянский бигершай; 177 – Гурдошурское селище; 178 – могильник Ягошурский бигершай; 179 – могильник Солдырский бигершай; 180 – Квалярский могильник; 181 – могильник Люмский бигершай; 182 – Жабинские I и II, Кушманские I, II и III селища и могильник Коповский бигершай; 183 – Уканские городище, I и II селища; 184 – могильник Тымпальский бигершай; 185 – Куштиярякский могильник; 186 – Резяповский могильник; 187 – Сынтыштамакский могильник; 188 – Каныкаевское II селище; 189 – Береговское III селище; 190 – Сыртлановский могильник; 191 – Таутовское селище; 192 – селище Челкасы; 193 – Янмурзинское селище; 194 – Чебоксарское городище и Большеянгилинское селище; 195 – Тукмак-Каранский могильник; 196 – Ново-

Сарлинский могильник; 197 – Ново-Сасыкульский могильник; 198 Старо-Варяжские I и II могильники; 199 – Белоозерское селище; 200 – Игимское селище; 201 – Татарско-Ямалинское селище; 202 – Старокабановское IV поселение; 203 – Азметьевский I могильник; 204 – Такталачукский могильник; 205 – Ильчибаевское городище; 206 – Минниаровские I и II поселения; 207 – Чияликское селище; 208 – Алтаевский могильник; 209 – Кушулеватский могильник; 210 – Казакларовский могильник; 211 – Горновские селище и могильник; 212 – Селеукское селище; 213 – Шиповский могильник; 214 – Уфимское I (Чертово) городище; 215 – Кара-Абызское городище; 216 – Турналинское городище; 217 – Гумеровское городище; 218 – Юнусовское поселение; 219 – Абдуллинское городище; 220 – Бартымское I селище; 221 – Макушинский могильник; 222 – Юдинское городище; 223 – Мысовский могильник; 224 – Липчинское городище; 225 – Мохиревское городище; 226 – поселение на кремлевском мысу г. Орлова; 227 – Хлыновское городище (г. Вятка); 228 – Никульчинское городище; 229 – городище Стрелка; 230 – Верх-Саинское I городище.

Карта 3. Волго-Уральский регион во второй половине XIV – начале XV вв.

Список памятников: 1 – городище Сараклыч; 2 – городище на месте старого г. Темникова; 3 – Итяковское городище; 4 – мавзолей г. Мухши; 5 – Аткарский курганный могильник; 6 – г. Укек; 7 – курган у д. Двоенка (Маровое поле); 8 – могильник в слободе Рудня; 9 – курган у с. Новая Норка; 10 – погребения у с. Басы; 11 – могильник Кан-тюбе; 12 – городище Шареный Бугор (г. Хаджитархан); 13 – курган у п. Джилга; 14 – Селитренное городище (г. Сарай ал-Махруса); 15 – захоронение Ак-Сарай (Ак-Мечеть); 16 – курган у с. Батаевка; 17 – могильник у с. Белокаменка; 18 – Царевское городище (г. Сарай ал-Джедид); 19 – Калиновский могильник; 20 – курган у хутора Шульц; 21 – курган у с. Харьковка; 22 – могильник у с. Блюменфельд (Цветочное) (группа А); 23 – могильник у с. Визенмиллер (группа III); 24 – могильник у Валуевской мелиоративной станции; 25 – могильник у с. Валуевка; 26 – могильник у с. Визенмиллер (группа I); 27 – курган у с. Воронцовка; 28 – могильник у с. Зауморье; 29 – курган у с. Квасниковка; 30 – могильник на Калмыцкой горе; 31 – могильник у с. Кеппенталь; 32 – захоронение в г. Пугачеве; 33 – могильник у с. Максютново; 34 – погребение у с. Клевенка; 35 – могильник у п. Подстепный; 36 – могильник Караултобе; 37 – г. Сарайчик; 38 – могильник Саралжин I; 39 – могильник в Каратугайской волости; 40 – грунтовые погребения у с. Ветлянка; 41 – мавзолей в совхозе им. Свердлова; 42 – Гвардейский могильник; 43 – Гундоровский курган; 44 – могильник Песчаный остров; 45 – Рождественское погребение; 46 – Сарапульский II могильник; 47 – Байряки-Тамакский могильник; 48 – Бирское (Чертово) городище; 49 – Кара-Абызское городище; 50 – Уфимское I (Чертово) городище; 51 – Ново-Аккулаевский курган; 52 – Ильчи-

гуловские I и IV могильники; 53 – городище Тура-Тау; 54 – Бала-Чатырманский могильник; 55 – Бикечевский VIII курган; 56 – мавзолей Бэндзбикэ; 57 – Ибрагимовский III могильник; 58 – Байгускаровский могильник; 59 – Юлдыбаевский могильник; 60 – Березовский V могильник; 61 – II и III могильники у п. Большевик; 62 – могильник Новый Кумак; 63 – могильник Кеныш 3; 64 – мавзолей Атчергат; 65 – Троицкий мавзолей; 66 – Варнинский мавзолей; 67 – Кадыровские I и II могильники; 68 – Мысовское поселение; 69 – городище Кучум-гора; 70 – Арское городище; 71 – Камаевское (Иски-Казанское) городище; 72 – городище Казанский кремль; 73 – Кашанские I и II городища; 74 – Джуке-тауское городище; 75 – Чалыновское городище; 76 – Кирменское городище (г. Кирменчук); 77 – Самоскаковское селище; 78 – Ново-Хуторские I и II селища; 79 – Бикбуловское селище; 80 – Меллятамакское I селище; 81 – Сухореченское поселение; 82 – могильник у п. Заря; 83 – Нароватовский могильник; 84 – селище II у с. Стародевичье; 85 – могильник Мордовские Парки; 86 – Ефаевский могильник; 87 – Паньжинские могильник и селище; 88 – Чернозерский могильник; 89 – селище у Калашного Затона; 90 – Аткарский грунтовый могильник; 91 – Куликовский могильник на р. Волге; 92 – Черемшанский могильник; 93 – Муранский могильник; 94 – Барбашинский могильник; 95 – Карташихинские I и II могильники; 96 – Гагинский могильник; 97 – Сарлейский могильник; 98 – Горношумецкое городище, Починковское и Удельно-Шумецкое II селища; 99 – Мало-Сундырское городище и могильник Волна; 100 – Кадышевский I могильник; 101 – Юльясское селище; 102 – Уржумкинское II селище; 103 – Апиязские городище и могильники; 104 – памятники типа Чумбарейского могильника и Ашкаринского местонахождения; 105 – Грековский могильник; 106 – могильник Тымпальский бигершай; 107 – Уканские городище, I и II селища; 108 – Жабинские I и II, Кушманские I, II и III селища и могильник Коповский бигершай; 109 – могильник Люмский бигершай; 110 – Квалярский могильник; 111 – Гурдошурское селище; 112 – могильник Кушьяинский бигершай; 113 – Чебоксарское городище; 114 – Ново-Сарлинский могильник; 115 – Юнусовское поселение; 116 – Бартымское I селище; 117 – крепость Оленья Гора; 118 – г. Орлов; 119 – Хлыновское городище (г. Вятка); 120 – Никульчинское городище; 121 – городище Стрелка; 122 – Верх-Сайнское I городище.

Карта 1А. Южный Урал в конце XII – первой половине XIII вв.

Список памятников: 1 – погребения на Охлебининском городище; 2 – могильник Шах-Тау; 3 – Азнаевский погребальный комплекс; 4 – могильник Новый Кумак; 5 – Игимское селище; 6 – Чиялыкское селище; 7 – Кушулевский могильник; 8 – Горновские селище и могильник; 9 – Шиповский могильник; 10 – Уфимское II городище; 11 – Уфимское I (Чертово) городище; 12 – Кара-Абызское городище; 13 – Мрасимовский

могильник; 14 – Каранаевский могильник; 15 – Муракаевский могильник.

Карта 2А. Южный Урал во второй половине XIII – первой половине XIV вв.

Список памятников: 1 – Байряки-Тамакский могильник; 2 – Ильчигуловские I и IV могильники; 3 – могильник Шах-Тай; 4 – Тавлыкаевский II могильник; 5 – Комсомольский могильник; 6 – Ивановский IV могильник; 7 – могильник Новый Кумак; 8 – Хабарный I могильник; 9 – Уральский могильник; 10 – Тлягуловский могильник; 11 – могильник Алабайтал; 12 – Новочеркасский VII могильник; 13 – Япрыковское кладбище; 14 – кладбище у с. Тумутук; 15 – кладбище у с. Нагайбак; 16 – Баскульское VI, Татарско-Ямалинское и Семиостровское I селища; 17 – Старокалмашевское кладбище; 18 – Мавлютовское кладбище; 19 – кладбище у п. Красный Ключ; 20 – погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья; 21 – Куштирякский могильник; 22 – Резяповский могильник; 23 – Сынтыштамакский могильник; 24 – Канькаевское II селище; 25 – Береговское III селище; 26 – Берековское селище; 27 – Смаковское и Красноярские I и II селища; 28 – Басурмановское селище; 29 – Иткучуковское II селище; 30 – Хлебодаровское IV селище; 31 – Бельские II и III селища; 32 – Аптраковское и Апасевское селища; 33 – Хасановское I селище; 34 – Сыртлановский могильник; 35 – Ишкуловское селище; 36 – Тукмак-Каранский могильник; 37 – Ново-Сарлинский могильник; 38 – Ново-Сасыкульский могильник; 39 – Старо-Варяжские I и II могильники; 40 – Белоозерское селище; 41 – Игимское селище; 42 – Татарско-Азибейское I селище; 43 – Старокабановское IV поселение; 44 – Азметьевский I могильник; 45 – Такталачукский могильник; 46 – Ильчибаевское городище; 47 – Миннияровские I и II поселения; 48 – Чияликское селище; 49 – Алтаевский могильник; 50 – Купшулевский могильник; 51 – Казакларовский могильник; 52 – Горновские селище и могильник; 53 – Селеукское селище; 54 – Шиповский могильник; 55 – Уфимское I (Чертово) городище; 56 – Кара-Абызское городище; 57 – Абдуллинское городище; 58 – Юнусовское поселение; 59 – Гумеровское городище; 60 – Турналинское городище.

Карта 3А. Южный Урал во второй половине XIV – начале XV вв.

Список памятников: 1 – Байряки-Тамакский могильник; 2 – Ново-Аккулаевский курган; 3 – Ильчигуловские I и IV могильники; 4 – Бала-Чатырманский могильник; 5 – городище Тура-Тай; 6 – Уфимское I (Чертово) городище; 7 – Кара-Абызское городище; 8 – Бирское (Чертово) городище; 9 – Кадыровские I и II могильники; 10 – Юлдыбаевский могильник; 11 – Байгускаровский могильник; 12 – Ибрагимовский III курган; 13 – могильник Новый Кумак; 14 – II и III могильники у п. Большевик; 15 – Березовский V могильник; 16 – Ново-Хуторские I и II селища;

17 – Бикбуловское селище; 18 – Меллятамакское I селище; 19 – Ново-Сарлинский могильник; 20 – Юнусовское поселение.

Карта 4. Этническая территория мордовского народа в XIII-XV вв.

Очерчены границы основного ареала расселения мордовского народа и разграничительная линия между эрзей и мокшей. Территория обитания эрзи заштрихована вертикальными линиями, а мокши – горизонтальными.

Условные обозначения: 1 – мордовские могильники, расположенные за пределами основного ареала расселения мордвы; 2 – русские города; 3 – русские села.

Список памятников: 1 – Карташихинские I и II; 2 – Барбашинский; 3 – Усинский II; 4 – Муранский; 5 – Черемшанский; 6 – Куликовский; 7 – Аткарский; 8 – Нижний Новгород; 9 – Курмыш; 10 – Салова; 11 – Городищи; 12 – Мунар; 13 – Лысково; 14 – Разнежье; 15 – Спасское; 16 – Сергач; 17 – Сара.

Карта 5. Булгарские памятники XIII-XIV вв. в Западном Приуралье.

Условные обозначения: 1 – поселения; 2 – грунтовые могильники.

Список памятников: 1 – Япрыковское кладбище; 2 – кладбище у с. Тумутук; 3 – кладбище у с. Нагайбак; 4 – Меллятамакское I; 5 – Бикбуловское; 6 – Ново-Хуторские I и II; 7 – Баскульское VI; 8 – Татарско-Ямалинское; 9 – Семиостровское I; 10 – Старокалмашевское кладбище; 11 – Мавлютовское кладбище; 12 – кладбище у п. Красный Ключ; 13 – погребения в каменных мавзолеях Башкирского Приуралья.

Карта 6. Археологические памятники XIII-XIV вв., предположительно связываемые с древними башкирами.

Условные обозначения: 1 – поселения; 2 – курганные могильники.

Список памятников: 1 – Куштирякский; 2 – Резяповский; 3 – Сынтыштамакский; 4 – Канькаевское II; 5 – Береговское III; 6 – Берековское; 7 – Смаковское; 8 – Красноярское I; 9 – Красноярское II; 10 – Хлебодаровское IV; 11 – Иткучуковское II; 12 – Басурмановское; 13 – Бельское III; 14 – Бельское II; 15 – Аптраковское; 16 – Хасановское I; 17 – Сыртлановский; 18 – Ишкуловское.

Карта 7. Погребальные памятники степных кочевников в волгоуральской лесостепи.

Условные обозначения: 1 – курганные; 2 – бескурганные.

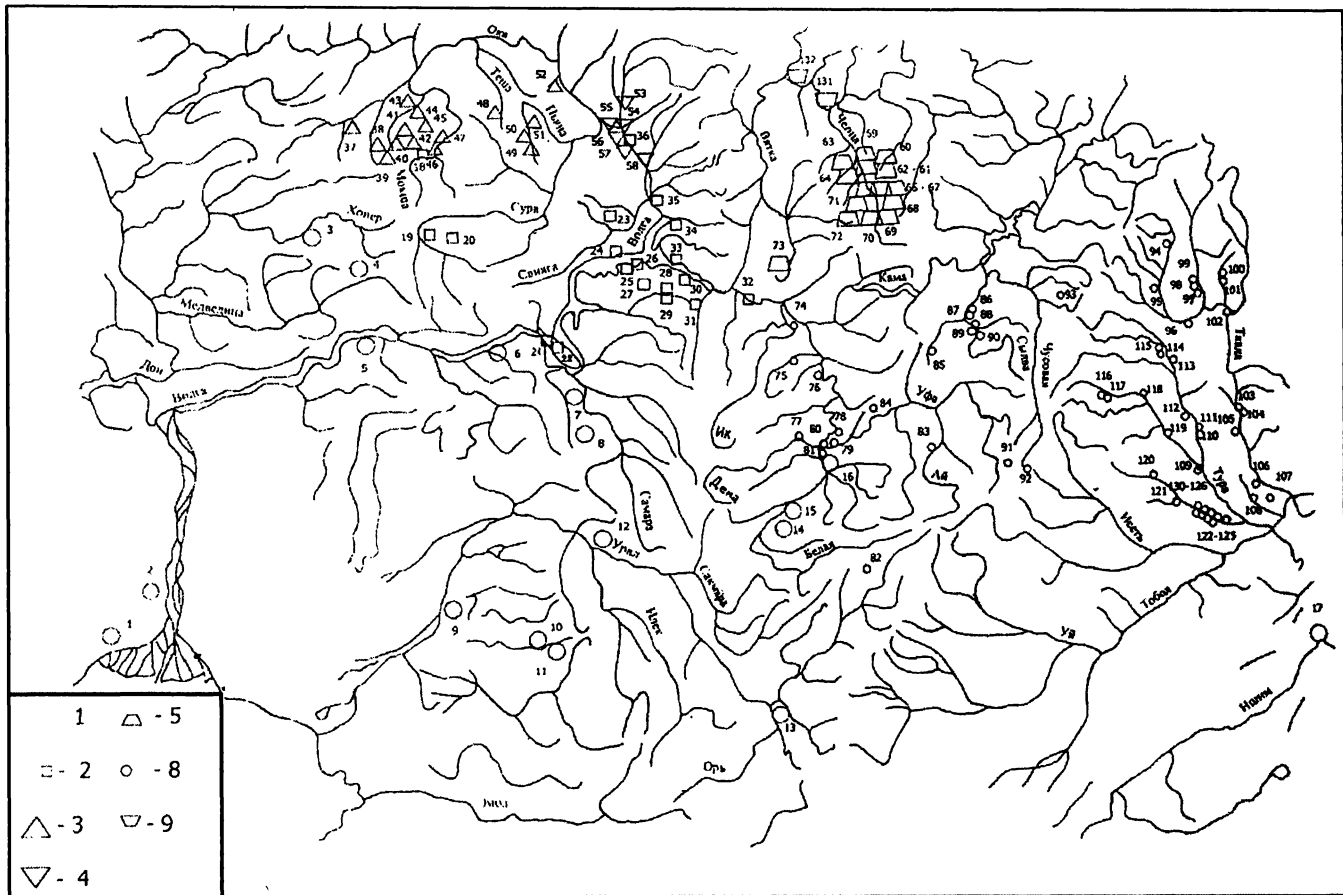
Список памятников: 1 – Петровский могильник; 2 – Рамзайский могильник; 3 – Мари-Луговской II могильник; 4 – погребение на I Камаевском городище; 5 – погребение на IV Рождественском могильнике; 6 – могильник Песчаный остров и Лебединское погребение; 7 – погребения на Болгарском городище; 8 – Балымерский могильник; 9 – погребение в саду совхоза им. Луначарского; 10 – Гундоровский курган; 11 – погребение

ния на II Усинском могильнике; 12 – Александровский могильник; 13 – Заволжский III и Екатериновский IV могильники; 14 – Новопавловский могильник; 15 – курган у с. Августовка; 16 – могильник на дюне Человечья голова; 17 – Покровский могильник; 18 – Максимовский, на дюне Большой Шихан и Виловатовский могильники; 19 – Гвардейский могильник; 20 – Старо-Елшанский могильник; 21 – Иманлейский могильник; 22 – Байряки-Тамакский могильник; 23 – Ново-Аккулаевский курган; 24 – Ильчигуловские I и IV могильники; 25 – погребения на Охлебининском городище; 26 – могильник Шах-Тау; 27 – Азнаевский погребальный комплекс; 28 – Бала-Чатырманский могильник; 29 – Бикечевский VIII курган; 30 – Башкир-Беркутовский могильник; 31 – Байгускаровский могильник; 32 – Ивановский IV могильник; 33 – Юлдыбаевский могильник; 34 – Комсомольский могильник; 35 – Тавлыкаевский II могильник; 36 – Ишкуловский II могильник; 37 – Кадыровские I и II могильники.

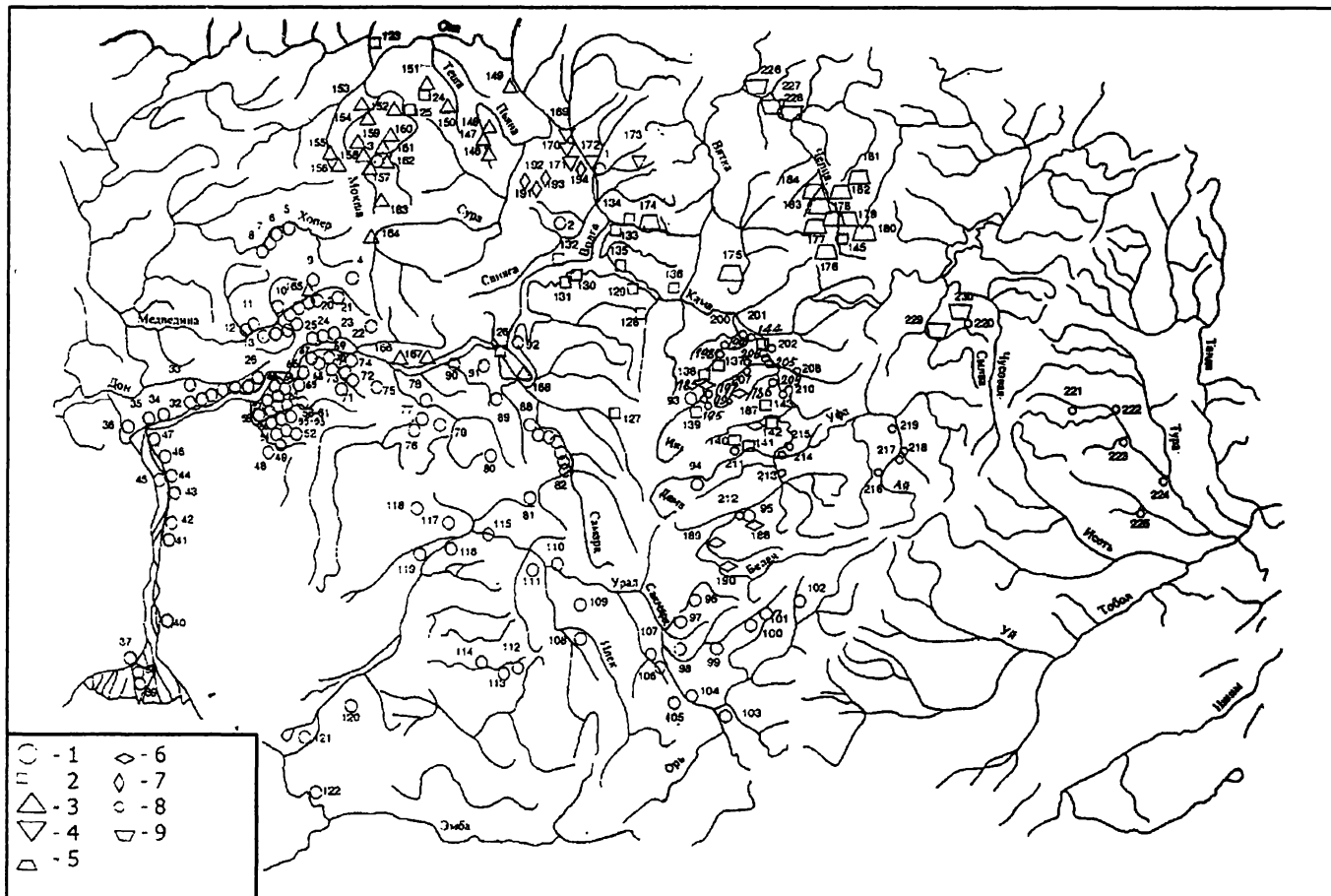
Карта 8. Пункты расселения славянского населения в Волго-Уральском регионе.

Условные обозначения: 1 – городища, 2 – селища.

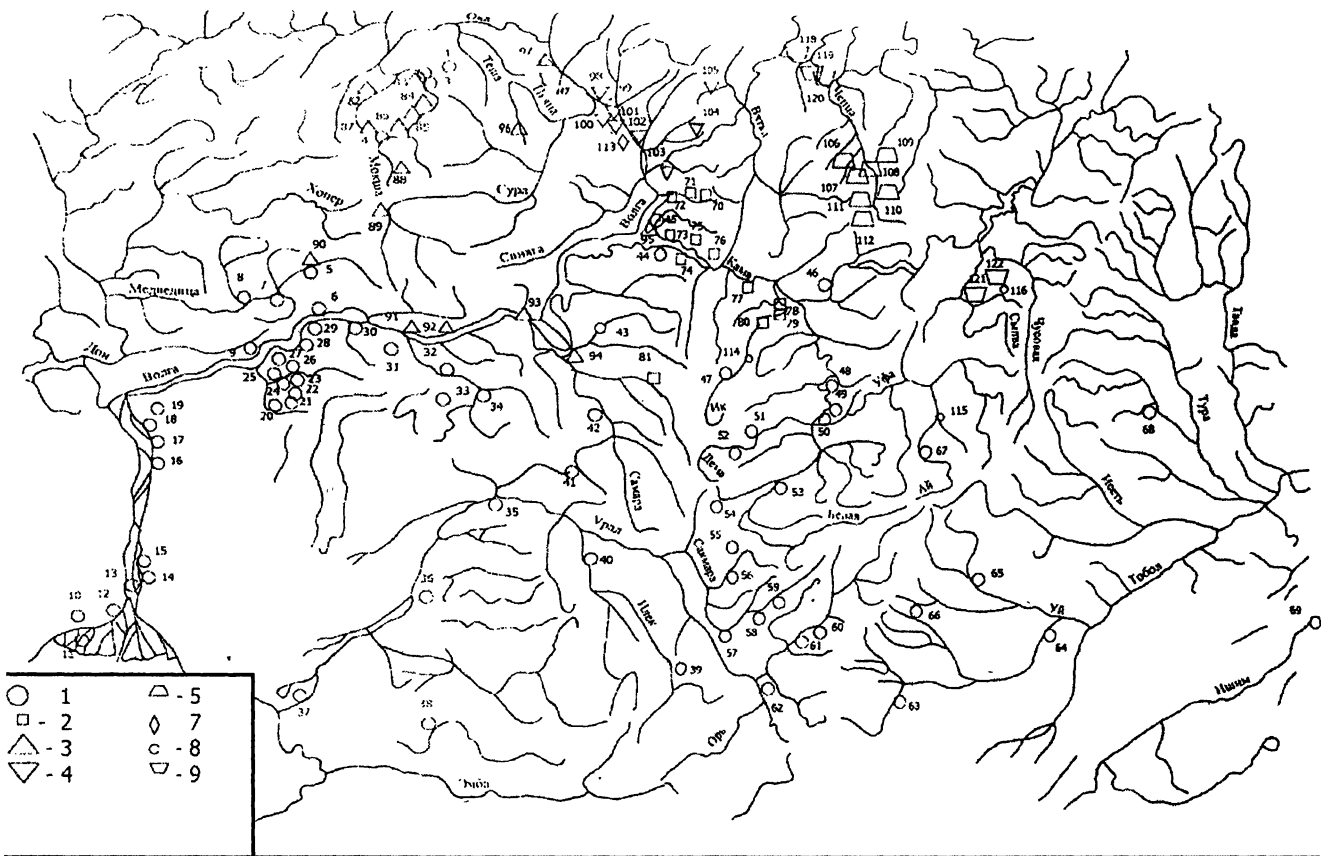
Список памятников: 1 – г. Астрахань; 2 – Селитренное (г. Сарай ал-Махруса); 3 – Царевское (г. Сарай ал-Джедид); 4 – Водянское (г. Бельджамен); 5 – Терновское; 6 – г. Саратов (Увек); 7 – у с. Курдюм; 8 – у г. Хвалынска; 9 – Печерское; 10 – Междуреченское; 11 – у оз. Рубленое; 12 – Березовское I; 13 – Старокуйбышевское; 14 – Болгарское; 15 – Новомордовское; 16 – Березовогривское; 17 – Коминтерновское II; 18 – Биллярское; 19 – г. Джукетау; 20 – Алексеевское VI; 21 – Восточнолаишевское; 22 – Урматское; 23 – Богородицкое; 24 – Сюкеевское; 25 – Мансуровское; 26 – Наровчатское (г. Мухши); 27 – Оленья Гора; 28 – Петровское; 29 – Сиухинское; 30 – Мало-Сундырское; 31 – Носельские II и III; 32 – Юльяльское; 33 – Отарское; 34 – Грековское; 35 – Еманаевское IV; 36 – Еманаевское I; 37 – Еманаевское II; 38 – Покста I-III; 39 – Худяковское; 40 – Пижемское; 41 – Скорняковское; 42 – Котельническое; 43 – Искра; 44 – Ковровское; 45 – Шабалинское; 46 – Орловское; 47 – Вятское (Александровский сад им. Халтурина), Хлыновское, Чижевское; 48 – Никульчинское; 49 – Подчуршинское; 50 – Кривоборское; 51 – у д. Чекарда; 52 – Ярушинское; 53 – у д. Усть-Иргино; 54 – Сасыковское II, Опалихинское, Тохтаревское; 55 – Кишертские I и II; 56 – Стрелка; 57 – Шубинское; 58 – Усть-Мечкинское; 59 – Елские; 60 – Верх-Саинское IV; 61 – Верх-Саинское I; 62 – Пуздринское II.

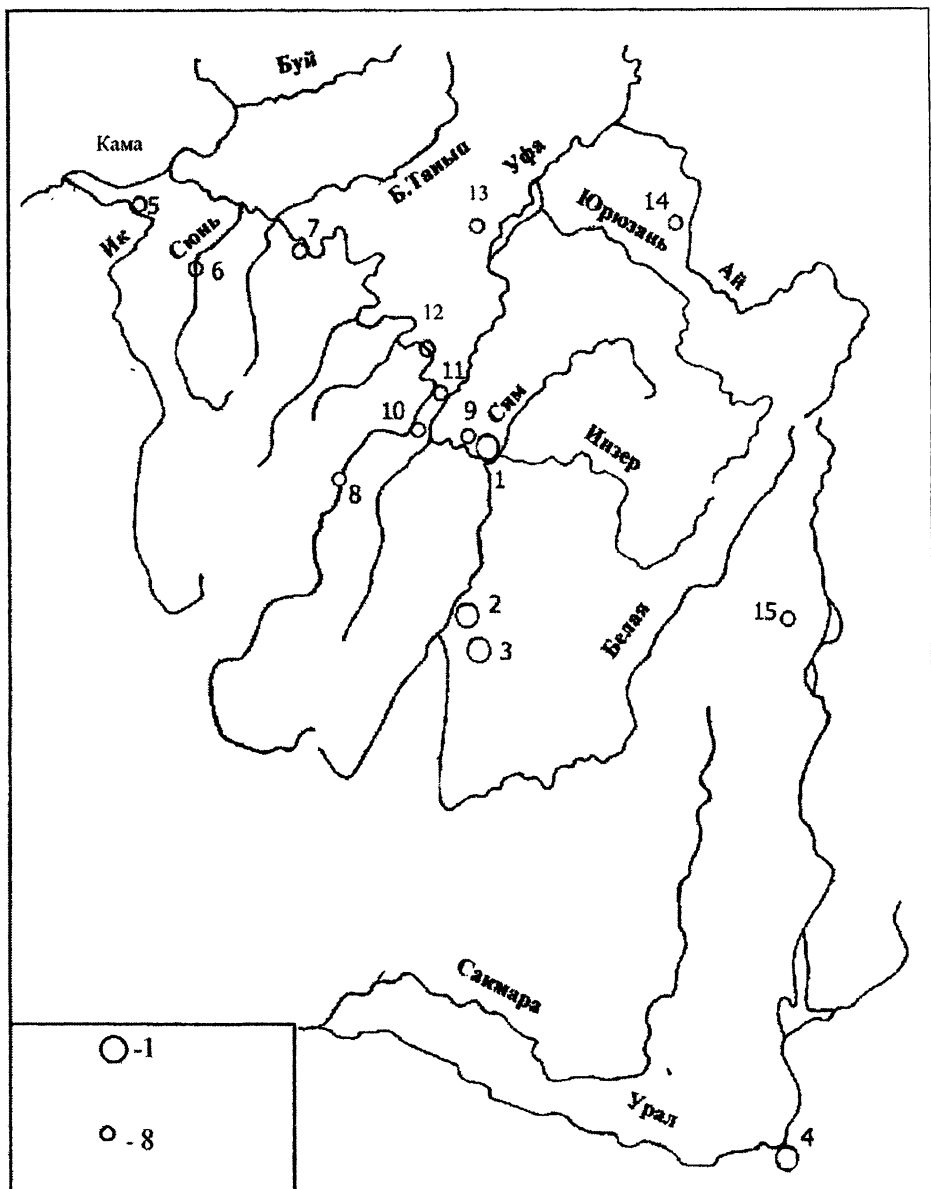
Карта 1. Волго-Уральский регион в конце XII – первой половине XIII вв.

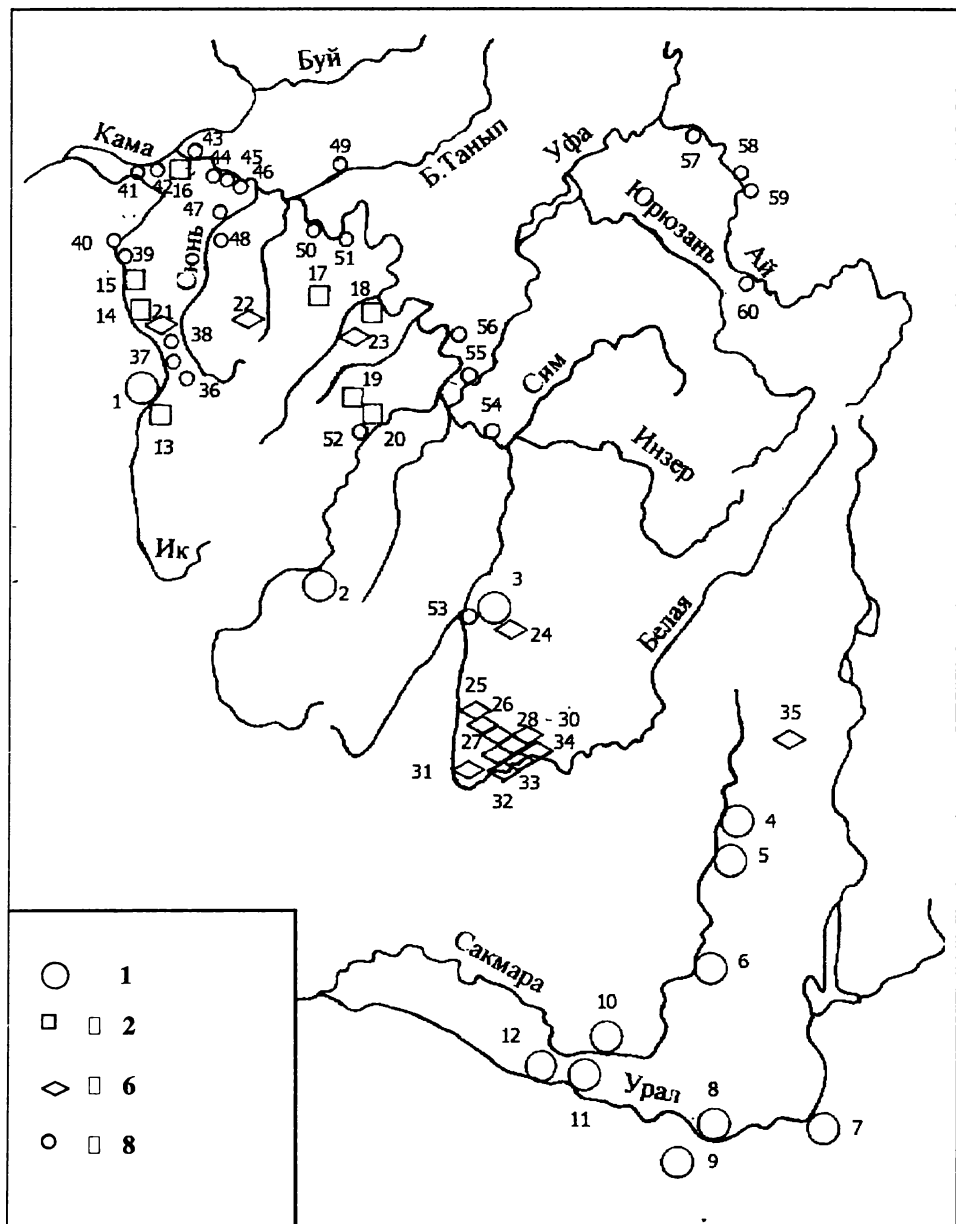
Карта 2. Волго-Уральский регион во второй половине XIII – первой половине XIV вв.

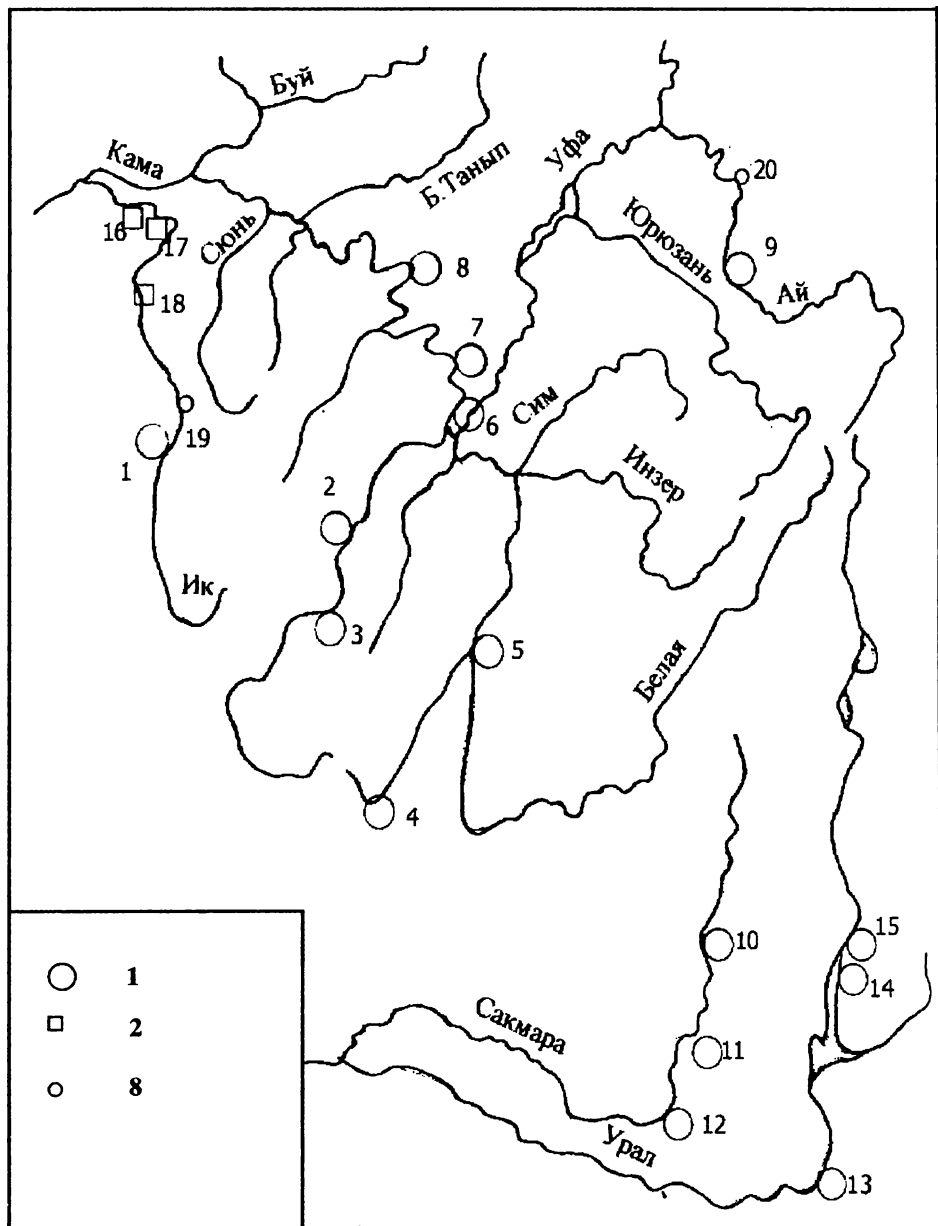
Карта 3. Волго-Уральский регион во второй половине XIV – начале XV вв.

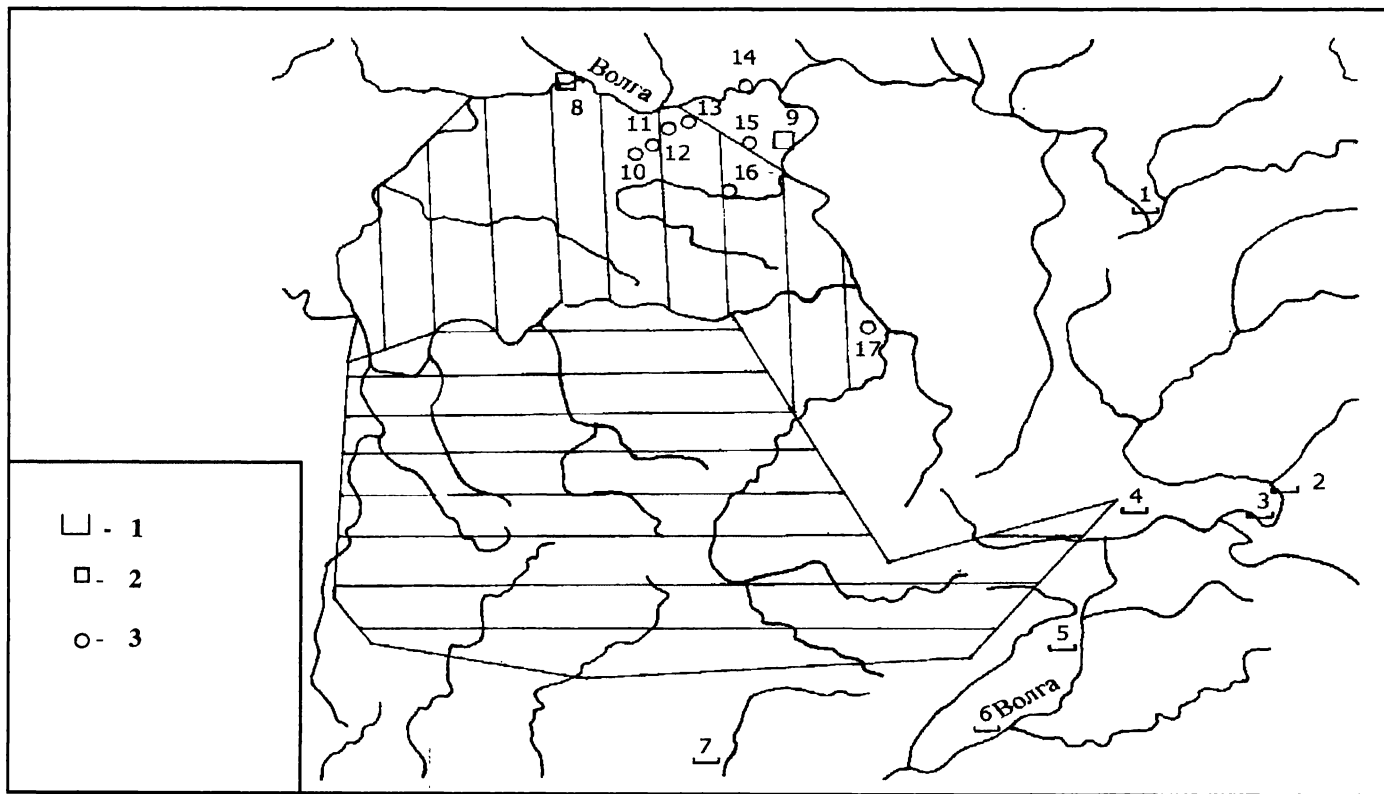
Карта 1А. Южный Урал в конце XII – первой половине XIII в.

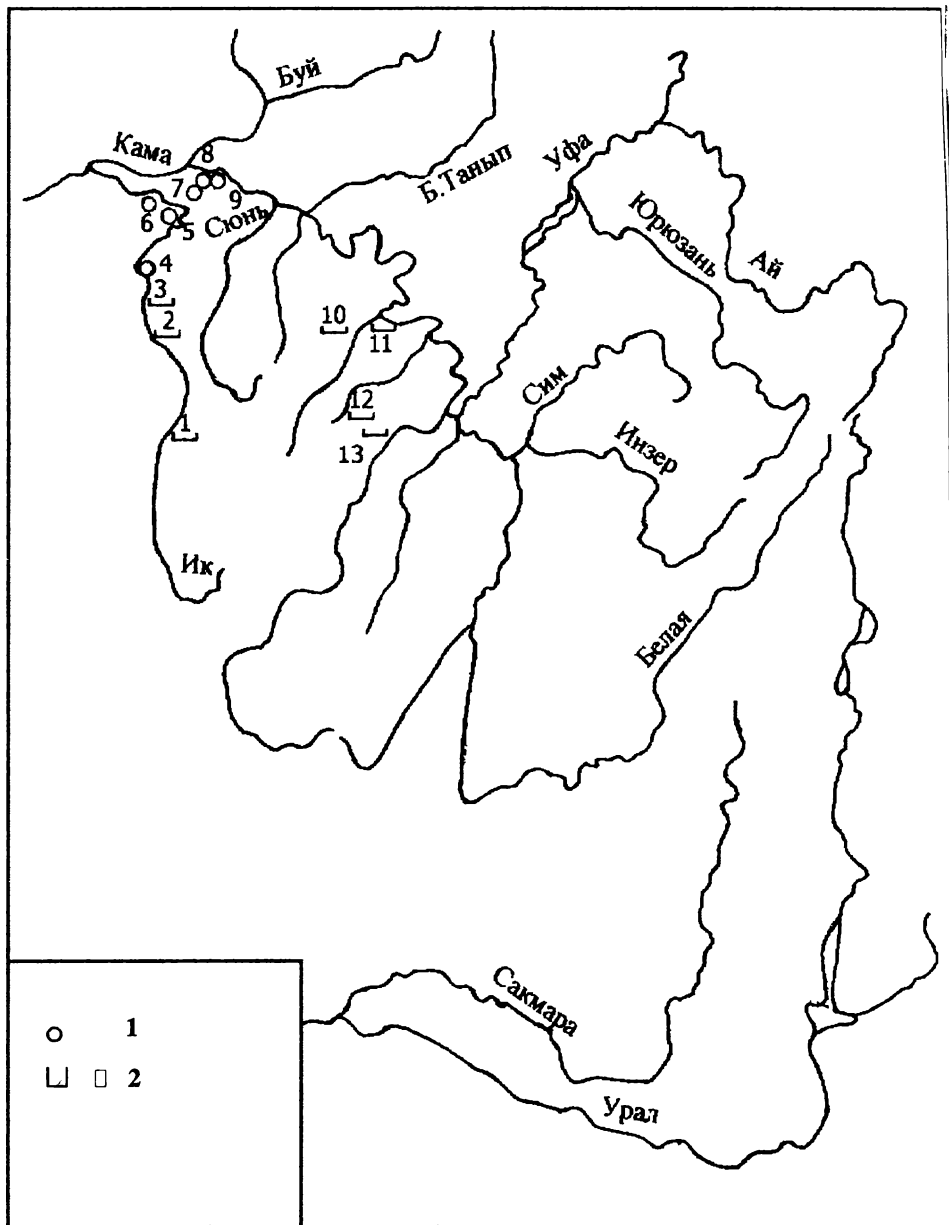
Карта 2А. Южный Урал во второй половине XIII – первой половине XIV вв.

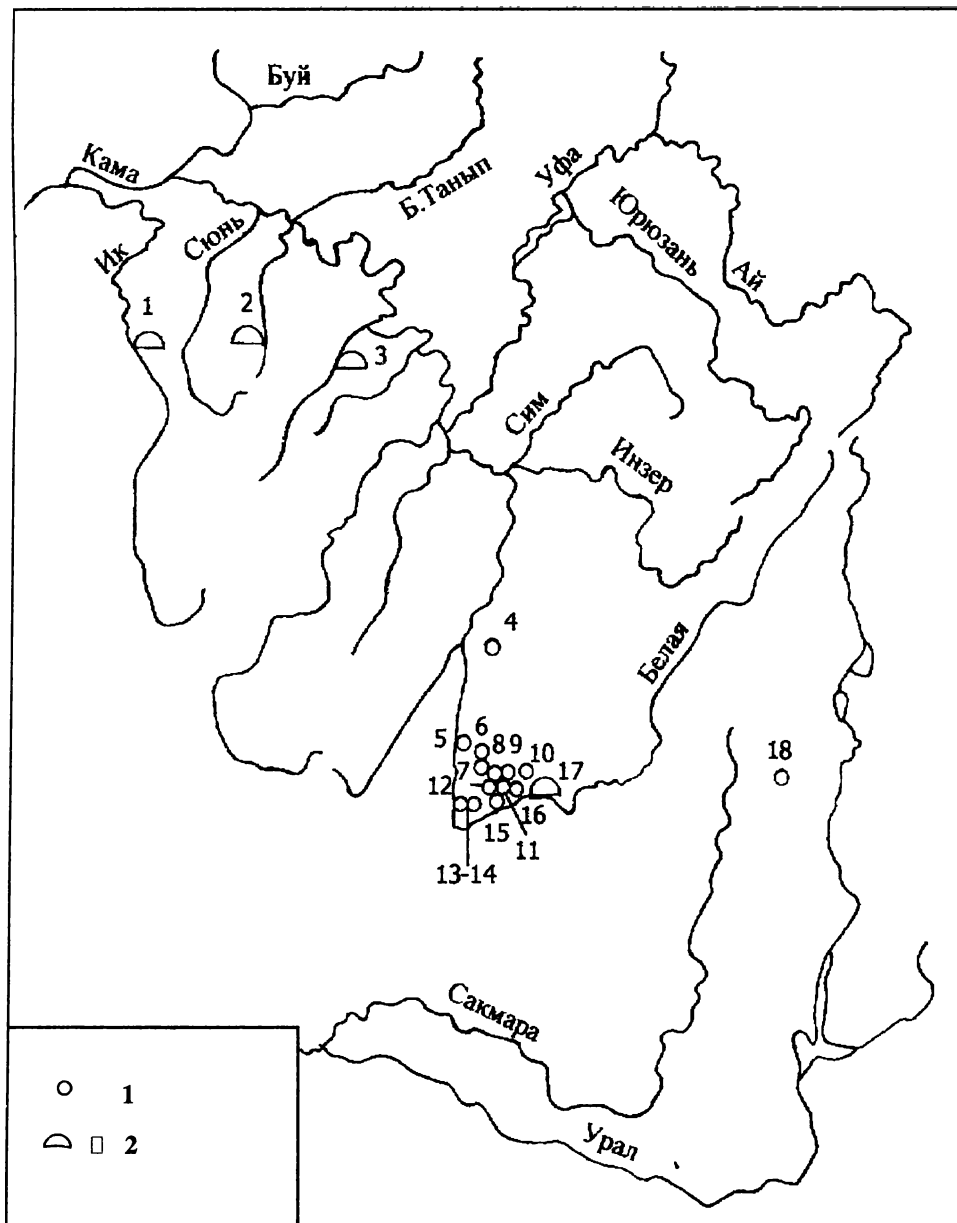
Карта 3А. Южный Урал во второй половине XIV – начале XV вв.

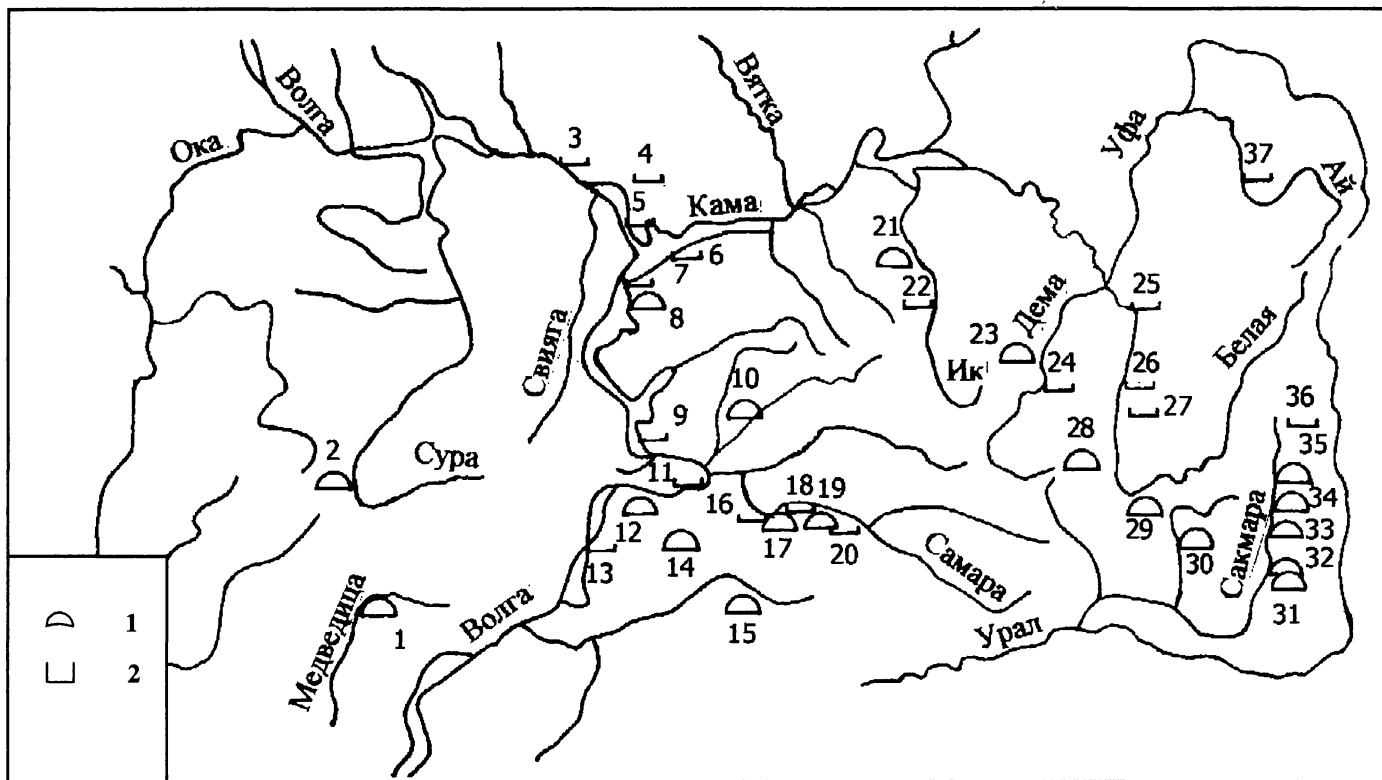
Карта 4. Этническая территория мордовского народа в XIII – XV вв.

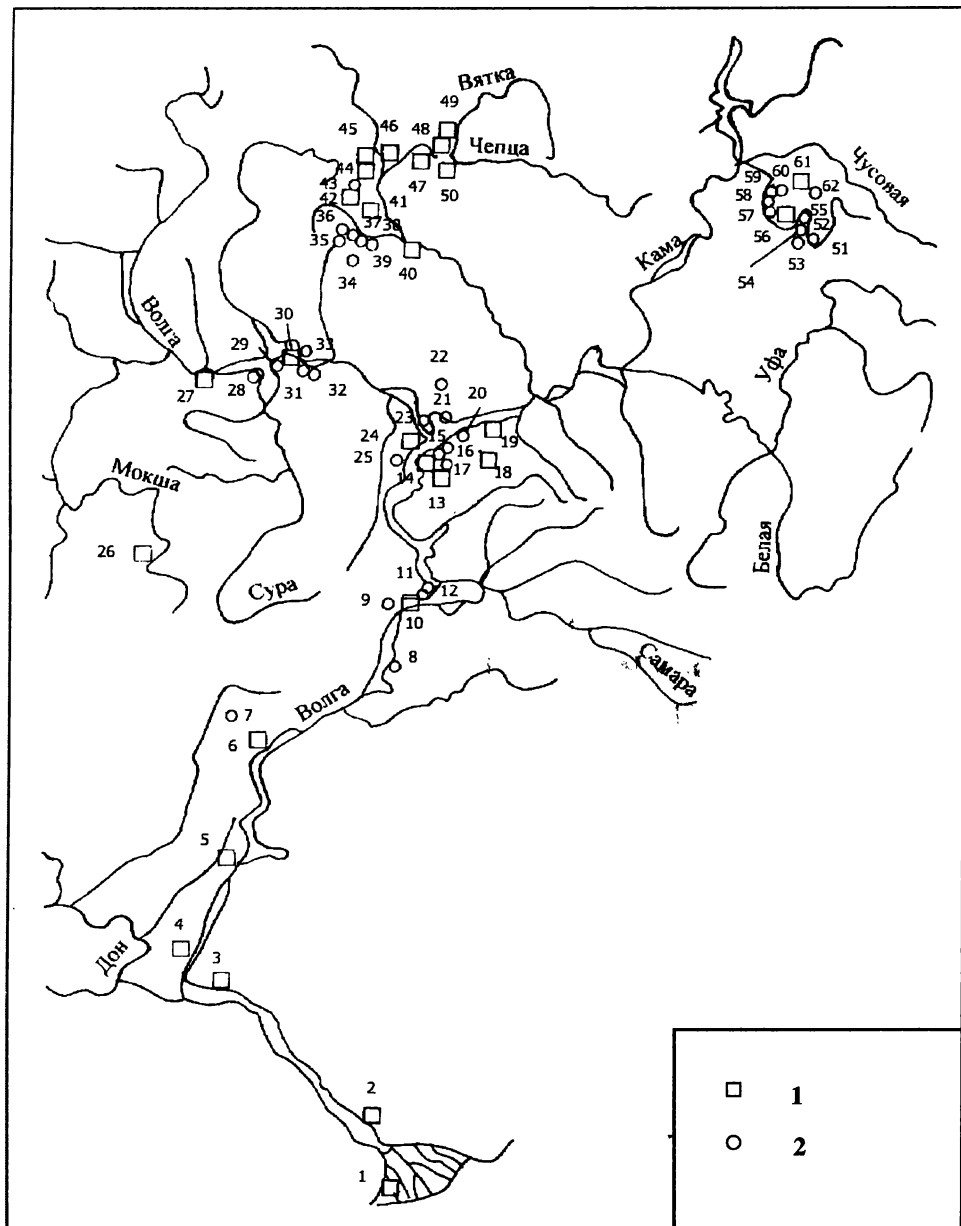
Карта 5. Булгарские памятники XIII – XIV вв.
в Западном Приуралье.

Карта 6. Археологические памятники XIII – XIV вв.,
предположительно связываемые с древними башкирами.

Карта 7. Погребальные памятники степных кочевников в волго-уральской лесостепи.

Карта 8. Пункты расселения славянского населения
в Волго-Уральском регионе.

Научное издание

Антонов Игорь Владимирович

**ЭТНИЧЕСКАЯ ИСТОРИЯ
ВОЛГО-УРАЛЬСКОГО РЕГИОНА
В XIII – НАЧАЛЕ XV ВВ.
(историко-археологическое исследование)**

Печатается в авторской редакции

Компьютерная верстка И.В. Кучумова

Подписано в печать 22.06.06. Формат 60x84 1/16. Бумага офсетная.
Гарнитура «Georgia». Печать на ризографе. Тир.150. Зак. 319-И.
Отп. в тип. РА «Информреклама», 450078, г. Уфа, ул. Ветешникова, 97. Тел. (3472) 533-777.
E-mail: informreklama@ufanet.ru.

*Picturae hae nobis
habitus incolarum
vulgo Samoiedes ap-
pellantur sunt ac in*

SIBERIA

LAGVS

IVGORIA

HORDA

*Tatarsi gens vaga
saeculis illustri
quidamur*

DA

TARTARIA